

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт истории СССР

Н.Н.Улащик

Введение в изучение
БЕЛОРУССКО-
ЛИТОВСКОГО
ЛЕТОПИСАНИЯ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. И. БУГАНОВ

МОСКВА • «НАУКА» • 1985

Монография посвящена истории находок, публикаций и критического изучения всех известных в настоящее время белорусско-литовских летописей. Особенно много внимания уделено Супрасльской летописи и хронике Быховца. Специальный раздел посвящен выявлению летописных источников хроники М. Стрыйковского в той части, которая содержит историю Великого княжества Литовского. Одно из центральных мест занимает раздел, касающийся происхождения и содержания легендарной части летописей. Впервые в литературе освещается вопрос о городских хрониках, созданных в разных городах Белоруссии в XVII—первой половине XIX в.

Рецензенты: М. Е. БЫЧКОВА, В. А. ЧЕМЕРИЦКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Белорусско-литовскими называются летописи, в которых изложена история Великого княжества Литовского и которые написаны на территории этого государства. {

Первоначально такие летописи назывались только литовскими. Однако О. М. Бодянский, обнаружив в 1846 г. летопись, получившую название летописи Рачинского, высказался, что их следует называть «белорусскими о Великом княжестве Литовском»¹. Это название не прижилось, и несколько времени спустя Н. И. Костомаров, учитывая (как и Бодянский) язык, назвал эти летописи белорусскими { Подобное название, длительное время не имевшее сторонников, возродилось в недавнее время². Скептически к названию «литовские» отнесся Е. Ф. Карский, озаглавивший одну из своих работ «О языке так называемых литовских летописей»³. Против прилагательного «литовские» был и А. А. Шахматов, называвший их «западнорусскими»⁴. Порой случалось, что один и тот же исследователь в одной и той же работе называл летописи то литовскими, то литовско-русскими. Так, И. А. Тихомиров, озаглавивший свою статью «О составе западнорусских, так называемых литовских летописей», в тексте называл их то литовскими, то литовско-русскими⁵. В последнее время Р. К. Батура и В. Т. Пашуто предложили называть их летописями Великого княжества Литовского⁶. В целом их чаще всего называют или литовскими, или западнорусскими.

Почти так же долго выработывались и названия для каждой из летописей в отдельности. Так, первую из найденных летописей называли то литовской, то летописью Даниловича, а в конце концов за ней закрепилось название по месту нахождения — Супрасльская. Вообще же летописи называются или по месту, где они были найдены

¹ Бодянский О. М. О поисках моих в Познанской публичной библиотеке. — ЧОИДР, 1846, № 1, с. 7.

² Костомаров Н. И. Лекции по русской истории. СПб., 1861, ч. 1, с. 35.

³ Чамарыцкі В. А. Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Мінск, 1959.

⁴ Карский Е. Ф. О языке так называемых литовских летописей. — В кн.: Карский Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962, с. 208—249.

⁵ Шахматов А. А. Записка о западнорусских летописях. — ЛЗАК. СПб., 1901, выт. 13, с. 41.

⁶ Тихомиров И. А. О составе западнорусских, так называемых литовских летописей. — ЖМНП, 1901, № 3, 5.

⁷ Батура Р. К., Пашуто В. Т. Культура Великого княжества Литовского. — Вопр. истории, 1977, № 4, с. 113.

(Ольшевская, Супрасльская, Слуцкая, Виленская), или по фамилиям владельцев (Красинского, Рачинского), хотя применяются и смешанные: «Рачинского, или Познанская», «Слуцкая, или Уваровская».

Когда создание летописей Великого княжества Литовского прекратилось, в Белоруссии около середины XVII в. начали писать городские хроники. Это был последний этап летописания. В настоящее время известны три хроники могилевские (Т. Р. Сурты и Трубницких, игумена Ореста, включающая в себя анонимную), витебская Панцырного и Аверков, отца и сына, и анонимная Слуцкая.

Если взять за исходное публикацию И. Н. Даниловичем Супрасльской летописи (1823—1827 гг.)⁹, то окажется, что издание и изучение белорусско-литовских летописей продолжается почти 160 лет. Срок весьма основательный; однако сделано в этой области очень немного.

В работе Р. П. Дмитриевой¹⁰ зарегистрированы издания летописей на русском, украинском и белорусском языках и исследования о них до 1959 г. — более 2 тыс. названий. Из них на белорусско-литовские летописи приходится около 50, в том числе примерно в 20 работах белорусско-литовские летописи рассматриваются в связи с изучением каких-то иных летописей. Что касается изданий (включая т. XVII ПСРЛ), в которые включены тексты всех известных в начале XX в. белорусско-литовских летописей (за исключением Румянцевской), то их немногим больше десяти.

Несколько более интенсивно изданием и изучением белорусско-литовских летописей стали заниматься в последние годы. В библиографии за 1960—1972 гг. (является продолжением книги Р. П. Дмитриевой), составленной А. Н. Казакевичем¹¹, исследований, касающихся белорусско-литовских летописей, учтено примерно 25.

После 1972 г. вышли в свет т. XXXII и XXXV ПСРЛ, в которых помещены белорусско-литовские летописи¹², а также несколько исследований работ по той же теме. В общем, успехи в деле изучения белорусско-литовских летописей и в последние годы невелики.

Недочетом существующей литературы является прежде всего то, что в ней отсутствует «начало» (оно есть, но в крайне урезанном виде), т. е. не осуществлен учет летописей, не сделано их полное описание, не указан (на сегодняшний день) точный «адрес», не всегда сообщено, в каком городе, в какой библиотеке или архиве хранится рукопись и где она находилась ранее, не всегда сказано, какими правилами подготовки текстов руководствовались редакторы, публикуя ту или иную летопись. Таким образом, источниковая база, на которой основаны наши знания об истории страны, изучена мало. А между тем занимающийся изучением летописей (как и других источников) должен знать, насколько точно передан в издании текст рукописи. Кроме

⁹ Улащик Н. Н. Открытие и публикации Супрасльской летописи. — В кн.: Летописи и хроники, 1976 г. М., 1976, с. 203—214.

¹⁰ Дмитриева Р. П. Библиография русского летописания. М.; Л., 1962.

¹¹ Казакевич А. Н. Советская литература по летописанию (1960—1972 гг.). — В кн.: Летописи и хроники, 1976 г., с. 294—356.

¹² ПСРЛ. М., 1975, т. XXXII; М., 1980, т. XXXV.

того, не зная происхождения памятника, не изучив произведения, находящиеся в одном сборнике с летописями (а почти все белорусско-литовские летописи составляют часть сборников, в которых помещены разнообразные материалы исторического, религиозного или художественного характера), нельзя основательно решить вопрос об истории летописи. Отмечая это, мы не хотим сказать, что в предлагаемой работе все эти вопросы решены, но они, во всяком случае, поставлены.

В литературе имеются данные лишь о летописях Красинского, Рачинского, Слуцкой и Быховца — где и когда была обнаружена та или иная рукопись. В результате мы не знаем, кто был составителем летописи, по чьему заказу она создавалась или переписывалась, какими источниками располагали составители (или переписчики) этих произведений, путь, которым летописи попали в хранилища, где они находятся сейчас, и т. д.

Все сказанное касается тех летописей, которыми мы располагаем сейчас. Можно не сомневаться в том, что мы никогда не сможем установить точно, сколько и какие летописи имелись когда-то, однако кое-что в этом направлении сделать можно, свидетельством чего является работа А. И. Рогова²² и др.

И. Н. Данилович утверждал, что во времена Сигизмундов (1506—1572) в Великом княжестве Литовском осуществлялось массовое переписывание летописей, ссылки же на источники, подтверждающие это, в его работе нет²³. Вполне возможно, что ему об этом сообщил И. Онацевич, которого И. Н. Данилович считал самым крупным специалистом по истории Великого княжества²⁴, но из работ Онацевича почти ничего не сохранилось. Что же касается условий для сохранения рукописей в эпоху после Сигизмундов, то они были до крайности неблагоприятны.

В Белоруссии до конца XVI в. почти все монастыри были православными, позже большинство из них стало униатскими, кроме того, было создано много католических. Борьба, разгоревшаяся между православными, с одной стороны, униатами и католиками — с другой, привела к тому, что масса рукописей, писанных кириллицей и хранившихся в монастырях, была уничтожена, масса документов погибла независимо от того, на каком языке и каким шрифтом они были написаны. Еще больше книг и рукописей погибло во время бесконечных войн.

В настоящее время не существует ни одной работы, в которой сообщалось бы, какие монастыри были в разное время в Белоруссии и какими ценностями (книгами, иконами, утварью, облачением и т. д.) располагал тот или иной монастырь.

Так же и в отношении крупных феодалов. Известно, что во владениях Ходкевичей, Слуцких, Сапег, Огинских и других феодалов находились громадные собрания рукописей, книг и вообще культурных

²² Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966.

²³ *Danilowicz I. Wiadomość o właściwych litewskich latopiscach.* — In: Strykowski M. *Kronika polska, litewska, śródka i wszystkiej Rusi.* Warszawa, 1846, cz. 1, s. 34—35.

²⁴ Об Онацевиче см.: Улащик Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973 с. 34—35.

ценностей, но что хранилось у них точно, нам неизвестно. Самыми крупными собраниями располагали Радзивиллы, к которым перешли все собрания князей Слуцких, но работ, в которых было бы осыщено культурное значение хотя бы Несвижа, «столицы» Радзивиллов, нет.

Нами названы фамилии самых крупных феодалов, но многие менее значительные феодалы, даже из среды средней и мелкой шляхты, тоже имели архивы, нередко очень богатые, в которых хранились и летописи. Примером тому служат имена Могилевцы Быховца и Ольшэво Хоминских.

Летописи, которые имеются в нашем распоряжении, далеко не всегда сохранились полностью: во многих из них недостает то начала, то конца, а иногда и середины. Уяснить, что утрачено, можно частично путем сопоставления текстов отдельных летописей, а для определения, какие летописи (сверх имеющихся сейчас) были в XVI в., больше всего дают польские хроники и главным образом хроника Мацея Стрыйковского¹⁵.

Ряд белорусско-литовских летописей начинается с легендарного сказания о прибытии 500 семей знатных римлян во главе с Палемоном из Италии в Литву. Об этой легенде написано немало, однако до настоящего времени не решен вопрос, когда и кем она создана, не уяснено, как она изменялась (в разных летописях легенда изложена неодинаково), неизвестен и процесс включения ее в летописи, содержащие вполне реальные данные.

Вопросу заимствования Стрыйковским летописных известий, как и вопросу о происхождении и эволюции легенды, в нашей работе отведены специальные главы.

Относительно много внимания в монографии уделено последнему этапу белорусско-литовского (вернее, чисто белорусского) летописания — городским хроникам, ведь это наименее изученный этап летописания. Например, самое крупное и содержательное из этих произведений — Могилевская хроника — издано лишь в переводе (она написана по-польски)¹⁶; к тому же, перевод сделан с сокращенного варианта и недостаточно квалифицированно. В довершение всего Н. Г. Гортынский, не знавший о существовании полного списка хроник, приписал авторство Александру и Михаилу Трубицким, хотя на самом деле это произведение начал писать Т. Р. Сурта, продолжал Ю. Трубицкий, а участие Александра и Михаила Трубицких было второстепенным. Сурта, который в предисловии Гортынского выглядит как лицо почти легендарное, продолжает жить в этом звании до последнего времени. В нашей работе сделана попытка

¹⁵ *Strzykowski M. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi... w Królewcu 1582.* Пользуемся вторым изданием этого труда: *Strzykowski M. Kronika... Warszawa, 1846, cz. 1, 2.* (Далее: Хроника; римскими цифрами указывается часть, арабскими — страница).

¹⁶ Хроника белорусского города Могилева. Собранный и писанный Александром Трубицким, регентом Могилевской магдебургии, во второй половине XVIII в., а в первой половине XIX в. продолженная его сыном губернским секретарем Михаилом Трубицким / Переведена с польского... Николаем Гортынским. — ЧОИДР, 1887, кн. 3, отд. 1, с. 1—142. Есть и отдельный оттиск.

уяснить, кем были Сурта и Трубинские, а также историю создания могилевской хроники в целом. Полностью отсутствуют исследования, касающиеся «Записок» игумена Ореста. Все, что известно о самом авторе и его работе, основано на кратких сообщениях Ф. Г. Елеонского — редактора т. II «Археографического сборника документов»¹⁷. Витебской летописи Панщырного и Аверки повезло больше: она издана в оригинале и в переводе (написана на польском языке, переведена на русский)¹⁸, однако исследований о ней нет. Что касается Слуцкой (не летописи, а хроники), то она вообще была неизвестна¹⁹.

Отсутствие литературы о названных памятниках в какой-то мере объясняется их «молодостью» — это произведения поздние, тогда как исследователи в первую очередь изучали и изучают наиболее древние. Другая причина, притом гораздо более основательная, заключается в крайне слабом знании истории Белоруссии вообще. Наличие летописей или хроник не только показывает культурный уровень города, селения, страны в целом, но и отражает многие стороны жизни своего времени вообще.

Городские хроники отличаются от предыдущих прежде всего тем, что они посвящены почти исключительно событиям, происходившим в своем городе или вообще в своей местности. Кроме того, они написаны или на польском, или на русском языках, тогда как предыдущие писались или на древнерусском, или на старобелорусском.

Учитывая, что о городских хрониках литература отсутствует, данные о их поисках и изданиях помещены не в главе второй, как о летописях, а в пятой, содержащей вообще все известия, касающиеся этих хроник.

В целом данная монография посвящена разным вопросам, но ни один из них не решен сколько-нибудь полно. Слишком много возникает вопросов, связанных с летописанием, и слишком мало исследована история Белоруссии и Литвы, чтобы можно было написать относительно полную обобщающую работу по этой теме. Поэтому, с точки зрения автора, предлагаемое исследование представляет собой лишь введение в дело изучения названного вопроса.

В монографии рассматриваются летописи и хроники. В чем между ними разница? Вообще, считается, что летописи — это произведения, в которых события описываются по годам (этатам), откуда и название. Хроники же представляют собой связанные рассказы за какой-то отрезок времени, не обязательно в хронологической последовательности, а иногда и вообще без указания лет. Однако белорусско-литовские летописи и хроники под эти определения не подходят. На-

¹⁷ Археографический сборник документов, относящихся к истории северо-западной Руси. Вильна, 1867, т. II, с. IX—X.

¹⁸ В оригинале летопись Панщырного и Аверки впервые напечатана в Киеве: Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный Комиссией для разбора древних актов. Киев, 1888, с. 213—236. Вторично летопись напечатана в ПСРЛ, т. XXXII (М., 1975, с. 193—206). На русский язык летопись переведена А. П. Салуновым: Витебская старина. Витебск, 1883, т. I, с. 455—475.

¹⁹ Рукопись хроники находится в Библиотеке Чарторыйских в Кракове (Специальный отдел, № 148, л. 529—534).

пример, в старейшей летописи — Супрасльской — часть, содержащая описание событий, происходивших в Великом княжестве Литовском, озаглавлена «Летописець великих князен литовских», но изложение там ведется в виде рассказа без указания годов, т. е. имеет вид хроники. Обозначение «Летописи» для всех произведений, включенных ранее в т. XVII, а сейчас в т. XXXV ПСРЛ, дано публикаторами независимо от того, как они именовались в рукописи. Название «Хроника Быховца» дано ее первым издателем Т. Нарбутом; оно и закрепилось в литературе, хотя по своему характеру эта хроника почти не отличается, скажем, от летописи Рачинского.

Издание двух томов белорусско-литовских летописей и написание исследования о них заняло немало лет, в течение которых ряд лиц оказали нам весьма существенную помощь. Приносим глубокую благодарность В. А. Чемерницкому, приготовившему к печати хронику Быховца и Сурты — Трубницкого и сделавшему ряд замечаний по настоящей монографии, а также сотрудникам институтов истории СССР, славяноведения и балканистики, принимавшим участие в обсуждении рукописи и внесшим ряд полезных предложений: В. И. Буганову, М. Е. Бычковой, Ф. А. Грекулу, В. И. Корецкому, Л. Л. Муравьевой, А. И. Рогову, Б. Н. Флоре, А. Л. Хорошкевич.

Глава первая

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Первым исследователем белорусско-литовского летописания был И. Н. Данилович — профессор Виленского, позже Харьковского, Московского и Киевского университетов.

К этим сюжетам еще раньше обращался А. Л. Шлёцер, но так как в его время еще ни одна белорусско-литовская летопись не была известна, а имелись лишь ссылки М. Стрыйковского на русские или литовские летописи, то Шлёцер полностью отверг возможность их существования. Он исходил в этом случае из предположения, что грамотность (т. е. способность изложить письменно свои впечатления) появляется только с принятием христианства, а так как Литва начала христианизоваться в 1386 г., то лишь с этого времени и возможно было начинать создание своих летописей, тогда как у Стрыйковского ссылки на них давались за гораздо более раннее время. Под Литвой Шлёцер понимал не только собственно Литву (Литву этнографическую), но все Великое княжество Литовское, упуская из вида, что к моменту христианизации Литвы в состав Великого княжества входили вся Белоруссия и большая часть украинских земель, где письменность существовала уже столетия. Кроме того, Шлёцер под литовскими понимал памятники, писанные на литовском языке, а так как подобных летописей действительно не было, то это и служило как бы подтверждением его взглядов¹.

Данилович был по сравнению со Шлёцером в более выгодном положении, так как сам нашел и опубликовал первую летопись, содержащую данные по истории Великого княжества Литовского, — Супрасльскую. В 1838 г. Нарбут сделал палеографическое описание хроник Быховца и дал ряд ссылок на этот источник². Располагая такой бедной источниковой базой, Данилович написал свое исследование о летописях. Эта небольшая по объему (около двух печатных листов) работа оказалась очень емкой по содержанию³.

Данилович привел о Супрасльской летописи такое количество и настолько обоснованных соображений, что они в ряде случаев не потеряли своего значения и до наших дней; вместе с тем его высказывания о языке летописей полны противоречий.

¹ Улащик Н. Н. Открытие и публикации Супрасльской летописи. — В кн.: Летописи и хроники, 1976 г. М., 1976, с. 203.

² Narbutt T. Dzieje starożytne narodu litewskiego. Wilno, 1838, t. III, s. 578.

³ Данилович И. О литовских летописях. — ЖМНП, 1840, № 11, с. 70—114.

Поскольку и после находок Даниловича и Нарбута основным источником знаний о летописях Великого княжества оставалась «Кроника» Стрыйковского, то Данилович в дальнейшем главное внимание уделил этой работе, стараясь уяснить, какими источниками пользовался хронист на всем протяжении своего труда, сосредоточив внимание на тех, которые Стрыйковский называл русскими или литовскими летописями.

Напечатав первую работу о летописях по-русски, Данилович, видимо, учитывая, что интерес к этим летописям был сильнее всего у тех, кто читал по-польски (и кто часто не знал русского), в 1841 г. опубликовал перевод статьи на польский⁴. Автор отметил, что в перевод внесены некоторые изменения. Действительно, в польском тексте местами изменены формулировки, а также порядок следования некоторых параграфов. Главное же заключается в том, что в переводе заострен полемический тон в тех местах, где Данилович выступает против Шлёцера и Крашевского, которые отрицали наличие летописей, написанных в Великом княжестве Литовском самими жителями этого государства.

Спустя еще пять лет, в 1846 г., та же работа под тем же названием была напечатана как бы в качестве введения ко второму изданию «Кроники» Стрыйковского⁵.

Учитывая, что во всех трех статьях Даниловича помещен в общем один и тот же текст, они рассматриваются здесь как одно произведение.

Русский текст работы начинается с анализа источников, на основании которых Стрыйковский писал о начальном периоде литовского народа, и содержит утверждение, что этими источниками была летопись епископа Христиана («Нет сомнения, что историки XVI в. почерпали первоначальные описания прусаков и сродных им литовцев из летописи первого прусского епископа Христиана, который жил в начале XIII ст.»⁶). Позже она затерялась, и проверить точность использования ее Стрыйковским для Даниловича оказалось невозможным.

Стрыйковский сообщал, что он пользовался четырьмя ливонскими хрониками, однако не называл их. Данилович, проанализировав его данные и литературу о ливонских хрониках, пришел к выводу, что Стрыйковский пользовался не четырьмя, а тремя хрониками: Генриха Латвийского, Альнпека и «Первой ливонской хроникой»; что собой представляла четвертая хроника и пользовался ли ею вообще Стрыйковский, Даниловичу установить не удалось⁷.

⁴ *Danilowicz J. Wiadomość o właściwych litewskich latopiscach.* — In: Ateneum. Wilno, 1841, t. 6, s. 13—62.

⁵ *Danilowicz J. Wiadomość o właściwych litewskich latopiscach.* — In: Strykowski M. *Kronika polska, litewska, łódzka i wszystkiej Rusi.* Warszawa, 1846, cz. 1, s. 31—63. Ссылки на «Wiadomość» даны по тексту, помещенному в «Кронике».

⁶ *Данилович И.* Указ. соч., с. 70.

⁷ Там же, с. 76—80. Очевидно, хроника Альнпека — это рифмованная хроника (*Livländische Reimchronik* / Ed. L. Meyer. Pödeborn, 1876). См.: *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959, с. 134.

Историю Литвы Стрыйковский начинает с изложения легенды о бегстве предков литовской шляхты из Италии в Литву, причем он приводит две версии этого события по двум летописям. Сам хронист оценивал эти летописи очень высоко, утверждая, что «Литва и Самогития (Жемайтия.— *Н. У.*) искони пользуются ими как достоверными летописями»⁸. Того же мнения придерживался и Данилович, писавший, что история Литвы основана Стрыйковским «преимущественно на двух чисто литовских летописях, из соединения коих [он и] составил свое сочинение»⁹. О первой из них Стрыйковский не сообщил ничего, вторую же он получил в пользование у князей Заславских — владельцев селения Великая Берестовица (сейчас в Брестской обл. БССР). Исходя из неполных и неясных данных Нарбута о хронике Быховца, Данилович пришел к выводу, что летопись, которая была получена Стрыйковским у князей Заславских, оказалась впоследствии у Быховца и поэтому стала называться хроникой Быховца. «Смело и с убеждением,— писал Данилович,— утверждаю, что эта летопись (Быховца.— *Н. У.*) есть именно та самая, которая названа Быховцем и которой лучше и полнее по удостоверению Т. Нарбута Стрыйковский не видел и не имел»¹⁰. Данилович был настолько уверен в этом, что даже предложил переименовать ее в Заславскую. Когда же хроника Быховца была опубликована полностью и оказалось возможным сверить ее с теми местами летописи Заславских, на которые ссылался Стрыйковский, то между хроникой Быховца и летописью Заславских было обнаружено так много общего, что одну можно было принять за другую. Лишь после тщательного текстологического анализа, проведенного А. И. Роговым, было доказано, что у Стрыйковского было две или больше очень близких по содержанию летописей, но все же это были разные списки одного и того же произведения¹¹.

Опять-таки, используя данные Нарбута и полемизируя с ним, Данилович попытался восстановить как бы поэтапную историю создания хроники Быховца. Данилович утверждает, что та часть, в которой излагаются события до правления Миндовга, основана частично на народных преданиях, частично на прусских и венгерских хрониках, частично же просто на соображениях автора. Из Волынской (Ипатьевской) и еще каких-то «неизвестных доселе литовских источников и русских летописей», «вероятно, почерпнуты» данные за период правления Миндовга — Гедимина; от Гедимина «из летописи, мной изданной» (Супрасльской.— *Н. У.*), а о времени Казимира и до конца (1506 г.— *Н. У.*) «могут быть произведения самого автора»¹².

Кроме двух основных, у Стрыйковского, согласно его заявлениям, имелись еще две вполне достоверные летописи, находившиеся у грод-

⁸ *Strykowski M. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszyskiej Rusi. Warszawa, 1846, cz. 1, s. 57.*

⁹ *Данилович Н. Указ. соч., с. 80.*

¹⁰ Там же, с. 89—90.

¹¹ *Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966, с. 128, 145, 187 и др.*

¹² *Данилович Н. Указ. соч., с. 94—95*

ненского старосты А. И. Ходкевича. Данилович считал, что это части Вольнской летописи¹³.

Однако Стрыйковский отметил, что у него, кроме четырех вполне достоверных, была еще «хромая» летопись, т. е. путаная, недостоверная (Данилович, исходя из неясных высказываний Стрыйковского, считал, что «хромы» у хрониста было несколько). Из этой летописи Стрыйковский привел цитату на языке оригинала, но польской графикой. Данилович несколько не усомнился в том, что это действительно фраза из летописи XVI в. В ней сообщается, что новогрудский князь Рынгольт после возвращения с победоносной битвы у Могильно в Новогрудок «уробил трех сынов, да нет вядома каковое дело из этих сынов было». В том, что Рынгольт — лицо мифическое, Данилович не сомневался, но язык фразы показывал, что она написана в XVI в. Занимаясь источниками XVI в., Данилович понял, что это действительно отрывок летописи, составленной жителем Великого княжества Литовского, и обрушился на своих противников (Шлёцера и Крашевского) в не совсем вежливой форме. «Пускай же после этого верещат, — писал он, — что краёвцы (жители Великого княжества Литовского. — *Н. У.*) не писали летописей, если подобные, согласно утверждению Стрыйковского, из древности в качестве хроник употребляла Литва — не только были [в Литве] древние летописцы, но [они] всегда по-русски, не по-литовски писали с добавлением литовского акцента»¹⁴.

Стрыйковский в самом начале своей работы утверждал, что все использованные им «хроник» были написаны на русском языке, с чем Данилович полностью соглашался в полемике со Шлёцером и другими исследователями. Языку летописей в работе Даниловича отведен специальный параграф, правда имеющий не совсем вразумительное заглавие: «О литовском языке русских летописей». Этот параграф начинается словами: «Все литовские летописцы написаны по-русски, которые Литва в древности употребляла как хроник» (1). Далее говорится о том, сколь велико было воздействие русской культуры. Согласно концепции Даниловича, Литва была со всех сторон окружена русскими (это неточно, так как литовцы граничили частично с родственными им прусами, частично с поляками, а на севере с предками латышей. — *Н. У.*) и поэтому, хотя в свое время литовцы «возобладали» и подчинили себе русские области, они приняли «язык русский за язык двора, науки, судопроизводства, права, дипломатии; только с его посредством понимали друг друга и писали летописи»¹⁵.

В другом месте Данилович называет язык, на котором написана упомянутая выше фраза о князе Рынгольте, русско-литовским провинциальным наречием¹⁶. Если принять положение, что существовало русско-литовское наречие, да еще провинциальное, то следует говорить и о наличии русско-литовского языка. Но дело не закан-

¹³ Там же, с. 96.

¹⁴ *Danilowicz I. Wiadomość o włościowych litewskich latopisaczach.* — In: Strykowski M. *Op. cit.*, cz. I, s. 38—39.

¹⁵ *Ibid.*, s. 38.

¹⁶ *Данилович Н. Указ. соч.*, с. 97.

чивается и на этом. Обращаясь к той же фразе еще раз, Данилович сообщил, что литовские летописцы употребляли для своих произведений «литовский диалект», каким русские никогда не писали¹⁷. Здесь Данилович хотел подчеркнуть, что русские летописи (московские, новгородские и др.) писались иным языком, чем «литовские»; вместе с тем он говорит уже не об акценте и не о провинциальном наречии, а о диалекте, притом не русском, а литовском. Подчеркивая слово «литовский», Данилович таким образом акцентировал внимание читателей на нем, утверждал, что это не описка, что автор написал именно то, что хотел, что считал верным. Следовательно, соглашаясь со Стрыйковским, что литовские летописи писались на русском языке, Данилович тем не менее утверждает, что они писались и на литовском диалекте и на русско-литовском наречии.

Фраза о Рынгольте заимствована из «хромой» летописи, летопись же эта, по мнению Даниловича, отличалась от «хорошей» не только содержанием, но и языком¹⁸. Однако, когда была найдена летопись Рачинского, а затем и еще несколько летописей, то оказалось, что фраза о сыновьях Рынгольта есть в некоторых из них, и хотя в хронике Быховца («хорошей», основной летописи) сыном Рынгольта назван Миндовг, но язык летописи Рачинского и хроники Быховца почти одинаков (очень близок к разговорному белорусскому). Значит, и хроника Быховца написана не то на литовском диалекте, не то на русско-литовском провинциальном наречии. Вместе с тем, опровергая мнение Нарбута, что хроника Быховца (вернее, ее начало) написана на «краевом» (в данном случае на литовском. — Н. У.) языке, Данилович заявлял: «Для кого и кто писал бы историк *по-литовски*?» Он пояснял, что если бы они и были написаны, то их некому было бы читать, так как неграмотные крестьяне хроник не читают, а кто умел читать, тот, очевидно, не знал литовского языка¹⁹. Данилович явно преувеличивал степень денационализации литовского дворянства (а также, видимо, и мещан), так как во времена «обонх Сигизмундов» это коснулось только верхушки магнатов и в гораздо меньшей степени среднего и низшего дворянства (шляхты).

Чтобы закончить перечисление тех определений, которые давал Данилович языку летописей, добавим, что в одном случае он назвал его русско-польским «с примесью местных припевов»²⁰.

Как все это следует понимать (столько различных мнений по одному и тому же вопросу, притом изложенному автором очень высокой квалификации)?

Всё или почти всё становится понятным, если принять, что Данилович белорусский язык называл литовским. Тогда литовский диалект окажется белорусским диалектом русского языка, тоже с «акцентом», тоже с «провинциальным наречием». Мы знаем, что это не наречие и не акцент, но в эпоху Даниловича белорусов нередко на-

¹⁷ *Danilowicz I. Op. cit.*, s. 38. Подчеркнуто автором. — Н. У.

¹⁸ *Данилович И. Указ.*, соч., с. 98.

¹⁹ *Danilowicz I. Op. cit.*, s. 38. Подчеркнуто автором. — Н. У.

²⁰ *Ibidem*.

зывали литвинами²², а их язык литовским, и даже в конце XIX — начале XX в. стоял вопрос, язык ли это (белорусский) или наречие. Правда, будучи уроженцем Белоруссии (крайнего юго-запада), Данилович, казалось бы, должен был разбираться в языке лучше, чем сказались на самом деле, но поскольку получился так, а не иначе, то можно сказать, что, говоря о языке летописей, автор запутался.

Данилович уделил внимание и еще некоторым вопросам. Так, он считал, что летописи писали «родовитые литвины» (они-то и писали «с припевками». — *Н. У.*). Учитывая неясность его представления о Литве и Руси, нельзя быть уверенным, что он понимал под литовцами этнически²³.

Персонально, по мнению Даниловича, в деле создания хроник Стрыйковского важнейшая роль принадлежала епископу жемайтскому Мельхисру Гедрыцу, у которого, естественно, была «самогитская летопись», послужившая Стрыйковскому основным источником в его труде²⁴. Относительно упреков Стрыйковского летописцам в том, что они писали без дат, Данилович заявлял, что литовские летописцы заимствовали такую форму у польских хронистов, которые писали свои хроники не по годам, а по правлениям королей²⁵.

Естественно, что в своей работе Данилович уделил внимание и той летописи (Супрасльской, по современному названию. — *Н. У.*), которую он нашел и издал, охарактеризовав ее как «чисто литовскую, до того никому неизвестную»²⁶. Впрочем, разницу между «чисто литовской» и «собственно литовской» автор не разъяснил.

На основании отдельных замечаний, помещенных в летописи, Данилович определил, что она написана между 1394 и 1446 г. Публикатор очень высоко ценил найденный им памятник: «Смело утверждаю, что доселе мы не знаем лучшей и даже древнейшей литовской летописи»²⁷.

Заканчивая этот параграф, Данилович еще раз обращался к Шлёцеру со словами: «Следовательно, неосновательны возгласения Шлёцера, что нет и не было летописей старше XV или XVI века, ибо настоящая писана около 1394 г.»²⁸.

Далее Данилович остановился на публикации летописи, тоже находившейся в свое время в Супрасльском монастыре и изданной в 1836 г. М. А. Оболенским²⁹. Заключительный параграф отведен еще одной «литовской летописи» — Сафоновича, не изданной и до наших дней³⁰.

²² Например, в книге «Картины России и быт разнородных ее народов» (СПб., 1839) сказано, что «малороссийский язык... заметно начинает портиться за Черниговым, изменяется в литовский» (с. 313—314).

²³ *Danilowicz I. Op. cit.*, s. 38.

²⁴ *Данилович Н. Указ. соч.*, с. 80, 85.

²⁵ *Danilowicz I. Op. cit.*, s. 39.

²⁶ *Данилович Н. Указ. соч.*, с. 101.

²⁷ Там же, с. 106.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, с. 106—110.

³⁰ Там же, с. 110—113.

Если у Даниловича оказалось так много неверного, то в чем значение его труда? Вообще, имя первого, кто выступает в той или иной области, редко забывается, несмотря на то что после появления его работ наука уходит так далеко вперед, что написанные много лет назад труды кажутся наивными. Однако работы Даниловича сохраняют значение и в наше время, несмотря на некоторые «хромые» положения.

Важнейшее значение трудов Даниловича заключается в том, что он первым, и притом вполне обоснованно, заявил, что Стрыйковский, ссылаясь на источники, лишь передавал то, что имелось в летописях. Затем, работа Даниловича была напечатана в русском журнале и поэтому стала доступной тем, кто не владел польским языком, на котором в то время печаталось большинство работ по истории Великого княжества Литовского, ознакомив таким образом большой (по тому времени) круг читателей с обнаруженными памятниками письменности. Напечатанная на польском, в частности, в виде введения к хронике Стрыйковского, статья облегчила (сделала более понятной) читателям этого труда чтение неясных мест.

• Полемизуя со Шлёцером и Крашевским, Данилович показал, что в Великом княжестве Литовском летописание велось, по крайней мере, с конца XIV в. и что эти труды писал «краёвец». Он указал и на то, что во времена «обонх Сигизмундов» в стране «кружила» масса летописей и что их в то время во множестве переписывали, т. е. что народ интересовался своим прошлым. Что касается языка, то Данилович внес в этот вопрос крайнюю путаницу, не совсем изжитую и в наше время.*

Прошло пятнадцать лет после выхода последней статьи Даниловича, прежде чем появилось новое исследование, в котором данные о белорусско-литовском летописании составляли лишь небольшую часть работы; автором ее был Н. И. Костомаров²⁰. Ко времени появления «Лекций» Костомарова было опубликовано несколько ранее неизвестных летописей: в 1846 г. Т. Нарбут выпустил хронику Быховца²¹, известную прежде только в отрывках; в том же 1846 г. О. М. Бодянский напечатал отрывки из летописи Рачинского²²; в 1854 г. А. Н. Попов опубликовал часть Слуцкой, или Уваровской, летописи²³. Как правило, публикаторы летописи приводили слишком краткие палеографические описания, тем не менее дававшие общее представление об издаваемой ими рукописи.

Костомаров разделил все известные тогда летописи на краткие и полную. К кратким были отнесены Супрасльская и Слуцкая (под краткими понимались только те летописи, которые начинаются с

²⁰ Костомаров Н. И. Лекции по русской истории. СПб., 1861, ч. 1, с. 53—58.

²¹ Pomniki do dziejów litewskich. Wilno, 1846.

²² Бодянский О. М. О поисках мнх в Познанской публичной библиотеке. — ЧОИДР, 1846, № 1, с. 7—11 (отрывки текста и краткие к ним комментарии).

²³ Летопись великих князей литовских / Пригот. к изданию А. Н. Поповым. — Учен. зап. II отд-ния Академии наук, 1854, кн. 1, отдел III; предисловие — с. 21—27, текст летописи — с. 27—58.

перечисления сыновей Гедмина и указания, что каждому из них досталось после смерти отца), к полной — хроника Быховца²⁴.

После выхода «Лекций» Костомарова в изучении белорусско-литовских летописей наступил опять длительный перерыв. Положение было настолько обескураживающим, что в дело вмешалась Академия наук. В объявлении о предстоящем присуждении десятой премии графа Уварова было высказано пожелание, чтобы работа, претендующая на эту премию, была написана о «западнорусских летописях». Далее было заявлено, что, хотя Академия не желает связывать соискателей выбором темы, она «сочла полезным... обратить особенное внимание ученых на два следующие предмета». Затем сообщалось, что «в ряде источников отечественной истории занимают не последнее место западнорусские летописи о Великом княжестве Литовском». Академия выдвигала на решение следующие вопросы, связанные с белорусско-литовским летописанием: 1) время составления летописей; 2) их состав; 3) установление, какие заимствования сделаны из западнорусских летописей как русскими летописцами, так и польскими хронистами²⁵.

На призыв Академии не откликнулся никто, и тогда через два года объявление было повторено²⁶, но результат был прежний. Лишь в 1881 г. И. А. Тихомировым была подана работа, озаглавленная «О составе западнорусских, так называемых литовских летописей», однако в печати она появилась лишь спустя 20 лет, в 1901 г.²⁷

В 80-х годах XIX в. об этих летописях появились небольшие заметки в работах по истории Украины. Так, Н. Молчановский в своем исследовании о Подолии использовал Супрасльскую летопись, хроникку Быховца и ту часть Слуцкой летописи, которая была издана Поповым. С летописью Рачинского Молчановский был знаком по копии, принадлежавшей Антоновичу; о том, что сообщил о ней Бодянский, Молчановский не упоминает. Он считал, что хроника Быховца и Слуцкая летопись местами схожи, а Супрасльская значительно отличается от них. Это неверно, но Молчановский рассматривал источники лишь в части, касающейся Подолии, а так как сведения Супрасльской летописи в этом месте действительно отличаются от данных хроники Быховца, то отсюда и сделан такой вывод²⁸.

Кратко и очень путанно информировал своих читателей о Супрасльской летописи галицийский ученый Е. Огоновский, который сообщал, что эту летопись нашел не Данилович, а Сосновский. Затем князь Семен Одниневиц, по заказу которого была переписана лето-

²⁴ Костомаров Н. И. Указ. соч., ч. 1, с. 53—58.

²⁵ Отчет о десятом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1868, с. 11. Второй «предмет» — это вторая тема, предлагаемая авторам, которые желают участвовать в соискании.

²⁶ Отчет о двенадцатом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1870, с. 23.

²⁷ Тихомиров И. А. О составе западнорусских, так называемых литовских летописей. — ЖМНП, 1901, № 3, 5. Сообщение Тихомирова, что он в 1881 г. получил за это исследование премию Уварова, напечатано им в конце рецензии (на работы И. Шараневича и С. Смольки) в ЖМНП, 1891, № 2, с. 412.

²⁸ Молчановский Н. Очерк известий о Подольской земле до 1434 г. — Университетские известия, Киев, 1883, № 5, с. 2—3.

пись, назван князем Друцким. Огоновский знал лишь издание 1827 г., но ему было неизвестно, что она раньше печаталась в «Виленском дневнике», и т. д.³⁹

В 1885 г. вышли работы украинских историков В. Б. Антоновича⁴⁰ и Н. Дашкевича⁴¹. Они специально летописями не занимались, но, изучая историю Украины, критически проверили данные источников, среди которых белорусско-литовские летописи занимали видное место. Больше всего эти авторы уделили внимания хронике Быховца, причем к свидетельству источника о завоевании Гедиминном Волыни, Киева и Поднепровья они отнеслись весьма скептически.

В 1895 г. по поводу одной из почти обязательных частей летописей — Похвалы Витовту — выступил М. С. Грушевский. Прежде всего он высказался о названии всего их комплекса: «Русские летописи Великого княжества Литовского, — писал Грушевский, — или русско-литовские, так называемые писанные русским языком летописи, имеющие целью изобразить историю Великого княжества Литовского». Эти летописи содержат важные сведения, но мало изучены. Похвала, по мнению Грушевского, имеет характер официальный, ее цель — доказать права Витовта на Великое княжество Литовское⁴².

В 80—90-е годы XIX в. в дело изучения летописей включились польские ученые И. Шараневич⁴³, С. Смолька⁴⁴ и А. Прохаска⁴⁵.

Важнейший вывод Шараневича заключается в том, что центр, где создавались белорусско-литовские летописи (все эти авторы называли летописи только литовскими), был Смоленск. По его мнению, летописи представляли собой своды, составленные в разное время и разными лицами. Шараневич считал, что составители этих летописей до 1446 г. пользовались какой-то старинной летописью, а излага события начала XVI в., привлекали государственные и частные акты, т. е. документы официальные.

Смолька рассматривал свою работу как вступительную статью к будущему изданию под названием «Русские источники о польской истории». Цель этого издания — установить взаимосвязи между польскими, русско-литовскими летописями и хрониками. Основными объектами изучения Смольки были Супрасльская и Слуцкая летописи, причем автора больше всего интересовала разница между ними, что в конечном итоге должно было привести к решению вопроса о

³⁹ Огоновский О. История литературы русской. Львов, 1887, ч. 1, с. 191—194.

⁴⁰ Антонович В. Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885, т. 1, с. 14 и др.

⁴¹ Дашкевич Н. Заметки по истории Литовско-Русского государства. Киев, 1885, с. 13, 14, 42 и др.

⁴² Грушевский М. С. Похвала вел. кн. Витовту. — В кн.: Зап. Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1895, т. 8, с. 1, 4.

⁴³ Szaraniewicz J. O łapisach i kronikach ruskich XV i XVI wieku a zwłaszcza o «Latoписie Wielkiego kniaźstwa Litowskiego i Zomojtskoho». — In: Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń Wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności. Kraków, 1882, t. XV, s. 351—423.

⁴⁴ Smolka S. Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa rusko-litewskiego. Rozbiór krytyczny. — In: Pamiętnik Akademii Umiejętności w Krakowie. Wydział filologiczny i historyczno-filozoficzny. Kraków, 1890, t. VIII, s. 1—55.

⁴⁵ Prochaska A. Latoпис litewski. Rozbiór krytyczny. Lwów, 1890.

том, какими источниками пользовались составители этих летописей. Смолька считал, что основными источниками Супрасльской и Слуцкой летописей были летописи и хроники, составленные в Смоленске, и летописи Великого княжества Литовского; использовались также актовые материалы.

Прохаска полагал, что «так называемая литовская летопись» (т. е. летопись, начинающаяся с перечисления сыновей Гедимина), которая много раз перерабатывалась и дополнялась, не является монолитным произведением, а состоит из двух частей: описательной (связного рассказа общего характера) и отдельных сказаний, вернее отдельных погодных записей. Прохаска подчеркивал, что честь этого открытия принадлежит Смольке.

В 1901 г. появилась работа И. А. Тихомирова, написанная в 1881 г.⁴⁶ По сравнению со временем Даниловича количество опубликованных летописей сильно увеличилось (были изданы летописи Слуцкая, Красинского, отрывок летописи Рачинского, хроника Быховца), но еще оставались неизвестными летописи Ольшевская, Евреиновская, Румянцевская, хроника Литовская и Жмойтская. Тихомиров разделил все известные ему летописи на краткие, переходные и полную. К кратким он отнес летописи Авраамки (в сущности, только тот раздел, который начинается с перечисления сыновей Гедимина и указания на то, что оставлял каждому из них отец), Супрасльскую, Слуцкую. Летописи Красинского и Рачинского, ввиду того что в них содержится легендарное сказание, Тихомиров зачислил в переходные — от кратких к полной. Полной же была им названа хроника Быховца [Тихомиров редко употреблял эти названия, предпочитая такие, как «летопись, изданная Даниловичем» (Супрасльская), «изданная Поповым» (Слуцкая) и т. д.].

Тихомиров считал, что известные ему летописи представляли собой своды, составленные из написанных в разное время и разными лицами небольших произведений. «Таким образом, — пишет он, — краткий свод литовской летописи есть произведение, сшитое из разных мелких составных частей». Части, из которых состоит краткий свод, следующие: 1) запись о борьбе Ягайло с Кейстутом; 2) запись о княжении Витовта и покорении им русских княжеств; 3) Сказание о битве на Ворскле; 4) Повесть о Подолни; 5) Похвала Витовту; 6) Сказание о борьбе Свидригайла с Сигизмундом; 7) погодные записи о Смоленске и Южной Руси⁴⁷.

Далее Тихомировым дается краткое изложение содержания летописей Красинского и Рачинского с указанием, что эти произведения содержат много неизвестных ранее фактов, но особенно пространно изложено содержание хроники Быховца, т. е. «полной» летописи. Автор отмечает, что в ней много легендарного (кроме легенды о прибытии из Италии, легенда о дереве Святого креста, о походе Ольгерда на Москву и др.)⁴⁸. Ряд данных у Быховца (о правлении

⁴⁶ Тихомиров И. А. Указ. соч. — ЖМНП, 1901, № 3, с. 1—36; № 5, с. 70—119.

⁴⁷ Там же, № 3, с. 2, 3, 7, 20.

⁴⁸ Там же, № 5, с. 83, 90.

Миндовга и Войшелка, об убийстве Товтивила) Тихомиров считал заимствованными из Ипатьевской летописи. В то же время в хронике Быхсва находится ряд сообщений, совершенно оригинальных, отсутствующих в других источниках (о борьбе Свидригайла с Сигизмундом, об убийстве Сигизмунда и др.)⁴⁹.

Большой раздел работы посвящен заимствованиям, которые были сделаны польскими хронистами Длугошем, Бельским, Стрыйковским из «литовских летописей». Тихомиров отмечает, что эти заимствования были значительными у Бельского и еще более у Стрыйковского, причем оба порой пользовались летописями, которые нам неизвестны. Он считал также, что все летописи, которыми пользовались названные польские хронисты, представляли собой лишь отдельные редакции одной и той же летописи. Вопреки Даннловичу Тихомиров считал, что Супрасльской летописи у Стрыйковского не было⁵⁰, что, добавив от себя, совершенно справедливо. Сверив летописи с хроникой Стрыйковского, Тихомиров постарался «реабилитировать» этого автора, которого долго укрывали в фантазировании. «Трудно уже говорить,— пишет Тихомиров,— о недобросовестности почтенного каноника, называть его сочинения полубаснословными и недостоинными веры», так как «каноник» передавал лишь то, что было написано в летописях⁵¹.

В 1910 и 1912 гг. вышли две работы польского ученого Яна Якубовского. Первая из них⁵² посвящена сбору летописных источников Стрыйковского, а также истории находок летописей и литературе, касающейся белорусско-литовского летописания (Якубовский называет эти летописи всегда только литовскими). Он отмечает, что у Стрыйковского, который делал так много ссылок на литовские и русские хроники, трудно определить, где оканчивается текст, основанный на одной летописи, и начинается другой, невозможно также установить, чем разнились между собой отдельные летописи, которыми пользовался этот автор. Вместе с тем в работе указано, что все летописи, бывшие у Стрыйковского, начинались с легендарного исхода предков литовской шляхты из Рима.

Якубовский указывает на ошибку Стрыйковского, писавшего, что он был единственным автором, который пользовался летописями как источником для своей работы. В действительности же, говорит Якубовский, уже Ян Длугош использовал ту часть летописи, в которой говорится о борьбе Ягайло и Кейстутом, и почти полностью включил этот отрывок в свою работу; то же сделал и Кромер. Знал летописи и Мартин Бельский. Из более поздних авторов летописями пользовался А. Коялович-Внюк, причем в его распоряжении были источники, Стрыйковскому неизвестные.

Кратко, но с большим знанием дела изложена историография вопроса, причем указаны работы почти исключительно польских

⁴⁹ Там же, с. 90, 105, 117 и др.

⁵⁰ Там же, с. 90.

⁵¹ Там же, с. 117.

⁵² *Jakubowski J. Kroniki litewskie.*— In: *Rocznik towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie za r. 1909.* Wilno, 1910, t. 3, s. 68—77.

авторов. Особо подчеркнуты заслуги Шараневича, установившего, что летописи писались в Смоленске.

В заключение Якубовский отмечает, что в XVI—XVII вв. летописи рассматривались не только как исторические произведения, но и как художественные, а далее в качестве примера он дает в польском переводе рассказ хроникки Быховца о походе Ольгерда на Москву.

Вторая работа Якубовского гораздо больше по объему и несравненно богаче по содержанию²³. Содержание ее значительно шире заглавия, и в основном она посвящена истории летописания в Великом княжестве Литовском. Якубовский был единственным дореволюционным автором, который изучал историю летописания в связи с общим ходом событий в Великом княжестве. Монография начинается с попытки определить место, занимаемое собственно Литвой, т. е. Литвой этнографической, в составе Великого княжества, установить, какой процент территории занимала эта Литва и какую часть населения составляли собственно литовцы. По его расчетам, в XVI в. (очевидно, перед Люблинской унией) территория, заселенная литовцами, занимала примерно 1/4 всего пространства государства, а население составляло едва ли не половину²⁴. Таким образом, по расчетам Якубовского, Литва в середине XVI в. была заселена гораздо плотнее, чем Белоруссия и тем более Украина.

Второй вопрос, изученный автором, касается государственного языка и национального самосознания различных этнических элементов, входивших в состав Великого княжества. Общеизвестно, что Литва, присоединив к себе огромные славянские территории, была языческой и бесписьменной. Естественно, что если у подчиненного народа письменность на своем языке существовала уже сотни лет, то победители приняли его язык. Этот язык Якубовский называет по-разному. Традиционно он называется русским, но в действительности «это был разговорный белорусский, который одновременно с подчинением Руси распространялся среди высшего класса в Литве. Уже во времена Ягайлы, а возможно, и ранее белорусский язык употреблялся двором и литовским боярством»²⁵. Далее он утверждает, что употребляемый в Литве «литовско-русский язык выделился в особый диалект, который, учитывая его первоначальный состав, можно назвать польско-белорусским»²⁶.

²³ *Jakubowski J. Studya nad stosunkami narodowościowymi na Litwie przed Unią Lubelską. Warszawa, 1912.* В монографии отсутствуют историографический очерк и обзор источников. Очевидно, предыдущая работа является как бы вводной главой к монографии.

²⁴ *Ibid.*, s. 6. По исчислениям современных исследователей, в 1341 г. собственно литовская территория относилась к белорусско-украинской как 1 : 2,5, т. е. составляла примерно 28%; в 1430 г., в период наибольшего распространения государства, собственно литовская земля относилась к остальной как 1 : 12, т. е. примерно 8%, и к моменту Люблинской унии — как 1 : 7, т. е. около 13% (*Батура Р. К., Пащито В. Т. Культура Великого княжества Литовского. — Вопр. истории, 1977, № 4, с. 95*).

²⁵ *Jakubowski J. Studya...*, s. 12.

²⁶ *Ibid.*, s. 14.

Национальный вопрос в Литве и отчасти в Белоруссии в начале XX в. принимал острые формы. Среди литовского населения быстро нарастал протест против польского национального засилья. Работа Якубовского (который ни словом не упоминает об этом), очевидно должна была ответить на ряд важных вопросов современности.

Говоря о начальном этапе литовского летописания, Якубовский отмечает, что первое произведение летописного характера было создано в 1398 г. в окружении Витовта. В переводе на латинский язык оно сохранилось в Коронной метрике⁴⁷. (Сейчас оно называется *Origo regis*.) Следующий этап представлен описанием войны между Свидригайло и Сигизмундом Кейстутевичем. Писал эту работу сторонник Свидригайло, который, однако, критически относился к некоторым действиям своего князя (казнь князя Гольшанского, сожжение митрополита Герасима)⁴⁸. В целом же войну описал «русин», сепаратист, мечтавший оторвать Русь (разумеются белорусские и украинские земли) от Литвы⁴⁹. Дальнейшие летописные работы, тоже писанные «русскими», были уже проникнуты пролитовскими чувствами. Это Похвала Витовту и Повесть о Подолии. Привилей Сигизмунда 1434 г., дававший русским боярам равные права с боярами литовскими, вел к сближению представителей высшего класса разных национальностей между собой, в то же время отношения с Польшей в связи с избранием великого князя Казимира королем польским сильно обострились. Дальнейшие этапы летописания отражают смену обстановки.

На период правления Казимира приходится появление первого литовско-русского свода, написанного в Смоленске, который к тому времени стал интеллектуальным центром Литовской Руси (Белоруссии и Украины.— *Н. У.*)⁵⁰. Хронику Быховца, по мнению Якубовского, составлял участник битв под Ведрошью и Клецком⁵¹. Он знал обстановку при дворе, но документами двора не пользовался. Происходил составитель, всего вероятнее, из окрестностей Слуцка или Новогрудка. «Временами создается впечатление,— пишет Якубовский,— что слушаешь рассказ современного нам белоруса»⁵². Общий тон хроники Якубовский объясняет тем, что к началу XVI в. произошла консолидация различных этнических элементов господствующего класса, у которого появилась потребность в истории, удовлетворявшей интересы «обоих народов» (литовцев и белорусов-украинцев.— *Н. У.*)⁵³.

В дальнейшем летописание пошло по двум направлениям: одни летописцы продолжали работать в прежнем духе, т. е. «списывали

⁴⁷ *Ibid.*, s. 18—21.

⁴⁸ *Ibid.*, s. 23—24.

⁴⁹ *Ibid.*, s. 25.

⁵⁰ *Ibid.*, s. 26—27. Значительное место в монографии уделено легендарной части летописей.

⁵¹ Битва под Ведрошью между войсками Великого княжества Литовского и русскими произошла в 1500 г., битва под Клецком между войсками Великого княжества Литовского и татарами — в 1506 г.

⁵² *Ibid.*, s. 41.

⁵³ *Ibid.*, s. 44.

предания, дополняя их собственными вымыслами», другие же, «более образованные», не ограничились критической обработкой того, что «нагромоздила работа литовских летописцев»⁶⁶. «Более образованными» были поляки, в первую очередь Стрыйковский. Подобная характеристика кажется странной, поскольку Стрыйковский сделал ряд презрительных замечаний в адрес «безмозглых летописцев», нигде не ставивших дат, но все же писал свою «Кроннику» на основании данных «безмозглых».

Летописание, считал Якубовский, находилось под сильным воздействием магнатов, да и сами летописи хранились чаще в магнатских дворах⁶⁷.

Примерно до правления Сигизмунда-Августа языком Литвы (очевидно, двора, магнатов и отчасти шляхты) был «русский», которому в повседневной жизни соответствовала «белорусчина», причем белорусский принимался как язык собственно Литвы. С правления Сигизмунда-Августа начал распространяться язык латинский, а вместе с тем стало усиливаться национальное самосознание собственно литовцев⁶⁸.

Работой, замыкающей дореволюционный период в деле изучения летописей, является монография Ф. Сушицкого⁶⁹ (она, правда, вышла в 1921—1929 гг., но написана до революции). В смысле полноты использования как самих источников, так и литературы о них Сушицкий не имел равных. Кроме летописей, которые помещены в т. XVII ПСРЛ, а также Румянцевской, этот автор использовал (по крайней мере сказал о ней) летопись Баркулабовскую и все те летописные отрывки, о которых упоминается в предисловии к т. XVII ПСРЛ. По сравнению с нашим временем у него недоставало только хроники Литовской и Жмойтской. Большой промах Сушицкого состоит в том, что он не использовал работ Якубовского.

В начале монографии Сушицкого помещен историографический обзор, причем автор проводит скрупулезный анализ точности передачи его предшественниками летописных текстов. Проверка осуществлена не по рукописям, а по тексту, опубликованному в т. XVII ПСРЛ, но так как в этом издании тексты переданы почти без ошибок, то такая проверка допустима. В обзоре (в котором слишком много пересказов содержания работ и цитат) Сушицкий подчеркивает, что нового внес тот или иной исследователь в дело изучения летописей, и дает их критическую оценку (Данилович слишком категоричен в своих суждениях; Бодянский, публикуя отрывок из летописи Рачинского, ошибся, считая, что «это чуть ли не Быховец»; и т. д.). Неза-

⁶⁶ Ibid., s. 53—54.

⁶⁷ Ibid., s. 57.

⁶⁸ Ibid., s. 63—64.

⁶⁹ Сушицкий умер в 1920 г., его работа издавалась посмертно. Часть первая печаталась на русском и украинском языках, причем текст русского издания оканчивается на с. 84 и обрывается на полуслове. Часть вторая издава только на украинском. См.: Сушицкий Ф. Західньо-руські літописи як пам'ятки літератури. Київ, 1921—1929. Ч. 1, 2. В тексте Сушицкий обычно называет изучаемые им летописи литовскими.

служенно высоко оценил Сушицкий предисловие Вахевича, предположенное изданию Румянцевской летописи; о содержании т. XVII ПСРЛ и принципах его издания сказано очень кратко.

Ко времени выхода в свет работы Сушицкого была как бы узаконена классификация белорусско-литовских летописей: их делили на две или три группы, причем хроника Быховца всегда называлась полным списком. В этой группе она всегда была единственной, поэтому Сушицкому не было нужды определять «полную», а лишь остальные группы. Он разделил летописи на краткие, сложные и полную. К кратким были отнесены Супрасльская, Слуцкая (Уваровская), Никифоровская, Академическая, Виленская летописи и летопись Дубровского; к сложным — Румянцевская, Краснинского, Археологического общества, Тихонравова, Рачинского, Евреиновская и Патриаршая летописи; к полным — хроника Быховца. Различие между краткими и сложными летописями заключается в том, что в сложных есть легендарное сказание, тогда как в кратких его нет. Основным краткой Сушицкий считал летопись Супрасльскую, основными сложными — Краснинского и Румянцевскую⁶⁶.

По установившейся традиции Сушицкий полагал, что центром, где создавались летописи, был Смоленск, персонально же все это дело связывалось с деятельностью епископа Герасима⁶⁷.

Большое внимание в работе уделено «полной» летописи, причем подробно отмечено, что нового имеется в этом памятнике по сравнению с другими. Вместе с тем он отмечал ошибочность (или бессмысленность) легендарной части, причем привел несколько генеалогических таблиц, основанных на материалах разных летописей, чтобы показать, насколько они разнятся между собой. Источниками легенд Сушицкий считал сказания знатных литовских фамилий. Записи сказаний, очевидно, делались в XVI в., для чего использовались иногда документы, дополненные собственной фантазией.

Сушицкий также попытался дать объяснение ряду географических названий в Литве, которые летописи выводили из имен легендарных героев. Однако сделал это он едва ли удачнее, чем летописцы, так как попытался объяснить названия, исходя не из литовского языка, а из немецкого или русского (название «Керново», по-литовски «Кярнаве», будто бы происходит от немецкого «Керп», т. е. зерно)⁶⁸.

В главе VII «Повести и рассказы литовской летописи» перечислены 21 произведение, которые, по мнению автора, вошли в состав «Литовской летописи».

В 1938 г. была издана монография А. А. Шахматова, написанная если не целиком, то в значительной своей части до революции. Одна из ее глав посвящена белорусско-литовским (западнорусским) летописям. Здесь автор коснулся исключительно общерусской части, говоря более точно — ее источников. Анализируя летописи Супрасль-

⁶⁶ Сушицкий Ф. Західньо-руські літописи як пам'ятки літератури, ч. 1, с. 60, 61, 62, 67 и др.

⁶⁷ Там же, ч. 2, с. 159.

⁶⁸ Там же, с. 179.

скую, Слуцкую (Уваровскую), Никифоровскую, Академическую, т. е. наиболее старые, Шахматов пришел к выводу, что основным источником их были Новгородская 4-я, Софийская 1-я летописи, митрополичий свод, доведенный до 1446 г., и западнорусские летописные источники. Протограф Супрасльской летописи, считал Шахматов, составлен в Смоленске ⁷¹.

После революции первым, кто обратился к белорусско-литовскому летописанию, был В. И. Пичета, поместивший краткое сообщение о них в своей работе, посвященной источникам и историографии ⁷². Пичета, в то время ректор Белорусского в Минске и профессор Московского университетов, был первым ученым, прочитавшим (в 1918 г.) курс истории Белоруссии в высшем учебном заведении — в Белорусском народном университете в Москве ⁷³. Очевидно, в связи с чтением этого предмета и был разработан курс по источниковедению истории Белоруссии. Белорусско-литовскому летописанию Пичета посвятил главу «Источники истории» ⁷⁴. Здесь Пичета перечислил восемь видов источников, первый из них — «литовско-белорусские летописи»

По мнению автора, летописи представляли собой свод отдельных исторических повествований — «заимствований из украинских летописей со включением в них разного рода народных преданий и сказаний, а также погодных записей». (Что касается общей их направленности, то автор считал, что они отражали недовольство белорусско-литовского народа поляками ⁷⁵, т. е. политикой польского господствующего класса. Ничего не добавивший к тем сведениям, которые имелись в литературе, но включенный в общий курс источниковедения и историографии России, курс Пичеты знакомил читателей с непривычным в то время понятием «Источники [по истории] Белоруссии».

В послереволюционный период несколько небольших (К. Авижониса, И. Ионинаса, И. Жилюса) статей о летописях было помещено в литовской буржуазной печати ⁷⁶.

В последние десятилетия исследование летописей ведется главным образом в Белоруссии и Литве. В вышедшей в 1968 г. монографии М. А. Ючас ⁷⁷ подведены итоги всем осуществленным в этой области исследованиям. Относительно небольшой объем (около 10 печатных листов) вынуждал автора к краткости изложения.

Ючас уделил много внимания вопросам публикации летописей и историографии, но эти разделы даны в начале глав, причем только в главе «Летопись Великого княжества Литовского» такой раздел назван историографическим, в остальных случаях разделы имену-

⁷¹ Шахматов А. А. Обзорные русские летописные своды XIV—XVI вв. М.; Л., 1938, с. 331—345.

⁷² Пичета В. И. Введение в русскую историю: (Источники и историография). М., 1922 (на обложке — 1923).

⁷³ Пичета В. И. История белорусского народа. — В кн.: Курс белоруссоведения. М., 1918—1920, с. 1—86.

⁷⁴ Пичета В. И. Введение..., с. 76—86.

⁷⁵ Там же, с. 76.

⁷⁶ Jučas M. Lietuvos metraščiai. Vilnius, 1968, p. 54—55.

⁷⁷ Ibid.

ются «Результаты исследований» или «Что известно о хронике Быховца». Тот же в общем характер имеет и вступительная часть к главе «Стрыйковский и его исследователи». Таким образом, в работе Ючаса вопросы историографии занимают почетное место, причем он коснулся работ и тех авторов, которых предыдущие исследователи обычно не затрагивали (упомянутых Авижониса, Ионинаса, Жилюса, А. Гваньини).

Основное внимание автора сосредоточено на трех вопросах. Первый вопрос — что представляет собой летопись Великого княжества Литовского и Жемойтского. Здесь значительное место уделено легендарной (мифической) части летописей и подробно рассмотрена мотивировка критиков легенды. Второй вопрос касается хроники Быховца. Тому же вопросу автор посвятил и специальную статью⁷⁸. Наконец, третий вопрос касается «Хроники» Стрыйковского. Здесь автор проанализировал, какие летописи были использованы Стрыйковским, что им написано, исходя из личных наблюдений, в какой мере достоверны приводимые им сведения; в той же главе дается обзор использованных данных летописей польскими хронистами Длугошем, Меховским, Кромером, М. Бельским.

В 1971 г. вышел перевод на литовский язык хроники Быховца, сделанный Р. Ясасом⁷⁹. Работа состоит из предисловия, где подробно изложена историография вопроса, самого текста и комментариев, причем комментарии значительно превышают по объему как текст, так и предисловие, вместе взятые. В комментариях очень подробно и компетентно анализируются основные данные хроники.

В Белоруссии летописями занимается В. А. Чемерицкий⁸⁰. Название его труда совпадает с названием книги Сушинского, но в основных выводах эти авторы резко расходятся. Сушинский продолжал традиции, сложившиеся во второй половине XIX в., Чемерицкий пытается осмыслить коренные вопросы летописания по-новому, уделяя больше внимания политической обстановке в Великом княжестве Литовском. Существеннейшей новинкой, предложенной Чемерицким, является классификация летописей. Прежние исследователи делили все белорусско-литовские летописи на три группы (краткую, сложную и полную), причем к сложной относили летописи, в которых имелось легендарное сказание, — Красинского и Рачинского, не видя, в сущности, между ними разницы. Чемерицкий показал, что эти летописи различаются между собой, притом и в части, содержащей легенду. Основной недочет прежней классификации, как полагает Чемерицкий, состоит в том, что предшествующие исследователи считали, будто это один свод в трех редакциях, тогда как, по мнению Чемерицкого, они представляют собой ряд сводов, возникших в результате переработки и объединения в одно целое нескольких отдельных произведений⁸¹. Чемерицкий предложил разделить все летописи

⁷⁸ Ючас М. А. Хроника Быховца. — В кн.: Летописи и хроники, 1973 г. М., 1974, с. 220—231.

⁷⁹ Lietuvos metraštis. Vychovco kronika. Vilnius, 1971.

⁸⁰ Чамерыцкі В. А. Беларускія летапісы як помнік літаратуры. Мінск, 1969.

⁸¹ Там же, с. 18—26.

на четыре группы, представляющие отдельные летописные памятники. К первой группе он отнес летописи Виленскую, Дубровского, *Origo regis*, Погодинскую, БАН № 34.4.32 и ЦГАДА № 20/25, сохранившие «Летописец великих князей литовских»; к первому своду (вторая группа) — Никифоровскую, Академическую, Супрасльскую, Слуцкую; ко второму своду (третья группа) — летописи Красинского Патриаршую Б⁸², Тихонравова, Познанскую (Рачинского) и Евреинскую; к третьему своду — хронике Быховца.

Больше всего внимания Чемерицкий уделил первому своду, в частности уяснению источников общерусской части этого свода. Здесь автор в ряде случаев вступил в полемику с А. А. Шахматовым и М. Д. Приселковым, которые, признавая большое значение Супрасльской и Слуцкой летописей для истории русского летописания, считали, что основным источником для них были Новгородская 4-я, Софийская 1-я и некоторые западнорусские источники.

Чемерицкий, не претендуя на окончательный вывод, считает, что первый свод основан на митрополичьей летописи 1446 г. и Московском своде 1409 г. (Троицкой летописи). Затем Чемерицкий установил, что заимствования составителей белорусско-литовских летописей не имели механического характера, а делались весьма целенаправленно: летописец выбирал известия, имеющие отношение к истории Великого княжества Литовского. В тех случаях, когда в русских летописях содержались невыгодные для этого государства или отдельных деятелей характеристики, он исключал их. Летописец сокращал также растянутые места, исключал те, которые касались отдельных местностей России, предпочитая данные общегосударственные. Кроме того, события, изложенные за ряд лет, он иногда объединял, делая изложение более компактным. Летописец, используя русские летописи, пытался впервые воссоздать историю Литвы и Литовской Руси (Белоруссии и Украины) в ее связи с историей Руси Московской и в ее преемственности с Русью Киевской.

Для таких выводов автору потребовалось, кроме обычной в таком случае очень кропотливой работы над текстами летописей, основательно изучить политическую обстановку в Великом княжестве Литовском. Особенно необходимо это оказалось тогда, когда потребовалось объяснить некоторые темные места в летописях, например, отношение летописца к борьбе за Смоленск и Мстиславль между смоленским князем Святославом и Великим княжеством Литовским. Это место летописи написано русским, и не просто православным, а лицом духовным, которое в изобилии цитирует библейские тексты. Вместе с тем это лицо враждебно к смоленскому русскому православному князю и дружественно к Литве, иноязычной и притом католической.

Как и почти все исследователи, Чемерицкий считает, что большинство произведений, из которых составлена Белорусско-литовская

⁸² Патриаршими А. Б. В названы отрывки летописного характера, находящиеся в сборнике № 790 ГИМ. При издании т. XVII ПСРЛ они были использованы для восполнения недостающих мест в летописи Археологического общества.

летопись 1446 г., написаны в Смоленске и что вдохновителем этого дела был епископ (позже митрополит) Герасим, сторонник целостности Великого княжества, сторонник Витовта, а после его смерти и утверждения на престоле Сигизмунда Кейстутьевича тайный его сторонник, за что в конце концов и был сожжен Свидригайлом. Герасим оказался на стороне католика Сигизмунда, а не «князя Русских земель» Свидригайла потому, что в случае победы последнего славянские земли вышли бы из состава Великого княжества, и потому, что Герасим предвидел победу Сигизмунда. Летописец, очевидно, был лицом, близким к Герасиму, отражал в своей работе взгляды епископа, почему и приравнивал князя Святослава, врага Витовта, к отрицательным библейским персонажам.

Переходя к «Летописцу великих князей литовских», т. е. к той части, которая начинается с перечисления сыновей Гедмина, Чемерицкий считает, что это произведение состоит из собственно летописи и повести о Подолии и что *Origó regis* является предшественником «Летописца».

Второй свод представляет собой соединение «Летописца великих князей литовских» с «Хроникой Великого княжества Литовского», содержащей легендарное сказание.

Значительное место в монографии уделено хронике Быховца. По мнению Чемерицкого, составитель хроники заимствовал из «Хроники Великого княжества Литовского и Жмойтского» легендарную часть, немного переработав ее, затем взял ряд известий из Ипатьевской летописи или подобной ей, но потом, дойдя до реальной истории Великого княжества, пошел вслед за текстом первого свода, а еще далее за вторым. В некоторых случаях составитель хроники непосредственно пользовался Слуцкой летописью. Чемерицкий допускает возможность того, что рассказ о походе Ольгерда на Москву написан составителем хроники Быховца. Затем отмечается, что хроника содержит много данных, которых нет в других источниках⁶³.

Последней по времени работой (касающейся только хроники Быховца) является статья Ю. И. Драгуна⁶⁴. Эта работа невелика по объему. Наиболее существенными в ней являются указания на хронологические неточности хроники.

Автор неверно представляет себе постановление Варшавской генеральной конфедерации от 29 августа 1696 г. о замене «русского» (т. е. старобелорусского) языка польским. Драгун пишет, что «копия с хроники Быховца была снята еще до издания закона 1697 г. о введении на территории Белоруссии польского языка и латинского алфавита»⁶⁵. Здесь сразу несколько ошибок: упомянутое постановление касалось не одной Белоруссии, а всего Великого княжества Литовского; об алфавите там ничего не сказано, так как об этом не имело смысла и говорить, поскольку поляки пользовались только

⁶³ *Чемєрыцкі В. А.* Указ. соч., с. 79—81, 114, 115, 121, 160, 168, 169 и др.

⁶⁴ *Драгун Ю. И.* О «Хронике Быховца». — В кн.: Вопросы истории. История СССР и БССР. Древний мир и средние века. Минск, 1981, вып. 8, с. 20—28.

⁶⁵ Там же, с. 22.

латинским шрифтом и, значит, переход со старобелорусского на польский автоматически означал переход с кириллицы на латиницу: в постановлении говорится не вообще об обязательном переходе всей письменности Великого княжества на польский, а лишь о том, что решения земских судов земский писарь должен писать по-польски⁶⁶. Ко всему этому стоит добавить, что ко времени принятия конфедерацией этого постановления письменность в Великом княжестве почти целиком перешла на польский, кириллическое же письмо было забыто настолько, что когда приходилось переписывать кириллические тексты, то их переписывали (не изменяя языка) латиницей (примером этого служит хроника Быховца).

Однако самой большой небрежностью автора было то, что он пользовался не оригиналом хроники, а ее переводом.

* * *

Из исторнографического обзора видно, что предыдущие исследователи коснулись в той или иной степени едва ли не всех важнейших вопросов белорусско-литовского летописания. Значит ли это, что поднятые вопросы решены, не говоря о том, что о городских хрониках вообще никто ничего не писал (а это ведь тоже летописание) и все остальные проблемы далеки от решения? Впрочем, едва ли они «в окончательной форме» будут решены когда-либо, так как каждое поколение исследователей прочитывает источники и дает им оценку по-своему.

⁶⁶ Volumina legum. SPb., 1860, t. V, s. 418.

НАХОДКИ И ПУБЛИКАЦИИ ЛЕТОПИСЕЙ

Супрасльская летопись

Первой из белорусско-литовских летописей была найдена и опубликована Супрасльская летопись, хранившаяся в Супрасльском монастыре недалеко от Белостока (сейчас это Белостокское воеводство в Польской Народной Республике).

Супрасльский монастырь был основан на земле Ходкевичей, и история монастыря, в особенности ранние ее этапы, тесно связаны с этой семьей. Затерявшаяся или забытая рукопись была обнаружена профессором Виленского университета И. Н. Даниловичем.

В создании Супрасльской летописи решающую роль сыграли две знатные фамилии: князя Одницевичи, по заказу одного из которых летопись была переписана, и Ходкевичи, фундаторы монастыря, в котором летопись была обнаружена.

Сборник, содержащий Супрасльскую летопись, начинается (л. 1-а—2 об.) с родословия князей Одницевичей по женской и мужской линиям, в конце же сборника (л. 173) сообщается, когда рукопись была создана, кем и по чьему заказу. Согласно этой записи, переписчик закончил свою работу в 7028 (1519) г. 6 октября «на память святого апостола Фомы... замышленнем благоверного и христоролюбивого князя Симнона Ивановича Одницевича», жена которого именовалась Екатерина, имена же детей, хотя о них и упоминается, не названы. О себе переписчик сообщал, что он называется Григорий Иванович.

Родословие князей Одницевичей, как оно изложено в начале сборника, слишком сложное и путаное, чтобы считать его достоверным. В одном случае родоначальником этой фамилии называется Федор Одинец, жена которого Аксинья была праправнучкой князя Михаила Черниговского. По другой версии, родоначальником фамилии был Иван Одинец, прибывший «з Немец» и получивший имения «у-во Друцку». (Выражение «у-во Друцку» следует понимать как «недалеко от Друцка» — в восточной Белоруссии.) Далее родословная сообщает, что князь Александр с сыном Григорием уехал в Москву, «а отчизну свою Репухово и села иишие оставил у-во Друцку»¹. О бегстве в Москву нескольких Одницевичей сообщают и материалы Литовской метрики. Согласно этим данным, родоначальником Одницевичей был князь Федор, живший в середине XV в. У Федора было четверо сыно-

¹ ПСРЛ. М., 1980, т. XXXV, с. 282—283.

вей, один из которых, князь Дмитрий, купил именно Гольцово и с того времени стал именоваться Гольцовским. Сыновья Дмитрия (и внуки Федора) бежали в Москву³.

Во всех случаях, когда имеются данные о географическом положении владений Одинцевичей или хотя бы указания на район действий, называется восточная Белоруссия или Смоленщина: один из Одинцевичей был женат на княжне Соколинской⁴, Соколинские же — одна из ветвей князей Друцких. В 1506 г. Семен Богданович Одинцевич получил подтверждение на владения в Полоцком повете⁵. В 1522 г. Одинцевичи спорили за владения в том же повете⁶. Другие материалы подтверждают, что владения Одинцевичей находились в восточной Белоруссии и что эта фамилия если не принадлежала к верхушке феодалов, то занимала среди представителей этого класса положение выше среднего. Из материалов Литовской метрики известно, что Богдан Федорович купил вместе с сыном Семеном именные Островляны и что он был обязан выставлять 28 вооруженных всадников⁷. Когда была совершена покупка, неизвестно, но подтверждена великим князем литовским в 1524 г.⁸ Островляны находятся в Городокском районе Витебской обл., т. е. на севере Белоруссии⁹. Что касается числа всадников, то оно показывает, что Богдан Одинцевич был богатым человеком, так как один всадник выставлялся с восьмью крестьянских дворов. Значит, у князя Одинцевича в 1528 г. было не менее 224 крестьянских дворов. Для сравнения можно сказать, что князья Соколинские по тому же «попису» ставили 40 всадников, а Чарторьские — 55¹⁰.

Из летописей известно, что князь Федор Одинцевич, сторонник князя Свидригайла, в 1431 г. в битве под Ошмянами попал в плен к Сигизмунду Кейстутовичу¹¹. Возможно, это тот Федор, который, согласно Бонецкому, был родоначальником Одинцевичей, а по родословию — правнук Ивана, приехавшего «з Немца». Учитывая, что реально Одинцевичи происходили из князей Друцких, можно принять версию родословия, так как князья Друцкие известны с 1340 г.¹², а значит, существовали раньше и Одинцевичи. Если считать на каждое поколение по 25 лет, то, согласно родословию, князь Иван Одинцевич жил примерно в середине XIV в.

³ *Вэйліцкі А. Poczet rolow w Wielkiem księstwie Litewskim w XV—XVI wieku.* Warszawa, 1887, s. 248, 322, 324.

⁴ ПСРЛ, т. XXXV, с. 283.

⁵ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1915, кн. 21, с. 78.

⁶ Там же, с. 243.

⁷ *Вэйліцкі А. Op. cit.*, s. 215.

⁸ *Ibid.*

⁹ *Жучкевич В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии.* Минск, 1974, с. 277.

¹⁰ По данным Любавского, Одинцевичи по тому же «попису» 1528 г. ставили 33 коня (*Любавский М. К. Литовско-русский сейм.* М., 1901, с. 357). Данные о Соколинских и Чарторьских см. у Любавского.

¹¹ ПСРЛ, т. XXXV, с. 34, 57, 76, 107, 163, 189, 210 (в Евреинновской ошибочно в 1438 г. — Там же, с. 231).

¹² *Вэйліцкі А. Op. cit.*, s. 50.

Сторонниками Свидригайла в его борьбе за великокняжеский трон были почти исключительно крупные феодалы, притом главным образом православные, так как опорой этого князя были князья и бояре «русских волостей» Великого княжества.

В связи с участием в битве под Ошмянами князя Федора и его пленением любопытно, что родословие Одинцевичей оканчивается сообщением, что жена великого князя Сигизмунда, победителя под Ошмянами, была «сестра рожоная» того князя Григория, который бежал в Москву. Далее в родословии сказано, что «князь великий (Сигизмунд Кейстутьевич.— *Н. У.*) приобрел с нею сына Михаилушка... А князя великого Жикгимонта забили Черторызские, так великого князя сын Михаилушко втек до Москвы, и там окормлен и умер»¹². («Окормлен» — значит отравлен.— *Н. У.*) Следовательно, невзирая на близкое родство с князем Сигизмундом, Федор Одинцевич выступил против него, а так как за Свидригайла выступили главным образом феодалы Подввня, Смоленщины и Киевщины, то это может служить еще одним доказательством того, что Одинцевичи были из тех районов.

Ряд других документов Литовской метрики свидетельствует о том, что представители фамилии Одинцевичей были связаны с востоком Белоруссии и Смоленщиной. Так, великий князь Казимир пожаловал 6 коп смоленского мыта князю Григорию Одинцевичу¹³. В 1461 г. Федор Одинцевич (возможно, тот самый, который попал в плен в 1431 г.) получил от великого князя Казимира село Прихабы, «што за Костяньтином Бабином было»¹⁴. Из книги Записей метрики известно, что смоленский боярин князь Иван Одинцевич получил 12 коп деньгами, а князь Семен Иванович Одинцевич — 10 коп¹⁵.

Все это должно подтвердить высказанное ранее соображение, что Одинцевичи сидели в восточной Белоруссии и на Смоленщине и что они принадлежали к богатым землевладельцам.

Был ли Семен Иванович Одинцевич (это лицо в известных нам источниках упоминается только один раз), получивший 10 коп, тем самым лицом, по поручению которого была переписана летопись?

К сожалению, записи о дарении настолько кратки, что по ним даже нельзя установить, был ли Иван отцом Семена Ивановича. В заголовке раздела книги Данин великого князя Казимира, в котором перечислены лица, получившие вместе с Одинцевичами пожалования, записано: «В Троцах, июль 21, индикт 4». Затем следуют записи о пожалованиях еще девяти человекам; всем им дарения были сделаны из смоленского мыта. После этого имеется подзаголовок «Бояром смоленским с казны давано», и в числе тех, кому «давано», числятся оба Одинцевича, т. е. здесь совершенно определенно сказано, что Одинцевичи были смоленскими боярами. Год выдачи пожалования не указан, но сделано оно было в правление великого князя Казимира, умершего в 1492 г.,

¹² ПСРЛ, т. XXXV, с. 283.

¹³ РИБ, СПб., 1910, т. XXVII, стб. 198.

¹⁴ Там же, стб. 20. Селения Прихабы существуют в настоящее время в Белинском районе Могилевской обл., а также в Расонском и Сенненском районах Витебской обл. (Жучкевич В. А. Указ. соч., с. 309).

¹⁵ РИБ, т. XXVII, стб. 211.

соседние же документы датированы 1486 г.¹⁴ Учитывая наличие слов «индикт 4», можно предполагать, что Одинцевичи получили свои копии в 1489 г.

Значит, исходя из имеющихся материалов, нельзя утверждать, что Семен Иванович был заказчиком, но почти с уверенностью можно говорить о том, что рукопись была создана или в восточной Белоруссии, или, что более вероятно, в западной Смоленщине.

Какими же путями она попала в Супрасль, находившийся на крайнем западе Белоруссии?

В XVI в. Одинцевичи занимали разные и довольно высокие посты уже в центральной или западной Белоруссии (может быть, это явилось следствием того, что Великое княжество Литовское потеряло Смоленск). Так, князь Семен Богданович Одинцевич в 1532—1541 гг. был гродненским городничим, а его сын Андрей в 1549—1550 гг. — минским городничим, князья Василий и Григорий Одинцевичи в 1548 г. были великокняжескими дворянами, т. е. служили при дворе великого князя¹⁵.

Вполне возможно, что представители рода Одинцевичей, занимая посты в западной Белоруссии (Гродно), привезли туда рукопись, переписанную в восточной части, но когда и каким путем она попала в Супрасльский монастырь, остается невыясненным.

Если об Одинцевичах данные неясны и немногочисленны, то этого нельзя сказать о Ходкевичах. Данный род, знаменитый в истории Великого княжества Литовского, дал едва ли не самых талантливых полководцев, не говоря о том, что Ходкевичи принадлежали к богатейшим фамилиям в Великом княжестве. Еще Ходкевичи наряду с Радзивиллами были известны как самые непримиримые противники Люблинской унии.

Фамилия Ходкевичей происходит от Ходка, что значит в сокращенном произношении имя Ходор или Федор. Родоначальником Ходкевичей числится Ходко Юрьевич, известный с 1436 г. Сын Ходка Иван в 1470 г. был королевским маршалком, в 1476 г. — витебским наместником, а в 1482 г. — киевским воеводой. Во время нападения татар на Киев он попал в плен и умер в неволе. Сын воеводы Александр Иванович и был основателем монастыря. В течение почти 50 лет (с 1501 по 1549 г., когда он умер) Александр Ходкевич занимал ряд важнейших постов в государстве (наместник пунский, староста брестский, маршалок, воевода новогрудский и пр.). Из четырех сыновей Александра (из которых старший — Иван — рано умер) Иероним с 1538 по 1561 г. занимал посты от державцы ошмянского до виленского каштеляна, Григорий с 1544 г. — подкомория литовского и тыкотинского старосты, с 1566 г. он уже великий гетман, Григорий был одним из самых известных членов фамилии Ходкевичей; Юрий Александрович в 1554 г. был стольником и державцей ошмянским, а в 1566 г. троцким каштеляном¹⁶.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Boniecki A.* Op. cit., s. 216—217.

¹⁶ *Ibid.*, s. 20—24; АСД. Вильна, 1870, т. IX, с. 456.

У Григория Ходкевича, женатого на княжне Вишневецкой, было два сына и две дочери, одна из которых — Софья — была женой Филона Кмиты, старосты оршанского и номинального воеводы смоленского, оставившего интересные литературные памятники — письма к разным лицам (умер в 1572 г.). Самый младший из сыновей Александра — Юрий — был дважды послом Великого княжества Литовского в Москву; вторично он был женат на дочери князя Юрия Слуцкого.

Ян-Карл Ходкевич был польным, а затем великим гетманом и виленским воеводой ¹⁹.

В общем, Ходкевичи принадлежали к верхушке знати в Великом княжестве Литовском и как таковые находились в родственных связях с самыми известными фамилиями в этом государстве, в том числе с князьями Слуцкими, располагавшими огромными собраниями рукописей и вообще разного рода культурных ценностей.

Ни о каком другом монастыре Белоруссии не опубликовано такого количества материалов и столько исследований, сколько о Супрасльском. Однако большинство авторов, писавших о нем, не обладали достаточной квалификацией, чтобы осветить значение этого монастыря как культурного центра. Впрочем, русские авторы, преимущественно лица духовные, интересовались прежде всего религиозной стороной, утверждая, что монастырь находился в цветущем состоянии, пока был православным, сменив же православие на унию, если и не пришел в полный упадок, то все же перестал быть оплотом православия в своем районе.

Публикация документов о монастыре началась вскоре после подавления восстания 1863—1864 гг., когда К. А. Говорский напечатал ряд документов, касающихся монастыря ²⁰. Затем архимандрит Модест опубликовал свое исследование о монастыре ²¹. Главное внимание им уделено хозяйственной деятельности монастыря, еще больше места отведено деятельности Базилланского униатского ордена в России. Что касается монастырской библиотеки, то она мало интересовала архимандрита, но, во всяком случае, это был последний автор, который писал о библиотеке по личным наблюдениям. При всем том, когда архимандрит писал свою работу, библиотека еще находилась в монастыре, и он частично использовал материалы, которые потом были утеряны.

В 1870 г. были опубликованы важнейшие документы монастыря (в том числе и монастырская летопись) ²². С того времени почти все

¹⁹ Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego księstwa Litewskiego. 1386—1795. Kraków, 1865, s. 93.

²⁰ Вести западной России. Вильна, 1865/1866, кн. 7, 8; 1867, кн. 1.

²¹ Модест, архимандрит. Супрасльский Благовещенский монастырь. — Вести западной России, 1867, кн. 2, с. 70—81; кн. 3, с. 83—117; кн. 4, с. 1—44; кн. 5, с. 75—104; кн. 6, с. 121—140; кн. 7, с. 1—40. Эта же работа архимандрита Модеста печаталась в «Литовских епархиальных ведомостях» (1865, № 3—5, 11, 23; 1866, № 1, 23, 24; 1867, № 4, 5, 7).

²² АСД, т. IX.

работы о монастыре базировались на этом издании: книги архимандрита Николая Далматова ²³, Ф. Н. Добрянского ²⁴.

О том, какие рукописи находились в монастыре в 20-е годы XIX в., сообщил Данилович ²⁵. О судьбе пергаменной Супрасльской рукописи и вообще о монастыре много писал П. О. Бобровский ²⁶. К сожалению, описания книг и рукописей, которые были в монастыре, сделаны очень кратко (не составляет в этом смысле исключение и работа Даниловича). Поэтому проверить, что сохранилось от собраний середины XVI в., невозможно.

* * *

Супрасльский монастырь был основан Александром Ивановичем Ходкевичем, воеводой новогрудским и маршалком Великого княжества Литовского. Первоначально, в 1498 г., монастырь начали строить в местности, называвшейся «Грудок» ²⁷, но уже в 1500 г. его с согласия основателя перенесли на другое, более удобное место на реке Супрасли. В 1503 г. в монастыре уже на новом месте начали строить каменную церковь-крепость Благовещения, ставшую главной архитектурной достопримечательностью монастыря; в середине XVI в. она была расписана внутри фресками. Эта церковь простояла до конца второй мировой войны, когда была взорвана, а оставшиеся детали сожжены на кострах.

Первоначально православный, монастырь в начале XVII в. стал униатским, каким и пробыл до 1836 г., когда его превратили в православный. В 1722 г. униатский митрополит Леон Кишка сделал Супрасльский монастырь главной резиденцией ордена Базиллианов и основал там типографию. Впрочем, типография при монастыре была еще в XVI в., но затем ее передали в Заблудов ²⁸.

В самом начале существования монастыря денежные средства для него выделил А. И. Ходкевич, он же снабдил лесом для стрек, отведя для этого участок пуши. К середине XVI в. в монастыре находилось богатейшее собрание драгоценной утвари, роскошных церковных одеяний, большое количество икон, украшенных драгоценными камнями, много книг, частично пергаменных, в дорогих переплетах. В приобретении всего этого решающую помощь оказал А. И. Ходкевич (согласно утверждению П. О. Бобровского, Ходкевич приобрел для

²³ Далматов Н. Супрасльский Благовещенский монастырь: Историко-статистическое исследование. СПб., 1892. На титульном листе этой книги стоит «Николай, архимандрит (Далматов)». Ссылки на книгу обычно даются на Далматова.

²⁴ Добрянский Ф. Н. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки церковно-славянских и русских. Вильна, 1882.

²⁵ Łalopislec Litwy i kronika ruska z rękopisu słowiańskiego przepisana... Staraniem i pracą Ignacego Danilowicza. Wilno, 1827, s. 326—327.

²⁶ Бобровский П. О. Судьба Супрасльской рукописи: Историко-библиографическое исследование. СПб., 1889; и др.

²⁷ «Груд», «Грудок» по-белорусски означает возвышенное сухое место. По архимандриту Модесту, это не «Грудок», а «Грбдек» (Вести западной России, 1867, кн. 2, с. 71). По-польски «гродек» означает маленький город, городок. Очевидно, архимандрит Модест дал искаженное название местности — Гродек.

²⁸ Бобровский П. О. Гродненская губерния. СПб., 1863, т. 2 (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба), с. 1028.

монастыря «более ста рукописных книг») ²⁰. В дальнейшем монастырь приобрел еще много и рукописных и «битых» (печатных) книг.

Инвентарь 1557 г. показывает, какими богатствами располагал монастырь в то время. «Ренстрик» (так назван документ, в котором описаны ценности, составлен архимандритом Сергеем Кимбарем) не содержит описания всего имущества монастыря — ничего нет о постройках и о содержащемся там имуществе (мебели, посуде, одежде, обуви и т. д.). В инвентаре учтены расходы на украшение главного храма, в первую очередь на украшение икон, на приобретение разной церковной утвари и одежды для духовенства, на оплату ювелиров, делавших ризы, и художника, расписавшего храм, а также на покупку книг.

Перечисляются вещи, полученные в подарок от митрополита Солтана, от «пана троцкого» (А. И. Ходкевича) и других лиц. Среди разных вещей, подаренных митрополитом Солтаном, названо «Евангелие паркгаменное сребром оправеное с позлотою». Как подаренное, оно не вошло в общий список книг ²¹. Еще одна книга — «Летописец церковный» — не попала в список книг, и вообще, описание этого «Летописца» странное и заставляет предполагать, что указана не книга, а что-то иное, называемое летописцем: «За летописцем церковный, што на тябле, 3 копы грошей, а золото церковное» ²². «Тябло» — это часть иконостаса, которая находится над царскими воротами. «Летописец», находящийся на тябле, всего вероятнее, доска, на которой был вырезан небольшой текст.

В конце инвентаря, занимая весьма значительную часть «ренстрика», помещен перечень книг. Почти все они были необходимы для церковной службы, и почти все в дорогих переплетах, украшенных драгоценными камнями и золотом ²³. В начале идет перечисление шести евангелий, одно из которых «паркгаменное старое, новоокованное сребром, с позлотою со всх сторон». О других не сказано, что они пергаменные, а это, видимо, означает, что они были написаны на бумаге, но «окованные». Далее следуют «кинки старые». Поскольку пергаменное евангелие тоже названо старым, то неясно, почему и следующие книги отнесены к старым. Очевидно, «старым» названы вообще все книги, имевшиеся в монастыре до того, как Сергей Кимбарь ста там архимандритом, так как в конце списка сказано: «А всх книг старых 129». Однако и среди «старых» выделяются еще «старые»; например, среди «старых» числятся «Евангелие толковое великое», а затем «Евангелие учительное старое». Вообще, среди «кинг старых» первенствующее место принадлежит тем, которые необходимы для церковной службы, но есть и другие, чрезвычайно популярные в середине XVI в. (даем в том порядке, в каком они перечислены в источнике): «Книга Змарагд», «Книга Златая чепь», «Две книзе оба Маргариты», «Книга Григория Богослова, книга пророчества», «Книга великая Дионисие Ареопагитский», «Книга Кирилла Иерусалимского», «Книга Григория

²⁰ Бобровский П. О. Судьба Супрасльской рукописи, с. 9.

²¹ АСД, т. IX, с. 50—52.

²² Там же, с. 52.

²³ Там же, с. 53—55.

Двоеслова», «Книга другая Григория Двоеслова на паркгамене». Далее названы еще «Апостол великий на паркгамене», «Книга царственник з летописцем», «Книга Криница». Имелись в монастыре и Киево-Печерский патерик, и «Книга с пленением иерусалимским», и «Книжка Таранковская — номоканон». Все это были, очевидно, книги рукописные, так как в конце списка сказано: «Книг битых 5».

После перечисления «книг старых» следует заголовок: «А то книги новыя, што за мене, Сергия, прибавлены церкви светой». Сергей Кимбарь стал архимандритом в 1532 г. Следовательно, новые книги в количестве 74 были приобретены в течение 25 лет. Интенсивность приобретения для тех времен очень высокая.

Значит, в «ренстрике» 1557 г. числилось два «Летописца», один из которых находился «на тябле», второй же — «Царственник з летописцем» — кажется вполне реальной летописью. Правда, в последующих инвентарях «Летописец» исчезает, но зато появляется «Кройника». Замена заголовка «Летописец» на «Кройника» (в особенности, когда это произведение переписывалось) для второй половины XVI в. и позже была явлением едва ли не всеобщим, и поэтому изменение заглавия для той рукописи, которая хранилась в Супрасле, не кажется делом невозможным. Но как понимать слово «Царственник»?

В 1544 г. в Супрасле была рукопись, которую М. А. Оболенский, издавая в 1836 г., назвал Супрасльской²³ (в т. XXV ПСРЛ она названа Волинской краткой). На то, что эта летопись находилась в монастыре в 1544 г., указывает запись на самой рукописи. «В лето от начала миру 7052-е, — свидетельствует летопись, — индиктиона 2. Сентября месяца 16, в неделю, на память великомученици Евфимии всехвалное, Жикгимунт Август, корол полский, великий князь литовский и иных панств господарь и дедич, короля Жикгимунтов сын и Казимира Яганловича внук, бысть в дому Богородици обители Супрасльское с многыми велможамн своимн»²⁴.

«Царственник» здесь не упоминается, но подразумевать это название можно. К стати, оба летописца числились среди «книг старых», т. е. приобретенных до 1532 г., Супрасльской же летописи в то время в монастыре не было.

Среди «новых» книг непосредственно церковные, необходимые для церковной службы, занимают гораздо меньше места, но почти все они религиозного содержания. Обращает на себя внимание, что сильно увеличилось количество книг Библии («Книга Иисус Навын и царства в ней написаны в десть», «Книга быт»), затем отмечены пять книг греческих, Апостол на латинском языке, «Псалтырка проходенка новописанная, а другая битая», Апостолов три рукописных, а четвертый «битый», книга Федора Студита «от Сопегн». Обращает на себя внимание, что среди «новых» книг нет «окованных». Из «новых» имелись только две «битые», причём можно думать, что Апостол был скорининского издания.

²³ Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи/Изд. М. А. Оболенского, М., 1836.

²⁴ ПСРЛ, т. XXXV, с. 127.

Значит, всего в монастыре в 1557 г. было 203 книги, из них только две «битые». Но после перечисления «новых» книг сделана приписка: «А потом еще прибавлено книг новописанных: Требник в десть новый, оксамитом черным покрит, пукли и з полудесного требника старого собрания собравши серебряные на его изложены, а по середине бляшка и з образом Иоана Богослова... А то Яцка подскарбьего бывшего книги, которая ся по его смерти осталл: Лествица в полдести, Козма Индикоплов в десть, книга Андрея Уродивого в десть»²⁴.

Наличие «новописанных книг», на отделку которых пошли детали старых, может быть, говорит о существовании в монастыре скриптории, о чем так определенно заявлял Ф. Н. Добрянский²⁵.

В общем, в 1557 г. монастырь располагал таким количеством утвари, икон, украшенных золотом и драгоценными камнями, а также священнического облачения и разных тканей, расшитых золотом или тоже украшенных драгоценными камнями, что оно составило своего рода музей, собрание которого оценивалось в очень значительную сумму.

Следующая опись монастырского имущества сделана почти через 90 лет, в 1645 г., когда монастырь был уже уннатским. Инвентарь 1645 г. почти в два раза больше предыдущего, и в нем описаны такие предметы, которые в предыдущем опущены, но и на этот раз главное внимание сосредоточено на описании церковной утвари и одежда духовенства. Новым является то, что в ряде случаев названы имена мастеров, сделавших ту или иную вещь, и чаще названы имена дарителей. Вообще же этот инвентарь гораздо детальнее предыдущего²⁶.

В инвентаре 1645 г. приведен список книг, имевшихся тогда в монастыре. На этот раз книги переписаны по языкам: латинские, польские и русские. О латинских книгах отмечено, что некоторые из них прибыли из Варшавы в 1650 г., другие — из Гданска и Тыкотина, в том же 1650 г.²⁷ Среди латинских числилась Библия Вульгаты, но в большинстве это были книги светского содержания. Очевидно, все латинские книги были «битые».

На польском языке имелись хроника Стрыйковского и произведения Яна Кохановского, Библия, работа Касьяна Веремиты и др. В целом книг недуховного содержания было больше, чем духовных.

Список книг русских (в оригинале он называется «Реестр списания русских книг в скарбцу монастыра Супраслского») указывает на очень большую разницу между наличием «русских» книг в 1557 и 1645 гг.

²⁴ АСД, т. IX, с. 54—55.

²⁵ Добрянский Ф. Н. Указ. соч. Добрянский писал, что в Супрасльском монастыре, пока он был православным, имелась целая канцелярия для переписывания рукописей. Переписыванием занимались там диаконы и послушники «под руководством, конечно, самого настоятеля или поставленного им опытного отца из братии» (Там же, с. XXIV). Добрянский не дает ссылки на источник, которого, всего вероятнее, и не было, и делает такое заключение, исходя из деятельности других монастырей, но наличие скриптории в Супрасле вполне вероятно.

²⁷ АСД, т. IX, с. 185—208.

²⁸ Наличие в инвентаре 1645 г. записей за 1650 г. показывает, что он в действительности составлен позже 1645 г. или, по крайней мере, что в него были внесены дополнения.

Во-первых, количество их вообще сократилось. Во-вторых, из описанных в 1557 г. роскошно отделанных фоллантов осталось очень мало. Список начинается с перечисления книг «друкованых» (в предыдущем инвентаре подобные издания назывались «битые») библий. Затем следуют апокалипсис, евангелия, прологи, «Чепь золотая», Киево-Печерский патерик, книга Козьмы Индикоплова и др. Часть из них, видимо, имелась и в 1557 г. Числится там и «Кройника руска», которой не было в инвентаре 1557 г., но исчезла книга под названием «Царственник з летописцем». В свое время Н. Далматов высказал предположение, что «Кройника руска» — это бывший «Царственник» и что эта рукопись в 1836 г. была издана М. А. Оболенским³⁹. Это предположение можно считать вполне вероятным.

24 апреля 1654 г., накануне войны между Речью Посполитой и Россией, Януш Радзивилл, гетман Великого княжества Литовского, взял на время из монастыря «Кройнику» и ирмологий, на что выдал расписку.

По инвентарю 1668 г. в Супрасле среди книг числилась «хроника руская». Значит ли это, что Радзивилл возвратил взятую в 1654 г. книгу, были ли в монастыре в то время две «кройники», из которых одна осталась, или между 1654 и 1668 гг. в монастырь поступила еще одна летопись (если Радзивилл не возвратил), остается неясным. Неясно также: если Радзивилл возвратил взятую книгу, то была ли это летопись, изданная впоследствии Оболенским, или та, которая сейчас называется Супрасльской?

По сравнению с 1557 г. в 1645 г. не оказалось обонх пергаменных евангелий, но появился «Соборник на паргаминне писаный». Кроме того, добавилось еще «соборников 4 на паперу писаных». По предположению Далматова, пергаменный «Соборник» — это и была знаменитая Супрасльская рукопись⁴⁰.

Следующий инвентарь составлен при архимандрите Гаврииле Коленде в 1668 г. Как и в предыдущих, в этом инвентаре прежде всего описана церковная утварь, причем она по-прежнему отличалась роскошью отделки. Как и в инвентаре 1645 г., шесть евангелий в бархатных переплетах, оправленные в золото или серебро, описаны среди разных серебряных вещей⁴¹.

Описание книг, как и раньше, находится в конце инвентаря, и книги опять разделены по языкам: латинские, польские и русские.

³⁹ Далматов Н. Указ. соч., с. 535, примеч.; Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи. М., 1836. Шесть богато украшенных евангелий числится по инвентарю среди дорогих вещей; очевидно, они тоже «русские» (АСД, т. IX, с. 187).

⁴⁰ Далматов пишет, что «это тот самый сборник, рукопись XI в., который обнаружен известным ученым каноником... М. Бобровским в 20-е годы настоящего столетия, которым взят этот сборник из монастыря и не возвращен» (Далматов Н. Указ. соч., с. 155, примеч.). При этом Далматов дает ссылку на книгу П. О. Бобровского «Судьба Супрасльской рукописи». Однако М. К. Бобровский был только главным виновником того, что рукопись оказалась разрозненной, но никогда не издавал ее. Эта рукопись напечатана лишь в 1904 г. (Свердлов С. Н. Памятники старославянского языка. СПб., 1904. Т. II. Вып. 1).

⁴¹ АСД, т. IX, с. 229—240.

Среди латинских прибавились светские — труды Цицерона, Овидия, Сенеки и др.; среди польских — Литовский статут (не сказано, какого года), «Права и привилегии русского народа», труды Ш. Старовольского, М. Бялобржеского, проповеди П. Скарги, евангелия, библии польская и чешская и др. Русских книг числится меньше, чем их было в 1557 г. Вместе с тем увеличилось количество печатных (поскольку указаны книги «друкованные» и «писанные», то можно думать, что отмечены все «друкованные», но их и теперь очень немного). Среди печатных названы Библия (не сказано, чьего издания), три служебника издания Мамоничей, триодь постная и триодь цветная, трефология, октоих. Пергаменных только три: Апостол (очевидно, тот который был еще в 1557 г.), «Поминник» и «Сборник»⁴².

Далматов дал краткую сводку наличия книг в монастыре по неопубликованному инвентарю 1764 г. «По обширности библиотеки» автор привел только данные на этот год о количестве книг на разных языках, разделив их к тому же по форматам. Оказалось книг латинских 836, польских 305, чешская одна (Библия, видимо, та же, которая упоминалась в предыдущих инвентарях), французских, итальянских и немецких 152, богословских и философских (язык не указан) 60, писанных и печатных славянских 102 (надо полагать, что под славянскими понимались и писанные на старобелорусском языке), а всего 1456⁴³.

Война 1812 г., очевидно, в какой-то мере затронула монастырь, но об этом не опубликовано никаких документов. О наличии книг после войны можно составить представление лишь по работе Даниловича, который занимался в монастырском хранилище в 1822—1824 гг.

Публикуя Супрасльскую летопись, Данилович в самой краткой форме сообщил, какие книги имелись в монастыре в его время. Всего, согласно сообщению Даниловича, там было «около 80 томов русских рукописей», преимущественно религиозного содержания. Многие из этих книг были очень красивы. Имелись там рукописи с рисунками, выполненными золотом, а когда-то в монастыре было евангелие, целиком написанное золотом. Многие из пергаменных рукописей — XII—XIII вв.⁴⁴ По сравнению с 1668 г. собрание монастыря едва ли уменьшилось, тем более что было отмечено наличие очень древних пергаменных рукописей. В общем, сведения Даниловича о монастырской библиотеке очень кратки и неопределенны. Возможно, он намеревался дать более подробное описание рукописей, но неожиданная высылка из Вильно навсегда оторвала его от этого края, и предполагаемая работа не была выполнена. Даже пергаменная рукопись XI в. не была им описана. Ничего не сообщил он и о времени поступления в монастырь Супрасльской летописи.

Архимандрит Модест в своем труде перечислил четыре евангелия, старейшее из которых Виленское 1575 г.⁴⁵ Далее сообщается, что «в од-

⁴² Там же, с. 241—243.

⁴³ Далматов Н. Указ. соч., с. 562—563.

⁴⁴ См. сн. 25.

⁴⁵ Модест, архимандрит. Указ. соч.— Вестн. западной России, 1867, кн. 6, с. 127—128.

ном большом зале помещается монастырская довольно богатая библиотека, особенно много рукописных четь миней, разных служб и поучений... много из нее прежде было взято книг для составления библиотеки Литовской духовной семинарии» (в Вильно.— *Н. У.*)⁴⁶.

Далматов отметил, что его предшественник (Далматов с 1881 г. был архимандритом Супрасльского монастыря) Викентий Журовский «щедрою рукою раздавал монастырские документы и книги всем обращающимся к нему с просьбою об одолжении их»⁴⁷. Судя по всему, практика раздачи рукописей «всем обращающимся» существовала задолго до того, как Журовский стал архимандритом, так как Супрасльская рукопись была взята М. К. Бобровским еще в 30-е годы. В 1876 г. хранившиеся в монастыре книги и документы были переданы в Виленскую публичную библиотеку и в Супрасле остались лишь немногие книги, вероятнее всего, богослужебного характера, которых, по данным Далматова, было 700 экз.⁴⁸

• • •

Наиболее трагической оказалась судьба древнейшей кириллической пергаменной рукописи XI в.— очевидно, самой ценной из всего собрания монастыря за все время его существования. Отправка ее за границу и затем разделение на части связаны в первую очередь с деятельностью М. К. Бобровского, который, впрочем, получал указания из столицы. М. К. Бобровский был униатским каноником и профессором Виленского университета, родным дядей полковника (позже генерала) Генерального штаба, автора серии работ о Гродненской губернии П. О. Бобровского, который постарался выяснить, как произошло отправка рукописи, почему она была разделена на три части, оказавшиеся в разных местах.

Семья Бобровских была униатской по религии и белорусской по языку. М. К. Бобровский в 1795 г. поступил в Белостокскую гимназию, которую окончил в 1806 г. С 1808 по 1812 г. проходил курс в Главной Виленской духовной семинарии. Еще до окончания этого учебного заведения, в 1811 г., получил степень магистра филологии, в 1812 г.— магистра богословия, в 1814 г.— магистра философии. В 1815 г. он стал священником и почти одновременно адъюнктом (преподавателем) Виленского университета. С 1816 г. он — доцент Главной Виленской духовной семинарии, в 1817 г. брестский каноник. В том же 1817 г. Бобровский получил заграничную командировку «для усовершенствования в богословских науках, изучения славянских наречий и восточных языков»⁴⁹.

⁴⁶ Там же, с. 128.

⁴⁷ Далматов Н. Указ. соч., с. 431.

⁴⁸ Там же, с. 482. Видимо, данные Далматова о том, что в Супрасле не осталось ничего стоящего внимания, неверны. Во всяком случае, в Археографической комиссии в 1899 г. находилась рукопись — сочинение Георгия Амартола, — принадлежавшая ранее Супрасльскому монастырю. В связи с рядом обстоятельств рукопись оказалась у букинистов и ее с трудом возвратили в Комиссию (Архив Академии наук СССР в Ленинграде, ф. 133, оп. 1, № 891, л. 2—13).

⁴⁹ Бобровский П. О. Судьба Супрасльской рукописи с. 1—6.

Во время пятилетнего пребывания за границей Бобровский работал в архивах и библиотеках Саксонии, Баварии, Чехии, Далмации, Италии, в Париже, Риме и Вене. При возвращении на родину он, кроме русского и польского, знал сербский, «литово-славянский»¹⁰ (очевидно, белорусский), хорватский, болгарский, церковнославянский, греческий, латинский, еврейский, «халдейский»¹¹, сирийский, арабский, немецкий, французский, итальянский и английский языки, проповеди же для народа приносил на «народном чернорусском» наречии, т. е. на белорусском языке. По возвращении Бобровский становится (с 1822 г.) экстраординарным профессором Священного писания и библейской археологии Виленского университета, в 1823 г. получает степень доктора богословия. В 1823 г., став ординарным профессором, преподает в университете арабский язык. Стремительное продвижение по служебной лестнице неожиданно прервалось: в сентябре 1824 г. он был удален из университета. Его биограф объясняет этот факт «пронсками базилиан», т. е. монахов Базилианского униатского ордена, но более вероятно, что это было связано с делом филоматов, когда из университета удалили немало профессоров.

В 1826 г. Бобровский вернулся в университет, но опять произошло что-то, и он в 1829 г. был назначен младшим соборным протонереем Жировицкой кафедры (Жировицы — местечко в Гродненской губ. — были местом пребывания униатского митрополита). В то время шла активная подготовка к ликвидации унии, и назначение в Жировицы Бобровского, видимо, было связано с этим. После закрытия Виленского университета в 1832 г. Бобровский какое-то время был профессором богословия в Главной Виленской духовной семинарии, изучал итальянскую литературу¹².

Занимаясь длительное время в библиотеках Супрасльского и Жировицкого монастырей, он обнаружил в Супрасльском одну из самых древних рукописей на славянском языке («древнейший из славянских памятников, кроме, может быть, Барберинского палимпсеста»)¹³.

В 1830 г. знаменитый славист В. Копитар обратился к А. Х. Востокову с просьбой прислать ему копию какой-либо древнейшей кириллической рукописи для сравнения с найденной им глаголической. Востоков, в свою очередь, обратился к М. К. Бобровскому с просьбой переслать Копитару что-либо из супрасльских собраний¹⁴. М. К. Бобровский послал Копитару через посредство проф. Эйхвальда треть Супрасльской рукописи с условием, что, когда Копитар вернет ее обратно, Бобровский пошлет ему вторую треть¹⁵. Как получилось, что Бобровский — лицо вообще для Супрасльского монастыря постороннее — смог взять из монастыря и отправить в Вену часть уникальной рукописи с обещанием посылать еще, остается неясным.

Копитар возвратил первую часть в обмен на вторую, но вторую так и не вернул, и сейчас она находится в библиотеке Люблинского универ-

¹⁰ Там же, с. 6—7.

¹¹ Там же, с. 19.

¹² Там же, с. 28—29.

¹³ Там же, с. 35.

ситета. Первая часть впоследствии попала к графу Замойскому в Варшаву, а третья была приобретена Публичной библиотекой в Петербурге. Первая и третья части рукописи были куплены у гродненского помещика Стрельбицкого. Как они попали к нему, тоже неизвестно. Таким образом, рукопись оказалась расчлененной. Однажды она чуть не погибла полностью, когда находилась в доме Бобровского в Шерешеве (местечко в Пружанском у. Гродненской губ.): он ушел из дома, оставив на столе, заваленном бумагами, горящую свечу, свеча упала, начался пожар, бумаги хозяина сгорели, но рукопись осталась цела ⁴⁴.

Данилович, публикатор и исследователь Супрасльской летописи, обнаружил эту рукопись с помощью М. К. Бобровского ⁴⁵. Человек широко образованный и огромной работоспособности, Данилович основной целью своей жизни поставил разыскание и публикацию источников по истории права Великого княжества Литовского. Поиски старинных рукописей Данилович начал с 20-х годов, причем в очень короткий срок разыскал несколько списков первого Литовского статута (1529 г.). Продолжая поиски, Данилович обнаружил и в Супрасльском монастыре летопись («чисто литовскую... дотоле никому неизвестную») ⁴⁶.

Выше сообщалось, что в инвентарях 1557, 1645 и 1668 гг. об этой летописи ничего не было сказано; о книгах, числившихся по инвентарю 1764 г., Далматов сообщает в столь общей форме, что определить, какие именно книги хранились тогда в монастыре, невозможно. Однако можно думать, что если бы там оказалась еще одна «Кройника», то Далматов обратил бы на нее внимание. В общем, остается предположить, что Супрасльская летопись попала в монастырь в конце XVIII или даже начале XIX в.

При каких обстоятельствах Данилович нашел эту летопись, не совсем ясно. Известно лишь, что большое участие в поисках принимал М. К. Бобровский. В одной работе П. О. Бобровский очень определенно утверждал, что рукопись «в груде всякого монастырского хлама» нашел М. К. Бобровский в 1823 г. и что он помог Даниловичу «разбирать эту летопись» ⁴⁷ (надо полагать, прочитать ее. — *Н. У.*). Чтобы у читателя не оставалось сомнений в том, кто нашел рукопись, П. О. Бобровский в другой работе писал, что М. К. Бобровский «открыл южнорусского летописца, известного по польскому изданию Даниловича под именем „Литовского летописца и русской хроникки“ и что М. К. Бобровский был намерен издать летопись русским шрифтом, однако это осуществить не удалось, так как у каноника не было доста-

⁴⁴ Там же, с. 36, 43. В настоящее время в Польше находится 118 листов; в Национальной библиотеке в Варшаве — 150 листов; в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде — 16 листов (*Рогов А. И.* Супрасль как один из центров культурных связей Белоруссии с другими славянскими странами. — В кн.: Славяне в эпоху феодализма. М., 1978, с. 324).

⁴⁵ С собраниями Супрасльского монастыря М. К. Бобровский впервые ознакомился в 1806—1808 гг. (*Бобровский П. О.* Судьба Супрасльской рукописи, с. 7).

⁴⁶ *Данилович Н.* О литовских летописях. — ЖМНП, 1840, № II, с. 100—101.

⁴⁷ *Бобровский П. О.* Еще заметка о Супрасльской рукописи. — ЖМНП, 1888, № 4, с. 347.

точных средств, да и жил он в Шерешево, где печатать было невозможно⁴⁰.

Даниловичем с Состоятельства находки изложены несколько иначе и, кажется, более правильно. Он пишет, что посещал Супрасль во время вакансий не менее двух раз (последний раз в 1824 г.), в обоих случаях он был там вместе с М. К. Бобровским. Если принять версию П. О. Бобровского, что рукопись была обнаружена в 1823 г. даже весной (во время пасхальных каникул), то быстрота, с которой летопись была подготовлена к печати (она стала издаваться в т. III «Виленского дневника» за 1823 г., а этот том был последним в году), кажется невероятной. Даниловичу (если рукопись была обнаружена весной 1823 г.) максимум за четыре месяца было необходимо переписать летопись латинскими буквами, написать предисловие, дать перевод многих слов на польский язык и сравнить текст летописи с соответствующими местами хроники Стрыйковского. Даже учитывая намерение Даниловича первоначально издать меньшую часть летописи (ту, в которой изложены события Великого княжества Литовского), это слишком быстро. Более вероятным кажется предположение, что Данилович и Бобровский встретились в Супрасле (во всяком случае, начали там совместно работать) в конце лета 1822 г., поскольку Бобровский возвратился из пятилетней заграничной командировки в августе 1822 г.⁴¹

Данилович писал, что М. К. Бобровский, которого он ценил очень высоко, оказал ему при разборе рукописей в Супрасле «богатейшую помощь» и что тот способствовал пересылке рукописи в Вильно. Однако прямо о том, что летопись обнаружил Бобровский, он не говорит, вернее, из работы Даниловича следует, что Бобровский указал ему на наличие в Супрасле огромного количества рукописей, не выделяя особо ничего⁴², а в более поздней работе Данилович прямо заявил, что рукопись была «дотоле никому неизвестна»⁴³. В 1839 г., когда Археологическая комиссия разыскивала потерянную рукопись и обратилась с запросом к Даниловичу, тот ответил, что взаимобразно взял из Супрасля рукопись «для собственного моего употребления» в 1822 г.⁴⁴ Значит, 1822 год и следует считать тем временем, когда Данилович стал заниматься Супрасльской летописью.

В Вильно с летописи была снята копия (видимо, латинским шрифтом), и в 1824 г. рукопись «посредством виленского консисторского уннатского начальства» была отослана обратно в Супрасль. В 1823 г. рукопись (или копия с нее) какое-то время находилась в пользовании уннатского священника и профессора Виленского университета М. Сосновского⁴⁵.

⁴⁰ Бобровский П. О. Михаил Кириллович Бобровский (1786—1848): Историко-биографический очерк. СПб., 1889, с. 92.

⁴¹ Там же, с. 55.

⁴² *Latopislec Litwy i kronika ruska...*, s. 7.

⁴³ Данилович Н. Указ. соч., с. 101.

⁴⁴ Архив Академии наук СССР в Ленинграде, ф. 133, оп. 1, № 194, л. 14 об.

⁴⁵ Шахматов А. А. О Супрасльском списке западнорусской летописи.— ЛЗАК. СПб., 1901, вып. 13, с. 3—4. О том, что произошло с Супрасльской летописью после 1824 г. (после отсылки ее из Вильно в Супрасль), существуют, по крайней мере, две версии. Более ранняя была изложена в 1868 г. М. О. Коклявичем, который в

В настоящее время Супрасльская летопись хранится в Ленинградском отделении Института истории СССР Академии наук СССР (ф. 116, № 143), составляет основную часть рукописного сборника⁶⁴. Рукопись в четвертку, переплет — липовые доски, обтянутые кожей. На верхней доске переплета сохранились два медных «жука», на нижней все «жуки» утрачены. Бумага везде одинаковая — плотная, белая с сильным желтоватым оттенком. Бумажный знак — тира. Несколько близких к нему филигранных имеются у Н. П. Лихачева; они относятся к 1532, 1534 гг.⁶⁵ На переплете приклеена бумажка, на которой почерком начала XIX в. написано: «Летописец Подоля и князей литовских, в нем патерик киево-печерский вкратце писан 152[0]». Всех листов 175.

Большая часть рукописи (л. 3—116 и 127—173) писана одной рукой полууставом, полууставом же написаны первые два листа, а также последний, не имеющие отношения к летописи. Листы 116 об.—125 написаны скорописью. Оставшийся чистым л. 85 об. заполнен записями

рецензии на т. 1—4 «Археографического сборника документов» писал, что летопись, до того времени находившуюся в Супрасле, в 50-х годах отправили в Ригу для ректора Духовной семинарии епископа Павла, который через какое-то время отослал рукопись обратно. Однако, когда посылка была в Супрасле вскрыта, то в ней оказались лишь печатные богослужебные книги. Летопись же спустя много лет, в 1866 г., обнаружил недалеко от Белостока А. В. Рачинский, тот самый, который нашел в Полоцке летопись Авраамки, он же доставил летопись в Суграсль. О дальнейшей судьбе рукописи Коялович не сообщал, из чего, очевидно, должно было следовать, что летопись находилась в то время в Супрасле (ЖМНП, 1866, № 10, с. 225—226). Однако Шахматов, использовавший материалы Архива Академии наук, представил это дело иначе. Согласно его версии, Археографическая комиссия узнала о существовании летописи из отношения обер-прокурора Синода и министру народного просвещения и президенту Академии наук С. С. Уварову от 2 ноября 1838 г. Из ряда документов следовало, что после возвращения Давыловичем рукописи в Супрасль она по распоряжению Н. Н. Новосильцева, тогда попечителя Виленского университета, была отправлена «варшавскому литератору Лицке» (видимо, известному польскому филологу), от которого попала к Я. Будзюловичу «для доставления ее ксендзу Сосновскому», последний согласно указанию Лицке передал ее М. К. Бобровскому. 14 января 1840 г. рукопись была доставлена в Археографическую комиссию. «Дело, на основании которого Шахматов написал «Записку», и сейчас хранится в Архиве Академии наук СССР в Ленинграде (ф. 133, оп. 1, № 194). К тому, что сообщал Шахматов, можно добавить, что письма с запросом о местонахождении рукописи направлялись И. Ф. Паскевичу, воеводе Царства Польского, что Археографическая комиссия, разыскивая летопись, обращалась к Даниловичу и что, наконец, когда она была получена в Петербурге (19 января 1840 г. расписку в ее получении написал сам С. С. Уваров) (Архив Академии наук СССР, ф. 133, оп. 1, № 194, л. 20), то затерялась опять. Как это произошло, неясно и сейчас. Возможно, Уваров, получив, держал ее у себя, а возможно, передал в Комиссию, где получение ее не отметили. Эта летопись около шестидесяти лет считалась пропавшей, и когда С. А. Белокуров в 1898 г. опубликовал Никифоровскую летопись, то недостающие места последней он дополнил по тексту Супрасльской, изданной Даниловичем; Белокурову даже было неизвестно, существует ли Супрасльская летопись вообще (Русские летописи/С предисловием С. Белокурова. — ЧОИДР, 1898, кн. 4, отд. 1; описание — с. IX—XXI, текст летописи — с. 18—90). Незвестным остается, кто «нашел» эту летопись в Комиссии. Во всяком случае, в 1900 г. местонахождение ее было известно.

⁶⁴ Здесь и далее палеографическое описание рукописей представляет собой сокращение предисловия к ПСРЛ, т. XXXII и XXXV.

⁶⁵ Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899, № 3013, 4166, 4167.

на польском и латинском языках в XVIII в. Большая часть листов 125—126 заполнена записями, сделанными разными почерками и разными чернилами в XVII в. на старобелорусском языке. Л. 126 об. остался чистым. На л. 173 об. были записи белорусской скорописью разными почерками; они залиты и замазаны чернилами. На л. 174 запись о рождении сына. Там же проба пера («Покоштовати пера ли, доброе ли»). То же на польском языке. Далее на том же листе запись полууставом об убийстве Иоасафата Кунцевича. На л. 174 об. польские стихи.

В сборнике на л. 1 и 175 находятся указатели евангельских чтений. На л. 1-а и 2 помещено родословие князей Одишевичей. На л. 3—108 (за исключением л. 85 об.) находится текст летописи; начало: «Избрание летописания изложено вкратце. Сказание о верных святых князех руських»; конец: «Тяхована Долькгира из города ис Каменца созвали на раду к себе и до рады не допустивши самого шнели и огрыбили, и Каменец засели, и все тое забрали, што Подольской земли держать». На л. 108 об.—125 перевод Вислицкого статута с пространством введением. На л. 125—126 родословие князей мазовецких и жалоба королю на жемойтского старосту (без окончания). На л. 127—172 Киево-Печерский патерик. На л. 173 запись переписчика.

Первоначально страницы рукописи были пронумерованы Даниловичем чернилами⁶⁶. Позже нумерация листов сделана карандашом в правом верхнем углу. Когда рукопись описывал Шахматов⁶⁷, к внутренним сторонам обложек были прилеплены указатели евангельских чтений; в настоящее время они отклеены и вшиты в книгу, в связи с чем современная нумерация листов не совпадает с предыдущей. (При публикации Супрасльской летописи в 1907 г. в ПСРЛ, т. XVII нумерация листов начиналась с первого, в настоящее время это лист третий. Расхождение на два листа тянется во всей летописи.)

По предположению Шахматова, сборник, в котором помещена Супрасльская летопись, был составлен в середине XV в. и назывался «Летописець»⁶⁸.

Последний раз Супрасльская летопись опубликована в 1980 г. в: *ДКСРЛ*, т. XXXV, с. 36—67.

Никифоровская летопись

Старейшей из известных в настоящее время белорусско-литовских летописей является Никифоровская, получившая свое название от фамилии владельца крупного собрания старинных рукописей жителя города Городца Н. П. Никифорова, у которого летопись была приобретена Библиотекой Академии наук. В литературе имеется указание, что летопись ранее находилась в Жировицком монастыре, однако ссылки на источник нет; кроме того, о нахождении рукописи в Жировицах сказано неопределенно: «По традиции (летопись) вывезена из

⁶⁶ Данилович И. Указ. соч., с. 102.

⁶⁷ Шахматов А. А. О Супрасльском списке... с. 4—5.

⁶⁸ Там же, с. 5.

в историческую науку. В данном случае выражение «по традиции», возможно, следует понимать так, что об этом в Жировицах существовало своего рода предание. Однако в какой степени оно обоснованно, тем более что одно время рукопись находилась в Минском Святодуховском монастыре?

Жировицкий монастырь принадлежал к числу наиболее известных в Белоруссии, но в литературе о нем очень мало что сообщается; больше всего «данных» имеется о «чудотворной» иконе божьей матери, находившейся там и, надо полагать, служившей важнейшим источником дохода для монастыря. Как обычно, Жировицкий монастырь был основан в XV в. на земле крупного феодала — Солтана. В начале XVII в. среди лиц, делавших пожертвования в монастырь, были Лев Сапега, Иван Мелешко и др. В начале того же XVII в. монастырь из православного превратился в униатский. В 1828 г. в Жировицах была открыта униатская духовная семинария (ранее там находилась гимназия). После «воссоединения» униатов с православием Жировицкая церковь стала кафедральным собором. В общем, это был крупный религиозный центр Белоруссии, где, вероятно, находилось большое количество как разных церковных ценностей, так и книг, рукописных и печатных. Однако условия для сохранения были неблагоприятными. Неоднократно там происходили пожары: в 1826 г., начавшийся как раз с архива, в 1854 и 1863 гг. В результате этого, а также, вероятно, небрежного хранения и раздачи, как было в Супрасле, рукописей и книг всем, кто хотел, в конце XIX в. от бывших богатств осталось очень мало⁷⁰. Л. Паевский, обследовавший архив монастыря в 1893 г., писал, что в то время он (архив) принадлежал монастырю и духовному училищу, унаследовавшим «старую многотомную библиотеку от прежних еще времен, когда в Жировицах (до 1845 г.) была резиденция епархиального архиерея и при нем в монастырских зданиях помещались консистория и духовная семинария». Паевский нашел архив «в сбродовом порядке», что было осуществлено недавно усилиями учителя Хлебцевича. Из имевшихся ранее собраний, согласно данным Паевского, «несколько десятков рукописей» и ряд книг были в 1845 г. переданы в Виленский Троицкий монастырь, 40 рукописей отосланы в Виленскую Публичную библиотеку и позже описаны Ф. Н. Дсбрянским.

Упоминания о летописи или о летописях Паевский в монастыре не нашел, но в одной сельской церкви (не сказано какой) им были найдены «отрывки южнорусской рукописи», писанной «прекрасным художественным письмом, четкого старинного полуустава, с заглавиями, писанными кинноварью с превосходными вышметками начальных букв, изображенных золотом на таких же художественных фонах, принадлежат южнорусскому творчеству и относятся к концу XV и началу XVI вв.»⁷¹. Очень краткие данные Паевского не дают возможности

⁷⁰ Ластоускі В. Гісторыя Селарускай (жэўскай) кнігі. Коўна, 1926, с. 190.

⁷¹ Жировицкая чудотворная икона Божьей матери и Жировицкая обитель. Вильна, 1893, с. 11, 14, 17, 18, 24—26.

⁷² Паевский Л. Жировицкий и Брест-Литовский архивы: (К вопросу о значении про-

...тогда, но это была за рукопись, почему автор считал ее «южнорусской», не сказано, что с ней случилось позже, но ясно, что это не Никифоровская летопись.

В настоящее время Никифоровская летопись хранится в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук в Ленинграде (45.11.16), составляет часть рукописного собрания и находится почти в середине его (л. 226—267 об.). Рукопись в четвертку, переплет — доски, обтянутые кожей. Всего листов 351, бумага плотная, желтоватая. Писана полууставом, в основном в XV в. Нелетописные тексты сборника писаны почерками XVI, XVII и XVIII вв., чернила коричневые. Бумажных знаков около 10. Среди них гроздь винограда — у Н. П. Лихачева подобный знак под № 1075 датируется 1469 г.; бычья голова с крестом под подбородком — у Лихачева № 1129, 1469 г.; бычья голова, над ней корона — у Лихачева № 1155, 1477 г.; бычья голова, между рогами стержень с тремя листьями овальной формы — у Лихачева № 1179, 1491 г.⁷² Рукопись не имеет ни начала, ни конца; начинается со слов: «Андрея, Кучковичи побн, а ших бояр за Юрьевым изыма и побн»; заканчивается описанием борьбы Свндригайта Ольгердовича с Сигизмундом Кейстутевичем: «После того побитья 3 недели спустя и князь великий Жидмонт събра всю свою силу литовскую и посла сына своего князя Михаила на Русь. И пришед князь Миха...». На первом листе рукописи почерком XVII или начала XVIII в. сделана надпись «Minensis s. Spiriti», показывающая, что когда-то рукопись принадлежала Минскому Святодуховскому монастырю.

Что собой представлял монастырь, в котором хранилась старинная летопись? Данные о нем предельно бедны. Архимандрит Николай приводит краткие сведения только о двух минских монастырях — Вознесенском и Святодуховском, с очень большим преобладанием данных о первом. Согласно этим сведениям, Вознесенский монастырь находился в местности на левом берегу реки Свислочи, которая называлась «Троицкая гора». От монастыря то времена архимандрита Николая сохранились две надгробные плиты, на одной из которых была надпись «1000» (!), вторая была вделана в стену Минского кафедрального собора (собор в настоящее время уничтожен). Достоверные данные о монастыре имелись с XV в., но он существовал и в XIV в. В 1613 г. монастырь стал униатским и был присоединен к Виленскому Свято-троицкому, а в 1635 г. Вознесенский монастырь соединили с Минским Святодуховским. Последняя запись об этих монастырях архимандрита Николая гласит, что «около 1660 г. церковь и монастырь были разорены российскими войсками»⁷³.

Русские войска во время войны 1654—1667 гг. несколько лет занимали Минск, и поэтому можно предположить, что тогда один из

инициальных архивов для западно-русского края). — В кн.: Тр. IX Археологического съезда в Вильно. М., 1895, с. 300—302, 305.

⁷² Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. I—IV.

⁷³ Николай, архимандрит. Историко-статистическое описание Минской епархии. СПб., 1864, с. 79—83, 94.

русских военачальников или администраторов и забрал из монастыря рукопись, которая позже попала в Городец к Никифорову.

Описание сборника, в котором помещена летопись, сделано в 1898 г. С. А. Белокуровым⁷³, который также издал летопись, а в 1903 г. В. И. Срезневским⁷⁵, всего же полнее авторами «Описания Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР»⁷⁶.

При издании в 1907 г. т. XVII ПСРЛ Никифоровская летопись была использована для подведения вариантов к Супрасльской. Таким образом, Никифоровская летопись в том виде, в каком она сохранилась, впервые полностью напечатана в 1980 г. в ПСРЛ, т. XXV, с. 19—35.

Слущкая (Уваровская) летопись

Хранится в Отделе рукописей Государственного Исторического музея в Москве [Собр. А. С. Уварова, № 1381 (153)]. Рукопись в восьмушку, бумага белая с желтоватым оттенком, чернила коричневые, почти на всем протяжении одинаковые. Писана белорусским полууставом, за исключением нескольких листов, одним и тем же почерком. Бумажный знак — тиара. Наиболее схожий знак у Лихачева датируется 1524 г.⁷⁷

Листы пронумерованы арабскими цифрами в правом нижнем углу почерком XIX в. Кроме того, на верхнем поле чернилами арабскими цифрами пронумерованы обе стороны листов, но первые пять дефектных листов пронумерованы после реставрации на приклеенных к остаткам листов полосках бумаги на одной стороне. Таким образом, нумерация с двух сторон начинается с л. 6; на этом же листе (шестом) на верхнем поле сделан выносной знак, а на нижнем поле почерком XIX в. запись: «Означены страницы целых листов летописи арабскими цифрами мной 14 января 1839 г.» Следующая затем подпись вытерта. Всего листов 106, кроме тех, которые помещены в начале при переплетении рукописи и на которых сделана запись.

Летопись делится на две части. В первой (л. 1—76) изложены события, происходившие в Великом княжестве Литовском. Во второй (л. 76 об.— 106 об.) находится летопись общерусского характера, озаглавленная: «Летописецъ о великом князи московскомъ, како далеки от рода Володимирова». В этой части на л. 79 есть подзаголовок: «Летописец от великого князя Володимеря киевского».

На л. 104, 104 об., 106, 106 об. рукописи белорусской скорописью XVI в. другими чернилами, чем писана летопись, имеется запись, сде-

⁷³ Русские летописи/С предисловием С. Белокурова.— ЧОИДР, 1898, кн. 4, отд. 1; описание — с. IX—XXI, текст летописи — с. 18—90.

⁷⁵ Срезневский В. И. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук в 1902 г. СПб., 1903, с. 7—16.

⁷⁶ Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1963, т. 3, вып. II. Исторические сборники XV—XVII вв./Сост. А. И. Колпаев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская, с. 107—110.

⁷⁷ Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, № 1624.

ланная в Слуцке. Она начинается на л. 106 об. на нижнем поле, причем автор записи держал рукопись «вверх ногами» и таким образом буквы записи идут в противоположном направлении к основному тексту. Край листа, на котором находится начало записи, настолько истерт, что прочитать написанное невозможно. Пользуемся передачей текста А. Н. Поповым, когда он делал первое описание рукописи в 1854 г. «В лето я... Па... раб... верен з с приказу так, як на поволского служебника приналежи, а добродеею моему. Государыни нашей милостивой, кнегини Юревой Семеновича Слуцкой, кнегине Олене Миколаевне Родивилловича... велеможным. В лето 7050 (1542.— Н. У.) месяца априля 15 на день пр. отца Симеона, иже в Персиде, в неделю, вдарило в 2 године в поч, преставился князь Юри Слуцкий; была голова на промысле. Олкимонтов рож[ай] Голшанский. Евнутьев рож[ай] Жеславский. Кгедминов рож[ай] Алелковичи. Якайлов рож[ай] королевский. Витовт Кестутевич» (л. 104—106 об.).

Эти записи, а также сообщение о крещении князя Семена Александровича Слуцкого в Слуцке (л. 7 об. рукописи) дают основание считать, что летопись была создана в Слуцке (Слуцк в середине XVI в. был столицей самого крупного в Белоруссии княжества — Слуцкого), почему и названа Слуцкой⁷⁶. Летопись приобрел от учителя Успенского И. П. Сахаров, отметивший, что Успенский был «из Литвы». Учитывая терминологию середины XIX в., когда Литвой, кроме собственно Литвы, называли всю западную и центральную Белоруссию, можно думать, что Успенский обнаружил рукопись где-то в районе Слуцка. Сахаров ошибочно считал, что купленная им рукопись является Супрасльской (которая в то время числилась пропавшей). То же, со ссылкой на Сахарова, повторил в своем описании архимандрит Леонид⁷⁷. От Сахарова летопись в 1847 г. перешла к А. С. Уварову.

Первые листы рукописи утеряны, в сохранившемся первом листе верх оторван и от строк остались лишь отдельные буквы. На первых листах передается жалоба Кейстута его сыну Витовту на козни Ягайло. Первая часть летописи заканчивается словами: «В лето 6900. Женни князь великий Василий Дмитриевич, понял за себе дщер Витовтову Софью». «Летописець о великом князи московскомь» начинается со слов: «В лето 6000. То придоша з Немець 3 брата в Новьгородок»⁷⁸ — и заканчивается описанием погрома Руси татарами: «И приид Каменьщю, и не мога розбити сены, и к Жаславлю, и взя его. И приде ко Кременьщю, виде же Кременец град тверд...».

Среди остальных летописей и хроник Слуцкая выделяется тем, что она не является частью сборника, а представляет собой отдельное приведение, сохранившееся в том виде, в каком она была создана

⁷⁶ В т. XVII ПСРЛ эта летопись названа «Уваровской, или Слуцкой». Считаем, что «Слуцкая» (учитывая приведенные выше данные) подходит больше, тем более что Уваровскими названы еще несколько летописей.

⁷⁷ Леонид, архимандрит. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1894, ч. 1, с. 66—67; текст летописи — с. 67—74.

⁷⁸ Учитывая название города («Новьгородок»), можно думать, что автор имел в виду не Новгород Великий, а Новогрудок (Новгородок) в Белоруссии.

в первой половине XVI в. (е говоря, конечно, о том, что часть рукописи за истекшее время утеряна).

Описание рукописи сделал А. Н. Попов, он же опубликовал первые 76 листов летописи, т. е. ту часть, в которой излагаются события, происходившие в Великом княжестве Литовском⁸¹. Вторично рукопись описана архимандритом Леонидом, опубликовавшим остальную часть летописи. Слуцкая летопись полностью напечатана в ПСРЛ, т. XVII, стб. 85—124; там же есть краткое описание рукописи (с. I, II), а также в 1980 г. в т. XXXV, с. 68—81.

Origo regis Jagyelo et Witholdi ducum Lithuaniae

Летопись, получившая название *Origo regis*, впервые опубликована А. Прохаской в 1888 г.⁸², вторично в 1907 г. в ПСРЛ, т. XVII, стб. 219—221, в третий раз в 1980 г. в ПСРЛ, т. XXXV, с. 115—117. Эта рукопись находилась в составе т. III «*Libri legationum*» Коронной метрики (Государственного архива Польского королевства, хранившегося во время первой и второй публикаций летописи в Московском архиве Министерства юстиции). Публикуя летопись, Прохаска в вводной статье ничего не сообщил о составе книги, в которой находилась летопись, не дал ее палеографического описания, но зато высказал соображения, при каких обстоятельствах это произведение было создано. По мнению Прохаски, *Origo regis* является переводом на латинский язык одной из хроник, писанной на русском (старобелорусском) языке, причем хроника была вписана в книгу Метрики в конце XV в., перевод же ее был сделан ранее по заказу Длугоша (который умер в 1480 г. — *И. У.*) и использован этим историком при написании вступительной части к «Истории Польши». При переводе текст местами был искажен, но в нем есть места, отсутствующие в других летописях.

В т. XVII ПСРЛ *Origo regis* напечатан по оригиналу, и отметок о расхождении с текстом, изданным Прохаской, нет, хотя они на самом деле есть. Так, в т. XVI ПСРЛ вместо *v* у Прохаски стоит *u*, а вместо *ch* дан *h*. Затем вместо *Płoczk* (Плоцк) у Прохаски стоит *Połoczk* (Полоцк). Учитывая точность Пташицкого при передаче текстов, можно думать, что прав был он.

В летописи излагаются события, происходившие в Великом княжестве Литовском от смерти Ольгерда до первого бегства Витовта в Орден.

⁸¹ Летопись великих князей литовских/Пригот. к изданию А. Н. Поповым. — Учен. зап. П. отделения Академии наук, 1884, кн. 1, отдел III; предисловие — с. 21—27, текст летописи — с. 27—58.

⁸² *Prochaska A. Przekład ruskiego latopisu z ks. Litewskiego na język łaciński.* — *Kwartalnik historyczny*. Lwów, 1888, кн. 1, zesz. 2; вводная статья — с. 196—201, текст летописи — с. 201—205.

Виленская летопись

Составляет конец летописи Авраамки, написанной в конце XV в. в Сколенске. Хранится в Рукописном отделе Библиотечки Академии наук Литовской ССР в Вильнюсе (F. 22—19). Рукопись в 0,5 листа, бумага плотная, почти желтая, чернила светло-коричневые. При переплетении боковые поля сильно срезаны, местами почти до самого текста. Нумерация листов современная — чернилами на нижнем поле. Всего листов 450. Виленская летопись начинается на л. 437 (низ листа) — 450 сб. Первые 435 листов написаны четким полууставом конца XV — начала XVI в., л. 436—450 — полууставом мелким, почти в два раза меньшим, чем предыдущий. На полях Виленской летописи никаких посторонних записей нет, в предыдущей части записей много, они написаны в разное время и разными почерками.

Листы 1—313 заняты хронографом с включением кратких сообщений о крещении болгар. Далее следует летопись, сзаглавленная «Начало Русин земли». На л. 314—361 летописный отрывок за 6452—6496 гг. Листы 365—437 начинаются с перечня русских князей и заканчиваются сообщением о событиях во время правления Василия Васильевича и перечнем его сыновей.

Виленская летопись начинается с перечисления сыновей Гедимина и заканчивается сообщением о том, как князь Скиргайло после пира у монаха Фомы всехал за Днепр на охоту. Конец летописи утерян, сохранившиеся последние листы сильно повреждены.

Летопись впервые была напечатана в 1893 г. А. Ф. Бычковым²³, вторично в 1907 г. в ПСРЛ, т. XVI, стб. 191—204, в третий раз в 1980 г. в ПСРЛ, т. XXV, с. 85—90. Одно время рукопись числилась погибшей²⁴.

Летопись Авраамки найдена в Полоцке А. В. Рачинским в 1864 г. и доставлена в Вилenskую Публичную Библиотеку.

Летопись Археологического общества

Хранится в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ф. Археологического общества, № 43), составляет конец рукописного сборника (л. 43—73 сб.). Рукопись в четвертку, бумага на первых 42 листах белая, мягкая, на последующих более плотная и темная. Первые 42 листа писаны несколькими почерками скорописью XVII в., летопись — полууставом XVI в., одной рукой и одними темными чернилами. В сборнике остались чистыми л. 10 и 10 сб., 15, низ л. 20 и 20 сб., последующий за 20 нумерованный, л. 21, низ л. 29 и большая часть л. 29 сб. Листы 63 и 64 в верхней части сильно попорчены от сырости, правый верхний угол л. 13 оторван. Бумажные знаки в летописной части раз-

²³ Отрывок краткой литовской летописи, входящий в летописный сборник, именуемый летописью Авраамки/Иод. А. Ф. Бычкова. СПб., 1893.

²⁴ *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., 1947, с. 465—467.

ные: кисть винограда, кувшинчик, «столбы». Схожие филигранны у Брике (кисть винограда — № 2126, 1575 г.; № 13168, 1596 г.)⁸⁵ и Лауцявичюса (кувшинчик — № 506, 507, 1582 г.)⁸⁶. Листы пронумерованы карандашом в правом верхнем углу; кроме того, в летописной части буквами старославянского алфавита на нижнем поле имеется нумерация тетрадей (на л. 43 тетр. 2, на л. 51 тетр. 3 и на л. 59 тетр. 4).

На л. 1—9 об. находится «Список с печатных с цесарских и з галланских писем, каковы переделены в нынешнем во 178 году октября в 13 день». На л. 11—13 «Список турецкого салтана к цесарю римскому з грамоты 1663». На л. 13—14 «Список з грамоты цесаря римского к турецкому салтану». На л. 16—18 «Послание турецкого царя Салтана к царю и великому князю Ивану Васильевичу». На л. 18—20 «Послание царю и великому князю Ивану Васильевичу бывшего его боярина князь Андрея Михайловича Курпъского». На л. 22—25 перевод с немецкого письма турецкого султана польскому королю. На л. 25—27 «Список» с письма турецкого султана Магомета «неметцким владетелям». На л. 27—29 «Сказание» о въезде в Краков короля Яна Собесского и о погребенных королей Яна-Казимира и Михаила Вишневецкого. На л. 30—42 разные известия.

Летопись не имеет ни начала, ни конца. Начинается со второй половины слова: «тилася, которую называют свята Прикседы, а поруски Поросковей, которой же у Рима и костел збудован» — и заканчивается рассказом о походе Ольгерда на Подолье: «Опять отселе почнем. Коли князь Олкгирд пошел у поле з литовским воиском и побил татаров, татарских князен, Качоя».

Рукопись описана в 1879 г. Д. И. Прозоровским⁸⁷. Напечатана дважды: в 1907 г. в ПСРЛ, т. XVII, стб. 246—278 и в 1980 г. в ПСРЛ, т. XXXV, с. 91—102. При публикации в т. XVII С. Л. Пташницкий недостающие места восполнил по летописям Румянцевской и Патриаршин, причем подзаголовок («Кройники Великого княжства Литовского и Жомонтскаго») заимствовал из Румянцевской летописи, поскольку начало Археологической летописи отсутствует. С дополнениями из других летописей летопись Археологического общества в т. XVII ПСРЛ занимает стб. 239—294. В ПСРЛ, т. XXXV напечатан только тот текст, который сохранился до настоящего времени.

Волынская краткая летопись

Хранится в Центральном государственном архиве древних актов (ф. 181, оп. 1, ч. 1, № 21/26). Летопись составляет часть сборника. Рукопись в 0,5 листа, бумага белая, плотная, с желтоватым оттенком. Филигранны бумаги — голова быка. Близкие к этому знаки датируются у Лауцявичюса 1498, 150) и 1516 гг.⁸⁸ Писана разными почер-

⁸⁵ Briquet C. M. Les filigranes. Geneve, 1907.

⁸⁶ Laucevičius E. Popierius Lietuvoje XV—XVIII amž. Vilnius, 1967.

⁸⁷ Прозоровский Д. Опись древних рукописей, хранящихся в Музее имп. Русского археологического общества. СПб., 1879, с. 66—69.

⁸⁸ Laucevičius E. Op. cit., N 1449, 1450, 1451.

ками, главным образом полууставом начала XVI в. В начале вклеены два письма митрополита Евгения А. Ф. Малиновскому от 30 марта и 13 июля 1829 г. Затем следует лист, на котором почерком конца XVIII или начала XIX в. написано: «Киевская летопись от пришествия славян по 7025 (от Р. Х. 1517) год безпрерывно продолжающаяся (1) старинного письма на 75 листах. Внесена в библиотеку Государственной коллегии Иностранных дел Московского архива коллежским ассессором Алексеем Малиновским».

На л. 1—59 находится общерусская летопись, озаглавленная «Початок Руской земли, како приидоша словяне племени Афетова и сели на Руской земли по рекам, то есть летописец Киевский и все Руское земли и Полское и Литованни», начинается словами: «Бысть язык словенский от племени Афетова, нарицаемии норичи», заканчивается описанием разгрома Москвы Тохтамышем: «То все едином пограблено и наky другие суще купцем в граде, иже суть Батин людие храминны их наполнены всякого добра». На полях этой части немногочисленные записи, касающиеся излагаемых событий, на польском и русском языках разными почерками.

В ПСРЛ, т. XXXV помещается текст, находящийся на л. 59 об.—74 об.

Листы 59 об.—верх л. 71 писаны одной рукой, тем же полууставом, что и предыдущий текст, остальная часть л. 71—верх л. 74 об.—полууставом значительно более мелким. Часть л. 71 об., оставшаяся чистой, заполнена записями XVIII в., не имеющими отношения к летописи. На верху л. 72 написано крупным полууставом, позже зачеркнутое: «К tým тетрадем четьрем царством мает приложити шесть тетрадей, как будетъ вязати порожних неписаных скараксаных про запас на летописецъ от доски заднее». На л. 62—71 масса записей на разных языках и разными почерками.

✓ Сама Волынская краткая летопись разделяется на три части. Первая озаглавлена (киноварью): «Начало рускых князей русаго княженья». Она заканчивается на л. 67 об. сообщением о женитьбе великого князя литовского Александра на княжне Елене Ивановне. На л. 67 об.—71 известия почти целиком относятся к Волыни, в частности к борьбе с татарами в 1495—1515 гг. Эта часть заканчивается сообщением о взятии Смоленска войсками великого князя московского Василия Ивановича. Последняя часть, писанная особым почерком (л. 72—74 об.), полностью посвящена прославлению деятельности князя Константина Ивановича Острожского, гетмана Великого княжества Литовского.

На л. 74 об. после похвалы князю Острожскому другими (более яркими) чернилами запись о посещении Супрасльского монастыря великим князем литовским Сигизмундом II Августом в 1544 г.

При первой публикации летописи она была названа М. А. Оболенским ~~Киевской сокращенной~~. Очевидно, название «Волынская краткая» подходит к этой летописи больше, поскольку ее оригинальная часть целиком посвящена Волыни, в то время составлявшей часть Великого княжества Литовского.

Описание рукописи сделано М. А. Оболенским⁸⁰ и В. А. Арнаутовым⁸¹, текст напечатан М. А. Оболенским старославянским шрифтом с передачей всех особенностей написания⁸². Волинская краткая напечатана в ПСРЛ, т. ХХХV, с. 118—127.

Летопись Рачинского

Две из известных сейчас летописей были обнаружены в хранилищах Польши: графов Рачинских в Познани (тогда этот город принадлежал Пруссии) и графов Красинских в Варшаве.

В библиотеке Рачинских имеется много материалов, относящихся к истории Белоруссии, но, видимо, всего важнее тот сборник, в котором помещена летопись, получившая название «Рачинского» (или «Познанская»). Эта летопись интересна своим языком, народным, разговорным, почти таким, какими написана хроника Быховца. Затем известия в ней имеются за относительно позднее время (последнее сообщение датировано 1548 г.). Весьма интересно также «окружение» летописи: она находится в сборнике, содержащем ряд литературных произведений. Все остальные летописи (за исключением еще летописи Красинского) находятся в сборниках, в которых летописи соседствуют с разными историческими произведениями или просто с документами исторического характера, тогда как летопись Рачинского сопровождается средневековыми художественными повестями на старобелорусском языке.

Летопись составляет часть сборника, хранящегося в отделе рукописей библиотеки Рачинских в Познани (№ 94, л. 225—291). Рукопись в лист, бумага белая. Филлигрань двух видов: одна представляет собой вытянутый круг, в котором находится подобие креста; вторая примерно такого же размера, как и первая, имеет вид виньетки. Первая из филлиграней близка к № 313 в работе И. Каманна и О. Витвицкой⁸³ и датируется 1582 г. Переплет кожаный, местами истертый, на корешке надпись по-польски: «od 1487 do 1651. Kodeks białoruski RK 94». На верхней обложке наклеена бумажка с надписью: «Ułomek dziejów dawnych po rusku o królu Marku... o hrabi Gwidoni, o Attyli, krolu wegerskim, tudzież życie dawnych książąt litewskich». Сборник до л. 292 писан одним почерком и одними чернилами. Заметки на полях, писанные по-белорусски, сделаны другим почерком и другими чернилами; приписки на полях на польском языке сделаны чернилами более светлыми или киноварью. Во многих случаях буквы нарисованы пером теми же чернилами, какими писан текст. Заголовки небольших разделов написаны уставом крупными буквами. Листы пронумерованы в правом верхнем углу чернилами, теми же, какими писана рукопись, но приведены только нечетные цифры.

⁸⁰ Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи, с. 157—159.

⁸¹ Арнаутов В. А. «Киевская» летопись Супрасльского сборника: (К вопросу о смоленском летописании).— ИОРЯС. СПб., 1910, т. XIV, кн. 3, с. 1—34.

⁸² Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи, с. 127—155.

⁸³ Каманн І. Вітвіцька О. Водні знакі на папері українських документів XVI і XVII вв. (1556—1651). Київ, 1923.

На л. 1—127 помещена повесть о Тристане («Починається повесть о витязях с книг сэрбських, а зваща о славном рыцэры Трысчане, о Андалоте и о Бове и о иных многих витязех до» (далее край листа оборван)). Л. 127 об.—128 чистые. На л. 129—171 «История о княжати Кгвидоне». Л. 171 об.—172 чистые. На л. 173—224 «История о Атыли, королі угорьском». На л. 225—291 «Лѣтописец великого князства Литовьского и Жомонгьского». На л. 293—391 «Kopia poświadczenia przez Władysława IV z roku 1635 dnia 8 marca reestru o prawy dworu krola Kazimierza».

В конце сборника четыре фто, сняты с разных листов рукописи, и к ним приписка, что приложение выполнено доцентом Петербургского университета доктором Станиславом Пгашицким («Załączone rękopisu zastały wykonane życzeniem i kosztem Dr. St. Ptaszyckiego, docenta uniwersitetu w Petersburgu»).

Начинается летопись Рачинского со слов: «Сталося ест воплощене сына божого от духа святого з благословенное девицы чыстое Марен» — и заканчивается описанием обстановки в Вильно в 1548 г., после смерти короля Сигизмунда I, и сообщением, что новый король Сигизмунд II Август известил, что он женат на Варваре Радзивилл.

Сборник, содержащий летопись, открыл во время своей заграничной поездки О. М. Бодянский, давший краткое изложение содержания летописи и опубликовавший отрывки из нее⁸². Описание всего сборника сделано А. Брюкнером, непосредственно этой летописи автором посвящены последние страницы⁸³.

Факсимиле летописи Рачинского имеется в Библиотеке Академии наук УССР во Львове. Б. Барвинский поместил в своем труде, посвященном Сигизмунду Кейсугьевичу, два отрывка из этого факсимиле⁸⁴.

Полностью летопись напечатана дважды: в 1907 г. в ПСРЛ, т. XVII, стб. 295—355 и в 1980 г. в ПСРЛ, т. XXV, с. 145—172.

Летопись Красинского

Летопись находилась в библиотеке графов Красинских в Варшаве (№ 408). Погибла во время второй мировой войны, и поэтому данные как о самой летописи, так и о сборнике, часть которого составляла летопись, заимствованы из работы Е. Ф. Карского⁸⁵. Согласно данным Карского, рукопись поступила в библиотеку Красинских 30 ноября 1833 г. от Константина Свидзинского, известного собирателя рукописей. Более точно, т. е. где, когда, у кого эту рукопись приобрел Свидзинский, не сказано.

⁸² Бодянский О. М. О почках мѣх в Пазинскѣй публичнѣй библиотеке. — ЧОИДР, 1846, № 1, с. 7—11.

⁸³ Brückner A. Ein Weissrussischer Codex miscellaneus der Gräfllich Raczynskischer Bibliothek in Pozen. — In: Archiv für slawische Philologie. Berlin, 1896, Bd. IX, H. III, S. 345—391.

⁸⁴ Барвинский Б. Жигмонт Кейсугевич, велики князь литовьска-руський (1432—1440). Жовква, 1905, с. 162—165.

⁸⁵ Карский Е. Ф. О языке так называемых литовских летописей. — В кн.: Карский Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962, с. 209—220. Кроме Карского, сборник описан С. Л. Пгашицким (ПСРЛ, т. XVII, с. IV).

Края некоторых листов рукописи сверху и внизу повреждены. Начала и конца сборника, когда рукопись описывали Брюкнер и Карский, не было; сохранилось 179 листов. По прежней нумерации рукопись начиналась с л. 53 и заканчивалась на л. 230, за которым следовало несколько нумерованных листов. Листы были пронумерованы буквами старославянского алфавита, когда часть рукописи была утрачена, а оставшиеся листы перепутались. Весь сборник написан, по-видимому, на одинаковой бумаге, довольно толстой, желтоватого оттенка; в местах, которые особенно часто читались, бумага потемнела. В то время когда рукопись изучал Карский, переплета не было, но ранее она переплеталась несколько раз, о чем свидетельствовали подклейки в листах, сделанные в разное время.

По наблюдениям Карского, бумажные знаки разные, но чаще всего это свинья, «несколько похожая на № 439 у Лихачева». Другие знаки имели вид двойного креста, щита с короной и топором и, наконец, знак «вроде щита с волнообразной линией справа налево». В общем, Карский определил четыре филигранны, подобные которым у Н. П. Лихачева следуют под номерами 439, 525, 546 и 547, что соответствует 1542, 1595, 1513 и 1573 гг.⁷⁷ Очевидно, не все филигранны определены верно. Учитывая, что рукопись переписана одним почерком (крупным полууставом XVI в. с изредка встречающимися скорописными буквами), невозможно принять даты изготовления бумаги с разрывом в 80 лет. В данном случае наименее вероятно дата 1513 г., так как другие филигранны указывают на вторую половину XVI в. Заглавия и начальные буквы отдельных крупных разделов написаны кинноварью. На л. 177 кинноварная заставка из перевитых змей. По заставке мелким почерком чернилами написано: «Премудрость созда себе храм и утверди столп седм, закла своя жертвеная и черпа в чаши своей вино. Пссла свои раби созивающи со всякым... нем...на».

На полях много записей на русском (старобелорусском) и польском языках. В самом конце летописи, по свидетельству Карского, было написано: «Што ж вышей описуется в русской кройнице», хотя «вышей» об этом ничего не сказано. Эти слова Карский объясняет тем, что, видимо, прежде расположение статей в сборнике было иным, а кроме того, возможно, в нем были статьи, сейчас отсутствующие⁷⁸. Эти соображения представляются весьма вероятными, тем более что подобные слова есть во всех белорусско-литовских летописях, содержащих легендарную часть, и относятся к тому месту, где Тройден приравнивается по своей жестокости к Антиоху Сирийскому, Ироду Иерусалимскому и Нерону Римскому. Очевидно, известные сейчас летописи составляли часть обширных хронографов, в которых говорилось о названных жестоких правителях.

«Летописецъ» (полный заголовок его такой: «Летописецъ Великого князства Литовского и Жомоньского») начинается на л. 64. Первая часть оканчивается на л. 72 об. Вторая часть, озаглавленная «Крой-

⁷⁷ Лихачев Н. П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.

⁷⁸ Карский Е. Ф. Указ. соч., с. 212.

ники о великих князях литовских», находится на л. 73—90 об. Она начинается со слов: «Напервей у великого князя Кгедимина сем сынов было» — и заканчивается сообщением 1438 г. о разгроме русских татарами у Муroma и пленении великого князя Василия Васильевича. На л. 91 об.—128 находится «Хождение Данила игумена в святыи град Иерусалим». На л. 128 об. разные записи, не имеющие отношения к летописи. На л. 129—143 «Починается книга Товид». (Карский отмечал, что это произведение написано на очень чистом «западнорусском наречии старого времени».) На л. 144—158 об. «Видение Тундала» («Починается книга о Таудале рыцери»). На л. 159 «Починается реч о трех ставех». На л. 159 об. «Починается первый став сущим в браце мужем и женам христианиям». На л. 161 об. «Второй став есть вдовский». На л. 165 «Тутю ся починает о ставу девичем». На л. 171 об.—176 об. следует «Сказание о Сивилле пророчици». На л. 177 после заставки следует заглавие: «Проречения святых пророк о Христе Иусе». На л. 181 киноварный заголовок: «Стязание, бывшее въкратце в Иерусалиме при Софонии архиепископе, о вере христианстей евреом, сошедшимся и христианом». На л. 195 «Прорицание святых пророк о превечном рождени сына божна, иже от отца и о воплощении Христове, иже от святыя девы богородица Марна. Пророчество Соломоне, иже о Христе и въкоризна на отметных еврей. Усты Соломонн. Сын божий прорече о себе, иж бе превечен с отцем и свое рожество от отца исходно поведя, а рече». На л. 230 последний заголовок: «Слово о последнем времени, о Михаилове царстве. Господи благослови, отче».

По мнению Карского, оригинал, с которого был списан сборник, составлен в конце XV в., но переписан во второй половине XVI в.**

В некоторых отношениях летопись Красинского отличается от других, содержащих легендарное сказание. Прежде всего во всех остальных летописях сказание представляет собой как бы органическую часть всей летописи, ничем не отделяющуюся от прочего, тогда как в летописи Красинского легендарная и реальная части имеют отдельные заголовки («Летописецъ Великого князства Литовьского и Жомоньского» и «Кройники о великих князех литовьских») и таким образом представляют собой два отдельных произведения. Второе различие заключается в том, что легендарная часть в летописи Красинского не разбита на параграфы и не имеет продолжения до Гедимина, как во всех остальных; очень мало в ней и параграфов за пределами легендарного сказания. Поэтому можно предположить, что в оригинале, с которого списывалась летопись, легендарная и реальная части («Кройника» начинается с перечисления сыновей Гедимина) летописи представляли собой отдельные произведения, причем, возможно, параграфов в нелегандарной части было еще меньше (а может, их и вообще не было, т. е. «Кройника» представляла собой сплошной текст без какого-либо деления). На это указывает хотя бы то, что из девяти имеющихся в настоящее время параграфов три, притом очень кратких и помещенных один за другим, касаются Свидригайла.

** Там же, с. 220.

Особенностью летописи Красинского является и то, что ее переписчик пытался уяснить этимологию слова «Жомойть» — того района Литвы, куда, согласно легенде, впервые вступили беглецы из Италии. В тех случаях, когда в других летописях поднимается тот же вопрос, там сказано, что «жомойть» происходит «от розноженя». Это звучит не только неубедительно, но, пожалуй, и бессмысленно. Переписчик же летописи Красинского написал, что приехавшие «римляне», которым Жомойть понравилась, «назвали тую землю словенским языком — Побережная земля (очевидно, следует понимать „Поморье“ — Н.У.), а литовским языком назвали Жемонтская земля»¹⁰⁰. Любопытно отметить, что летописи, которые так упорно разделяют Литву на собственно Литву и Жемойть, нигде не говорят о наличии жемайтского языка и даже в данном случае, пытаясь определить смысл слова «Жемойть», ссылаются на язык не жемайтский, а литовский.

Не пытаясь более детально установить разницу между летописью Красинского и другими, содержащими легендарную часть, отметим лишь, что летопись Красинского из-за указанных особенностей не могла служить протографом других летописей, хотя и принадлежит к числу старейших.

Летопись впервые была напечатана в 1893 г. А. Ф. Бычковым¹⁰¹. Текст летописи в этом издании напечатан полностью, но без предисловия и без палеографического описания рукописи, и не сказано, каких правил придерживался Бычков, публикуя летопись.

При издании летописи в 1907 г. в ПСРЛ, т. XVII обе части были напечатаны отдельно, причем вторая часть раньше, чем первая: вторая — на стб. 153—190, первая — на стб. 227—238. Последнее издание этой летописи осуществлено в 1980 г. в ПСРЛ, т. XXXV, с. 128—144. Обе части там напечатаны вместе.

Ольшэвская летопись

Это единственная летопись, которая ко времени ее публикации в ПСРЛ, т. XVII находилась в частном владении — в именном поместье Свенцянского у. Виленской губ. Ольшэво (сейчас северо-запад Минской обл.), принадлежащем Александру Хсминскому. Летопись издавалась четыре раза: впервые в 1907 г. в ПСРЛ, т. XVII, стб. 421—472, вторично в 1907 г.¹⁰², в третий раз в 1932 г.¹⁰³, в последний раз

¹⁰⁰ ПСРЛ, т. XXXV, с. 128.

¹⁰¹ Литовская летопись по списку, находящемуся в библиотеке графа Красинского. СПб., 1893. В издании 1893 г. не сказано, что летопись подготовил к печати А. Ф. Бычков; там отмечено, что это сделано «по расгсражению Археографической комиссии». О том, что подготовка к печати осуществлена А. Ф. Бычковым, см.: ПСРЛ, т. XVII, с. IV.

¹⁰² Kodeks Olszewski Chomińskiego. Wielkiego księstwa Litewskiego i Zmódzkiego kronika / Podług rękopisu z roku 1550 wydał S. Ptaszycki. Wilno, 1907.

¹⁰³ Kodeks Olszewski Chomińskiego. Wielkiego księstwa Litewskiego i Zmódzkiego kronika. Warszawa; Lublin, 1932. Летопись не печаталась здесь вновь: это отклик из ПСРЛ, т. XVII, которому предпослано несколько именованное предисловие отдельного виленского издания.

1980 г. в ПСРЛ, т. XXXV, с. 173—191. Палеографическое описание сделано С. Л. Пташицким несколько раз. Впервые в ПСРЛ, т. XVII — предельно краткое. Гораздо полнее оно в виленском издании и почти такое же в варшавском.

В настоящее время рукопись Ольшевской летописи находится в Национальной библиотеке в Варшаве (№ 8088)¹⁰¹. Описание приводится по данным Пташицкого.

Летопись находится в составе большого рукописного сборника, переплет картонный, чернила черные, инициалы и титулы «цветные» (киноварь?). Флигрань — кабан (Пташицкий отметил, что подобное изображение в 1937 г. было неизвестно). Из записей, имеющих в рукописи, следует, что она была создана в 1550 г.

В начале сборника находятся «Права земские», т. е. список «артикулов» Литовского статута 1529 г. в польском переводе. Далее следует привилей великого князя Казимира 1457 г., затем «похвала» Сигизмунду I Войтеха Гашгольда, после чего текст Статута 1529 г. в польском переводе, а потом, с л. 263, «Кройника», т. е. Ольшевская летопись, за которой находится еще «Кройничка».

В предисловии 1932 г. Пташицкий пространнее, чем в 1907 г., говорит о языке летописей, помещенных в ПСРЛ, т. XVII. Он называет этот язык русским и вместе с тем отмечает, что он «местный», отличающийся от языка московского и современного русского. На этом языке, — продолжает Пташицкий, — была обширная литература. Выработался он из языка белорусского и был языком не только литературы, но и правительства в Литве до конца XVII ст.» Там же Пташицкий утверждает, что т. XVII ПСРЛ вышел под его редакцией, отрицая таким образом участие А. А. Шахматова¹⁰².

В предисловии к ПСРЛ, т. XVII Пташицкий отметил наличие «довольно точной копии XVIII ст.», находившейся в Рукописном отделе Виленской публичной библиотеки (с. IX), но ему, видимо, осталась неизвестной копия, хранящаяся в Отделе рукописей Ягеллонской библиотеки в Кракове (№ 6135); эта рукопись находится там с конца XIX в.

Судя по записям в Краковском сборнике, в составе которого находится летопись, он был переписан в 1558 г., и притом едва ли не тем же писцом, который переписывал Ольшевскую летопись (почерк Краковского списка и почерк фото, приложенного к изданию 1932 г., совпадают). При сверке текста, напечатанного в ПСРЛ, т. XVII, со списком Ягеллонской библиотеки расхождения обнаруживаются редко и незначительные. Вместе с тем в Ягеллонском списке в двух местах имеются пропуски строк, и в нем нет текста Статута; кроме того, порядок следования частей в нем не тот, что в Ольшевской.

Из записей на обложке Ольшевской летописи явствует, что она в XVII в. принадлежала Христофору Добкевичу; по семейным преданиям, она досталась ему от Франциска Хоминского, последнего мстиславльского воеводы, умершего в 1809 г. (т. XVII, с. IX—X).

¹⁰¹ *Vasilevskiene I., Larutka S. Pirmojo Lietuvos statuto alisavos nuorašas. — Lietuvos TSR Aukštojo Mokslo darbai. Istorija, 1976, XVI (1), p. 128.*

¹⁰² *Kodeks Olszewski Chomińskiego, s. 4.*

Румянцевская летопись

В 1902 г. Б. А. Вахевич опубликовал летопись, получившую название «Румянцевская»¹⁰⁷, поскольку она хранилась в Румянцевском музее (сейчас — в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 37, № 435). В том же 1902 г. печатался т. XVII ПСРЛ, в который были включены все летописи и «Кройники», содержащие историю Великого княжества Литовского, а также фрагменты хроник, относящиеся к истории этого государства, причем почти все они были опубликованы ранее. Том вышел из печати в 1907 г., но Румянцевская летопись не была в него включена.

Почему было сделано такое исключение? Очевидно, для этого имелись две причины. Во-первых, Румянцевская летопись вышла в свет, когда т. XVII ПСРЛ печатался, и поэтому редакторы т. XVII, возможно, посчитали неудобным один и тот же источник одновременно публиковать в двух изданиях. Во-вторых, редакторы т. XVII ПСРЛ использовали Румянцевскую летопись для реконструкции летописи Археологического общества.

Сборник, в котором помещена Румянцевская летопись, или «Кроника», размером в восьмушку, бумага белая, плотная, с желтоватым оттенком, почерки в разных разделах разные, но везде это полуустав, чернила черные, заголовки разделов, за очень редким исключением (когда они написаны чернилами), киноварные; киноварью часто написаны и начальные буквы. В ряде мест края листов оторваны. Части листов в середине и конце рукописи нет. Переплет кожаный конца XIX или начала XX в.

Первоначально листы были пронумерованы буквами славянского алфавита в правом нижнем углу листов. Всего пронумеровано 410 листов, но в действительности их меньше, так как по ошибке вместо 313 поставлен 323, т. е. пропущено десять листов, отсутствует еще 19 листов. Буквами же на нижнем поле обозначены номера тетрадей, по 8 листов каждая. После переплетения рукопись пронумерована заново арабскими цифрами в правом верхнем углу листов, причем чистые не нумеровались (чистый лист пронумерован только один раз — 140-а). Таким образом, буквами пронумеровано 410, а цифрами — 376 (в конце рукописи написано: «Всего 376»). Все ссылки в данной работе, если это не оговорено особо, даны на цифровые обозначения листов. По буквенной нумерации в рукописи отсутствуют листы 8—10, 12—18, 97, 104, 109, 117, 153, 177, 283, 286, 288, 313—322, 328, 353, 376—378, 402. Отсутствующие листы 109,

¹⁰⁷ 3 кроник великаго княжества Литовского и Жомонтского. — В кн.: Зап. Одесского общества истории и древностей, 1902, т. XXIV, отд. 1, с. 161—213; Вахевич Б. А. Западнорусская летопись по списку Румянцевского музея. Одесса, 1903. Вахевич при публикации оставил перед текстом то название, которое имеется в рукописи, несколько изменив его, т. е. вместо «За кройники» оригинала поставил «3 кроник» (полное название публикации: «3 кроник Великого княжества Литовского и Жомонтского»), но в статье, которая следует в «Записках» после текста летописи, она названа иначе: «Западнорусская летопись по списку Румянцевского музея». Это название в сокращенном виде и закрепилось за летописью.

Краковская рукопись в лист, бумага плотная, белая, переплет картонный. Листы разлинованы карандашом, на полях многочисленные записи другим почерком и другими чернилами. Весь текст писан крупным почерком готического характера. Заглавные буквы, заголовки разделов и масса рисунков сделаны пером чернилами, большие буквы в заголовках первоначально обводились пером, а затем заштриховывались. В рукописи есть запись о принадлежности ее Улашинскому и отметка библиотекаря, что установить, кто был Улашинский, не удалось.

Ольшевская летопись представляет собой перевод со старобелорусского. Переводчик плохо владел польским языком, в частности не знал, где ставить носовые буквы и как переводить отдельные слова. Публикуя летопись, Пташицкий часто ставил «sik», давая знать, что в этом месте текст несправен, местами же делал сноски, указывая, как следовало писать то или иное слово. Но ошибок в этой летописи столько, что отметить всех их оказалось невозможным. Судя по очень четкому почерку переписчика, речи о том, что сам Пташицкий неправильно прочитывал написанное, не может быть: это ошибки и искажения рукописи.

Какого рода расхождения получились при переводе по сравнению с оригиналом (о том, что это не ошибки оригинала, говорит терминология польского текста)?

Во-первых, переводчик, не зная, как перевести слово, просто переписывал его польской графикой, нередко ставя носовые знаки там, где они были ни к чему. Так, слово «вам» переведено как *wam* (435/178)¹⁰⁰. В самом начале слово «кораблях» переведено не польским *określach*, а «кораблях» (*korabiach*) (422/173), слово «зубров» передано не *źubrów*, а *ząbrów* (423/173) и т. д.

Во-вторых, сильно искажены географические названия. В Похвале Витовту при перечислении прибывших гостей упоминаются и «от гданского короля», тогда как должно быть от «дунского», т. е. датского. Согласно известной легенде, Кейстут нашел свою будущую жену Бируту в Паланге, по Ольшевской же летописи встреча произошла в Полоцке, причем это сказано дважды (440, 441/181). Свидригайло, направляясь после похода на Литву в Борисов, захватил там не Михаила Ивановича Гольшанского, а Михаила Полоцкого (462/189). Едва ли подобные ошибки случайны.

Еще о некоторых особенностях перевода. В рукописи отсутствовало «л» твердое (l); смягчения над согласными ставились очень редко, и притом только над буквой «щ» («s») и не всегда там, где нужно. Звук «в» передается двумя буквами: *w* и *v*, причем буква *v* означает также «у» (*u*). В ряде случаев звук «в» в одном и том же слове передан двумя буквами: *w* и *v*.

В общем, это очень ценный памятник белорусско-польских культурных связей в XVI в., когда верхушка белорусских феодалов стала переходить на польский язык и читать литературу на польском языке.

¹⁰⁰ Здесь и далее первыми указаны столбцы в ПСРЛ, т. XVII, а после косой — страницы в ПСРЛ, т. XXXV.

153, 177, 376, 378, очевидно, были чистыми, так как они следуют за чистыми листами перед началом новых разделов ¹⁰⁹.

В разных местах рукописи, главным образом на чистых листах, имеются записи владельцев. Первая из них, сделанная на нижних полях л. 12—57, следующая: «Сия книга, глаголемая летописец, Бронницкой округи Пясоченской десятины, села Слободина, церкви Покрова Пречистые Бѣгорѣдницы иерея Василия Маркова собственныя ево... Подписана моею десною рукою 1780 года». На л. 140 запись частично смыта, видны слова: «Сия книга летописец принадлежит...» На л. 163 об. (чистом) почерком XIX в. написано: «Сия книга принадлежит села Слободина Покровской церкви пономарю Василию Андрею Успенскому». На л. 176 об. (чистом) почерком конца XVIII в. написано: «Сий летописец села Слободина иерея Василия Маркова. Подписал города Бронницы пономарь Иван Васильев 1788 года декабря 19 дня». Последние два слова написаны по записи, сделанной почерком XVII в. На л. 22—22 об. есть частично срезанная запись, сделанная скорописью XVII в., видны слова: «История... летописец»; кроме того, сохранилось еще несколько записей, не имеющих, однако, значения при определении принадлежности и смене владельцев ¹⁰⁹. Вахевич считал, что рукопись написана почерком конца XVII в. (с. 214). Наличие записей, сделанных на полях л. 22 скорописью XVII в., говорит о том, что наблюдения Вахевича правильны.

На первых 11 листах (последних трех листов в этой части нет) говорится о разделении земли между потомками Ноя; обрывается часть (в связи с недостаточей листов) на незаконченном рассказе о Гостомысле. На л. 12—99 помещена «Кройника». На л. 100—104 рассказ о знаменьях, предвещающих Иерусалиму гибель. На л. 105—135 говорится о захвате Иерусалима Титом («Пленение римского царя Тита на Иерусалим»). На л. 135—140 «О Иерусалиме и его многих зовех и о Мелхиседеце». На л. 141—163 рассказ из отечественной истории «О пленении безбожного царя Батия, егда плени Резанскую землю и прочие места». На л. 164 «О взятии града Византийскаго». На л. 165—176 об основании Константинополя и его гибели. На л. 177—183 «О Албанской стране и о княжестве их». На л. 184—222 «О взятии Царяграда от безбожнаго Махмета Амуратова сына, турскова царя, еже при Константине царе, сыне Мануилове». На л. 222 об.—230 «Сказание Ивана Пересветова о царе турском Магмете, како хоте сожещи книги греческия». Заголовок следующего раздела написан чернилами (а не киноварью): «Выписано ис татарских книг из летописца Шайшадин Хозина да по скаске Магмет Мурзине; сошлося слово в слово. А сказывали Мураз Кирею, царевичю крымскому, коли он был в Астраха-

¹⁰⁹ Из статьи, сопровождающей публикацию Вахевича, следует, что описание сборника, содержащего Румянцевскую летопись, было осуществлено В. С. Долговым, который также сверял корректуру с оригиналом. Сам Вахевич рукописи не видел и подготовил текст к печати по той копии, которая была сделана для проф. И. А. Линниченко (Зап. Одесского общества истории и древностей, 1902, т. XXIV, отд. 1, с. 215—216). Описание сборника в «Записках» очень краткое, и поэтому дано более пространное.

¹⁰⁹ В «Записках» приведена только та запись, которая находится на л. 176 об.

ни» (л. 231—233). На л. 234—242 «Выписано ис книги, глаголемыя Степенны. Сия степень вторая на десять. Два митрополиты, Киприян и Гимни, и грань вторая на десять. В ней же глав 19 о житии и подвигах блаженного и достохвалнаго великого князя и царя рускаго Дмитрея Ивановича». Остальная часть рукописи посвящена преимущественно деятельности Дмитрия Донского и его жены Евдокии. Далее следуют публицистические памятники XVI в.: «Послание турецкаго царя Салтана к царю и великому князю Ивану Василевичу, всеа Руси самодержцу» (л. 346—352) и др. Кроме разделов, касающихся непосредственно истории русского народа, имеются краткие известия по истории Византии, Албании и родословная монгольских ханов, выписанная «ис татарских книг».

Из перечисления помещенных в сборнике материалов видно, что «Кройника Великаго княжества Литовского и Жомойтскаго»¹¹⁹ является элементом чужеродным, притом не только по содержанию, но и по языку: «Кройника» написана на старобелорусском языке, как и другие «Кройники», а весь остальной текст на русском. Основная часть «Кройники» заканчивается изложением событий 1440 г.

Совсем особый характер имеет текст на л. 95—99 — он не встречается в остальных белорусско-литовских летописях и близок лишь к тексту «Кронички», напечатанной в ПСРЛ, т. XVII и написанной на польском языке¹²⁰.

«Кройника» начинается с описания бегства из Рима 500 семей знатных римлян во главе с Палемоном, а заканчивается словами: «Лета 7075 (1567.— Н. У.) году. В том же году на берегу против крымского стоял князь Володимер Андреевич, с ним царя и великого князя бояре и воеводы» (л. 99).

В летописи недостает двух листов (по буквенной нумерации — л. 97 и 104). В первом случае недостает конца описания восстания в Смоленске. В конце л. 96 об. написано: «И после того замятня была великая в Смоленску, и помнили смоляне моршалака смоленского Петрыку, и утопили его в Днепре, и поставили себе воеводу в Смоленску князя Ан...», а л. 98 начинается словами: «престани с морозом была, и мерли люди многни по селом и по дорогам с великие студени, и снег был велми велик, за многни лета таковое зимы не было и таковое весны...» (л. 90 об.—91)¹²¹. В конце л. 103 об. следует: «Того же году татаров побито на Голтве, а тогда был князь Иван Дубровничий», а л. 105 начинается словами: «и лежали под Стародубом 5 недель из дел бьючи, оли ж подкопавшися порох запалили, и выкинуло 4 городни и замок взяли. Овчину князя Федсра и много княжат и

¹¹⁹ Литатурисе заглавие оригинала «За крэйники» представляется явной ошибкой. Произведения такого рода обычно озаглавлены «Кроника» или «Кройника».

¹²⁰ «[W]ielkiego Xięstwa Litewskiego krotko pisana». «Кроничка» находится в том же рукописном сборнике, в котором помещена Олесьевская летопись, непосредственно за летописью. Напечатана в ПСРЛ, т. XVII, стб. 469—472; т. XXXV, с. 192.

¹²¹ В летописи Рачинского, которая в этом месте близка к Румянцевской, далее находятся записи за 1440, 1432 (?), 1434, 1444 и частично за 1447 гг. Учитывая разницу в форматах обих памятников, можно считать, что в Румянцевской здесь недостает пяти страниц.

детей боярских в полон побрали, а иных постинали, бойцов 10 000 а 30 000 полому взяли» (л. 96 об.—97)¹¹³.

Летопись Археологического общества Шахматов относил к той группе летописей, к которой принадлежат Румянцевская, Рачинская и Патриаршая¹¹⁴. Чемерицкий же считает родственными ей летописи Красинская, Патриаршая Б, Ольшевскую, Румянцевскую, Познанскую, Тихонравова и Евренновскую¹¹⁵.

Среди известных в настоящее время белорусско-литовских летописей и «Кройник», очень бедных датами, летописи Румянцевская и Археологического общества едва ли не самые бедные в этом отношении. После года, помещенного в первой фразе в Румянцевской летописи (5526), в продолжение всей первой половины текста о датах не упоминается, и лишь на л. 62 об., в месте, где сказано о нападении Святослава Смоленского на Мстиславль, отмечено: «Тое ж опять зимы», но так как, в каком году происходили предыдущие события, не сказано, то остается неясным, какой год имелся в виду. После описания захвата поляками Каменца, дата которого не указана, следует рассказ о погроме войск Витовта на Ворскле; начинается он словами «Того же лета князь великий Витовт» (л. 76). Не указан даже год смерти Витовта, хотя, передавая ход борьбы между князьями Свидригайлом и Сигизмундом Кейстутовичем, летописец пишет: «Тое ж зимы другий раз князь Швинтрыгайло» (л. 85), но, в каком году происходили события «тое ж зимы», ранее указано не было. Далее идет указание на «тое ж лето», опять без сообщения, в каком году это происходило (л. 85), и то же на л. 86 об. (все о той же борьбе между Свидригайлом и Сигизмундом). О битве под Вилькомиром сказано, что она произошла «на Семен день в осень», без указания года (л. 87 об.).

Первая дата (л. 79) относится лишь к 1418 (6926) г.; дата здесь, как и везде, помечена буквами славянского алфавита. В указанный год (1418) князь Дашко Федорович захватил Каменец у поляков.

Сообщения с точными датами начинаются лишь с 1505 г. (в действительности с 1506 г.), что явно означало переход к другому источнику. Первая определенная дата приведена с чрезвычайной полнотой «В лето 7013 (1505.— Н. У.). Месяца августа в 15 день, индикта, в Виленском месте» великим князем литовским стал Сигизмунд (л. 92 об.). Далее такие же подробные даты следуют одна за другой. Коронование Сигизмунда произошло «в лето 7000 (I) (т. е. в 1492 г.— Н. У.) сен[тября] 21 день, индикта в 10, во вторник» (л. 92 об.). Здесь при всей полноте сообщение очень неточное, так как в 1492 г. был коронован не Сигизмунд, а Александр, коронация же Сигизмунд происходила в 1506 г. Князь Константин Острожский вернулся из русского плена в 1507 (7015) г., индикта 11, в субботу (л. 93). В ту же зиму Михаил Глинский «стял» Заберезинского (л. 93). В 1514 (7022) г. «индикта 12, месяца мая 16 день, на память святого отца нашего

¹¹³ Если сличить в этом месте Румянцевскую летопись с Евренновской и учесть разницу в форматах обоих памятников, то можно считать, что утерян один лист.

¹¹⁴ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.: Л. 1938, с. 330.

¹¹⁵ Чамярыцкі В. А. Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Мінск, 1969, с. 27

Григория» русские войска подошли к Смоленску, а 1 августа, в понедельник, Смоленск «подался» московскому великому князю (л. 93). Сигизмунд выехал из Вильно на войну против русских «июля в 22 день, на память святых Марии Магдалины, в субботу», и даже сказано, что это было «о 9 године дня» (л. 93 об.). Битва под Оршей произошла «сентября, в 8 день, на Рождество пресвятыя Богородица» (л. 93 об.).

Можно думать, что значительная часть этих ошибок произошла не только от путаницы действующих лиц, но и от того, что цифры — буквы славянского алфавита были в оригинале написаны нечетко.

В большинстве случаев «Кройнички», написанные на старобелорусском языке, находятся в сборниках, написанных на том же языке, что и весь сборник. Однако Румянцевская летопись помещена вместе с рукописями, написанными по-русски и содержащими материалы, которые не имеют отношения к Великому княжеству Литовскому. Этот сборник был переписан в России русским человеком, который старался проделать свою работу добросовестно, но так как ему встретилось много незнакомых слов, то некоторые термины он передал неправильно.

Какие соображения заставили заказчика включить в сборник летопись, откуда был добыт оригинал для списывания и т. д., остается неясным. Ясно лишь то, что в летописях Археологического общества и близких к ней отсутствуют явно выраженные антимосковские настроения, которые имеются в летописях Евренновской и Быховца (поход Ольгерда на Москву), нет в ней и тех аутпольских настроений, которыми так богата хроника Быховца.

Евренновская летопись

Хранится в Центральном государственном архиве древних актов (ф. 181, оп. 1, ч. 1, № 76/101) в составе рукописного сборника. Рукопись в четвертку, бумага белая, в различных частях неодинакового качества. Значительная часть летописи написана на бумаге желтоватого оттенка, низкого качества, чернила на которой расплылись и проступили на обратную сторону листов, вследствие чего текст местами трудно читать.

Бумажные знаки — герб Амстердама и голова шута, но нигде нельзя увидеть филигрань полностью. Однако в рукописи имеется запись, что текст переписан «во 198-м году», т. е. в 1690 г. Поскольку эта запись находится в конце сборника, то можно принять как достоверное, что он переписан в конце XVII в. Переплет — дубовые доски, обтянутые кожей. На нижнем переплете доска сломана вдоль по середине. Застежки оборваны, кожаный корешок отстал. По коже переплета вытиснены разные узоры. Листы 267, 268, 340 пронумерованы дважды.

Вся рукопись написана коричневыми чернилами, но на первых 183 листах начальные буквы часто написаны киноварью, там же имеются вышетыки, тоже выполненные киноварью, во всех остальных случаях текст, включая заголовки разделов, написан только чернилами.

В начале сборника находятся два неумерованных листа, на первом из которых запись: «На 535 листах, 1916 г., июля 13». На обороте того же листа надпись: «Ф. И. Сушицкий. 1916. VII». Далее следуют три листа, пронумерованные карандашом латинскими цифрами. На первом из них почерком начала XIX в. написано оглавление, далее, на л. 1—3 то же оглавление повторено, а в конце приписано, что рукопись подарена (Архиву Министерства иностранных дел.— Н. У.) «надворным советником Пав. Евренновым в 1814 г.» Летопись получила название по имени прежнего владельца — Евренновская.

Всего в сборнике 534 листа. Содержание помещенных в нем материалов разное, но в основном: они относятся к событиям, происходившим в России. На л. 1—80 об. «От летописца избрано вкратце о начале родословия от Адама первого дни и от коего колена его пондоша царие, судия же и владетьи и кто сколько лет бысть мнмотекушаго кола сего». Заканчивается сообщением об избрании на царство Михаила Федоровича. На л. 80 об.—88 «Сказание, чего ради Великаго Новаграда архиепископы на главах своих носить белые клобуки и таже и протчая митрополиты и епискулы». На л. 89—179 об. «Краткая, сиречь летописец от великаго князя Василя Ивановича начало приях о самодержавстве сына его могославного царя и великого князя Ивана Василевича всеа Русии и о христолюбивем царьстве приснопоминнаемаго царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии». На л. 179 об.—183 об. «Написание вкратце о царех московских и о образех их, и о возрасте, и о нравех». На л. 186—317 об. «Род государей великих московских уделных князен». На л. 319—439 «Киевский летописец. Списан во 193-м году ноября в день». Начало «Летописца» на л. 320: «О начале древних о словенскаго народа и о наречии или прозвищи его». На чистом л. 440 запись: «Списано во 198-м году ноября 11 день», т. е. 11 ноября 1690 г. В конце рукописи, на л. 441—534 об., находится летопись, озаглавленная «Книга Великого княжества Литовскаго и Желможицкаго».

Начинается летопись со слов: «Бысть воплощения сына божия от духа святаго...» — и заканчивается сообщением о смерти Сигизмунда I и женитьбе Сигизмунда II Августа на Варваре Радзивилл. На л. 534 об. приписка: «Полская хроника пишет: род Алкрирдов — 12 сынов: Якганло, Скриганло, Швидриганло, Борис, Курибут, Викгунт, Корикгал, Норимонт, Ланквин. Люборд, Андрей, Бутав».

Среди других белорусско-литовских летописей Евренновская выделяется огромным количеством ошибок и вообще небрежностью выполнения. Переписчик явно не понимал текста и поэтому сделал много ошибок.

Хроника Быховца

Находка Супрасльской летописи показала, что Стрыйковский, ссылаясь на летописи русские и литовские, не фантазировал, что подобные летописи были, однако Супрасльская очень мало походила на те летописи, на которые Стрыйковский делал ссылки (в ней прежде всего отсутствовала легендарная часть). Положение резко измени-

лось, когда была найдена и введена в научный оборот хроника Быховца.

Ни одна из белорусско-литовских летописей не вызывала и не вызывает такого интереса, как хроника Быховца, и ни об одной нет столько суждений. Достаточно сказать, что некоторые исследователи до сих пор считают ее фальшивкой, созданной, всего вероятнее, Теодором Нарбутом.

До 30-х годов XIX в. хроника находилась в имении Могилевцы Слонимского у. Гродненской губ., принадлежавшем помещику Александру Быховцу. Как название имени, так и фамилия владельца ведут в восточную Белоруссию, в Поднепровье (Быховец — значит уроженец Быхова, города на Днепре в современной Могилевской обл.). Эта фамилия, видимо, не выделялась знатностью происхождения, так как в работе Бонецкого, в которой собран материал о сколько-нибудь примечательных шляхетских фамилиях Великого княжества Литовского, Быховцы не упоминаются¹¹⁶. Ничего не говорит о Быховце, владельце рукописи, и «Польский биографический словарь», в котором зарегистрировано огромное количество лиц, часто весьма мало выдающихся. В этом словаре есть только статья о философе Иосифе Быховце¹¹⁷. Малопримечательным оказалось и селение Могилевцы, о котором «Географический словарь Польского королевства» даже не упомянул¹¹⁸.

В прошлом, когда рукопись хроники находилась в Могилевцах, там был значительный архив, от которого в настоящее время осталось очень мало, притом эти материалы касаются почти исключительно хозяйственной жизни имения¹¹⁹. История рукописи до того времени, когда она попала в руки учителя Виленской гимназии И. Климашевского, остается неизвестной. Климашевский, получив рукопись, опубликовал фрагмент, содержащий описание убийства великого князя Сигизмунда Кейстутевича¹²⁰.

Когда Климашевский напечатал отрывок хроники, Нарбут работал над своей «Древней историей литовского народа»¹²¹ и, очевидно, вскоре ознакомился с этой публикацией, а в 1834 г. Быховец переслал рукопись хроники Нарбуту в его имение Шавры. При подготовке к печати «Древней истории» Нарбут широко использовал новый источник, дал ему название «Хроника Быховца» по фамилии владельца и сделал палеографическое описание. В 1846 г. Нарбут напечатал хроннику целиком отдельным изданием¹²². Вскоре после публикации рукопись исчезла.

Данилович пытался возражать против названия «Быховца», утверждая, что хроннику следует назвать Заславской, так как он считал,

¹¹⁶ *Boniecki A. Op. cit.*

¹¹⁷ *Polski słownik biograficzny. Kraków, 1937, t. III, s. 158.*

¹¹⁸ *Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych ziem słowiańskich. Warszawa, 1885. T. VI.*

¹¹⁹ Хроника Быховца. М., 1966, с. 10.

¹²⁰ *Nowogocznik litewski na rok 1831. Wilno, 1830, s. 93—102.*

¹²¹ *Narbutt T. Dzieje starożytne narodu litewskiego. Wilno, 1835—1841. T. I—IX.*

¹²² *Pomniki do dziejów litewskich. Wilno, 1846.*

что это то самое произведение, которое Стрыйковский получил в свое время у князей Заславских¹²³. Однако это предложение Даниловича не получило поддержки, тем более что позже было доказано, что летопись, бывшая у Стрыйковского, и хроника Быховца хотя и близки между собой, но не идентичны.

С течением времени о публикации Климашевского перестали вспоминать, во всяком случае когда возник вопрос о подлинности хроник. Нарбут был известен в качестве исследователя, делавшего ссылки на недостоверные или даже вымышленные источники, а так как, кроме него, рукописи никто не видел (исключая Климашевского), то возникло подозрение, не написана ли и хроника Быховца самим Нарбутом.

Польский историк К. Ходыницкий, изучая источники Нарбута, доказал, что использованная им так называемая Рауданская хроника в действительности никогда не существовала, и обещал провести в будущем соответствующее изыскание в отношении хроник Быховца¹²⁴. Однако такое исследование не появилось. Тот факт, что в одной из своих более поздних статей Ходыницкий подверг анализу эпизод, изложенный в хронике Быховца, причем вопроса о подлинности источника он не ставил, может служить доказательством того, что этот исследователь отказался от мысли признать хронику фальшивкой¹²⁵.

Изыскания Р. Шалуги, обнаружившего в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук Литовской ССР письма Быховца Нарбуту, в которых Быловец сообщал о пересылке рукописи Нарбуту, а также письма Винченца Нарбута, родственника Теодора Нарбута, содержащие сведения о ходе печатания хроник, говорят о том, что она существовала в действительности¹²⁶. К этому можно добавить, что хроника вышла из печати при жизни ее владельца — А. Быховца, который, надо полагать, опротестовал бы подобное действие, если бы названная его фамилией хроника была «придуманная».

Ходыницкий был уверен, что рукопись, если она и имелась, исчезла сразу после ее публикации. На самом же деле она находилась в Шаврах еще в 1851 г., и лишь в описи 1864 г. (составленной вскоре после смерти Нарбута учителем виленской гимназии Соколовым) она уже не числилась¹²⁷.

Пытаясь доказать, что хроника Быховца была фальшивкой, написанной Нарбутом, исследователи как бы не замечают обстоятельство, делающих их выводы несостоятельными. При наличии публикации Климашевского Нарбут мог списать отрывок об убийстве Сигизмунда из «Новорочника», но остальной текст нужно было написать так,

¹²³ Данилович И. Указ. соч., с. 92—93.

¹²⁴ Chodynicki K. Ze studjów nad dziejopisarstwem rusko-litewskim.— In: Ateneum Wileńskie. Wilno, 1926, zes. 10/11, s. 387—401.

¹²⁵ Chodynicki K. Geneza i rozwój podania o zabójstwie Zygmunta Kiejstutowicza.— In: Ateneum Wileńskie. Wilno, 1928, zes. 15, s. 79—103.

¹²⁶ Šaluga R. Bychovco kronika.— Lietuvos TSR Mokslu Akademijos darbai. Ser. A., 1959, N 1(6), p. 149—154.

¹²⁷ Хроника Быховца, с. 10.

чтобы он не отличался, хотя бы по языку, от отрывка, опубликованного Климашевским. Летопись Рачинского, мало отличающаяся по языку от хроники Быховца, была обнаружена и издана позже и поэтому образцом для Нарбута не могла служить.

Трудно также представить, что такой литовский патриот, как Нарбут, называл все реки, населенные пункты и имена действующих лиц Литвы не в литовском, а в белорусском произношении.

Поскольку в рукописи не доставало начала, конца и части середины, то возник вопрос о размерах потери. Издавая хронику, Нарбут сообщал, что утеряно около половины рукописи¹²⁸. При публикации перевода нами высказано предположение, что недостает не более четверти¹²⁹. Последние наши наблюдения говорят, что утеряно еще меньше.

Каким образом можно определить потери? Нарбут указал, что рукопись хроники была размером в четвертку¹³⁰. При наличии помещенного в издании Нарбута факсимиле небольшого отрывка рукописи можно подсчитать, сколько знаков приходилось в оригинале на строку. Их оказалось в среднем 45. В ПСРЛ, т. XXXII, где опубликована хроника, в строке умещается 95 типографских знаков корпусом, строк же, в которые вмещалась страница утерянной рукописи, — 15 (Нарбут при печатании указывал страницы рукописи). Значит, на одной странице рукописи находилось примерно 1400 знаков. Разделив число знаков в странице на число в строке, получим на страницу 30—31 строку. Таким образом, утверждение Нарбута, что рукопись была в четвертку, подтверждается.

Сравнивая хронику Быховца с хроникой Стрыйковского и рядом белорусско-литовских летописей, можно установить, какие места хроники Быховца отсутствуют. Учитывая, что тексты сохранившихся источников как перед утерянными местами, так и после них совпадают почти буквально (или даже буквально) с соответствующими местами хроники Быховца, можно думать, что точно так же совпадали и утерянные места и что, следовательно, они вполне восстановимы по сохранившимся источникам. При издании в ПСРЛ недостающие места в хронике Быховца (и имеющиеся в других источниках) давались в сносках под строкой петитом. Типографских знаков в этих местах на строку приходится 106. На с. 128 под строкой оказалось 16 строк, а знаков, следовательно, 1696; на с. 131, 132—23 строки, знаков 2438; на с. 134—13 строк, знаков 1378; на с. 163—12 строк, знаков 1272; на с. 170, 171—28 строк, знаков 2968; на с. 133 — одна строка.

При переводе этих показателей на страницы рукописи получим следующее число строк (разделяя количество знаков, потребовавшихся для восстановления утерянных мест, на 45, т. е. на число знаков в строке в рукописи): на с. 128 знаков 1696, что означает 38 строк оригинала или несколько больше страницы; на с. 131, 132 знаков 2438, или 57 строк, т. е. примерно две страницы текста; на с. 134 знаков

¹²⁸ Pomniki do dziejów litewskich, s. II.

¹²⁹ Хроника Быховца, с. 12.

¹³⁰ Pomniki do dziejów litewskich, s. I—II.

Составляя указатель, Нарбут изменял как имена, так и фамилии, причем иногда переделывал русские имена на польские (князь Юрий Лингвеневиц в указателе назван «Ежи»). В других случаях переделка придает именам литовское звучание (в тексте написано «Куковойт», а в указателе — «Куковойтис»). Имеются и такие переделки: в тексте — «Зубревникий», а в указателе — «Зубревич» и т. д. Нарбут считал, что в хронике ошибочно написано имя князя — не «Арвид», а «Ердивил», поэтому в указателе «Ердивил» исчезает и на его месте появляется «Арвид».

Географические названия и тем более предметы даны в очень небольшом количестве, и выбор их предельно случаен. Громадное количество опечаток в указателе наводит на мысль, что и в тексте их тоже должно быть немало.

Палеографическое описание рукописи было дано Нарбутом дважды: впервые в т. III «Древней истории»¹³⁶ и вторично в 1846 г. при публикации хроники¹³⁷. В первом случае Нарбут писал, что хроника представляла собой «рукопись в четвертку, 20 листов (следует понимать тетрадей.— Н. У.), польским письмом XVII в., писано мелким почерком, ровно, сжато, очень чисто, на старой бумаге, водяной знак которой показывает местную польскую фабрику». Филигранны, по мнению Нарбута, представляли собой изображение шляхетских гербов. Во втором описании добавлено, что бумажный знак на одной половине листа изображает карася, а на другой — буквы GG; далее отмечено, что на подобной бумаге писались шляхетские документы XVI — начала XVII в. (на основании чего Нарбут и датировал рукопись тем же временем).

На обороте последнего листа рукописи написано по-польски: «Kronika litewska z ruskiego języka na polski przetłumaczona» («Хроника литовская с русского переведена на польский»), хотя здесь не перевод, а лишь передача польской графикой белорусского кириллического текста. После этой записи в издании 1846 г. помещен летописный отрывок, опубликованный в 1836 г. П. А. Мухановым, в котором говорится о женитьбе польского короля и литовского великого князя Сигизмунда II Августа на Варваре Радзивилл¹³⁷. Затем на новой странице следует родословие витебских князей («A se jest rodosłowie książęz witebskich»), перед которым имеется запись Нарбута, что родословие находилось в самом конце рукописной хроники в виде приписки. Из примечания к этому месту следует, что приписка сделана не тем почерком, каким писана хроника¹³⁸.

Издавая перевод хроники Быховца и пытаясь определить время, когда она была написана, мы, учитывая, что в альбоме К. Я. Тромонина встречается филигрань, на которой изображены как рыбы, так и соответствующие буквы¹³⁹, сделали вывод, что хроника была переписана в 70-е годы XVI в.¹⁴⁰

¹³⁶ Narbutt T. Op. cit., t. III, s. 578—579.

¹³⁷ Pomniki do dziejów litewskich, s. 1—11.

¹³⁸ Сборник Муханова. М., 1836, с. 140—141.

¹³⁹ Pomniki do dziejów litewskich, s. 81.

¹⁴⁰ Тромонин К. Я. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге. М., 1844, № 1584.

¹⁴¹ Хроника Быховца, с. 29.

1378, или 31 строка, или одна страница рукописи; на с. 163 знаков 1272, что тоже должно означать одну страницу; на с. 170, 171 знаков 2968, что значит 66 строк, или две заполненные с обеих сторон страницы рукописи; недостача одной строки на с. 133 может рассматриваться как описка. Значит, в тексте рукописи (в середине) недостает 9885 знаков, или 220 строк, или 7,5 заполненной с одной стороны страницы, а точнее, около 4 листов.

Труднее определить недостачи в начале и конце. У Стрыйковского при передаче первого варианта легенды (бежал из-за жестокостей Нерона)¹²¹ текст занимает 49 строк по 67 знаков в строке, всего 3283 знака. Второй вариант причин бегства (спасаясь от нашествия Аттилы)¹²² — строк 24, знаков 1608; следовательно, знаков всего 4891, или 104 строки, что составит примерно 3,5 страницы. Так как на первой странице должна была находиться заставка, то можно принять, что в начале рукописи недоставало двух листов.

Применить тот же способ подсчета относительно недостающей части описания битвы под Клецком нельзя, ибо это событие описано Стрыйковским стихами, в результате у него появляется так много «деталей», что сравнить стихотворную передачу с прозаической невозможно. Учитывая, что основная часть описания в хронике Быховца сохранилась, можно дать как максимум на утерянную часть одну страницу. Что касается восстания Миханла Глинского, о котором обещал рассказать составитель хроник Быховца¹²³, то описание его занимает у Стрыйковского несколько больше страницы¹²⁴, что составляет 79 строк, в переводе на страницы рукописи это означает несколько меньше трех страниц.

Таким образом, по нашим подсчетам, из рукописи утеряны в начале четыре, в середине семь с половиной, в конце около четырех страниц, всего примерно 16 страниц, или 8 листов. Если считать, что у Быховца имелось 158 страниц, то всего в рукописи было 174 страницы, или 87 исписанных с двух сторон листов. Значит, потеря составляет около 9% текста.

Естественно, что наш подсчет условный, однако одно положение бесспорно: утраты не так велики, как предполагалось раньше.

В конце своего издания Нарбут поместил указатель (с. 83—90), и хотя в заголовке к нему сказано, что здесь перечислены лица («особы»), в действительности даны указатели именной, географической и отчасти предметной. Поскольку Нарбут верил всему, что написано в хронике, это получило отражение и в указателе; например, относительно персонажа, называемого Аполлоном, сказано, что это, вероятно, Палемон (тем более что подобный персонаж у Стрыйковского назван Палемоном.— Н. У.), который выехал из Венеции в Литву.

¹²¹ *Strykowski M.* Kronika polska, litewska, żmódzka i wszyskiej Rusi. Warszawa, 1846, cz. 1, s. 55 от слов «stało się jest wcielenie» и оканчивается словами «Zmódz od mnożenia».

¹²² *Ibid.*, s. 56 от слов «roku bożego 401» и оканчивается словами «ludu jego okrutnego».

¹²³ ПСРЛ, т. XXXII, с. 168.

¹²⁴ *Strykowski M.* Kronika polska, litewska, żmódzka i wszyskiej Rusi. Warszawa, 1846, cz. 2, s. 333—338.

М. А. Ючас, ссылаясь на работу Лауцявичюса, считает, что рукопись переписана в начале XVIII в. на бумаге прусского производства¹⁴¹. Предположение, что рукопись переписана латиницей в XVIII в., всего более вероятно, притом такой вывод получается независимо от неясных показателей филиграней. Дело в том, что в Великом княжестве Литовском кириллическое письмо в XVIII в. было почти забыто, и поэтому, когда приходилось переписывать белорусские тексты XV—XVI вв., это делалось польской графикой, полностью сохраняя язык. Но так как подобного в XVI и XVII вв. не встречается (или встречается крайне редко), то можно считать, что хроника Быховца была переписана в XVIII в., притом не позже середины столетия.

Много споров в литературе вызывает национальная и религиозная принадлежность как составителя хроники, так и инициаторов ее создания. Сказание о прибытии предков литовской шляхты из Рима и дальнейшие события на протяжении сотен лет не являются индивидуальной особенностью хроники Быховца, так как все это содержится в ряде белорусско-литовских летописей (есть и в некоторых польских хрониках). Исходя из этого легендарное сказание следует рассматривать не как часть какой-либо летописи, а как определенный этап в развитии летописного дела в Великом княжестве Литовском.

Как отражен в хронике вопрос религиозный? Весь текст этого произведения говорит о том, что его составитель был чрезвычайно терпим, но, будучи человеком определенной эпохи, он не мог не затрагивать верований действующих лиц. Авторское отношение к событиям, изложенным в легендарной части, отмечено едва ли не один только раз: когда литовцы разгромили на реке Ясельде войска волыньских князей, Русь «возгласн великим плачем, иж так вси суть побиты от безбожное литвы»¹⁴² (да и это восклицание, судя по языку, едва ли не заимствовано из волынской летописи).

Весь дальнейший текст говорит о «свободомыслии» автора. Так, обстоятельство, что приехавшие в Литву из Рима аристократы и их потомки еще в XIII в. совершали языческие обряды, не вызывает у составителя ни малейшего осуждения. Как совершенно обыденное дело записано, что полоцкий князь язычник Гинвил, потомок Палемона, женившись на тверской княжне, «охристится в рускую виру». Его сын Борис был русской веры и очень набожен¹⁴³. С полным равнодушием отмечено, что Миндовг крестился по католическому обряду, а затем вернулся в язычество; сын его Войшелк «принял святое крещение», но так как он крестился по православному обряду, то можно думать, что хронист отнесся к этому одобрительно («святое крещение») ¹⁴⁴.

Начиная с того времени, когда хроника (как и вообще все летописи) принимает хотя бы отчасти черты реальности, составитель отмечает, что кому-то из богущихся бог помогал одерживать победы, но при

¹⁴¹ Ючас М. А. Хроника Быховца. — В кн.: Летописи и хроники, 1973 г. М., 1974, с. 221.

¹⁴² ПСРЛ, т. XXXII, с. 131.

¹⁴³ Там же, с. 130—131.

¹⁴⁴ Там же, с. 133.

этом религия как победителя, так и побежденного значения не имела: бог всегда оказывался на стороне язычников литовцев и против христиан. Так, бог помог язычнику Гедмину одержать в течение самого короткого времени победу как над католическим Орденом, так и над православным владимирским князем Владимиром¹⁴⁴. Ольгерд в свое время «охристался в рускую виру», но «панове литовские вси были в своих верах поганских. И князь велики Олгерд не чинил им силы и в веру свою не вернул, и рымское виры в Литве паки не было, толко руская змешалася»¹⁴⁵. Здесь нет и намека на то, что паны, оставаясь язычниками, поступили неправильно (не заботились о спасении своих душ.— *Н. У.*), не осуждает хронист и Ольгерда, не настаивавшего на христианизации своих панов¹⁴⁷. Сочувствие хрониста вызывает поведение князя Константина Корнатовича, которому польский король предложил свою дочь в жены, а вместе и польский престол после своей кончины, при условии, что тот перейдет из православия в католичество, на что Константин ответил отказом¹⁴⁸, а далее, тоже без всякого комментария, сообщается, что язычник Гаштольд, женившись на дочери бучацкого старосты, «охристался в лядскую виру»¹⁴⁹.

При таком положении, казалось бы, уяснить, «лядской» или «русской» вере сочувствует хронист, не всегда возможно, однако есть данные, которые показывают, что хронист был веры «русской». Например, Ягайло вошел в «церковь», чтобы там окреститься в «римскую» веру¹⁵⁰. Для католика назвать храм не костелом, а церковью было едва ли возможно. Кстати, Ягайло согласился принять «веру их латынскую»¹⁵¹.

При кажущемся равнодушии к делам веры составитель больше склонен к православию, чем к католицизму. О том, что хроника скомпонована из отдельных частей, писали, кажется, все исследователи этого памятника, но один отрывок при изучении вопроса о возможном составителе представляет интерес. Это место выделяется резко выраженной неприязнью к смоленскому князю Святославу, вместе с тем там обильно цитируются библейские тексты, чего в хронике больше не встречается. В отрывке описываются события, происходившие вскоре после коронации Ягайло, когда смоленский князь Святослав в союзе с полоцким князем Андреем (к которому на помощь пришли ливонские немцы) начал войну в северной Белоруссии, намереваясь оторвать ее от Великого княжества Литовского. Оставив без внимания князя Андрея и немцев, хронист обрушивается на Святослава, обвиняя его в нарушении клятвы о мире и в страшных жестокостях, которые тот совершал около Орши. (Поступая «не по-человечески и не по-христиански», Святослав загонял жителей в избы и сжигал их там живьем.) В других случаях поднимались срубы изб, людей клали шеями на фундаменты и, опустив срубы на место, да-

¹⁴⁴ Там же, с. 136.

¹⁴⁵ Там же, с. 139.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же, с. 139—140.

¹⁵⁰ Там же, с. 145.

¹⁵¹ Там же, с. 144.

вили людей. На спасение угнетаемых двинулась армия под командованием князей Скиргайла и Витовта. Крайне возмущенные вероломством Святослава князя, идя, поминали «слово божие, говорящее: в нюже мѣру мерите и отмерится им». Эти слова в хронике написаны кириллицей. Далее следует ряд библейских фраз, написанных латиницей¹²². Всего вероятнее, их написал «русин».

Естественно, что при изучении хроник возникает вопрос, по чьей инициативе она была создана. По мнению Ючаса, инициатором был виленский католический епископ князь Павел Гольшанский¹²³. Однако то место хроники, где о католической религии сказано «их вера ляхская», ставит под сомнение участие в этом деле главы католической церкви Литвы.

Публикуя хронику в ПСРЛ, т. XVII, С. Л. Пташицкий в ряде случаев прочитал и напечатал текст более правильно, чем Нарбут, но и он при этом иногда неправильно ставил знаки препинания, а иногда отмечал вопросительными знаками диалектизмы («двананцать»).

Учитывая крайнюю схожесть хроники Стрыйковского с хроникой Быховца, Пташицкий восполнил недостающие места в хронике Быховца соответствующими местами из хроники Стрыйковского, помещая их прямо в тексте. В других случаях утерянные отрывки при заимствовании из хроники Стрыйковского помещены под строкой. Самые большие из них касаются конца хроники Быховца — рассказа о нападении татар в 1503 г.

Ошибки или опечатки в ПСРЛ, т. XVII встречаются очень редко, при этом их больше всего в хронике Быховца. Следует отметить, что иногда слова, правильно напечатанные Нарбутом, в т. XVII даны неправильно. Так, в издании Нарбута напечатано «над», а в т. XVII — «нап»; у Нарбута — «речё», а в т. XVII — «жече»; у Нарбута — «приеди», а в т. XVII — «пшнеди»¹²⁴. Следовательно, словам, данным у Нарбута в белорусском произношении, в т. XVII придано польское звучание. Это же направление (польский характер) усиливается тем, что прописные и строчные буквы поставлены так, как это принято в польском языке, в результате чего, например, город «Царьград» написан со строчной буквы, а «тайстра» (холщовая сумка) — с прописной (что, очевидно, дало основание составителю указателя к т. XVII ПСРЛ принять «тайстру» за населенный пункт).

Хроника Литовская и Жмойтская

Все известные в настоящее время белорусско-литовские летописи и хроники близки между собой по содержанию, и тем не менее каждая из них представляет собой индивидуальное произведение, сохранившаяся в одном списке. Что касается хроники Литовской и Жмойтской, составленной позже других — в 30—50-е годы XVIII в., то известны

¹²² Там же, с. 145.

¹²³ Ючас М. А. Указ. соч., с. 227.

¹²⁴ Хроника Быховца, с. 13.

четыре ее списка) находящиеся в хранилищах СССР и Польской Народной Республики, кроме того, есть и пятый — Эрмитажный, переписанный в конце XVІІ в., в языке которого сильно проявлены элементы современного украинского языка, но который по содержанию не отличается от других.

В зависимости от места нахождения или места, где они были переписаны, списки называются Тобольский (Тобольский архив Тюменской обл., Отдел рукописных книг, № 79), Ленинградский (Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, F. IV.372), Красноярский (переписан в Красноярске в 1750 г.; Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, № F.IV.727, ч. 1, 2), Краковский (Библиотека Польской Академии наук в Кракове, Отдел рукописей, № 281) и Эрмитажный (Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, № F.320, ч. 1, 2, 3)/

Первоначально Н. Н. Улащиком был обнаружен и обследован Ленинградский список, затем Красноярский, потом В. И. Бугановым найден Тобольский, который после соответствующего изучения был положен в основу публикации в ПСРЛ, т. XXXII. Краковский список обнаружил Я. Н. Щапов. Ленинградский и Краковский использованы для подведения вариантов. Красноярский, представляющий собой копию Тобольского, и Эрмитажный списки с сильно модернизированным языком при издании хроники использованы не были.

«Кройника Литовская и Жмойтская» является частью большой рукописи, озаглавленной «Летопис, то есть кройника великая з ронных многих кройникаров диалектоя руским написана, а найпервей о створеню от бога о днех шестих». Все известные сейчас списки «Кройники» представляют собой рукопись в лист, Тобольский и Ленинградский списки переписаны примерно в 30—50-е годы XVІІІ в., Красноярский — в 1750 г., Краковский — в XVІІ в.

Весь Тобольский список написан одним Я тем же очень четким почерком, темно-коричневыми чернилами. Заголовки разделов и во многих случаях начальные буквы написаны кинноварью. Каждый лист обведен рамкой; на верхнем и боковых полях рамка двойная, имеющая форму вытянутого прямоугольника. Внутри верхней рамки обычно помещены заголовки крупных разделов, на боковых дано краткое содержание находящегося на странице текста или (гораздо реже) выражено отношение к освещаемым событиям. Переплет — доски, обтянутые кожей. В нижней части корешка кожа оторвана, в других местах отстала. На последних листах заметны следы сырости, а нижние уголки ряда листов истлели. }

В начале рукописи имеются два чистых листа, затем следует обращение к читателю «Слово ко любимому читателю всякому» и «Оглавление речей, которые в сей книзе обретаются». «Слово» и «Оглавление» имеют собственную нумерацию листов (16). После оглавления снова два чистых листа, а за ними текст собственно «Летописи». Листы рукописи с 1-го до 42-го пронумерованы буквами старославянского алфавита в правом верхнем углу листов; параллельно нумерация дана

арабскими цифрами, после л. 42 нумерация только цифровая. Всех пронумерованных листов 575 (л. 211 пропущен). Затем следуют еще два чистых листа, на которых очередные цифры написаны фиолетовыми чернилами, очевидно, в 20-х годах XX в.

«Летопис» состоит из ряда разделов или частей, в каждом из которых содержится история какого-либо народа или народов за определенный период времени. Первый и самый пространный раздел занимает л. 9—349. В начальной части его излагаются библейские события, прерываемые другими (отрывки из рассказов о Троянской войне, об Александре Македонском, из сочинений Иосифа Флавия и т. д.). На л. 350—382 находятся краткие заметки, относящиеся к истории Западной Европы, Турции и о начальном периоде истории славян. Листы 382—450 заняты записями о «преславном столечном всего народа росского головном месте Киеве» и заканчиваются сообщением о Чигиринском походе 1677 г. Листы 451—543 занимает «Кройника» («Вывод и початок о Великом князстве Литовском и Жмойтском, отколь взмоглися и пошли»). На л. 543 об.—575 — «Короткое собрание кройник полской».

События, описанные в «Кройнике», начинаются с времен легендарных — бегства из Рима в Литву пятисот семей знатных римлян во главе с Палемоном, а заканчиваются избранием на престол Речи Посполитой Сигизмунда III.

В большом по объему «Летописе» «Кройника» представляет собой отдельное произведение, мало связанное с предыдущим и последующим текстами. В своей основной части, т. е. там, где излагается история Великого княжества Литовского, «Кройника» следует за «Хроникой» М. Стрыйковского, являясь как бы переводом его произведения. Однако автор «Кройники» пользовался не печатным текстом Стрыйковского, а рукописью-переводом, так как при ссылках на Стрыйковского указанные в «Кройнике» листы не совпадают со страницами напечатанной работы Стрыйковского¹²³. Вместе с тем ясно, что «Хроника» Стрыйковского не была единственным источником для составителя «Кройники», так как в последнем произведении имеется ряд известий, отсутствующих у Стрыйковского, а некоторые события изложены по-иному. Резко расходятся обе хроники в датировке событий, причем Стрыйковский, несмотря на всю условность его дат, ближе к действительности, чем «Кройника».

Кроме Стрыйковского, составитель «Кройники» при написании истории Великого княжества Литовского использовал «Европейскую Сарматию» Александра Гваньини¹²⁴, народные предания и отдельные документы (такой документ использован при описании сватовства и женитьбы великого князя Александра Казимировича на княжне Елене Ивановне). Кроме того, в «Кройнику» включены повесть о Куликовской битве, «Повесть о деспоте, господари волоском» и описание осады Пскова Стефаном Баторием.

¹²³ Улащик Н. Н. «Литовская и жмойтская кройника» и ее отношение к хроникам Быхоня и Стрыйковского. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 360.

¹²⁴ Guagnin A. Sarmatiae Europa descriptio. Cracoviae, 1678.

Повесть о Куликовской битве вставлена в «Кройнику» без малейшей попытки увязать ее с последующим и предыдущим текстом. Таким образом, эта поздняя «Кройника» включает в себя ряд произведений, отсутствующих во всех остальных белорусско-литовских летописях и хрониках. К этому добавим, что в «Кройнике» содержится повесть о походе Ольгерда на Москву. Кроме «Кройники», подобное произведение есть только в хронике Быховца и Евреинновской летописи.

Ленинградский список имеет на отдельном листе заголовок: «Литовскзя и Жмойтская кроника»; непосредственно же перед текстом есть еще заголовок: «Вывод и початок о Великом о князстве Литовском и Жмотском, отколь взмоглися и пошли». Вся рукопись написана одной рукой очень четким почерком, похожим на тот, каким писана Тобольская. Переплет картонный XIX в. При переплетении края рукописи были обрезаны, причем частично срезаны и надписи на полях. На обороте переплета карандашная запись: «Из собрания книг Степана Кулова». Всего в «Кронике» 121 пронумерованный лист (от 484 до 604 включительно), а в начале имеется еще один, как бы титульный, на котором написан заголовок. Наличие такого листа, надпись на котором сделана теми же чернилами, какими писана вся рукопись, говорит о том, что «Кроника» рассматривалась как самостоятельное произведение, хотя рукопись и начинается с л. 484.

Собственно «Литовская кроника» занимает л. 484—571, а на последующих изложена история Польши, озаглавленная «Короткое собрание кройники польской, ведлуг наступования одного по другому всех княжат и кролев народу того полского, почавши найпервей от Леха, першого монархи и справцы поляков, аж до короля Владислава Четвертого, заховуючи порадок». На самом же деле «Кройника» заканчивается обзором событий 80-х годов XVI в. Далее следует «Повесть о Подкове, господару волоском»¹⁴⁷, а в конце помещены случайные записи, озаглавленные «Тут позосталые некоторые речи от кройник вспоминаю», они аналогичны тем, которые помещены в последних разделах Тобольской рукописи.

По-видимому, Ленинградский список ближе к оригиналу, с которого списан и Тобольский, но так как эта близость чаще всего выражается в ошибках, а также в искажениях имен, то при публикации предпочтение было отдано Тобольскому, который, возможно, правлен по какому-то более проверенному списку. Кроме того, Тобольский имеет дополнительные данные по истории Великого княжества Литовского, тогда как в Ленинградском они отсутствуют, поскольку нет большей части рукописи. (Часть известий, имеющихся в Тобольском списке и касающихся Великого княжества, помещены в ПСР.Л, т. XXXII в виде Приложения; с. 206—214.)

Красноярский список писан полууставом, местами четким и ясным, местами — неряшливым. Почерк Красноярского значительно крупнее почерков, какими писаны Тобольский и Ленинградский

¹⁴⁷ Повесть о Подкове переведена на румынский язык (Revista arhivelor. Bukuresti. 1977. N 4. p. 440—446).

списки, и поэтому размер Красноярского значительно больше Тобольского (Красноярский состоит из двух частей того же формата, что и Тобольский). На титульном листе второй части записано, что книга переписана «в Красноярску в 1750 году». На первых двух чистых листах обеих частей записи: «Ф. Буслаев, Москва, 1858, февраля 26». В первой части имеется и другая запись: «Сия книга, имеваемая кроинка, написана в Сибири в городе Красноярску». На следующем чистом листе почерком начала XIX в. дарственная запись: «Александру Васильевичу Чагину подарена Д. Баклановым». Подобная запись есть и во второй части, но там фамилии как дарителя, так и того, кому она подарена, тщательно замазаны теми же чернилами, какими сделана надпись. Разница между Тобольским и Красноярским списками (кроме порядковых букв на полях) заключается в том, что в Красноярском вместо «у» часто стоит «оу» («кому» и др.).

Краковский писан скорописью XVII в. Начиная с л. 114 на боковых полях сделаны записи, которые при переплетении частично срезаны. Эти записи начинаются в том месте, где говорится о помазании литовского великого князя Миндовга на королевство в Новогрудке, и заканчиваются на событиях, связанных с разделом земель после смерти великого князя Гедимина. Записи, которые можно прочесть (если они не срезаны), связаны с событиями, происходившими в Новогрудке, причем автор этих записей, очевидно, неясно представлял, о каком Новгороде идет речь: о Великом или о том, который находится в Белоруссии и называется сейчас Новогрудок (где и происходила коронация Миндовга).

При переплетении в начале рукописи вклеены два чистых листа, на обороте первого из них сделана запись (дается в переводе с польского): «Автор этой книги, как видно из содержания рукописи, был очень начитанным и знал массу старых авторов, еврейских, греческих и римских... знал также много польских историков». На следующем листе запись на русском языке почерком конца XIX или начала XX в.: «Летописец си есть кроинка».

Текст Краковского списка начинается с л. 391 и заканчивается на л. 635. Перед текстом имеется оглавление, причем оно начинается с того места, которое относится к л. 379. Значит, в свое время рукопись была разделена на части, но, судя по записям в начале, владелец ранее имел полный текст «Летописца», поскольку в записи сообщается дата создания рукописи и даются ссылки на источники, которые находились в начале рукописи. По сравнению с Тобольским и вообще всеми остальными в конце Краковского приписаны «Гадяцкие пакты», письмо киевского митрополита Исаия Копинского, адресованное князю Иеремью Вишневецкому, реестр князей черниговских и ряд мелких записей на польском и латинском языках.

В отличие от других списков Краковский имеет везде «твердое» написание: после «ж», «ч», «ш» везде стоит «ъ»; за крайним редким исключением, твердо звучит и буква «р». Особенностью Краковского списка является частое употребление знака «ъ» в середине слова («въсехъ»), тогда как в других списках это явление очень редкое.

У Ранее рукопись принадлежала известному польскому историку С. Крыжановскому и находилась в его имении Черноводы (Уманский у. Киевской губ.).

«Кройинка» напечатана впервые в ПСРЛ, т. XXXII, с. 15—127.

↳ Баркулабовская летопись

Хранится в Отделе рукописей Государственного Исторического музея в Москве (Синодальное собрание, № 790) в составе рукописного сборника и занимает его конец (л. 137—174). Текст, предшествующий летописи, весьма разнообразен, но в большинстве — это отрывки летописей или тексты религиозного содержания. Значительная часть сборника писана на старобелорусском языке, остальная — на русском. Белорусский текст весь писан мелкой белорусской скорописью, которую разные исследователи определяли по-разному — от конца XVI в. до конца XVII в.¹⁰⁰, но поскольку филигрань бумаги, на которой написан сборник, датируется 1651—1660 гг., то можно считать, что он переписан в 60—70-е годы XVII в. Сама же летопись создана не позднее 30-х годов XVII в.

Летопись написана в селении Баркулабове (недалеко от г. Старого Быхова, сейчас Могилевская обл. БССР). В ней содержится ряд сообщений общегосударственного характера о событиях, происходивших в Великом княжестве Литовском или вообще в Речи Посполитой, есть значительное количество сведений о церковно-религиозной жизни, в частности материалы, отражавшие подготовку к Брестской унии 1596 г. (составитель отражал точку зрения православного населения); есть ряд сообщений об обстановке в Русском государстве (весьма любопытны приведенные данные относительно Лжедмитрия II, который будто бы был ранее учителем в Шклове и Могилеве). Главное же значение этой летописи заключается в разных известиях о событиях, происходивших в Баркулабове и местностях, близких к нему, в частности в Могилеве, Полоцке, Витебске, Минске. Нередко в летописи упоминается и «Низ», т. е. Украина, куда бежало население во время голода.

Большая часть летописи написана на разговорном (народном, белорусском языке) и при передаче «голосения» умирающей от голода женщины язык приобретает высокохудожественную выразительность. Летопись начинается с сообщения о сейме 1545 г., происходившем в Берестье, и заканчивается весьма кратким описанием движения вооруженных отрядов, направлявшихся из Речи Посполитой в Россию. Последняя запись — о походе короля Владислава IV к Смоленску в 1635 г., но она сделана после перерыва в 27 лет и едва ли имела в первоначальном тексте.

Летопись впервые была издана П. А. Кулишем, но с большими купюрами (опущены такие не имеющие буквального летописного характера материалы, как «рокошвы»: универсалы и «ассеквация»

¹⁰⁰ ПСРЛ, т. XXXII, с. 10.

1606 г.)¹²⁰, затем М. В. Довнар-Запольским — в 1898 г. в «Университетских известиях» и в 1908 г. отдельной брошюрой, — который дал после текста палеографическое описание рукописи и изложил свои соображения относительно значимости летописи как исторического источника и ее возможного составителя. В обоих случаях Довнар-Запольский не включил в издание «рокошковый универсал» и «ассекurations»¹²¹.

Белорусский этнограф, археолог и историк Е. Р. Романов, в то время редактор неофициальной части «Могилевских губернских ведомостей», в 1899 г. напечатал текст летописи в десяти выпусках «Ведомостей», а в 1900 г. — в сборнике «Могилевская старина», причем называл летопись «Варкатабовская»¹²². Романов следовал тексту Довнар-Запольского (в издании 1898 г.), указывая в подстрочных примечаниях разночтения с изданием Кулиша. Впоследствии текст летописи был издан Е. Р. Романовым еще дважды¹²³.

В 1962 г. летопись напечатал А. Н. Мальцев¹²⁴. В основу публикации Мальцев положил текст Довнар-Запольского 1908 г., но включил все пропущенные ранее места, т. е. поместил полностью весь текст, находящийся на л. 137—174 сборника, дав к тому же в виде Приложения «Описание собора в Бересте», помещенное на л. 14 об.—16 об. рукописи. Таким образом, публикация Мальцева была самой полной. В предисловии Мальцев изложил историю публикаций летописи, указал принципы, которых придерживались издатели, и передал точки зрения публикаторов на источниковедческую значимость этого памятника.

В 1975 г. летопись опубликована в ИСРЛ, т. XXXII, с. 174—192; там же дано палеографическое описание памятника и изложена история публикаций.

¹²⁰ Баркулабовская летопись (1561—1606). — В кн.: Кулиш П. А. Материалы для истории воссоединения Руси. М., 1877, т. 1, с. 45—89.

¹²¹ Баркулабовская летопись. — Университетские известия, Киев, 1898, № 12. Прибавления, с. 1—38; Довнар-Запольский М. В. Баркулабовская летопись. Киев, 1908.

¹²² Могилевская старина: Сб. статей Могилевских губернских ведомостей. Могилев-губернский, 1900, вып. 1, с. 1—18. Романов назвал летопись иначе, чем это было принято, по тем соображениям, что имя «Баркулаб» по-русски звучит как «Варфоломей». По мнению Романова, изменение имени «Варфоломей» на «Баркулаб» явилось результатом передачи имени в польской транскрипции (Памятная книжка Виленской губернии на 1910 г. Вильна, 1910, ч. III, с. 3). Неясно, почему в таком случае он назвал летопись не «Варфоломеевской», а «Варколабовской». Такая замена совершенно неправомерна, поскольку в тексте летописи есть только «Баркулаб».

¹²³ Варколабовская летопись. — В кн.: Памятная книжка Виленской губернии на 1910 г. Вильна, 1910, ч. III; вступительная статья — с. 3—7, текст летописи — с. 8—52, указатели — с. 53—58; Варколабовская летопись. — В кн.: Первоисточники для истории Могилевского края. Одесса, 1916, вып. 1; вступительная статья — с. 1—IV, текст летописи — с. 3—33, примечания — с. 34—36, именной указатель — с. 37—41. Из изданий летописи, осуществленных Довнар-Запольским, Романов упоминает только помещенное в «Университетских известиях», опуская издание 1908 г.

¹²⁴ Мальцев А. Н. Баркулабовская летопись. — В кн.: Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962; предисловие — с. 291—294, текст летописи — с. 296—320.

В 1975 г. летопись напечатана еще раз в Минске¹⁴⁴. Издатель летописи А. Ф. Коршунов придерживался тех же правил издания, как и предыдущие, т. е. раскрыл титла, надстрочные буквы внес в строки, ряд букв старославянского алфавита заменил современными, но «ять» сохранил везде. Текст летописи сохранен полностью, и к нему дан обширный комментарий, а также составлены именной и географический указатели и словарь «малопонятных слов» (в основном это польские слова).

Последним является издание Н. Т. Вайтович¹⁴⁵. В нем совмещены как текст, так и исследование. Кратко сказано о предыдущих изданиях, а затем следует пространный очерк о селении Баркулабове (оно существует и сейчас). Изучив произношение и лексику современных жителей Баркулабова, автор получил возможность сравнить его с языком летописи. Вайтович дала наиболее подробное палеографическое описание рукописи, причем привела 15 рисунков филигралей и дала варианты написания всех букв во всей рукописи.

Среди остальных изданий публикация Вайтович выделяется тем, что летопись напечатана с максимальным приближением к оригиналу — в нем сохранены надстрочные буквы и титла, цифры, переданные в оригинале буквами старославянского алфавита, не заменены арабскими. При указании года («року божого нарочения») сохранены буквы старославянского алфавита (в скобках даны и арабские). Не вынесены на поля и границы листов, но начало листа отмечено на поле буквой «л». Вайтович полностью сохранила пунктуацию рукописи, а также употребление строчных и прописных букв, в результате чего собственные имена и географические названия написаны обычно со строчных букв. Прописным полужирным шрифтом набраны только буквы, написанные в оригинале цифроварью.

Как видно из сказанного, ни одна белорусско-литовская летопись не издавалась столько раз, сколько Баркулабовская. Причиной этого является как ее язык, так и конкретность изображения обстановки в одном очень небольшом районе.

¹⁴⁴ Помнікі старажытнай беларускай пісьме наці. Мінск, 1975, с. 111—155.

¹⁴⁵ Вайтовіч Н. Т. Баркулабаўскі летапіс. Мінск, 1977.

ЛЕТОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ МАЦЕЯ СТРЬЙКОВСКОГО

Общий обзор использованных Стрыйковским летописей

В томах XXXII и XXXV «Полного собрания русских летописей» помещены тексты 17 белорусско-литовских летописей, составленных в разное время и написанных на разных языках, но это далеко не все летописи, имевшие хождение в свое время. Источниками, на основании которых можно в какой-то мере выяснить, какие летописи имелись ранее, являются польские хроники Яна Длугоша, Мацея Меховского, Мартина Бельского¹, в особенности Мацея Стрыйковского. Из названных авторов только Бельский делал ссылки на русских или литовских летописцев, но цитат из этих источников у него нет, и вообще он использовал летописи мало. Совершенно по-иному относился к летописям Стрыйковский, основная работа которого вышла в свет в 1582 г.²

При создании разделов («книг») своего труда, которые посвящены истории Великого княжества Литовского, Стрыйковский использовал работы античных авторов, польских и немецких хронистов (Длугоша, Бельского, Кромера, Меховского, Ваповского, Дюсбурга)³; некоторые

¹ По мнению И. А. Тихомирова, Длугош заимствовал из летописей только перечисление детей Гедимина, известия о свержении князя Явута, описание борьбы Ягайла с Кейстутом и Витовтом, известие о смерти Кейстута и некоторые события до водворения Витовта в Литве (1392 г.) (Тихомиров И. А. О составе западнорусских, так называемых литовских летописей. — ЖМНП, 1901, № 5, с. 80). Ю. А. Лимонов считает, что Длугош использовал летописные известия при описании событий 1382—1430 гг., т. е. что летописных известий у Длугоша значительно больше, чем считал Тихомиров (Лимонов Ю. А. Польский хронист Ян Длугош о Руси. — В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 264—266). Однако соображения Лимонова, что Длугош использовал данные летописей при изложении событий 1430 г., не представляются убедительными.

² *Strykowski M. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi... w Królewcu, 1582.* «Хроника» делится на книги, книги — на разделы. Выше отмечалось, что этот труд у нас называется «Хроника». Однако еще раньше, чем была создана «Хроника», Стрыйковский написал работу, которая в дальнейшем называется «Начала». Она была издана только в 1978 г. (*Strykowski M. O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemodzkiego, ruskiego, przedtym nigdy od żadnego ani kuszone ani opisane z natchnienia bożego a ujrzeniem pilnego świadectwa.* Warszawa, 1978).

³ *Długosius Joannes. Historiae Polonicae, libri XIII.* Пользуемся переводом К. Мехержинского: *Długosia Jana Dziejów Polski ksiąg dwanaście* (Переклад К. Мехерзыńskiego. Warszawa, 1867—1870, Т. 1—6; *Bielski M. Kronika tho jest historya świata na sześć wieków a cztery monarchie.* Kraków, 1551, 1554, 1564. Пользуемся изданием 1564 г.; *Kromeri M. De origine et rebus gestis Polonorum, libri XXX.* Basiliae, 1555, 1558, 1568; *Niechojita M. Chronika Polonorum.* Cracowiae, 1519.

места написаны им по личным наблюдениям (Стрыйковский много лет прожил в Белоруссии и Литве), а больше всего — на основании летописей. А. И. Рогов, специально занимавшийся вопросом об использовании Стрыйковским белорусско-литовских летописей, высказал предположение, что у хрониста были не только летописи того типа, которые известны сейчас, но и другие, «которые включали в свой состав более подробные известия по истории западнорусских земель, летописи, основанные, вероятно, на каких-то записях, ведшихся в городах Западной Руси», а также, что у Стрыйковского, как видно, было несколько «летописцев» типа Быховца⁴ (хронист никогда не употреблял терминов «летопись» или «летописи», а всегда «летописец» или «летописцы»).

Стрыйковский часто сравнивал данные летописей с известиями польских хронистов Длугоша, Кромера, Меховского, Бельского, Вавовского, иногда Дюсбурга, указывая при этом на разногласия между источниками и пытаясь установить, чьи сведения более достоверны. В ряде случаев (особенно для событий XVI в.), сравнивая данные нескольких источников, Стрыйковский старался определить наиболее точную дату.

В тексте и на полях «Кроник» Стрыйковский поместил около 200 отметок об использовании им летописных данных. Сравнивая приводимые хронистом цитаты или пересказы летописных текстов с сохранившимися летописями, можно попытаться выяснить, какие источники использовал составитель «Кроник», и таким образом установить, пользовался ли он теми же летописями, которые имеются сейчас. В свое время И. А. Тихомиров привел список страниц «Кроник» (издания 1846 г.), на которых имеются отметки со ссылками на летописи⁵, не сказав, однако, что в ряде случаев Стрыйковский сделал подобные отметки и на полях. Приводим такой список с учетом отметок на полях⁶.

1521; *Miechovita M. Tractatus des duabus Sarmatiis. Asiana et Europiana, Cracoviae, 1517.* Рус. пер.: *Меховский М. Трактат о двух Сарматиях.* Л., 1936.

⁴ *Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения.* М., 1966, с. 128, 129 и др.

⁵ *Тихомиров И. А. Указ. соч.* — ЖМНП. 1901, № 5, с. 116.

⁶ Отметки сделаны на следующих страницах: Кроника, ч. I, с. 55, 56, 57, 60, 65, 67, 73, 79, 81 (два раза), 83, 84, 85, 86 (два раза), 87, 229, 234, 235, 236, 237 (три раза), 239, 242, 243 (четыре раза), 244, 245 (четыре раза), 246 (два раза), 249, 252 (три раза), 253, 287, 288, 297, 298, 299, 305, 306, 314, 316, 320, 321 (два раза), 322 (два раза), 324, 328, 329, 348, 349 (два раза), 353, 354, 356, 357, 358, 371 (два раза), 386; Кроника, ч. II, с. 3, 6, 8, 11 (два раза), 12, 14, 18, 19, 41, 43, 58, 66, 67, 68 (два раза), 69 (три раза), 73, 84, 85, 98, 103, 104, 105, 106, 108, 110 (два раза), 111 (два раза), 113, 118, 120, 140, 145, 151, 157, 159, 168, 169, 173, 178, 198, 206 (два раза), 207, 211, 226, 229, 232, 236, 243, 244 (пять раз), 245 (два раза), 246 (два раза), 249, 255, 256, 257, 261, 265, 272, 280, 283, 284, 285, 287, 288 (два раза), 291, 295, 299, 302 (два раза), 303, 304 (два раза), 305, 308, 309, 310 (два раза), 311, 313, 316, 317, 318, 321 (четыре раза), 322, 323, 325, 326, 328, 329, 331, 332.

Отметки сделаны на полях на следующих страницах «Кроник»:

I, с. 55 — собственные слова литовских летописцев, писанные по-русски;

I, с. 56 — собственные слова летописцев о поселении белгцов, прибывших из

⁷ Италии, над рекой Дубиссой;

⁸ I, с. 57 — об основании Венеции;

I, с. 241 — высказывание летописцев о постройке в Полоцке церкви;

Географо-политическая терминология Стрыйковского

В своей «Кронике» (в тех разделах, которые относятся к Литве, Жмуди, Руси) Стрыйковский, определяя место, где происходили события, или вообще говоря о стране, применял, кроме названия «Литва», «Жмудь», «Русь», еще «Литва Завилейская», «Литва Повилейская», «Белая Русь», «Черная Русь». Из этих названий только «Жмудь» (Жемайтня) понималась им всегда как территория вполне определенная, ни с чем не смешиваемая, все остальные такой определенностью не обладали.

В особенности неясным представляется, что понимал Стрыйковский под Белой и Черной Русью. Этой стране (Белой и Черной Руси) Стрыйковский посвятил раздел третий книги четвертой своего труда. Уже пространный заголовок раздела «О Белой и Черной Руси, восточных, северных и южных народах старожитных, и их князьях: великоновгородских, изборских, псковских, белозерских, киевских, луцких, владимирских, волинских, галицких, подгорских, подольских и т. д.» говорит, что в представлении Стрыйковского Белая и Черная Русь — земли (в современном понимании) русские и украинские, но не белорусские. Однако дальше упоминаются и литовские белорусы. Значит ли это, что под последними следует понимать население Волыни или

-
- ч. I, с. 242 — ошибочное сообщение летописцев о князье Парасковни;
 - ч. I, с. 253 — собственные слова летописцев о кончине Рымгольца;
 - ч. I, с. 286 — простые собственные слова летописца о намерении Мясдовга перебить своих племянников;
 - ч. I, с. 297 — сообщения летописцев о Войшелке и Миндовге;
 - ч. I, с. 298 — передача сообщения о кончине Миндовга;
 - ч. I, с. 354 — слова летописца о князе Витене;
 - ч. II, с. 11 — сообщение о походе Ольгерда на Москву есть только у литовских летописцев;
 - ч. II, с. 12 — о границе между Русским государством и Великим княжеством Литовским свидетельствуют «другие летописцы»;
 - ч. II, с. 14 — согласно данным русских летописцев, Гаштольд был подольским воеводой;
 - ч. II, с. 43 — слова летописцев о Бируте, жене Кейстута;
 - ч. II, с. 58 — сравнение данных летописей и польских хроник относительно сыновей Ольгерда;
 - ч. II, с. 73 — ошибка летописцев в имени и звании жениха Ядвиги;
 - ч. II, с. 120 — известия летописцев, Длугоша и Кромера о захвате Витовтом Смоленска;
 - ч. II, с. 229 — несогласие летописцев с польскими хронистами относительно захвата Подолия;
 - ч. II, с. 232 — свидетельство летописцев о намерении поляков перебить литовских панов на Парчовском сейме;
 - ч. II, с. 243 — летописцы о битве при Хойнцах;
 - ч. II, с. 244 — неверное сообщение летописцев о том, что шляхтич Вол стрелял в чехов, так как в действительности он стрелял в немцев;
 - ч. II, с. 244 — о встрече короля Казимира со шляхтичем Рывтянским;
 - ч. II, с. 256 — собственные слова летописцев и поправка Стрыйковского, касающаяся просьбы короля Казимира к литовским панам о денежной помощи;
 - ч. II, с. 308 — слова летописцев о начале войны между Русским государством и Великим княжеством Литовским, в 1499 г.;
 - ч. II, с. 325 — слова епископа Табора, обращенные к великому князю Александру.

Владимирщины или хотя бы частично современной Белоруссии? (ч. I, с. 111). Ясно лишь, что под литовскими белорусами Стрыйковский понимал православное население, а поскольку это писалось после Люблинской унии, когда Украина уже отошла к Польше, то можно предполагать, что «литовские белорусы» — предки современных белорусов. В другой раз Стрыйковский назвал Белой Русью более определенную территорию, часть которой составляла Белоруссия. Говоря о начале борьбы Свидригайла с Сигизмундом, Стрыйковский отмечает, что Свидригайло, посадив свои гарнизоны в Полоцке, Смоленске и Киеве, захватил в сущности всю Русь, на поле же против этого места отмечено, что Свидригайло завладел всей Белой Русью (ч. II, с. 196).

Стрыйковский, находя Белую и Черную Русь в самых различных районах, не был для своего времени исключением. Оба термина долгое время были «бродячими», пока первый из них не установился на определенном месте, а второй не исчез из употребления⁷.

Вообще же, Стрыйковский Белой Русью чаще всего называл Русь Московскую и лишь изредка, и опять очень неопределенно, современную Белоруссию. Так, князь Иван Данилович (Калита) у него называется князем белорусским (ч. I, с. 126). Великие князья московские именуются владельцами Бело-Русской монархии (ч. II, с. 10). В Луцк на съезд крупнейших феодалов Восточной Европы в 1428 г. приехали в числе прочих и «князья Белой Руси» — Одоевские (ч. II, с. 168). В настоящее время Одоев находится в Орловской обл. В то же время, по Стрыйковскому, Белая Русь должна находиться и где-то на юге. По его утверждению, князь Владимир (Святославич) захватил всю Северо-Восточную Русь и «лежащую на юге Белую и Черную» [Русь] (ч. I, с. 125).

Черной Русью называлась часть Белоруссии, которая расположена по среднему течению Немана (в настоящее время эта территория находится в основном в составе Гродненской обл. БССР).

Черная Русь, по одной версии Стрыйковского, должна была находиться к югу от Киева, а по другой — на западе; во всяком случае, Львов у него один раз назван «главой» Черной Руси (ч. II, с. 20), хотя на той же странице тот же Львов именуется главой всей Руси. Еще более запутывается этот вопрос, когда читаем, что «Василий, князь галицкий и владимирский... в то время был в Черной и Белой Руси ста-

⁷ О происхождении названия «Белая Русь» высказано немало предположений, однако считать, что этот вопрос решен, нет оснований (*Ламанский В.* «Белая Русь». — В кн.: *Живая старина*. СПб., 1891, вып. III, с. 245—250; *Ильинский Г.* К вопросу о происхождении названия Белая Русь. — *Slavia*, Praha, 1927, zes. 2/3, с. 388—393; *Kranlein П. С.* Подходжанне назваў «Русь», «Белая Русь», «Чорная Русь» і «Чырвоная Русь». — *Весті Акадэміі навук БССР. Сер. грамадзкіх навук*, 1956, № 3, с. 53—67). Все названные работы имеют к указанному вопросу косвенное отношение. Сводка же сведений относительно территории, к которой применялось название «Белая Русь», дана А. В. Соловьевым (*Соловьев А. В.* Великая, Малая и Белая Русь. — В кн.: *Сб. Русского археологического общества в Югославии*. Белград, 1940, т. 4). В сокращенном виде работа Соловьева изложена им в статье, помещенной в журнале «Вопросы истории» (1947, № 7, с. 24—38). Однако в этой статье о Белой Руси ничего не сказано. Наиболее полный обзор литературы о Белой Руси сделал Я. Юхо (*Юхо Я.* «Пра назву Беларусь». — *Полымя*, Минск, 1968, № 1, с. 175—182).

рейшим и богатышим» (ч. I, с. 286). Здесь под Черной и Белой Русью понимаются Галиция и Волынь.

Если же обратиться к другим источникам XVI в., то при делении Великого княжества Литовского на исторически сложившиеся области выделялись Подляшье (в основном территория Белостокского воеводства в современной Польской Народной Республике), Жемайтня, или Жмудь, Русь (область к востоку от р. Березины, вернее вся современная восточная Белоруссия и области Украины, которые входили в состав Великого княжества) и Литва (пространство между реками Невяжей и Березиной). Однако чаще всего Литвой называли всю территорию Великого княжества Литовского, Русского и Жомонтского или Литовского, Жомонтского и Русского (официальное название этого государства). После 1569 г. Украина и Подляшье отошли к Польше, в связи с чем понятие «Русь» (когда дело шло о Великом княжестве Литовском) соответственно сократилось, а Подляшье вообще выпало из областей этого государства. Вместе с тем начиная с XIV в. в обиход все чаще стало входить выражение «Белая Русь» применительно вначале к Белорусскому Подвинью, затем и к Поднепровью, пока впоследствии это название не стало употребляться в отношении всех белорусских земель (окончательно такое понимание закрепилось только после Великой Октябрьской социалистической революции).

Стрыйковский если добавлял от себя, т. е. отступал от текста летописей, то обычно называл Великое княжество Литвой, если же придерживался терминологии источника, то постоянный (в отношении территориальном) смысл вкладывался им только в понятие «Жмудь» в показанном выше отношении, т. е. так называлась им область между Балтийским морем и рекой Невяжей. Что касается Руси и в особенности Литвы, то границы их на ранних этапах истории Великого княжества у Стрыйковского резко изменялись.

Вопрос о границах Литвы, Жмуди и Руси у Стрыйковского тесно связан с его представлением о начальных этапах существования Литвы и Жемайтни, близких между собой, но все же не идентичных. При всей противоречивости и запутанности его взглядов на этот вопрос получается, что жемайты (жмудины) были населением автохтонным, тогда как литовцы — элемент пришлый.

Однако и в вопросе о границе между Литвой и Русью у Стрыйковского не было полной определенности. Так, говоря о нападении татар в 1506 г., он отмечает, что те «зашли за Неман (в районе Новогрудка.— Н. У.) в Литовскую землю» (ч. II, с. 327). Следовательно, до Немана была земля не литовская, а русская, по терминологии того времени, по современному же — белорусская. На той же странице у него сказано, что Махмет-Гирей, стоявший под Минском, «в земле Литовской и в Полоцке, и в Витебске, и в Друцке везде причинил много вреда и много пролил крови», а на следующей странице он сообщает, что после ухода татар распространилась эпидемия «в Минске и прочих литовских городах». Почти во всех этих случаях Стрыйковский передает терминологию летописей.

Для выяснения вопросов, какая первоначально территория была занята литовцами, как возник литовский народ, откуда взялось назва-

ние «Литва» и т. д., Стрыйковский обращался к античным и средневековым авторам, к польским и немецким хронистам, но больше всего к летописям. Весьма существенным в его рассуждениях является то, что все они касались исключительно литовцев, т. е. что подобные вопросы в отношении Жемайтии не ставились, поскольку жемайты числились населением автохтонным. Опять-таки, опираясь на данные летописей, Стрыйковский утверждал, что собственно литовская территория (между Невяжей и Вилней) была заселена смешанным жемайтійско-литовским населением (ч. I, с. 85—86). В дальнейшем, когда население осело прочно, получилось, что жемайты заселяли область от Балтийского моря до реки Невяжи, между Невяжей и Вилней расселились литовцы, к востоку от литовцев и к югу от реки Вилни была Русь (ч. I, с. 235, 236, 239 и др.). То, что первоначально литовцы занимали область только между Невяжей и Вилней, для Стрыйковского было положением безусловным, он повторял его много раз.

Следовательно, название «Литва» у Стрыйковского в одном случае означает небольшую территорию между Невяжей и Вилней (границей этой области на севере служила Западная Двина, на востоке — город Браславль), в другом — территорию от Невяжи до Вилни плюс Жемайтию, в третьем — Литву от Невяжи на западе до Немана на юго-востоке, но чаще всего (когда не излагалось содержание источника) Стрыйковский под Литвой понимал все Великое княжество Литовское.

Летописи, которыми пользовался Стрыйковский

Судя по замечанию, имеющемуся в «Кронике», Стрыйковский писал свою книгу (или, в всяком случае, приступил к ее написанию) в 1575 г. (ч. II, с. 36). В основном с этого времени он и стал приобретать летописи — в 1574 г. у него была только одна (ч. I, с. 316), через небольшой промежуток времени после начала работы над «Кроникой» у Стрыйковского имелось уже 13 летописей, а вскоре их число возросло до 15 (ч. I, с. 57, 87; ч. II, с. 58). О большем, чем 15, числе летописей составитель «Кроники» нигде не говорит, и мы можем принять эту цифру как вполне реальную. Он собрал столько летописей, чтобы согласовать их данные между собой, а в конечном итоге чтобы путем сопоставления сообщений разных источников установить истину (ч. I, с. 57).

Летописи Стрыйковский приобретал «с большой трудностью, а временами и с немалыми расходами» (ч. I, с. 316). Однако можно предположить, что некоторые летописи он получил в собственность или в пользование бесплатно. Так, едва ли ему пришлось заплатить за рукопись, которую он «достал» в селении Великая Берестовица (сейчас Брестская обл. БССР) у князей Заславских (ч. I, с. 56, 288).

В общем же, из сообщений «Кроники» Стрыйковского о приобретении им рукописей следует, что летописи в Белоруссии и Литве в начале второй половины XVI в. были предметом купли-продажи, что стоили они дорого и что их было немало, поскольку в относительно короткий срок он смог приобрести 14 летописей, учитывая при этом, что хронист не располагал сколько-нибудь значительными средствами.

Стрыйковский, как уже отмечено, получил одну летопись от князей Заславских; другую летопись он получил от Ходкевича: Супрасльская была переписана по заказу князей Одишвицких; с большой долей вероятности можно предположить, что Слуцкая находилась у князей Слуцких или у кого-то близкого к их двору. Следовательно, в тех случаях, когда удается установить, летописи в XVI в. находились в собраниях магнатов. У кого Стрыйковский приобрел еще 12 (или 14) летописей, которые были у него, он не сообщил. Однако известно, что летописи имелись не только у магнатов, но и у простых людей, свидетельством чего является летопись Радзивилловская, единственная известная в настоящее время иллюстрированная. Записи на листах этой летописи дают возможность определить, кто был ее владельцем и когда эти записи были сделаны⁸. Первая из них следующая: «Две недели у Пилипово говенно Парфен Пырчич жито сеял у року девяностом». «Девяностый» год следует понимать как 1590 (в 1690 г. рукопись уже находилась в Кенигсберге). Дата («две недели у Пилипово говенно») не совсем точная (непонятно — до или после заговения), но независимо от этого запись должна указывать на необычайность события, так как посев ржи осуществлялся по крайней мере на два месяца ранее. Самое существенное, однако, заключается в том, что в записи говорится как о лице явно незнатном, так и о событии небольшого масштаба. Следовательно, и отмечал это человек весьма простой, вероятнее всего, житель деревни, а так как трудно представить, что в конце XVI или начале XVII в. грамотным был крестьянин, то, видимо, запись сделал мелкий шляхтич или лицо духовное (священник или псаломщик). Рассуждая дальше, можно предположить, что запись сделал не кто-то посторонний, а сам владелец рукописи.

Вторая запись почти такого же характера: «В року шестот третьем за шесть недель перед великоднем водлуг старого календара кобыла синвая ожеребилася». Такую запись могло сделать лицо, тоже принадлежавшее к мелкой шляхте, низшему духовенству или, наконец, к мешанству, но никак не к знати. То, что событие отмечено «водлуг старого календара», указывает на автора не католика (у католиков уже был введен Григорианский стиль), а вероятнее всего, православного (униатство к тому времени только начало распространяться).

Одна запись указывает с относительной точностью, где жил владелец летописи: «Я, Фурс Сорока, возны повету Городенского сознаваю сим моим хвнтом...». «Возный» — это полицейский чин невысокого ранга, избирался из шляхты. Шляхтич среднего достатка и тем более знатный на такую должность не пошел бы. Поэтому можно считать, что и в данном случае владелец был небогатым и тем более незнатным и что он был жителем Городенского (Гродненского) повета.

⁸ Радзивилловская, или Кёнигсбергская летопись. I. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. II. Статьи о тексте и миниатюрах рукописи. СПб., 1902. Описание рукописи и исследование о ней осуществлены А. А. Шахматовым (с. 1—114). На с. 1—2 «Описания» Шахматов поместил тексты записей, сделанных на л. 1 об. и 5 рукописи. Все они написаны на старобелорусском языке белорусской скорописью XVI — начала XVII в. Запись в конце рукописи о дарении рукописи Зеноновичем Ягущу Радзивиллу сделана на латинском языке. Приводимые тексты заимствованы из «Описания» А. А. Шахматова.

О том, что Христоф Цыпля женился, имеются даже две записи. Очевидно, первая оказалась неточной, почему и была сделана вторая. В первом случае написано: «Року 1606 месяца марта 30 дня озеинлся ест пан Цыпла Крыштоф перед великодном старым за тры недели перед великодном старым хри...». Во втором написано: «Року шесотном Крыштоф Цыпля оженился у великни пост подлуг старого календара за тры недели перед великоднем». В «уточненной» редакции записи изменен год (с 1606 на 1600) и исключено слово «пан», видимо, потому, что Цыпля этого не заслуживал.

Еще одна запись гласит: «Жигмонт третий, божою милостию корол полскии, великни князь литовскии». Сигизмунд III был королем и великим князем с 1587 по 1632 г. Скорее всего, запись относится к концу XVI или началу XVII в.

В конце рукописи имеется запись о том, что летопись была подарена Станиславом Зеновевичем князю Янушу Радзивиллу. Зеновевичи принадлежали если не к магнатам, то к высшей прослойке белорусских феодалов. Представители этой фамилии занимали в конце XVI—XVII в. крупные должности в воеводской администрации. Так, Криштоф Юрьевич был в 1588 г. брестским воеводой; Ян Юрьевич — в 1600 г. витебским каштеляном; Николай Богуславович — в 1618 г. минским старостой и каштеляном полоцким; Станислав Зеновевич был около середины XVII в. вилькомирским подкоморием, потом каштеляном новогрудским*. Сказать с уверенностью, что именно этот Станислав подарил рукопись Радзивиллу, нельзя, но такое предположение весьма правдоподобно, тем более что основные владения Радзивиллов находились в Новогрудском воеводстве. Следовательно, можно предположить, что около середины XVII в. летопись от мелких держателей перешла во владение богатых шляхтичей, а многие из таких шляхтичей были людьми образованными, учившимися в университетах Лейдена, Парижа, Болоньи, Падуи и, конечно, Кракова. Переход рукописи из их рук в руки Януша, а затем князя Богуслава, одного из самых образованных Радзивиллов, был весьма естественным.

Князь Богуслав с мая 1662 по конец 1664 г. находился в Пруссии (пруский «электор» был его родственником), умер он в 1669 г., а в 1671 г. рукопись поступила в Кёнигсбергскую библиотеку. Значит, можно думать, что князь Богуслав, уезжая в Пруссию, забрал рукопись с собой и там подарил ее «электору», а тот после смерти князя передал летопись в библиотеку.

В 1715 г. Петр I, будучи в Кёнигсберге, осматривал рукопись и приказал снять с нее копию, а в 1761 г., когда русские войска заняли Кёнигсберг, летопись была забрана из Кёнигсбергской библиотеки и передана в Библиотеку Академии наук в Петербурге; сейчас она находится в Библиотеке Академии наук СССР, шифр 34.5.30.

Стрыйковский довольно долго прожил в Витебске (северная Белоруссия), был в Слуцке (южная Белоруссия), Лукомле (восточная Белоруссия), Литве, но, кажется, восточнее Лукомля не бывал, и, таким

* Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego księstwa Litewskiego, 1386—1795. Kraków, 1885, s. 9, 120, 126, 131.

образом, крупнейшие центры восточной Белоруссии — Могилев, Мстиславль, Старый Быхов, Орша — остались ему неизвестны. Итак, Стрыйковский, вероятно, приобретал летописи прежде всего в центральной и западной Белоруссии и Литве.

В связи с темой о приобретении Стрыйковским летописей и вообще в связи с вопросом об источниках, которыми он пользовался, возникает вопрос и относительно Полоцкой летописи. Нет сомнения, что в Полоцке летописание велось, но ясно, что этой рукописи Стрыйковский не видел и события, связанные с историей Полоцкой земли, изложены им по другим, мало достоверным источникам. В то время, когда Стрыйковский писал свою «Кронику», Полоцк находился у русских и был взят войсками Стефана Батория в 1579 г., когда значительная часть работы над «Кроникой» была осуществлена.

О качестве использованных источников, о точности содержащихся в них данных, об отношении составителей летописей к своему делу Стрыйковский высказывался по-разному. Например, он считал, что о Палемоне, «правдивом предке литовцев, о котором так много историков пишет и о котором также старые летописцы, очевидно, так себе, без ничего истории из пальца не высосали» (ч. I, с. 67), т. е. что «старые летописцы», говоря о Палемоне, ничего не выдумывали, а писали о том, что происходило в действительности. В другом случае, излагая обстоятельства, при которых была заключена уния 1401 г. между Польшей и Великим княжеством Литовским, Стрыйковский отметил, что летописцы русские и литовские изображают обстановку иначе, чем польские, и версия русских и литовских источников казалась Стрыйковскому более достоверной, так как «небожата, старые литовские писари писали правдиво» (ч. II, с. 118). Таким образом, Стрыйковский признает, что «старые летописцы русские и литовские» были объективны и правдивы. Однако порой Стрыйковский отзывается о них презрительно. Особенно раздражало его то, что в летописях были перепутаны или вовсе отсутствовали даты: «Такие были никчемные и безмозглые писари» (в смысле — составители. — *Н. У.*) русских и литовских летописей, что свои истории писали кое-как «без баченя», что им «слюна в рот принесет» (ч. I, с. 243). Выше им сказано, что летописцы «так глубоко в иные истории взглянуть не могли из-за простоты того времени» (ч. I, с. 234). Достоинно внимания и то место «Кроники», где составитель утверждает, что «в то время (говорится о событиях середины XV в. — *Н. У.*) писари литовские и русские простачки [были], а всего больше москвиты у них служили писарями». На полях же против этого места сделана запись: «У Литвы раньше [перед этим] всё русские [буквально — «москва»] писарями были» (ч. II, с. 255).

Едва ли можно сомневаться в том, что «у Литвы», т. е. в Великом княжестве Литовском, в качестве писарей (дьяков) работали выходцы из России, но версия, что они писали летописи, не может быть принята, потому что язык белорусско-литовских летописей настолько отличается от языка русских летописей XV—XVI вв., что предположение, будто какая-нибудь из белорусско-литовских летописей написана москвичом (русским), кажется совершенно невероятным. В то же время это несколько не кажется фантастическим, если принять, что Стрый-

ковский имел в виду не составителей, а переписчиков некоторых летописей.

При создании отдельных глав Стрыйковский пользовался разными источниками. Например, описании военных столкновений Великого княжества Литовского с немецкими орденами, Польшей и Мазовией (поскольку Мазовия до 1526 г. была отдельным княжеством) сделаны почти целиком по польским и орденским хроникам; войны же с татарами изложены по белорусско-литовским летописям; по летописям написана и внутренняя история Великого княжества Литовского. Ряд событий (в особенности конца XV — начала XVI в.) передан по польским хроникам Кромера, Меховского, Ваповского.

В хронике Стрыйковский использовал как белорусско-литовские, так и древнерусские летописи, причем он строго различал эти два вида источников, древнерусские называя русскими хрониками (и чрезвычайно редко летописями), а белорусско-литовские — летописями и только в крайне редких случаях хрониками (ч. I, с. 114, 117, 121, 123; ч. II, с. 3).

Давая ссылки на летописи, Стрыйковский применяет к ним около 30 различных названий. Очень часто они называются вообще «летописью», но есть «старые летописи», «старые летописи русские, литовские и жолудские», «все летописи русские, литовские и жолудские», «старые литовские летописи», «русский летописец» и т. д. Общим для всех белорусско-литовских летописей, которыми пользовался Стрыйковский, является то, что все они написаны на «русском», т. е. старобелорусском языке (ч. I, с. 354; ч. II, с. 11), и что все содержат версию о прибытии предков литовской шляхты из Италии (ч. I, с. 77).

Цитирование Стрыйковским летописных текстов (передача «собственных слов летописцев»)

Ссылаясь на летописцев, Стрыйковский в большинстве случаев пересказывал содержание источников, но иногда и цитировал их, оговаривая, что это «собственные слова летописцев». Сравнивая соответствующие слова оригиналов (по тем летописям, которые имеются в настоящее время и в которых есть подобные тексты), можно определить, насколько точно Стрыйковский передавал свои источники, а это уже в какой-то мере может служить показателем точности передачи источников и при их изложении.

Особую ценность представляют его цитаты из Берестовицкой летописи, поскольку в таком случае становится известно, из какой именно летописи цитата приведена (Берестовицкой будем называть летопись, полученную Стрыйковским у князей Заславских в селении Великая Берестовица).

Начав цитировать летописи, Стрыйковский сразу подчеркнул, что это высококачественный источник, но заголовок раздела крайне неудачен. Раздел седьмой книги второй хроники озаглавлен так: «Свидетельства из летописцев о прибытии италянцев в те страны, которые

Литва и Жмудь числят достоверными хрониками!» (ч. I, с. 55). (В отлавлении тот же заголовок сформулирован более точно: «Свидетельства из летописцев о прибытии итальянцев в те страны».) Отметка на поле в самом начале седьмого раздела хроники утверждает, что здесь приводятся «собственные слова литовских летописцев, писанные по-русски». И действительно, далее дается (в переводе на польский язык) такой же текст, какой содержится в тех белорусско-литовских летописях, в которых имеется легендарная часть истории литовского народа.

Поскольку предыдущий (шестой) раздел книги второй хроники заканчивается изложением взглядов на происхождение литовцев М. Бельского, то естественно, что седьмой начинается со слов: «А некоторые литовские летописцы так попросту проводят речь о прибытии Палемона из Италии в Жмудь и Литву», а затем следуют «собственные слова летописцев». Приводим сравнительные тексты начала летописи Рачинского (которая лишь немного отличается от подобных мест других летописей) и хроники Стрыйковского.

Летопись Рачинского

«Сталось ест воплощене сына божого от духа святого з благословенное девицы чыстое Марен от початку сотворения света лета пяттисечного пятисотного двадцать шостого» (т. XXXV, с. 145).

Хроника Стрыйковского¹⁰

«Stalo się jest wcielenie syna bożego przez ducha św. z błagostawionej dziewicy Marijej od początku stworzenia świata roku 5526» (ч. I, с. 55).

Далее разница между летописью Рачинского и хроникой Стрыйковского заключается лишь в том, что Стрыйковский, доведя перевод летописи до того места, где говорится о прибытии «итальянцев» к устью Немана, нашел нужным сделать вставку, поясняющую, что Неман впадает в море недалеко от Клайпеды (эта местность Стрыйковскому была хорошо известна лично). Затем вновь следует перевод летописи, причем на поле опять отмечено, что здесь приводится «собственная речь летописцев». Этот раздел хроники Стрыйковского заканчивается сообщением, что «итальянцы» поселились над реками Неманом, Дубиссою, Юрою и что этот край они назвали «Жмудью от размножения» (ч. I, с. 56).

В такой же мере, как начало, совпадает текст летописи Рачинского, а также других летописей и хроники Стрыйковского в конце раздела.

Летопись Рачинского

«Над которыми ж реками, над Дубосою и над Немном, и над Юрою, там ся поселили и почали размноживатися, и оное мешкане их над теми реками вельми ся им подобало, и назвали тую землю Жомонть» (т. XXXV, с. 145).

Хроника Стрыйковского

«a nad tymi rzekami, Niemnem, Dubisą i Jurą tam się posiedlili i poczęli się rozmnażać, a ono miejsce między tymi rzekami bardzo się im podobało i nazwali tę ziemię Żmudz od mnożenia» (ч. I, с. 56).

В этом отрывке разница между летописью Рачинского и текстом Стрыйковского заключается лишь в том, что в летописи отсутствует

¹⁰ По мнению А. И. Рогова, это место хроники Стрыйковского ближе всего к текстам летописей Археологического общества, Рачинского и Евренновской, «хотя ни с одним из них она полностью не совпадает» (Рогов А. И. Указ. соч., с. 124).

связь между названием «Жмудь» и «размножением» (в других летописях подобная связь есть). Стрыйковский подчеркнул, что сообщение о прибытии литовской знати из Рима есть во всех летописях, которые имелись у него, однако в Берестовицкой (и только в ней) приводилась и вторая версия причины бегства, а также иная дата, причем и путь, по которому беглецы двигались из Италии в Литву, показан более «уточненным».

Обобщая изложенное, можно заключить, что во всех известных сейчас летописях и, по-видимому, во всех тех, которые были в распоряжении Стрыйковского, причиной бегства считаются жестокости Нерона, а бежали «римляне» из Рима, и лишь в Берестовицкой летописи, а также (судя по отрывку, сохранившемуся в хронике Быховца) и в хронике Быховца изложены две версии: по одной (так же, как во всех остальных), причиной бегства были жестокости Нерона и произошло это в 5526 г., т. е. в 18 г. (ч. I, с. 55; т. XXXII, с. 128); а по другой, они бежали из Венеции в 401 г., спасаясь от жестокостей Аттилы (ч. I, с. 56; т. XXXII, с. 128).

Согласно летописи Рачинского и другим летописям, беглецы, взяв с собой «одного остронома», поплыли в кораблях на запад и добрались до «Межземского моря», из которого попали в реку Шуму, из Шумы вышли в «Море-Окиян», затем в Малое море, из которого попали в Неман. Согласно же Берестовицкой летописи и хронике Быховца, хотя конечный пункт путешествия был тот же, но он показан более детально, причем вместо фантастической реки Шумы в Берестовицкой назван вполне реальный Зунд (у Быховца Зунда нет) (ч. I, с. 57).

Очевидно, Берестовицкая летопись, как и хроника Быховца, была создана несколько позже остальных и их составители постарались описать путь из Италии в Литву более достоверно¹¹.

Берестовицкой летописи Стрыйковский уделил специальный раздел, озаглавленный «Второе свидетельство из другого летописца», и далее он сообщает, как и откуда получил его. «Другой летописец, — пишет Стрыйковский, — который достал в Великой Берестовице у их милости князей Заславских, так же как хроник литовские и жмудские, начинается простыми словами, которых я здесь собственный текст (хотя бы его и стоило исправить) привожу» (ч. I, с. 56). Следовательно, Стрыйковский подчеркивает, что он далее цитирует свой источник буквально. Берестовицкой летописи у нас нет. Цитируемое же место почти дословно совпадает с текстом хроники Быховца, но так как в хронике недостает одного листа, то сравнивать текст можно лишь с того места, которое имеется.

Хроника Быховца

«...byli u tom miste. baczczy tak wielkiu situ ludey jeho, byli ohorneny strachom wielkim y rozbehisia z mesta, a niekatoryie pobehli do rybotow swoich

Берестовицкая летопись
в передаче Стрыйковского

«bacząc tak wielką moc ludu jego okrutnego, byli ogarnieni strachem wielkim i rozbiegli się z miasta, a niekotorzy pobiegli do rybotowow swych

¹¹ Учитывая «Начала», можно предположить, что изменение описания маршрута было сделано самим Стрыйковским, знавшим географию Европы несравненно лучше летописцев.

у tam sia poczali budowat na ostrowe; to sie nazwala Wenecya. A kniazta imieniem Apolon, ktoroie tez u tom meste bylo, zabrawszysia zo swim...» (т. XXXII, с. 128).

i poczeli się budować na ostrowie, które miasto nazwano się potym Wenecia. Jedno też xiazie linieniem Palemon, które tamże w Rzymie na ten czas mieszkało, zebrawszy się z wszystkim domem» (ч. I, с. 57).

Сравнив эти тексты, можно предположить, что обе рукописи имели протограф или очень схожий, или общий, но когда с него списывалась Берестовицкая летопись, то он был в гораздо лучшем состоянии, чем когда с него списывалась хроника Быховца. Наиболее существенная разница между ними заключается в том, что Палемон (этот персонаж называется Палемоном во всех сохранившихся летописях) у Быховца назван Аполлоном. Далее, в Берестовицкой летописи сказано, что у Аттилы было много жестоких людей, тогда как у Быховца о жестокости ничего не сказано. В Берестовицкой сообщается, что Палемон жил в Риме, чего нет у Быховца. Однако все эти расхождения слишком ничтожны, чтобы поставить под сомнение общность протографа. «Собственные слова» источника, писанного на старобелорусском языке, в этом случае даны в переводе на польский, из-за чего точность передачи должна быть снижена. Но и при таком положении ясно, что это перевод отрывка летописного текста и что Берестовицкая летопись, когда она находилась у Стрыйковского, была в более исправном состоянии, чем хроника Быховца в ее теперешнем виде.

Между летописями и хроникой Стрыйковского в самом начале есть еще одно различие. В летописях Рачинского, Ольшевской, Румянецкой, Евреинновской утверждается, что о Риме в правление Августа уже сообщалось ранее («яко же вышэн писано») (т. XXXV, с. 145, 175, 193, 214). Это можно принять как утверждение, что летописи или их протографы составляли часть хронографов, в которых излагалась история Рима. Очевидно, и в летописях, которыми пользовался Стрыйковский, имелись те же слова, однако в этом месте у него находится непонятное: «что написано». Исходя из этого, можно думать, что у Стрыйковского были летописи, тоже представлявшие часть хронографов, но что он, не понимая выражения «яко же вышэн писано», добавил от себя вместо непонятного ему непонятное читателю.

Следующее место, где передается «собственная речь литовских летописцев» (это отмечено на поле), касается наследников великого князя новгородского Рынгольта. В соответствии с основным своим источником Стрыйковский сообщает, что после смерти Рынгольта Альгимунтовича его наследником стал Миндауг («Миндов», «Мендальф» — в других хрониках), который позже был литовским королем (ч. I, с. 252). Совершенно такая же версия содержится в хронике Быховца (т. XXXII, с. 132). Учитывая близость хроники Быховца к Берестовицкой летописи, можно думать, что подобное сообщение имелось в Берестовицкой летописи, откуда и было заимствовано Стрыйковским, который из разных хроник прибавил некоторые детали (другие имена Миндовга), почему, возможно, ссылка на Берестовицкую летопись в данном случае отсутствует.

Однако дальше, чтобы уточнить вопрос о потомках Рынгольта, Стрыйковский приводит иную версию. Он пишет, что «другие летописцы не упоминают о том Миндовге, так заканчивая время правления Рынгольта, согласно своему хроному обычаю в доказательствах и достоверности», а затем следует текст «хромающих» летописцев: «Княжил дей Рынгольт в Новогрудке много лет, а потом дей умер, а некоторые говорят, будто он после Русской битвы сделал трех сыновей (так спроста и пишет), да неизвестно, каковое дело из этих его сыновей случилось (получилось)»¹². Это место представляет исключительно большой интерес, так как здесь Стрыйковский приводит цитату на языке оригинала, только передав ее польской графикой. Стрыйковский явно старался передать оригинал буквально, но в некоторых местах получились небольшие отступления (впрочем, возможно, это следует отнести за счет типографской опечатки). Так, у него вместо «сынов» — «сынув»; здесь обычное «о» заменено (может быть, по ошибке типографии) на «ó», которое читается как «у». В слове «нет» «е» ошибочно передано новым «e» (ę). В слове «дело» вместо «д» написано «дз» («дзело») — как это должно быть в польском языке. Над буквой «з» (z) нет значка, обозначающего, что его следует произносить как «ж» (ż). Самая крупная ошибка произошла, однако, с написанием слова «дей». Это слово часто встречается в старобелорусском языке («сказал дей он» и др.). Стрыйковский передал его как «дзен» (dzię). Вот, кажется, и все ошибки, встречающиеся в отрывке. Вместе с тем у Стрыйковского написано «на Новогородку», т. е. так, как должно быть в оригинале. Передавая старобелорусский текст, Стрыйковский добавил от себя несколько слов уже по-польски («так спроста и пишет»). Большая часть приведенного отрывка совпадает с одним местом летописей Археологического общества, Рачинской и Ольшевской (т. XXXV, с. 92, 149, 176), но там сказано, что после смерти Рынгольта великим князем стал Войшвилок (Войшелк), о котором, однако, ничего неизвестно. (В летописи Рачинского отмечено, что Рынгольт «яко бы мел уродити трех сынов», т. е. выражено сомнение относительно этого факта.)

Важнейшим периодом в деле образования Великого княжества Литовского были 50—60-е годы XIII в., когда Миндовг, истребив своих родственников, стал единовластным правителем государства. Об этом сообщают Ипатьевская летопись¹³, а также хроника Быховца, хроника Литовская и Жмойтская и Тобольский хронограф. В Ипатьевской летописи начало этих событий датировано 1252 г. и следует за описанием обстановки на Волыни. Приводим тексты Ипатьевской летописи и хроники Быховца.

Ипатьевская летопись

«В то же лето изгна Миндог сыновца своего Тевтевила и Едивида, пославшому на войну со всем своими на войну со Выкон-

Хроника Быховца

«Y w to ź leto izhna Mindowh synowca swojego Tewtywita i Erdywidu, postawszemu na wojnu ich

¹² «Człz insze latopiszcze tego Mendoga ani wspominają, tak zamykając koniec panowania Ryngoltowego, węglug swojego zwyczaju w dowodzie i w doczytaniu chromego. Książił dzię Ringoltł no Nowohorodku mnoho let, i potym dzię umerł, i każucz nikatoryje, żeby trzech synów po Ruskieje biczwie urobił (tak sprosta pisze) da nięł wiadoma kawkowje dzieło sz jetich jeho synów bylo» (ч. I, с. 252—253).

¹³ ПСРЛ. М., 1962. Т. II.

том на Русь воевать, ко Смоленьку. И рече: «Што хто приемлеть, собе держитъ. Вражбою бо за ворожьство. С ними литву, зане поимана бе вся земля Литовьская и бещисленое имене их притрано бе богатство их. И посла на не вон свое хотя убити я, онема же уедавшима и бежаста ко князю Данилу и Василюкови» (т II, стб. 815).

so Wikontom na Ruś wojewaty, ko Smolensku, y recze: «Kto chto poymet, sobie da oderzyl. Braniu za brań. A s nimi y litwu, y bezczyslennoe litowskoie mnozestwo s nimi. A imenje prostrano, bi bohatswo ich mnoho» (т. XXII, с. 132).

Уяснить смысл отрывка из Ипатьевской летописи трудно. Видимо, у летописца было два или больше документов, по-разному рисующих обстановку, и он не смог согласовать их. В результате в нескольких случаях получилась неувязка между единственным и множественным числами. Так, в самом начале сказано, что Миндовг изгнал «сыновца» Тевтвила, но тут же добавлено, что вместе с ним был изгнан и другой племянник — Едивид, т. е. что «сыновцов» (сыновей брата) было двое. Далее сообщается, что с этими же князьями был послан Выконт «со воемь своими». Здесь, вероятнее всего, должно было быть не «со воемь», а «со вуюмь» (как в Хлебниковском списке), т. е. с дядей по матери, но и в таком случае несогласование в числах остается. Не означает ли выражение «вражбою бо за ворожьство», что поход литовских князей на Смоленск должен был представлять собой ответную акцию за нападение на Литву смолян или что здесь говорится о вражде между Миндовгом и племянниками? Слова «с ними литву», видимо, должны означать, что в походе трех князей, кроме их личных сил, должен был участвовать отряд литовцев, очевидно находившийся в подчинении у Миндовга. Заключительная фраза «зане поимана бе вся земля Литовьская и бещисленое имене их притрано» не вытекает (или вытекает лишь косвенно) из предыдущего текста. Смысл ее такой, что Миндовг (об этом прямо не сказано) захватил всю Литву, в том числе владения и вообще богатства своих племянников. Слово «притрано», встречающееся в этой фразе, неясное; во всяком случае, И. И. Срезневский не смог объяснить его значение¹⁴.

В хронике Быховца рассказ об этих событиях начинается с сообщения, что Миндовг послал племянников в поход на Смоленск, находясь в Новогрудке и «на русских городах» (видимо, говорится о Слониме и Волковыске). Очевидно, подобное начало должно было показать, что в то время Миндовг находился в самом мощном пункте своих владений и что он вообще располагал тогда такими силами, которые давали ему возможность «забивати племя свое». Далее так же, как в Ипатьевской летописи, но несогласование в числах встречается только один раз («сыновца своего Тевтвила и Ердивила»).

Сообщение хроники Быховца о местонахождении Миндовга говорит о том, что Ипатьевская летопись здесь не могла служить источником

¹⁴ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895, т. II, с. 1479. Слово «притрано» взято из той же фразы Ипатьевской летописи и неопределенно переведено как «страшно». Такой перевод совершенно не увязывается со смыслом фразы. Наиболее вероятным кажется, что слово «притрано» означает «захвачено».

хроник. Еще большие расхождения получаются между Ипатьевской летописью, с одной стороны, хроникой Стрыйковского, хроникой Литовской и Жмойтской и Тобольским хронографом — с другой¹⁴. Во всех трех источниках отсутствуют такие выражения, как «именно их притрано» и «вражбою бо за ворожество», но вместе с тем там сказано, что Товтивил и Едивид, захватив Полоцк и Витебск, окрестились «в рускую веру», чтобы их новые подданные относились к ним благожелательно. Кроме того, в Тобольском хронографе отчетливо выражено то, о чем в Ипатьевской летописи и хронике Быховца сказано неявно: «А при литовском войску с теми трома княжаты вышло много жмойт на Русь для сполного лупу и здобычи» (ч. I, с. 286; т. XXXII, с. 206). Значит, и здесь источником сведений Ипатьевская летопись не была. На полях против этого места у Стрыйковского сказано, что он использовал «летописцев».

Продолжением изложенного является отрывок, содержащий переписку Миндовга и ливонского магистра Андрея. В ней изложена просьба Миндовга убить Товтивила и Едивида или хотя бы изгнать их и отказ магистра сделать это. Рассказ имеется в Ипатьевской летописи, хронике Быховца и хронике Стрыйковского, передающей «прямой текст» Берестовицкой летописи:}

Ипатьевская летопись

Миндовг ꙗко убоюяся, посла танине ко Андрееви, мастеру рижьску, и убади и дарми многими си-речь умоли его; послал бо бе злата много и сребра и сосуд серебряныи и златыи, и красныи, и коне мнози, рекыи: «Аидъ убьещи и женещи Тевтивила и еще болша сих примещи». Оному же рекъшу: «Не можещи избавлен быти, аще не послещи к папе и примещи крещения, не одолеши врагу. Дружбу имею к тебе. О злее зла. Златомъ ослепих очи свои. Им же ныне паки от них безу примелеть» (т. II, стб. 816—817).

Хроника Быховца

Mindowg, «y wboiawsla, y poslaw tayne ko Ondrejewi, malsteru ryżskomu, y udary leho dary mnohimy, y tym jeho whodyt. Postal bo jemu zlata mnoho y srebra, y sosud srebrny, zlaty, krasny, koni mnohi, y mowit: «Koli ubliesz abo izzenesz Tertywila, y ieszcze bolszy ozmesz. Y mister ryżski mowit jemui «Ne możesz izbawlen byty, koli ne poszlesz k papi a ne prymesz kreszczenia, ne odalejesz wrahu. A służbu ime od tebe, a chotia zlatom oslepich oczy swoj, ktorzych że teper od tebe malu, y tym tobe spryiaiu» (т. XXXII, с. 132).

Хроника Стрыйковского

Mindowg, «wyprawit posly swoje do Andricha albo Henrika, mejstera lifflandskiego, z wielkimi podarkami naczynia złotego, koni y klejnotów drogich, uchodząc go w tym i jeszcze mu więcej oblecując, gdyby Towcziwila, synowca jego, pomógł mu z Potocka wygnać, albo lżby go sam kazal zabić. Ale mistrz lifflandski odpowiedzial: «Iż z nami pokoju jako żywo mlec nie możesz, ponieważ jesteś poganinem, ani zbawion będziesz, jeśli się nie ochrzczisz w wiarę powszechną chrześcijańska, a do papieża z ofiarowaniem posłuszeństwa nie posłesz, tedy choćbych ja złotem tym, które mi dajesz, ossypał oczy swoje, nigdyć spryjąc nie mogę» (ч. I, с. 287—288).

¹⁴ Тобольским хронографом называем рукопись, хранящуюся в Государственном архиве Тюменской области в Тобольске (Отдел рукописных книг, № 79). В составе этой рукописи находится хроника Литовская и Жмойтская. Отдельные места из хронографа в дополнение к хронике помещены в ПСРЛ, т. XXXII. Прил. В них и находятся указанные сведения.

В Ипатьевской летописи письмо изложено путанно. Миндовг просит магистра *убить и изгнать Товтивила*, хотя после убийства изгнать нет нужды. Тут должно быть не «и *женеши*», а «или *женеши*». Далее ошибка такого же рода — магистр отвечает Миндовгу: «аше не пошлеш к папе и *приимеши крещения*». Здесь должно быть не «и *приимеши*», а «и не *приимеши*». Очень неясно заключительное выражение: «Им же ныне паки от них *бедоу приемлеть*». Поскольку в предыдущем предложении говорится об «очах», то, должно быть, сказанное тоже относится к «очам» и, следовательно, беда будет от них. Очень неопределенно и начало рассказа. Миндовг послал письмо к магистру «тайне». Это понятно, так как о подобной просьбе кричать не следует. Но вот что дальше: Миндовг «убедил» магистра, «сиречь оумоли его». Следовательно, магистр уже согласился, но далее следует, что Миндовг пока только просит совершить убийство, подкрепляя просьбу набором дорогой посуды и массой коней, обещая в случае согласия дать еще больше. Значит, здесь начало фразы находится в противоречии с концом. Учитывая это, можно предположить, что летописец не пользовался самим письмом, а слышал его в пересказе и поэтому передал неточно, что и неудивительно. Более удивительным было бы, если бы секретный документ, посланный Миндовгом в Ригу, оказался (хотя бы в хорошей копии) у летописца.

Гораздо более осмысленно передано указанное место в хронике Быховца. Миндовг послал письмо магистру втайне, прибавив многие дары, что магистру очень понравилось. Просьба Миндовга изложена так: «Если убьешь или изгонишь Товтивила, то получишь еще больше. Так же осмыслен и ответ магистра, написавшего: «С нами мира никогда не можешь иметь, а поскольку ты язычник, не будешь иметь и спасения, если не крестишься в общую веру христианскую и не пошлешь к папе подношения и не выразишь послушания». Требуется, однако, пояснения промежуточное предложение в хронике Быховца «А службу от тебя имею». Если здесь не ошибка (вместо «дружбу» написано «службу»), то это означает, что Миндовг не только прислал магистру богатые дары, но и оказал «службу», т. е., вероятнее всего, услугу военного характера.

Несмотря на наличие темных мест, ясно одно: Ипатьевская летопись здесь не могла служить источником хроники Быховца, так как хроника более исправна, чем летопись.

Еще иначе передано подобное сообщение в хронике Стрыйковского, т. е. в Берестовицкой летописи. Миндовг отправил послов к лифляндскому магистру Андриху (т. е. Андрию. — Н. У.), или Генриху, с богатыми дарами. Сообщение, что это было сделано втайне, у Стрыйковского отсутствует, хотя, надо полагать, в его источнике оно было. Далее сообщается, что Миндовг просил магистра изгнать Товтивила, племянника великого князя, из Полоцка или убить его. Магистр ответил, что поскольку Миндовг является язычником, то мира с ним не может быть, и, кроме того: «ты не будешь иметь и спасения (очевидно, душа твоя не может быть избавлена от посмертных мук), если не крестишься в „общую“ христианскую веру и не пошлешь послов к папе с дарами и выражением послушания». Без этого магистр, хотя бы он тем

золотом, которое получил от Миндовга, осыпал свои глаза, способствовать ему не будет (не может). Впрочем, магистр, возможно, в свой ответ вкладывал и такой смысл: если Миндовг крестится, то магистр может убить язычника Товтвила «законо», сохранив все подарки.

Согласно этой версии Миндовг просит не вообще изгнать Товтвила, а изгнать из Полоцка. Затем, у Стрыйковского подчеркнута, что Миндовг не просто должен креститься, но креститься в «общую веру», т. е. по католическому обряду, и в конце говорится, что без крещения и без посылки посольства в Рим магистр способствовать ему не будет. О «дружбе» или «службе» у Стрыйковского (в Берестовицкой летописи) нет ничего. Магистр в хронике Быховца называется Андреем, а в Берестовицкой — это Андрих, или Геирих, притом, по хронике Быховца, он рижский магистр, а по Берестовицкой — лифляндский. Из всего сказанного следует, что в указанном месте наиболее достоверные сведения содержатся в Берестовицкой летописи.

Последний случай, когда Стрыйковский дает перевод летописного текста с отметкой на поле, что это «собственные слова русских летописцев», относится к обстановке в Польше после поражения под Хойницами. Отрывок есть также в хронике Быховца.

Хроника Быховца

«Y po onom pobolszczu korolu Kazimiru żalostno bi welmi, y myslit'w sercy swojem, kako by nad neprzyjatelem swoim uskore z bożyiu pomoczyiu zło za zło oddaty; y posyłałiet' woskore do panow litowskich, żadalućy, aby iemu pożyczyli kniazey (должно быть «пленяезы», т. е. денег. — Н. У.) ku той potrzebie ieho. Y pry tych postoch korolewskich y odprawiał swoich postow panowe ladskije do panow litowskich, bratij swolej, prosiaczy o pomocz, aby ich ludmi zapomohli, a na tot by upad ich baczyli» (т. XXXII, с. 162).

Хроника Стрыйковского

«A po onej dzie bitwie, to jest Chojnickiej, będąc krol Cazimirz żalostien, że go porażono, myslit jakoby nieprzyjacielowi swemu oddał i posłał do panów litewskich, żądając, aby mu plienicdzy pożyczyli ku tej potrzebie jego. A przy posłech panowie koronni postali do panów litewskich, aby ich w ludzie zapomogli wejrzawszy na ten upad ich» (ч. II, с. 256).

Исходя из того, что ссылка дана не на Берестовицкую летопись и даже не на «одного летописца», а на «русских летописцев», можно заключить, что приведенный отрывок содержался в ряде летописей. В настоящее время такое сообщение известно только по хронике Быховца. Сравнив оба текста, видим, что они несколько различаются между собой, но разница очень невелика. В сущности, она касается только одного места. Так, в хронике Быховца сказано, что король хотел своему неприятелю отплатить «с божиею помощию злом за зло». Это не весьма христианское желание у Стрыйковского передано в более смягченной виде: «как бы своему неприятелю воздать». Остальное совпадает почти дословно.

Предыдущие примеры показывают, что текст Берестовицкой летописи редко совпадает с другими летописями, и поэтому в данном случае, кажется, можно заподозрить ошибку Стрыйковского, указавшего вместо летописи Заславских «русских летописцев».

Подводя итог этим наблюдениям, можно сказать, что Стрыйковский редко цитировал тексты тех летописей, которые были у него, но

это были действительно цитаты с незначительным отступлением от источника как при переводе, так и при передаче на языке оригинала.

Несравненно чаще Стрыйковский пересказывал летописные источники, иногда сравнивая их с данными польских хронистов. Учитывая почти точную передачу текста при цитировании, можно думать, что и в пересказах Стрыйковский мало отступал от оригинала.

Система ссылок Стрыйковского на летописи

Точнее всего систему ссылок можно установить, изучая ссылки Стрыйковского на одну летопись («одного летописца», по выражению автора «Кроник»). Однако прямые ссылки на «одного летописца» встречаются в «Кронике» не часто, и поэтому мы разберем случаи, когда ссылки даются на одну летопись, т. е. когда говорится «летописец», «летописец русский» и т. д.

Наиболее определенные ссылки встречаются на Берестовицкую летопись, так как известно, где находится (находилось) селение Великая Берестовица и кто был владельцем рукописи. Относительно двух других, названных хронистом «достоверными летописцами», сказано, что их «каждый может найти в Гродке» (Гродно?), что они хранятся в собрании гродненского старосты Александра Ходкевича и что экземпляр этих рукописей имеется «у меня», т. е. у самого Стрыйковского (ч. I, с. 253). Из этого туманно изложенного места (рукописи были у Ходкевича, а одновременно и у Стрыйковского) следует, однако, что две летописи, которыми пользовался хронист, находились в Гродно. Были ли они собственностью Стрыйковского или он только пользовался ими, в данном случае несущественно. Что касается остальных 12 рукописей, то их следует принимать как «бездомные», поскольку места, где их нашел хронист или откуда они к нему поступили, остаются неизвестными. Примечательно, что ссылки на одного летописца Стрыйковский дает в самом начале хроник, после чего наступает длительный перерыв, и затем они возобновляются лишь в конце XV — начале XVI в.

Рассказ о жизни Войшелка Стрыйковский передает со ссылкой на «стародавнего литовского летописца» (ч. I, с. 297). В этом источнике сказано, что Войшелк был раздражен против отца за то, что тот отступился от «христианской римской веры», ушел от него в Галич «к русскому королю Даниилу» и его брату Васильку, несмотря на то что братья находились во враждебных отношениях с Миндовгом. В Галиче Войшелк переменял веру с католической на православную («русскую»), стал монахом и три года жил у галицкого архимандрита Григория. Затем Войшелк отправился на Святую гору и в Царьград, но из-за дальности пути повернул обратно, ушел в Новогрудок и там над Неманом «между Литвой и Новогрудком» основал монастырь, в котором и жил. У его отца в это время возник конфликт с князем Довмонтом, потом Миндовг был убит (ч. I, 298). Учитывая, что ряд выписок, касающихся эпохи Миндовга — Войшелка, Стрыйковский делал из Берестовицкой летописи, естественно предположить, что данный рас-

сказ заимствован оттуда же, т. е. что «летопись князей Заславских» и «стародавний литовский летописец» — одно и то же.

Однако у Стрыйковского рассказ о Войшелке лишь в самом начале опирается на «стародавнего летописца», а немного ниже на поле есть отметка, что последующие сведения заимствованы из «летописцев о Войшелке Миндовговиче», т. е. что они находились в нескольких летописях, специально посвященных Войшелку.

Помимо Стрыйковского, о Войшелке сообщается лишь в Ипатьевской летописи и хронике Быховца, не говоря о туманных известиях в других летописях. Основные данные об этом князе изложены в Ипатьевской летописи в записи за 1262 г. Запись начинается с сообщения об убийстве Миндовга, происшедшем в 1263 г. О Миндовге сказано, что он стал избивать родню, свою дочь отдал замуж в Холм за Шварна Даниловича, и затем без всякого перехода сообщается, что Войшелк начал править в Новогрудке, будучи язычником, причем проявлял крайнюю жестокость. Потом наступил перелом: Войшелк крестился «ту в Новогородьце», ушел в Галич, крестил там Юрия, сына князя Льва Даниловича, а затем, уйдя в Полонину, стал монахом. Пробыв там три года, он направился на Святую гору, но не дошел, так как в «тех землях» (не сказано, в каких) был «великий мятеж». Возвратившись, он отправился обратно в Новогрудок и там над Неманом «межи Литвою и Новымгородьком» основал монастырь. Миндовг порицал Войшелка за такую жизнь, Войшелк, в свою очередь, не любил отца (т. II, стб. 858—859). В записях за 1263, 1264 гг. сообщается об убийстве Миндовга, бегстве Войшелка в Пинск, возвращении его оттуда «с пинянами», захвате власти в Новогрудке и избииении противников (т. II, стб. 860—861). В записи за 1268 г. говорится, что Войшелк, оставив Новогрудское княжение Шварну, ушел в Угровск, а затем был убит Львом (т. II, стб. 867—868).

События 1263, 1264 гг. изложены в Ипатьевской летописи еще раз под 1255 г., но очень кратко. Эта запись сделана после 1264 г. В ней Войшелк показан не как сын великого князя, а как самостоятельный правитель: заключил мир с Данилом Романовичем, выдал замуж сестру, Новогрудское княжество отдал Роману «от Миндовга и от себя» (т. II, стб. 830—831).

Текст хроники Быховца за 1262—1264 гг. почти целиком совпадает с Ипатьевской летописью, но если в Ипатьевской сказано, что Миндовг был убит после «сейма» 1262 г. «минувшу лету одному», то в хронике Быховца — после «сейма» прошло «время немало». Крестился Войшелк не «ту в Новогородьце», а просто в «Новогородьцѣ». Из Полонины Войшелк двинулся не на Святую гору, а на Острую. В хронике сказано, что убитый Войшелком Остафий был воеводой, чего нет в Ипатьевской летописи. По летописи, Войшелк после смерти Миндовга княжил в Литве, а по хронике — «на Новгородцы и на русских городех». В войне с поляками, согласно хронике, Войшелк сжег город Ильзу, чего нет в летописи (т. II, стб. 861, 864—866; т. XXII, с. 133). Причиной, по которой Лев убил Войшелка, по летописи, была зависть — почему Войшелк отдал «землю Литовскую» Шварну, а по хронике, — месть за «окрутенства», которые делали в русских землях Миндовг и Вой-

шелк. Наконец, в хронике все это завершается словами: «И тут закончился род римского князя Палемона», чего, естественно, не могло быть в летописи (т. II, стб. 868; т. XXXII, с. 133—134). При всех этих расхождениях язык хроники совпадает с языком летописи — он такой же архаичный. Что касается записи за 1268 г., то ее содержание как в летописи, так и в хронике Быховца одинаково, но язык хроники модернизирован (это язык XVI в.). Как обычно, год в хронике Быховца не указан.

У Стрыйковского раздел, в котором описаны те же события, датирован 1267 г. (ч. I, с. 304—306). Ссылки в разделе даны на «летописца» и на «летописца литовского и русского», а также на Меховского и Кромера в тексте, на поле же еще указаны труды Кадлубека, Длугоша и Бельского. Начальная часть раздела является у Стрыйковского как бы вступлением к главному моменту, т. е. убийству Войшелка. В нем сказано, что Войшелк, использовав раздоры, возникшие между волинскими князьями после смерти Данила Романовича, захватил «несколько русских замков», а потом двинулся с войском на Волинь, намереваясь завладеть ею. Лев Данилович, не имея возможности сопротивляться Войшелку, предложил начать переговоры. Войшелк принял это предложение, распустил основную часть своих сил, оставив при себе только ближайшее окружение из панов, князей и бояр, и затем уехал в Угровск, где ранее был монахом. Лев послал к нему своих братьев, приглашая Войшелка во Владимир; посланцы гарантировали ему безопасность.

Далее, со ссылкой на «летописца» изложены обстоятельства убийства Войшелка, но они даны несколько иначе, чем в Ипатьевской летописи, и почти так, как в хронике Быховца. Так, Стрыйковский назвал Маркольта Немчина «паном русским», чего нет, да и не могло быть, в летописи, поскольку это терминология XVI в. Во всех трех источниках Войшелк и Лев называются кумовьями, но в Ипатьевской летописи они покумились задолго до убийства, в 1262 г., когда Войшелк крестил сына Льва — Юрия (т. II, стб. 859); то же в хронике Быховца без указания года (XXXII, с. 133). По Стрыйковскому же, они стали кумовьями только на пиру у Маркольта (ч. I, с. 305). Как и в хронике Быховца, причиной убийства у Стрыйковского указаны жестокости Миндовга и Войшелка в отношении русских земель. Так же как в хронике Быховца, у Стрыйковского сказано, что Войшелк похоронен в монастыре Святого Владимира во Владимире (ч. I, с. 306), в Ипатьевской же летописи сказано, что Войшелк похоронен в церкви Михаила Великого, но без упоминания о нахождении церкви в монастыре (т. II, стб. 868). Сверх того, что есть в хронике Быховца, у Стрыйковского добавлено, что Лев приехал в монастырь со слугами, которым он приказал окружить Войшелка; что убит Войшелк был саблей, причем его мозг брызнул на стену и на слуг Льва. Значит, источником хроники Стрыйковского, как и хроники Быховца, не могла быть Ипатьевская летопись. Вместе с тем можно предположить, что «летописец» и «летописец литовский и русский» — одно и то же и что это все та же Берестовицкая летопись.

Между прочим, утверждение Берестовицкой летописи (в передаче

Стрыйковского), что Войшелк первоначально был крещен по католическому обряду, не должно казаться невероятным, ведь Миндовг был крещен именно таким образом.

В свое время В. Т. Пашуто высказал предположение, что в Новогрудке велось летописание¹². Учитывая наличие «летописца Войшелка Миндовговича», на которого ссылался Стрыйковский, существование подобной летописи кажется вполне возможным.

Наиболее ранние (после сообщения о прибытии «итальянцев» в Литву) известия Стрыйковского, основанные на «одном летописце», касаются персонажей легендарной части. Стрыйковский считает ошибочным сообщение «одного летописца», будто Пюта была дочерью Кужовойта, так как в действительности она была его матерью (ч. I, с. 245). Значит, «один летописец» содержал версию, расходившуюся с версией летописей Красинского, Археологического общества, Рачинского, Румяницевой, Ольшевской и Евреиновской (т. XXV, с. 91, 131, 148, 176, 196, 217).

Стрыйковский считает неверным и другое сообщение «одного летописца», будто та же Пюта была замужем за девяттовским князем Гирусом-Кирусом (тоже легендарной личностью) (ч. I, с. 246). Такое сообщение есть в летописях Красинского, Румяницевой, Рачинского, Ольшевской, Евреиновской (т. XXV, с. 130, 146, 174, 194, 216—217). Значит, и в данном случае версия «одного летописца» была Стрыйковским отвергнута. Ясно, что «один летописец» содержал не ту версию, как ряд других летописей. Учитывая, что между Берестовицкой и остальными летописями имелось различие в самом начале, можно предположить, что «один летописец» — в данном случае та же Берестовицкая летопись.

Следующая (хронологически) ссылка Стрыйковского на «одного летописца» касается имени ливонского магистра (дело происходит в эпоху Миндовга). Здесь Стрыйковский отмечает, что летописец называл магистра Андреем; при вторичном упоминании — что магистр Андрих в летописи назывался Андреем. — ссылка дается уже на «русского летописца» (значит, тоже на «одного») (ч. I, с. 287). Следовательно, «летописец» и «русский летописец» — одно и то же. Магистр, но не ливонский, а римский упоминается только в хронике Быховца (т. XXIII, с. 132). Учитывая наличие ряда цитат из Берестовицкой летописи, приводимых Стрыйковским в начале работы и касающихся именно этой эпохи и лично Миндовга, можно предположить, что «летописец» и «русский летописец» — та же Берестовицкая летопись или летопись о Войшелке.

Последняя ссылка Стрыйковского на «русский летописец» при изложении событий XIII в. касается сыновей Трабуса. Стрыйковский отмечает, что его источник — «летописец» не только ошибся в отношении Пюты, но и неверно указал, будто у Трабуса было пять сыновей, тогда как на самом деле они были сыновьями Ромунта (Романа) (ч. I, с. 316). Ипатьевская летопись не звет ни Трабуса, ни Ромунта (Романа). В хронике Быховца отцом пяти сыновей назван Роман, племян-

¹² Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959, с. 42.

пик Трабуса, Трабус же был сыном Скирмонта (т. XXXII, с. 134). То же в летописях Краснинского, Археологического общества, Рачинского, Румянцевской, Евреинновской, Ольшевской (т. XXXV, с. 93, 132, 150, 177, 198, 218). Значит, и здесь «русский летописец» не совпадает ни с одним из известных сейчас источников.

После этой поправки Стрыйковский начинает делать ссылки на одного летописца (это делается по-разному: «русский летописец», «литовский летописец», но здесь говорится о тех случаях, когда ссылка дана на одного) при описании событий конца XIV в., т. е. с перерывом примерно в сотню лет. Поскольку ни одна из известных сейчас летописей и хроник не имеет такого длительного перерыва в известиях, то можно предположить, что или «русский летописец» был дефектным (недостача многих листов), или Стрыйковский, говоря об «одном летописце», «русском летописце» и т. д., имел в виду не ту летопись, на которую ссылался ранее, а ту, которая содержала индивидуальные сведения.

Первая ссылка на «русского летописца», сделанная после очень длительного перерыва, содержит описание войны Ягайла с Польшей, захвата шляхтичем Довойна в Польше фрагмента деревянного креста, возвращения литовского войска домой и чудес, происшедших в Вильно в связи с привозом туда обломка креста (ч. II, с. 68). При этом в начале дается ссылка на «русских и литовских летописцев», затем вообще на «летописцев», а в конце, где описываются вступление литовского войска в Вильно и происшедшие затем чудеса, — на «русского летописца», причем помечено, что этот летописец «пишет далее». Однако, поскольку весь рассказ представляет собой одно целое, ясно, что Стрыйковский один и тот же источник обозначает и в единственном и во множественном числе. В таком случае правильнее предположить, что у него было несколько летописей, потому что, имея подобный текст в одной летописи, написать, что так говорят «все летописцы единоголосно», едва ли было возможно.

Сообщение о походе Ягайла и всех последующих событиях имеется еще только в хронике Быховца (т. XXXII, с. 144), но, говоря об одном и том же, обе хроники значительно расходятся в деталях. В них, например, сообщается, что под Завихостом литовское войско переправилось через Вислу вплавь на конях, но у Стрыйковского инициатором такой переправы назван Радзивилл, тогда как в хронике Быховца — просто «один литвин». (Издавая хронику, Нарбут в этом месте сделал сноску, в которой написал, что литвином, проявившим инициативу, «очевидно, был Радзивилл, так как с того времени о нем вспоминают».) Подобное объяснение, однако, кажется совсем неубедительным. Здесь Нарбут не вполне определенно сказал то, что уверенно изложено Стрыйковским. По Стрыйковскому, Ягайло был перевезен через Вислу в челноке, о чем в хронике Быховца не упоминается. Однако «литвин», который первым бросился в воду, произносит в обеих хрониках слова, лишенные смысла: по Быховцу, он крикнул «тут воде не бывать», а по Стрыйковскому, — «так в тех руках воде не бывать» (ч. II, с. 68; т. XXXII, с. 144). Очевидно, и в «летописце» Стрыйковского, и в протографе хроники Быховца в этом месте был дефект. По

Стрыйковскому, тот же Радзивилл, переплыв реку и став у города, предложил забросать крепостной ров остатками сожженных домов, а затем перебросить через стену в город много «киёв» (палок), после чего город был подожжен; в хронике Быховца сообщения, что в ров бросали обгорелые бревна, нет, а «кии» якобы были заброшены в город по приказу Ягайла. Далее в хронике Быховца сообщается, что литовская армия сожгла Опатов и ряд других городов и дошла до Вислицы; у Стрыйковского же Опатов не упоминается, но сказано, что Вислица находится в 9 милях от Кракова. У Стрыйковского говорится, что войско по пути обратно проходило около Лысой горы, где один литовец по имени Довойна захватил часть святого креста; в хронике Быховца о Лысой горе не сообщается ничего, и поэтому неясно, где Довойна захватил свою добычу (ч. II, с. 68; т. XXXII, с. 144). В этом месте расхождения между хрониками Быховца и Стрыйковского настолько велики, что первая для второй служить источником не могла. «Русский летописец» в данном случае — это источник, значительно отличающийся от хроники Быховца.

Следующее сообщение, основанное на «одном летописце», дано опять после очень длительного перерыва и относится к 30-м годам XV в., точнее, к обстоятельствам избрания на престол Великого княжества Литовского Казимира Ягайловича. Ссылаясь на Длугоша, Меховского, Кромера и Ваповского, Стрыйковский излагает ход дела следующим образом: когда литовские магнаты решили избрать великим князем Казимира, они отправили в Сандомир, где в то время жил королевич, двух жмудских панов — Михаила и Яна Кезгайлов. Однако польские паны не хотели, чтобы Казимир стал великим князем, так как намеревались сделать его лишь губернатором Великого княжества. Поляки проводили Казимира как губернатора до границы Литвы, но литовцы против воли польских панов короновали Казимира в Вильно великим князем. Изложив это, Стрыйковский добавил, что «литовский летописец» изобразил дело неверно, и указал, в чем заключаются его ошибки.

«Летописец» сообщал, что, когда Казимира Ягайловича избрали на престол, ему было 13 лет, на самом же деле 16 лет. Далее «литовский летописец» (!) неправильно утверждал, будто Казимир, когда его избрали на престол, должен был тайно уйти из Сандомирского замка, хотя в действительности он уехал открыто. Казимира, по летописцу, «поднесли» на престол в Бресте, а на самом деле это было сделано в Вильно (ч. II, с. 206—207). Без сомнения, замечания Стрыйковского касаются одного и того же источника, который в одном случае назван «летописцем», а во втором — «литовским летописцем».

В хронике Быховца сказано, что Казимиру, когда его избрали великим князем, было 13 лет, что он «спустился з града» (в Сандомире) к литовским послан и что его «поднесли» на престол в Бресте, т. е. здесь имеется все, что Стрыйковский считал ошибочным у «летописца». В этом рассказе любопытна еще одна деталь. По Стрыйковскому, в Бресте Казимира встретили великий земский маршалок Николай Радзивилл, виленский каштелян и жмудский староста Кезгайло, Ян Гаштольд, князь Юрий Гольшанский и Николай Немирович. По хро-

нике же Быховца, его встретили князь Юрий Гольшанский, Кезгайло, Иван Гаштольд, Николай Немирович и Остик (звания панов опускаем). Значит, у Стрыйковского Радзивилл назван первым, тогда как в хронике у Быховца он поставлен на последнее место, причем не как Радзивилл, а как Остик (это была как бы предфамилия Радзивиллов, гораздо менее известная, чем Радзивилл) (т. XXXII, с. 157).

Следующая ссылка на «русского летописца» дана опять после длительного перерыва и касается битвы под Хойницами, происходившей в 1454 г. У Стрыйковского, перечисляющего пять ошибочных данных, они изложены в разделе, озаглавленном «Ошибки литовских летописцев во времени, месте и неприятеле», причем несколько раз путается один летописец с несколькими («русские летописцы», «русский летописец», «летописец» и «летописцы»). Поскольку все время говорится об одном и том же, то вероятнее всего, что ссылки даны на один источник, только называющийся по-разному. О Хойницкой битве, согласно Стрыйковскому, писали «старосветские хроники и некоторые русские и литовские летописцы», а также Длугош, Кромер, Валовский, Меховский, Гербурт (ч. II, с. 244). Известие об этой битве есть только в хронике Быховца, и там, действительно, все перепутано — дата, место и неприятель¹⁷. По хронике Быховца, битва произошла между поляками и чехами, тогда как в действительности она была между поляками и немцами, и не под Вроцлавом, а у Хойниц. Что касается времени, то в хронике Быховца год не указан, но последующие события датированы у него 1453 г., из чего следует, что битва, по хронике, произошла ранее этого года.

Отсюда можно сделать заключение, что Стрыйковский ссылался если не буквально на хроникера Быховца, то на источник, аналогичный ему (по крайней мере в этом месте). Однако здесь Стрыйковский ссылается не на одного летописца, а на «некоторых русских и литовских летописцев» и на «литовских летописцев», из чего можно предположить, что у Стрыйковского было несколько летописей, содержащих ошибочное описание битвы под Хойницами.

☞ Далее отмечена еще одна ошибка «русского летописца» (ч. II, с. 284), тоже относящаяся ко времени правления Казимира Ягайловича. Подобного места в хронике Быховца нет.

Следующая ссылка на «летописца», который опять ошибся, относится к концу правления Казимира. В Коломые, где молдавский господарь Стефан принес Казимиру вассальную присягу, король дал ему в помощь 3 тысячи бойцов под командованием Яна Поляка, тогда как, по свидетельству «летописца», командовал ими королевич Ян-Альбрехт (ч. II, с. 287—288).

В хронике Быховца сказано лишь, что король послал на помощь Стефану «королевичей и многих своих людей» (т. XXXII, с. 163). Здесь и далее Стрыйковский обычно приводит летописные данные как будто лишь для того, чтобы показать их ошибочность.

Ниже со ссылкой на «летописца» сообщается о приезде в Литву тверского князя Михаила Борисовича (ч. II, с. 288). На этот раз ука-

¹⁷ ПСРЛ, т. XXXII, с. 161.

зания, что данное известие летописца ошибочное, нет. Подобное сообщение имеется в хронике Быховца (т. XXXII, с. 163), но по сравнению с хроникой Стрыйковского там добавлено, что Тверское княжество «подали» московскому великому князю сами тверичи. Очевидно, все последние ссылки на «одного летописца» относятся к одному и тому же источнику.

Ряд следующих сообщений со ссылкой на «одного летописца» связан с описанием неудачной попытки польского короля Яна-Альбрехта захватить Молдавию (конец XV в.). Описывая поражение, понесенное польской армией от молдаван в буковом лесу, Стрыйковский сообщает, что «некоторые пишут, а в особенности русский летописец», что больной подагрой молдавский господарь Стефан, который, очевидно, не мог сидеть на коне, приказал возить себя на санях (дело происходило летом). В конце этого рассказа, перечисляя знатных поляков, попавших в плен, Стрыйковский отмечает, что «летописец» ошибочно называл графа Тенчинского, краковского подкомория и старосту мальборгского, великим маршалком (ч. II, с. 302). Поскольку здесь последовательно передается рассказ об одном и том же событии со ссылкой на два источника, то есть основание предполагать, что это не два источника, а один, т. е. что «русский летописец» и просто «летописец» — одно и то же. У Стрыйковского назван ряд лиц, попавших в плен, но ошибка летописца отмечена только в отношении графа Тенчинского.

О названных событиях есть сообщение лишь в хронике Быховца, где сказано, что Стефан был «болен на ноги» (подагрой?), а из лиц, попавших в плен, указан один Тенчинский (по хронике, Точинский), который назван «маршалком великим Польской короны» (т. XXXII, с. 165—166).

Продолжая рассказ о том же неудачном походе, Стрыйковский сообщает, что на следующий день после битвы на помощь польскому войску явилось «рыцарство» от великого князя Александра, которым командовали Станислав Петрович Кишка и князь Семен Осемятич. Согласно «литовскому летописцу», помощь запоздала, потому что, как только этот отряд переправился через Днестр, его встретило молдавское войско, которое, однако, было разбито. Стрыйковский отмечает, что польские хроники обо всем этом не сообщают (ч. II, с. 303).

В хронике Быховца, в том месте, где говорится об отправке на помощь королю Яну-Альбрехту «всех людей», которые были при великом князе Александре, отмечено, что отряд был послан под командованием Станислава Петровича, о Семене же Осемятиче ничего не говорится (т. XXXII, с. 166). Здесь как будто между текстами обеих хроник получилась неувязка, и хотя в хронике Быховца несколько ранее отмечено, что Александр послал на помощь королю Яну-Альбрехту «маршалка своего, наместника лидского пана Станислава Петровича, князя Семена Ивановича Можайского и князя Василия Ивановича Семячича» (т. XXXII, с. 165), неувязка остается, даже учитывая, что Станислав Петрович — этот тот самый Кишка, о котором упомянул Стрыйковский.

В рассказе о том же походе Стрыйковский делает еще две ссылки на «летописца», а затем на «летописцев». В первом случае сообщается,

что «литва», возвращаясь из-под Брацлава, в 12 милях за этим городом разгромила отряд татар. Во втором случае ссылка касается причины, по которой король Ян-Альбрехт предпринял неудачный поход в Молдавию. Стрыйковский утверждает, что польские летописцы — Меховский, Бельский, Ваповский, Кромер — считали, что неудача произошла вследствие измены Стефана, тогда как, согласно «летописцам», Ян-Альбрехт имел коварное намерение выгнать Стефана из Молдавии, чтобы посадить на молдавский престол своего брата (Сигизмунда. — *Н. У.*) (ч. II, с. 304).

В хронике Быховца в конце рассказа об этой эпопее сообщается, что великий князь Александр стоял «немало время» у Брацлава, где «город Браслав зарубил», разгромил в 12 милях от него несколько сот татар (т. XXXII, с. 166). Что же касается причины похода, то мысль о том, что король Ян-Альбрехт идет в Молдавию, чтобы захватить эту страну, в хронике Быховца выражена очень неясно: «И потягнул» (пошел. — *Н. У.*) король Ян-Альбрехт «на Стефана воеводу волоского» (т. XXXII, с. 165).

Великий князь Александр, возвратившись из Молдавии, наведаясь, согласно «летописцу», к больному трокскому воеводе и великому гетману Петру Ивановичу Белому и советовался с ним, кого бы назначить гетманом после смерти собеседника. Тот рекомендовал потомка князей Друцких Константина Ивановича, который «позже звался Константином Острожским, князем из Острога» (ч. II, с. 305). Этот эпизод есть и в хронике Быховца и почти дословно совпадает с текстом Стрыйковского. Однако по Стрыйковскому, гетман — это Петр Иванович Бельый, а по хронике Быховца, — Петр Янович (фамилия его Монтигирдович. — *Н. У.*). Очевидно, и в данном случае «летописец» не был хроникой Быховца, тем более что, по Стрыйковскому, — гетман Петр Иванович, а по хронике Быховца, — Петр Янович.

При описании войны 1500 г. с Россией Стрыйковский ссылается то на «летописцев» или «иных летописцев», то на одного из них. Ссылка на одного дается при описании приемов, с помощью которых русские пытались взять Смоленск. Сын московского великого князя, руководивший осадой Смоленска, согласно Стрыйковскому, штурмовал этот город не только днем, но и ночью, разрушал замок не только из орудий, но и «турами, как свидетельствует летописец, насыпанными песком и землей, производил несказанные штурмы» (ч. II, с. 311).

Б* Схожее место есть в хронике Быховца, притом оно изложено более вразумительно, чем у Стрыйковского: русские «за великими турами, насыпанными песком и землю, неописуемые штурмы на него чинили». В обоих случаях сын великого князя, командовавший русскими войсками, назван Дмитрием Жилко (т. XXXII, с. 168).

«Осенью 1501 г., «как свидетельствуют русский летописец и Меховский», на помощь Литве пришел заволжский царь Ахмат-Гирей (Сахматкирей, по Стрыйковскому), сын Ахмата, и при нем был посол князя Александра пан Михаил Халецкий. Ахмат-Гирей разорил Северщину (принадлежавшую тогда великому князю московскому. — *Н. У.*), «добыл» Новгород Северский, прочие же северские города подчинились ему без сопротивления, а затем между Черниговом и Киевом

нанес тяжелое поражение перекопскому «царю» Менгли-Гирею. После этого Ахмат-Гирей отправил Халецкого со своими послами к Александру, сообщая о победе и о том, что он привел 100 тысяч воинов для борьбы с Россией. Однако Александра в это время избрали польским королем, и он уехал в Польшу, «выдав царя заволжского на мясные ятки» (ч. II, с. 313).

Продолжение этой истории изложено тоже по «летописцу». Великий князь литовский и король польский так долго задержался в Кракове, что Заволжская орда, расположившаяся около Киева, оказалась в настолько тяжелом состоянии, что жена Ахмат-Гирея ушла от мужа с большинством татарского «рыцарства» к Перекопу, к Менгли-Гирею. В результате Менгли-Гирей очень усилился, напал на «царя» Ахмата, разгромил его, и тот еле успел бежать в Киев, а оттуда отправился в Вильно (ч. II, с. 316).

По хронике Быховца, Новгород Северский не был «добыт» татарами, а сдался добровольно. Еще более существенное различие между двумя хрониками заключается в том, что в хронике Быховца о первой битве между татарами, когда победителем стал Ахмат-Гирей, ничего не сообщается, как нет и сообщения о бегстве жены этого хана в Перекоп. Там говорится лишь об одной битве, в которой заволжский «царь» был разбит, а его жена и дети попали в плен; далее, как у Стрыйковского, т. е. что «царь» бежал в Киев, откуда направился в Вильно (т. XXXII, с. 169). При такой разнице в текстах хроника Быховца служить источником для Стрыйковского не могла.

«По свидетельству летописца», король Александр послал в 1502 г. послов к великому князю Ивану Васильевичу (далее следует перечисление, кто был послан). Затем помещено сообщение о прибытии ответных послов из Москвы, причем Стрыйковский отметил, что это произошло не в 1502 г., «как утверждает летописец», а в 1503 г. Поскольку фраза начинается со слов «в том же году», а «тот же год» в начале абзаца был 1502-й, то здесь Стрыйковский как бы поправляет самого себя (ч. II, с. 318).

Подобное место в хронике Быховца есть, но оно немного отличается от текста Стрыйковского. У Стрыйковского один из московских послов назван «Константин Замыцкий или Семечка», тогда как в хронике Быховца прозвища «Семечка» нет. Кроме того, Стрыйковский пишет, что перемирие было заключено на шесть лет, что тоже отсутствует у Быховца (т. XXXII, с. 169). Следовательно, и здесь источником служила не хроника Быховца.

Описание событий за 1505 г. начинается с указания, что летописец неправильно датирует сейм, собранный в Бресте, 1504 г. (ч. II, с. 321). По хронике Быховца, сейм собрался в 1503 г. (т. XXXII, с. 170). В том же 1505 г. Стрыйковский отмечает еще одну ошибку летописца, написавшего, что сейм происходил в Сандомире, тогда как он был в Радоме (ч. II, с. 322). По хронике Быховца, этот сейм был в Радоме (т. XXXII, с. 171). Значит, упрек Стрыйковского относится не к хронике Быховца.

Следующий раздел хроники Стрыйковского опять начинается с указания на ошибку летописца: московский великий князь Иван

Васильевич умер не в 1503 г., как пишет летописец, а в конце ноября 1505 г. (ч. II, с. 323). В хронике Быховца смерть великого князя датирована 1503 г. (т. XXXII, с. 170). (Иван III Васильевич умер 27 октября 1505 г. — Н. У.)

Со ссылкой на летописца Стрыйковский приводит слова виленского епископа Войцеха Табора, обращенные им к королю в защиту магнатов, после чего король разбил паралич (ч. II, с. 325). В этом месте тексты хроники Стрыйковского и хроники Быховца (т. XXXII, с. 171) настолько близки (хотя у Стрыйковского даны в переводе), что, безусловно, имеют общий источник.

Ссылаясь на Меховского и Кромера, Стрыйковский считает, что летописец ошибся, утверждая, будто нападение татар во главе с перекопским царевичем Махмет-Гиреем произошло в 1506 г., а не в 1505 г. Татары при этом нападении переправились через Днепр у Лоева (ч. II, с. 326). Здесь в хронике Быховца недостает листа, и проверить, какой указан год, нет возможности.

Согласно летописцу, говорит Стрыйковский, король Александр приехал в Литву с Люблинского сейма в день святого Григория в 1507 г. (ч. II, с. 329), на самом же деле это произошло в 1506 г. В хронике Быховца сказано, что Александр приехал в Вильно в 1507 г., но не отмечено, что это произошло в день святого Григория (т. XXXII, с. 171).

Продолжая рассказ о приезде Александра, Стрыйковский еще раз обращает внимание на то, что летописец, очевидно, ошибся, датируя событие 1507 г., так как в действительности это происходило в 1506 г., и что парализованный король собрал сейм в Лиде (ч. II, с. 331). Точно такое же сообщение есть в хронике Быховца (т. XXXII, с. 171).

Сообщая о нападении татар, переправившихся через Днепр у Лоева, Стрыйковский отмечает, что, по известиям летописца, татары пошли обратно мимо Слуцка и что у них на троих был один «кош» (ч. II, с. 327—328). Очевидно, здесь говорится о корзинах, которые возили татары, чтобы сажать в них пленных маленьких детей. В хронике Быховца подобного сообщения нет.

Продолжая рассказ о нападении татар в 1506 г., Стрыйковский дает ссылку (сообщая о числе татар, приближавшихся к Лиде) не на одного летописца, а на «летописцев» (ч. II, с. 332). Вероятнее всего, это была одна летопись, на которую опирался Стрыйковский. Отсюда можно еще раз сделать вывод, что Стрыйковский при ссылке на несколько летописей имел в виду одну.

Ссылки на все или несколько летописей

Стрыйковский стремился осмыслить содержание летописей, понять, какой смысл вкладывал летописец в тот или иной термин, а чтобы отдельные выражения и понятия источников звучали осмысленно, иногда дополнял летописные известия и даже несколько изменял их.

Ссылки на несколько летописей или на все при изложении некоторых событий или при установлении даты должны показывать, что во всех 13 (или 15) летописях, имевшихся у Стрыйковского, об этом

говорится совершенно одинаково. Однако, судя по сохранившимся летописям, едва ли так было на самом деле.

Начиная изложение истории литовского народа, Стрыйковский постарался показать, что предки литовских князей, шляхты или рыцарства прибыли из Италии. Он ссылается на ряд римских авторов, сообщавших о Публии Либоне, а также на Дюсбурга, Длугоша, Меховского, Кромера и утверждает, что все они писали, будто Публий Либон или Палемон и группа римлян в свое время прибыли из Италии и осели в Жмуди, Ливонии и Литве и основали город Ромово, название которого происходит от «Рим» (ч. I, с. 66—67). В настоящее время летописей, в которых бы упоминалось Ромово, нет; вероятнее всего, о нем не сообщали и летописи, бывшие в распоряжении Стрыйковского. Чтобы читатели и после всего сказанного не усомнились в достоверности рассказа о прибытии поселенцев из Италии, Стрыйковский еще раз ссылается на «старых летописцев», которые, «очевидно, так себе, без ничего, историй из пальца не высосали» (ч. I, с. 67). В этом месте ссылку на «старых летописцев» можно принять как свидетельство «всех летописцев старых», поскольку в самом начале обеих редакций летописей говорится о прибытии «итальянцев» морем в Жмудь, а такое сообщение имелось во всех летописях у Стрыйковского (ч. I, с. 66). Значит, «старые летописцы» — это, в общем, «все летописцы».

■ Разберем сначала ссылки на «старых летописцев», поскольку можно думать, что, по мнению Стрыйковского, именно они содержали самые достоверные данные. «Все летописцы старые» утверждают, что война между великим князем Наримунтом и князем утянским Довмонтом возникла из-за женщины (Довмонт, овдовев, захватил жену Наримунта, сестру своей покойной жены) (ч. I, с. 328—329). Рассказ имеется во всех сохранившихся летописях и хрониках, кроме летописи Красинского (т. XXXV, с. 93, 94, 150, 178, 198, 219; т. XXXII, с. 32, 135); поэтому можно предположить, что этот рассказ находился и во всех летописях, которые были у Стрыйковского.

В «старых русских летописях», которых у Стрыйковского было «несколько», сообщалось, что Литва захватила Полоцк в 1307 г. (однако там не было сказано, кому он принадлежал. — *Н. У.*) (ч. I, с. 349). Датированные события в летописях чрезвычайно редки. Как правило, даты приводятся об относительно поздних событиях — с конца XIV в., да и то далеко не всегда. Несколько лучше с этим вопросом обстоит дело лишь в хронике Литовской и Жмойтской. Из имеющихся сейчас летописей о том, что Полоцк был взят литовцами в 1307 г., сообщается только в «Кройничке», писанной по-польски, и Румянцевской летописи (т. XXXV, с. 192, 212). Что касается хроники Литовской и Жмойтской, то в ней сказано, что Полоцк был захвачен в 1306 г. Довмонтом с помощью псковичей (т. XXXII, с. 32). Возможно, Стрыйковский, имея сведения о захвате Полоцка во всех своих летописях без указания года (безмозглые писари не сообщали лет), приписал год сам. Кстати, везде сообщения о завоевании Полоцка предельно краткие.

«Старых литовских летописцев» Стрыйковский вспоминает, когда передает сообщение о британской принцессе Урсуле, которая совершала путешествие в Рим и которую на обратном пути со всеми ее спутницами

убили «венгры» (ч. I, с. 56). Однако такую версию, согласно утверждению самого же Стрыйковского, содержала лишь Берестовицкая летопись (ч. I, с. 56). Следовательно, здесь можно почти определенно сказать, что одну Берестовицкую летопись Стрыйковский выдает за ряд «старых литовских летописцев».

В другом случае Стрыйковский упрекает «старых литовских летописцев» за то, что они без достаточных оснований написали, что в правление Монтивла Гимбутовича татары напали на Русь, сожгли Киев, что киевский князь Дмитрий сбежал в Чернигов и жмудский князь Винколт отправил на Русь своего сына Эрдвила, который и завоевал Новогрудок, Брест, Гродно и Мельник (ч. I, с. 229). Такую версию содержат все летописи, в которых есть легендарная часть, расходясь иногда только в именах князей, которые завоевали Новогрудок и другие города и основали Новогрудское княжество. Значит, здесь известия Стрыйковского соответствуют тексту всех сохранившихся летописей. Иначе говоря, «старые литовские летописцы» содержат данные, имеющиеся и в летописях, известных нам.

Ряд ссылок дан на «стародавних летописцев русских и литовских» или на «всех стародавних летописцев русских и литовских». Очевидно, «все» и просто «летописцы» должно означать одно и то же.

Со ссылкой на 15 «старых русских и литовских летописцев», которые были у него, Стрыйковский полемизирует с Кромером и Бельским, утверждавшими, что у Ольгерда была только одна жена, тверская княжна, и что все 12 его сыновей были от этой княжны. Сам Стрыйковский сообщает, что жен было две, причем первая — витебская княжна Ульяна, вторая же — Марья Тверская, а затем он перечисляет имена всех 12 сыновей (в действительности первая жена, княжна витебская, называлась Марией, а вторая, княжна тверская, — Ульяной) (ч. II, с. 58). Из сохранившихся летописей только в хронике Литовской и Жмойтской и хронике Быховца есть сообщение о том, что у Ольгерда было две жены и от них 12 сыновей, причем первая из них именовалась Анной (т. XXXII, с. 51, 141). По Евренновской же летописи, первая жена Ольгерда называлась Анна, а вторая была тверской княжной Ульяной Юрьевной (т. XXXV, с. 223).

«Все старые русские и литовские летописцы» сообщали, что Ягайло просил Витовта, чтобы тот уступил ему за определенную сумму часть Подолия, и Витовт согласился уступить за 20 тыс. польских коп Каменец, Смотрич, Скалу, Червоны городок с городами (по Кромеру, за 40 тыс. золотых) (ч. II, с. 105). Сообщение об этой сделке есть в Супрасльской и Слуцкой летописях, но там среди городов, переданных Ягайло за 20 тыс. коп, числится, кроме названных у Стрыйковского, Бокута (т. XXXV, с. 66, 74), однако не сказано, за какую сумму этот город передан. В летописях Красинского, Рачинского, Евренновской, Ольшевской и Румянцевской говорится, что Витовт передал Ягайлу за 20 тыс. коп половину Подолия с четырьмя городами (без Бокуты); то же в хронике Литовской и Жмойтской (т. XXXV, с. 139, 160, 187, 208, 229; т. XXXII, с. 72). Ясно, что летописями типа Супрасльской или Слуцкой Стрыйковский не пользовался (отсутствует город Бокута); указание, что Ягайло уплатил польскими деньгами (копами),

можно думать, было домыслом самого Стрыйковского. Странно, что такого сообщения нет в хронике Быховца, тем более что недостачи листов в этом месте хроники нет.

Относительно того, с кем был отослан из Литвы в Польшу фрагмент деревянного креста, вывезенный из Польши литовцем Довойна в 1372 г., Стрыйковский приводит свидетельства Меховского, Кромера, Бельского и Ваповского, утверждавших, что этот фрагмент отослали со шляхтичем Караболом, тогда как, согласно «старым русским и литовским летописцам», реликвию увезла панна, которую похитил в Польше Довойна и которую отпустили домой (ч. II, с. 69). Из сохранившихся летописей версия, что фрагмент святого креста был отослан с панной, как и вообще весь этот рассказ, содержится только в хронике Быховца (т. XXXII, с. 145).

Относительно Подолия, из-за которого между поляками и литовцами шел спор, Стрыйковский становится на сторону Литвы, говоря, что он согласовал данные 12 «старых летописцев литовских и русских», в которых сказано, что прежде всего из Подолия Корнатовичи изгнали татар, а затем Каменец, Скалу, Бокуту и прочие замки присоединили к Литве (ч. II, с. 229). Поскольку ссылка дана на 12 «старых летописцев», не значит ли это, что в трех остальных подобного сообщения не было? О завоевании Подолия Корнатовичами говорится в летописях Супрасльской, Слуцкой, Краснинского, Археологического общества, Рачинского, Ольшевской, Румянцевской, Евренновской и хронике Быховца (т. XXXV, с. 66, 74, 102, 138, 160, 186, 207, 228; т. XXXII, с. 139). Если учесть, что Супрасльской и Слуцкой или им подобных летописей у Стрыйковского не было, то можно сказать, что совпадение сообщений текстов тех летописей, которыми пользовался Стрыйковский, с теми, которые имеются сейчас, встречается несколько раз.

В первом случае ссылка приведена, когда Стрыйковский доказывает, что Палемон возглавил группу итальянцев при их переезде в Литву (ч. I, с. 66). Продолжение этого рассказа, в котором говорится, что причиной бегства были жестокости Нерона и что отъезд из Италии произошел в 57 г., опирается уже на «всех летописцев русских и литовских» (ч. I, с. 66). Значит, «все летописцы литовские» и «все летописцы русские и литовские» — одно и то же. Подобная версия имеется во всех сохранившихся летописях, содержащих легенду, но они датируют бегство 5526 г., т. е. 18 г. «от сотворения мира». Нерон был императором в 54—68 гг. Значит, в летописях, имевшихся у Стрыйковского (если он не сам внес поправки), дата более реальна, чем в сохранившихся летописях, что, конечно, не меняет мнения о легендарности этого сообщения.

Второе сообщение, основанное на «всех литовских летописцах», касается нашествия татар на Русь, причем Стрыйковский критикует летописцев за то, что они не приводят дат. Пользуясь трудами Кромера, Длугоша, Меховского и Герберштейна, Стрыйковский сообщает, что «цари» Батый и Кайдан пришли в Польшу в 1212 г. (ч. I, с. 234). В летописях Краснинского, Румянцевской, Рачинского, Евренновской, Ольшевской и хронике Быховца данное сообщение совпадает с текстом

Стрыйковского почти дословно (т. XXXV, с. 129, 146, 174, 194, 215; т. XXXII, с. 130).

Третья ссылка дана на «всех летописцев литовских», утверждающих, что Гедимин был сыном Витеня (ч. I, с. 356). Подобное утверждение есть в летописях Археологического общества, Рачинского, Ольшевской, Румянцевской и Евреинновской, а также в хронике Литовской и Жмойтской и хронике Быховца (т. XXXV, с. 95, 151, 179, 199, 220; т. XXXII, с. 35, 136). Вместе с тем эти летописи отмечают, что Витень был маршалком, т. е. служащим у отца Лаврыша, и происходил «з рожая а с поколеня Колюмнов» (т. XXXV, с. 94, 151, 179, 199, 219). Прочие сохранившиеся летописи вопроса о происхождении Гедимина не касаются. Согласно же хронике Литовской и Жмойтской, рекомендовал на престол великого князя не Лаврыш, а Лаврентий, сын князя Тройдена, и там добавлено, что Витень происходил «з гербу и фамилии старожитной, князей римских Колюмнов» и что его предки приехали в Жемайтию вместе с Палеомом (т. XXXII, с. 34).

Последняя ссылка на «всех литовских летописцев» относится к сообщению об изгнании Ольгердом из Подолля Федора Корнатовича из-за непослушания этого князя и захвата наместника князя Нестана (ч. II, с. 104). Эта история излагается Стрыйковским в двух вариантах: Федора Корнатовича изгнал из Подолля, по первому варианту, Витовт, по второму — Ольгерд. Версия об изгнании Федора Корнатовича Ольгердом содержится «у всех литовских летописцев», тогда как источник предыдущей версии не указан. О захвате Подолля Ольгердом и «понманни» воеводы Федора Нестана говорит только хроника Быховца (т. XXXII, с. 139). В то же время версия, что Подоллие захватил Витовт, изложена чуть ли не во всех остальных летописях — Супрасльской, Слуцкой, Красинского, Рачинского, Ольшевской, Румянцевской и Евреинновской (т. XXXV, с. 66, 74, 139, 160, 187, 207, 229).

«Все летописцы литовские, писанные по-русски» упоминаются один раз. Со ссылками на эти летописи говорится, что «Литва их (летописи.— Н. У.) издавна применяет в качестве хроник» и что все они одинаково утверждают (описывают), что Витень был великим князем литовским и что у него был сын Гедимин (ч. I, с. 354).

В другом месте со ссылкой на «всех русских и литовских летописцев» утверждается, что не Витень правил после Гедимина (как писал Меховский), а наоборот (ч. I, с. 348).

Два раза Стрыйковский дает ссылки на всех старых летописцев русских, литовских и жмудских («которых собрал в одно место пятнадцать»). Они свидетельствуют, что Палеом с сопровождавшими его людьми прибыл в Жмудь из Италии и что название «Литва» происходит от слов «Литтус Туба» (ч. I, с. 83, 86—87). Очевидно, в обоих случаях к обычным русским и литовским прибавлены жмудские, потому что в начале сказания говорится лишь о Жмуди.

В одном случае Стрыйковский ссылается на нескольких русских летописцев (ч. I, с. 316) для объяснения допущенной ранее ошибки. Ошибка была сделана потому, что вначале у Стрыйковского имелась лишь одна летопись, содержащая ошибочные данные о Кернусе, Пояте и Куковойте. Приобретя несколько новых летописей, Стрыйковский

обнаружил свою ошибку и исправил ее, о чем и извещал читателей.

Далее сообщается, что «некоторые литовские летописцы» ошибочно утверждают, будто король Ягайло, возвращаясь после взятия Смоленска в Литву в 1405 г., женился на дочери Андрея Альгимунтовича Гольшанского, хотя на самом деле Ягайло женился (в четвертый раз) на дочери киевского князя Андрея. Опровергая версию «некоторых» летописцев, Стрыйковский утверждает, что правильная версия содержится в десятке русских и литовских летописей, а подтверждают ее Кромер, Длугош, Ваповский, Меховский и Гербурт (ч. II, с. 159—160). Версия о женитьбе Ягайла во время возвращения из-под Смоленска в 1405 г. имеется только в хронике Быховца (т. XXXII, с. 149). Здесь Стрыйковский, очевидно, опять говорит о десятке летописей, тогда как реально использовал одну. Во всех имеющихся летописях, кроме хроники Быховца, об этой женитьбе вообще ничего не сообщается, по хронике же Быховца — четвертая жена Ягайла была дочерью князя Семена Дмитриевича Друцкого.

Целую группу своих источников Стрыйковский называл очень неопределенно: «некоторые летописцы», «иные летописцы», «другие летописцы», «некоторые литовские и русские летописцы».

На «некоторых летописцев» Стрыйковский ссылается, утверждая, что упоминавшиеся в начале летописей представители гербов Колюмнов, Урсинов и Рож происходили от знатных римских фамилий, что они явились родоначальниками крупнейших литовских фамилий и что этим родоначальникам Эрдвилл, действительно, пожаловал владения, получившие названия по именам своих владельцев (Ейшишки, Гровжишки). Однако здесь составитель хроники показывает, что он иногда старался «доработать» свои источники, чтобы они подтверждали римское происхождение литовской знати. Стрыйковский при перечислении помощников, с которыми Эрдвилл захватил Новогрудок, о первом из них говорит, что Эрдвилл дал (в виде вознаграждения) владение «прежде всего Кампею или Струмпию» (Kamrejowi albo Strumpiusowi) или, «как другие летописцы пишут», Кампиюсу (Campaniussowi) герба Колюмнов округ, который кое-где окружает река Ошмяна (ч. I, с. 236). Сохранившиеся летописи называют этого персонажа Крумпь, Кунпь, Грумпь, Кгумпь и Кумпь (т. XXXV, с. 96, 129, 146—147, 174, 181, 194, 195, 215), но ни в одной он не назван так, как у Стрыйковского.

Если в летописях, которые сохранились, для обозначения одного и того же лица употребляется пять имен, то нет ничего удивительного в том, что и в несохранившихся источниках то же лицо называется иначе. Однако дело в том, что Стрыйковский старается придать этому имени, как и другим, латинское звучание, дабы еще раз подчеркнуть римское происхождение знатных литовских фамилий. Передав несколько имевшихся у него вариантов имени помощника Эрдвилла, он утверждает, что, вероятнее всего, его имя было Кампиус (Campanius), а затем, чтобы еще более утвердить это в сознании читателей, он пишет, что от Кампиуса родился Гастольд (или Гастальдус), о чем свидетельствуют все летописи, а фамилия Гастольдов и теперь знаменита в Пьемонте... И в настоящее время в Италии есть лица, которые назы-

ваются Гастольдами. Неправильности же в написании этой фамилии или имени получились из-за того, что некоторые летописцы, переписывая старые рукописи, повторяли имевшиеся там ошибки, что наблюдается даже при переписывании Священного писания. Далее Стрыйковский поясняет, что приехавший в «грубую Жмудь» итальянец (Кампаниус.— *Н. У.*) не отрекся от римских обычаев и назвал своего сына итальянским именем — Гастальдом (или Гастольтом), «а от этого Кампаниуса и Гастольда пошел славный в Литве и Руси род Гастольдов» (ч. I, с. 237). Допуская, что в летописях, которые имелись у Стрыйковского, первый помощник Эрдвила назывался иначе, чем в дошедших до нас, видим, однако, натяжку, желание Стрыйковского подогнать источник под «теорию» римского происхождения литовской шляхты. (В белорусско-литовских летописях этот персонаж называется Гаштольд.)

Представитель герба Урсинов (или Урсенов) в сохранившихся летописях тоже называется по-разному, но поскольку будто бы от его имени получили название Ейшишки, то более всего подходит наименование его Ейкшисом. В сохранившихся летописях он называется Екшис, Ечькшис, Ейкшыс, Кекшевис, Лкшис (т. XXV, с. 129, 146—147, 174, 194, 215), а по Стрыйковскому, — Эвкюс (или Эйсюс). От него, как свидетельствуют «все летописцы», родился литовский пан Монивид.

Третий помощник Эрдвила, родоначальник Довойнов, тоже называется по-разному, но поскольку от этого имени происходит название селения Гровжишки, то более всего ему подходит имя Гровж. В сохранившихся летописях он называется Кгровжс, Игровжис, Кгровж (т. XXV, с. 129, 146—147, 174, 194—195, 215); по Стрыйковскому же, — Грависюс (или Гравзнуссус) (ч. I, с. 237).

Следующая ссылка на «некоторых летописцев» дана в связи с тем, что, согласно данным одних летописей, Викинт Монтвилевич, брат Эрдвила, умер, «некоторые» же писали, что он был убит «на русской войне» (ч. I, с. 239). Что понимал Стрыйковский под «русской войной»? Судя по «Началам», это была битва за Полоцк (с. 171).

По сохранившимся летописям, содержащим легенду, и по хроникам, Викинт Монтвилевич (в летописях Красинского и Евренновской это Немонос) умер (т. XXV, с. 129, 147, 175, 195, 216; т. XXII, с. 20, 130); о том же, что он убит, сказано только в «Началах» Стрыйковского (с. 175). Таким образом, «некоторые» из летописей Стрыйковского содержали иную версию конца Викинта — Немоноса (кстати, имя Немонос — Немен у Стрыйковского встречается только в «Началах»).

«Некоторые летописцы» свидетельствовали, что Тройден Ромунтович провел всю жизнь в войнах, пролил много крови и награбил богатую добычу (ч. I, с. 314). Если судить о Тройдене на основании сохранившихся летописей (всех, а не некоторых), то это был чрезвычайно воинственный и жестокий человек, который, будучи князем ятвяжским и дойновским, как сообщает летопись Красинского, «великим валки чинил э ляхи и э русью и э мазовьшаны, и завъжды зыскивал, и над землями их силные округества чинил, што же вышен описуется в рус-

кой кроннице, нжь горши был тым землям, нжьли Антох Сирский и Ирод Ерусалимский, и Нерон Римский, што так был окрутный а валеchnыи» (т. XXV, с. 132). То же и в других летописях и в хронике Быховца (т. XXV, с. 93, 150, 178, 198, 219; т. XXXI, с. 135). Значит, у Стрыйковского были летописи, в которых подобная характеристика Тройдена отсутствовала, хотя, возможно, Стрыйковский опустил то место, где Тройден приравнивался к Ироду и Нерону.

«Старосветские хроники», некоторые русские и литовские летописи, Длугош, Кромер, Меховский, Ваповский и Гербурт описывали «несчастную» битву короля Казимира под Хойницами, а далее у Стрыйковского дается ссылка на русских летописцев. Здесь «некоторые русские летописцы» вообще писали о Хойницкой битве, тогда как «русские летописцы», сверх того, описали встречу короля Казимира со шляхтичем Рытвянским (ч. II, с. 244—245). Об этой битве и встрече с Рытвянским (Рутвянским) сообщается только в хронике Быховца (т. XXII, с. 162).

Один раз Стрыйковский дает ссылку на «иных летописцев» — сказано, что «иные летописцы» о Миндовге не вспоминают (ч. I, с. 253). Значит, к «иным летописцам» можно отнести все сохранившиеся летописи.

Судя по выражению «другие летописцы», летописей было несколько и они содержали сведения, не совпадающие с остальными («с другими», «с другой»). Со ссылкой на «других летописцев» дано сообщение о том, что, согласно второй версии, причиной бегства Палемона и его спутников из Рима были жестокости Аттилы и что они бежали в 401 г. (ч. I, с. 81). Из сохранившихся летописей эта версия изложена только в хронике Быховца, притом без начала (т. XXXII, с. 128). Во всяком случае, здесь ссылка на «других летописцев» совершенно обоснованна, поскольку содержит иную версию. Однако известие, что указанную версию содержали «другие летописцы», сомнительно, так как ранее Стрыйковский утверждал, что об этом сказано только в Берестовицкой летописи.

«Другие летописцы» сообщали, что в битве у Могильно между войсками Рынгольта и коалицией русских и татарских сил Станислав киевский, Дмитрий друцкий и Лев владимирский были убиты, тогда как, очевидно по основной версии, они бежали с поля боя и прибыли в Луцк (ч. I, с. 252). В данном случае Стрыйковский считал, что названные князья спаслись бегством. В сохранившихся летописях и хронике Быховца о судьбе разбитых князей ничего не сказано, и лишь согласно хронике Литовской и Жмойтской они бежали в Луцк (т. XXXII, с. 25).

«Другие летописцы» утверждали, что Витовт, захватив Смоленск, дал князю Юрию Святославичу на Волыни Заславль (ч. II, с. 110). Очевидно, не «другие летописи» или не содержали такого известия, или судьба Юрия Святославича была показана там иной, или, наконец, называли другой город, отданный ему.

Сообщение о походе Витовта и Скиргайла на Смоленск есть во всех сохранившихся летописях, кроме Никифоровской, но не всюду он описан одинаково, что частично зависит от недостачи листов в отдель-

ных летописях. Все летописи согласны в том, что в битве под Мстиславлем смоленский князь Святослав Иванович был убит, а его сын Юрий был тяжело ранен, а впоследствии стал смоленским князем. В дальнейшем Юрий Святославич участвовал в походе Витовта к Витебску против Свидригайла (этого нет в Евренновской летописи). В заключение сообщается, что Витовт дал Юрию вместо Смоленска, по Супрасльской и Слуцкой летописям, Рославль, по летописям Красинского и Рачинского, — Жаславль, по Ольшевской и хронике Быховца, — Заславль; Румянцевская и Евренновская об этом ничего не говорят (т. XXXV, с. 65, 72, 138, 159, 186; т. XXXII, с. 145—146). В хронике Литовской и Жмойтской события изложены несколько иначе: раненый Юрий Святославич был отпущен в Смоленск, где стал князем; затем приходил к Витебску на помощь Витовту; после захвата Витовтом Смоленска он ушел в Рязань, вместе с рязанским князем Олегом пытался отобрать Смоленск, был разбит, бежал в Венгрию и там «постреленный» умер (т. XXXII, с. 66, 73, 77). Значит, у «других летописцев» был опущен ряд очень важных известий.

Следующее сообщение, в котором имеются особые данные «других летописцев», касается битвы у Ведроши в 1500 г. Стрыйковский пишет, что в результате неудачной битвы в плен к русским попали князь Константин (Острожский. — *Н. У.*), Григорий Станиславич Остик, маршалок Литавор Хрептович, Николай Юрьевич Глебович и Николай Зеновьевич. У «других летописцев» назывались Иван Яцынич, Юрий Волович, Федор Немира и Богдан Маскевич (ч. II, с. 310). Ввиду того что летописец не мог пропустить командующего войском князя Константина Острожского, а также Остика, Глебовича и других виднейших деятелей Великого княжества, попавших тогда в плен, фамилии, которые приведены из «других летописцев», следует понимать как дополнительные, которые были там помимо указанных в основных источниках Стрыйковского. Битва у Ведроши описана подробно только в хронике Быховца, а в остальных летописях, да и то не во всех, — очень кратко. В Румянцевской летописи и «Кройничке» сказано лишь, что у Ведроши «поимано панов». В летописях Рачинского и Евренновской названы поименно Григорий Остикович и Константин Иванович Острожский (т. XXXV, с. 166, 234). В хронике Быховца из лиц, попавших в плен, упомянуты Константин Иванович Острожский, Григорий Станиславович Остикович, Литавор Хрептович, Николай Юрьевич Глебович и Николай Зеновьевич (т. XXXII, с. 167). В хронике Литовской и Жмойтской перечислены Константин Острожский, Стефан Григорьевич Оскин, Литавор Хрептович, Николай Юрьевич, Николай Глебович, Николай Зеновьевич, Иван Якимович, Федор Немира и Богдан Маскович (т. XXXII, с. 100); здесь некоторые фамилии явно искажены («Оскин» вместо «Остик» и др.), но несомненно, что это еще один вариант, несхожий ни с хроникой Быховца, ни с «другими летописцами».

Ссылки на «русских летописцев» начинаются относительно поздно — при описании событий начала XIV в., говоря точнее, со дня смерти Витеня (Витенеса). Здесь Стрыйковский отмечает, что польские историки не сходились с русскими летописцами, прусскими и ли-

вонскими хронистами в том, кем был Гедимин, причем приводит странную выписку из сочинений Валовского и Кромера, в которой сказано, что Витень был убит своим конюхом Гедиминном, ставшим после этого великим князем (ч. I, с. 353). Поскольку, продолжая ту же тему, Стрыйковский ссылается на всех «литовских летописцев, писанных по-русски», то это значит, что у него «русские летописцы» и «литовские летописцы, писанные по-русски» — одно и то же. В сохранившихся летописях Витень называется отцом Гедимина; в хронике Быховца добавлено, что Витень умер «од ударения Перуну» (т. XXXII, с. 136); в хронике Литовской и Жмойтской сказано, что Витень «плавал аж до сивизны» и умер в 1321 г. (т. XXXII, с. 35).

Следующая ссылка на «русских летописцев» касается начала деятельности Гедимина, который находился после смерти отца в его столице Кернове. Когда немцы пошли к Куносову, т. е. к Ковно, Гедимин, не успев собрать значительные силы, послал Гаштольда с небольшим отрядом, который засел в Ковно. Крупные немецкие силы осадили этот замок и после нескольких штурмов завладели им, а Гаштольда взяли в плен. Далее Стрыйковский отмечает, что так написано только в русских летописях, тогда как ни Дюсбург, ни Меховский о нападении немцев в то время ничего не сообщают (ч. I, с. 357—358). Начало деятельности Гедимина в сохранившихся летописях изложено так же, как у Стрыйковского. Однако в хронике Литовской и Жмойтской сообщению о нападении немцев предшествует заметка, в которой сказано, что Гедимин, как только стал княжить, «заявил Пелюша сына Тронятового, бо почал ся был писати великим князем литовским Пелюш для того, же был дедичом», притом сообщено, что командовал немецкими силами «Карольсь Детрил пруский з Генриком, маршалком великого мистра Листанского» (т. XXXII, с. 35). В хронике Быховца и летописях Археологического общества, Рачинского, Ольшевской, Румянцевской и Евренновской о немецких предводителях не сообщается ничего, лишь кратко описано то, что есть и у Стрыйковского: отряд, посланный под командованием Гаштольда в Куносов, был осажден немцами, замок взят и Гаштольд попал в плен (т. XXXII, с. 136; т. XXXV, с. 95, 152, 179, 199, 200).

Со второй половины XIV в. ссылки на «русских летописцев» становятся более частыми, причем обычно сведения летописцев проверяются по материалам польских хроник. Так, согласно Меховскому и Кромеру, польский король Казимир выгнал Любарта Гедиминовича из Луцка, Владимира и Олеска и отдал эти города Александру, сыну Корната-Миханла, князя новгородского (ч. II, с. 41). В хронике Быховца сказано, что среди четырех сыновей Корната был и Александр и что он вместе с другими братьями завоевал Подолне (т. XXXII, с. 139). Та же версия, как в хронике Быховца, изложена в летописях Супрасльской, Слуцкой, Красинского, Рачинского, Румянцевской, Евренновской и Ольшевской (т. XXXV, с. 66, 74, 138, 160, 186, 207, 228).

Следующая ссылка на «русских летописцев» дана, когда Стрыйковский сообщает о женитьбе Кейстута на Бируте (ч. II, с. 43—44). Стрыйковский пишет, что он и сам был в Паланге, где до замужества жила

Бирута. Сообщение о том, что Бирута происходила из Паланги, есть в летописях Археологического общества, Рачинского, Румянцевской, Евренновской и Ольшевской, а также в хронике Быховца и хронике Литовской и Жмойтской (т. XXXII, с. 62, 63, 138; т. XXXV, с. 97, 154, 181, 201, 222).

Описывая первое нападение Витовта на Вильно совместно с немцами, Стрыйковский опровергает утверждение «русских летописей», что Витовту тогда удалось взять Нижний замок (ч. II, с. 85), так как в действительности это произошло лишь при третьем походе Витовта, как утверждают Длугош, Меховский и Кромер. Согласно хронике Быховца, Витовт брал Нижний замок два раза, но в первом случае он, «взяв Кривой город» и пововав Литовскую землю, возвратился «в Немцы», во втором случае он взял Кривой город (Нижний замок) и сжег его, а затем «сел сам на Вильни и на Великом князвн Литовском» (т. XXXII, с. 146—147). По Супрасльской, Слуцкой, Виленской, Академической, Красинского, Рачинского, Археологического общества, Румянцевской, Евренновской и Ольшевской летописям, Витовт, взяв Кривой город и разорив его, ушел «в Немцы», в дальнейшем он уже действует как великий князь литовский, т. е. вторично не сказано о походе под Вильно (т. XXXV, с. 65, 71, 89, 100, 114, 137, 158, 185, 206, 227).

В 1411 г. был подписан мир с Орденом, затем король Ягайло, согласно Кромеру, вопреки воле коронных (польских) панов дал Витовту Подолие, но «русские летописцы поют о том иначе» (ч. II, с. 145). Русские летописцы сообщали, что в 1462 г. литовские паны на Петроковском сейме требовали возвращения Подолия. Стрыйковский отмечает, что об этом у Кромера ничего нет (ч. II, с. 265). В хронике Литовской и Жмойтской сказано, что паны литовские ввиду невозвращения Литве Подолия хотели избрать отдельного князя — Семена Оленьковича Слуцкого и это произошло в 1475 г. (т. XXXII, с. 89).

Приезд молдавского господаря Стефана к королю Казимиру Меховский, Кромер и Ваповский датируют 1485 г., тогда как русские летописцы — 6994, г., т. е. 1486 г. (ч. II, с. 287), в хронике Быховца — 1486 г., а в хронике Литовской и Жмойтской — 1489 г. (т. XXXII, с. 163, 93). По данным Стрыйковского, «русские летописцы» и Меховский одинаково утверждают, что «заволжский царь Шахмат-Гирей» прибыл со всей ордой на помощь великому князю литовскому для борьбы против московского великого князя в 1501 г. (ч. II, с. 313). Об этом сообщается только в хронике Быховца (т. XXXII, с. 168).

Ссылок на «литовских летописцев» у Стрыйковского больше, чем на «русских». Основная масса таких ссылок приходится на начало легенды.

Приводя легендарные сведения из всемирной истории о том, как покинутых детей выкармливали животные (что составитель хроники принимает как реальность), Стрыйковский отмечает, что, учитывая все это, нет ничего удивительного в рассказе литовских летописей о Лиздейко, которого нашли в орлином гнезде (ч. I, с. 370—371). Легенда же о Лиздейко имеется в летописях Археологического общества, Рачинского, Румянцевской, Евренновской, Ольшевской, а

также в хронике Литовской и Жмойтской и хронике Быховца (т. XXXV с. 96, 153, 180, 201, 222; т. XXXII, с. 39—40, 138).

Следующая ссылка касается Гединна. Стрыйковский сообщает, что жизнь, смерть и похороны Гединна подробно описаны как в хрониках польских, прусских, ливонских и русских, так и в литовских летописях (ч. I, с. 386). Однако в сохранившихся летописях рассказывается только о его жизни и деятельности и сообщается, что он завещал своим сыновьям; в летописях же Археологического общества, Рачинского, Румянцевской, Ольшевской и Евренновской добавляется, что умер он в глубокой старости (т. XXXV, с. 97, 153, 181, 201, 222), и лишь в хронике Литовской и Жмойтской дано описание смерти и похорон (т. XXXII, с. 41—42), вероятнее всего основанное на работе Стрыйковского (ч. I, с. 385—386). Значит, можно полагать, что та летопись или летопись того типа, которой пользовался Стрыйковский, нам неизвестна.

«Литовские летописцы» сообщают, что Александр Корнатович был убит татарами вскоре после смерти своих братьев Константина и Юрия (ч. II, с. 10). Об этом говорится в летописях Супрасльской, Слуцкой, Красинского, Рачинского, Румянцевской и Ольшевской, причем в Евренновской после упоминания о смерти двух братьев сказано: «а как тех трех братьев не стало» (т. XXXV, с. 66, 74, 138, 160, 186, 207, 228).

Говоря об условиях, на которых Витовт вернулся из Ордена в Литву, Стрыйковский отмечает, что Витовт получил Городню, Брест, Дорогичин, Мельник, Бельск, Сураж, Мстибогов, Каменец и Волковыск с их поветами, тогда как литовские летописи утверждают, что Витовту были даны Луцк с Волянью и все Подолье (ч. II, с. 67). В летописях Супрасльской, Слуцкой, Археологического общества, Академической, Красинского, Ольшевской, Рачинского, Румянцевской, Евренновской и хронике Быховца действительно сказано, что Витовт получил Луцк «со всей Волянью», а также свою «очину» (т. XXXV, с. 63, 69, 99, 113, 135, 157, 184, 204, 226; т. XXXII, с. 146). Несколько по-иному это изложено в хронике Литовской и Жмойтской: когда Витовт вернулся из Ордена, Ягайло «дал ему в посессию (во временное пользование; вернее, в аренду.— *Н. У.*) Гродню место, и его волости, так же Берестейские, Дорогичинские, Мелинские, Белзские, Суразские, Каменецкие и Волковыско... А потом Ягайло Витолтову Волянь весь и Подолье, кранны русские, отдал в пановане» (т. XXXII, с. 64). Таким образом, здесь объединены два варианта известий.

Признав Витовта великим князем литовским, Ягайло должен был устранить с поста уполномоченного по Великому княжеству князя Скиргайла, который, понятно, был в обиде и на Ягайла и на Витовта; и чтобы умиловить его, Скиргайлу дали Киевское княжество (отобранное у Владимира Ольгердовича.— *Н. У.*). Длугош и Меховский утверждают, что потом Скиргайло получил еще Стародуб, Кременец и Старые Троки (ч. II, с. 98). Литовские летописцы, отмечает Стрыйковский, о споре Скиргайла с Витовтом не знают, но описывают столкновение с Витовтом Корибута, князя новгород-северского (ч. II, с. 98).

Все летописи сообщают, что Корибут отказался подчиняться Ви-

товту и между ними началась борьба, причем у деревни Докудова (или Недокудова) Корибут был разбит, бежал в Новгород Северский, затем Витовт овладел этим городом, а Корибута с семьей отправил в заточение. Что касается Скиргайла, то летописи Супрасльская, Слуцкая, Археологического общества, Красинского, Рачинского, Ольшевская, Румянцевская, Евренинская называют его (уже после смерти) «чудным и добрым», которого провожал весь Киев (т. XXXV, с. 65, 72, 90, 138, 159, 186, 207, 228; т. XXXII, с. 70, 149). О том, что битва произошла у деревни Докудова (Недокудова, Кулова), сообщается в летописях Слуцкой, Красинского, Виленской, Археологического общества, Рачинского, Ольшевской, Румянцевской, Евренинской (т. XXXV, с. 71, 89, 101, 137, 159, 185, 206, 227).

При описании борьбы между Польшей и Великим княжеством Литовским за Подолie Стрыйковский ссылается на «литовскую историю» и «литовских летописцев» (ч. II, с. 106). Согласно «литовской истории», Подолie завоевали племянники Ольгерда, Кориатовичи, причем Федор Кориатович оказал Ольгерду неповиновение, вследствие чего Ольгерд послал против него войска. Тогда Федор, оставив в подольских замках гарнизоны, бежал в Венгрию. Литовские же летописцы сообщали, что произошло с Довгирдом, наместником Витовта в подольских замках, после смерти Витовта: Довгирд был вызван к польским панам в Каменец и убит по их приказанию (летописи Супрасльская, Слуцкая, Красинского, Рачинского, Румянцевская, Евренинская, Ольшевская; т. XXXV, с. 67, 75, 139, 161, 187, 208, 231). Польские же хронисты Длугош, Кромер, Меховский, как сообщает Стрыйковский, писали, что после смерти Витовта польские паны, Павел, каменецкий епископ, и другие вызвали к себе Довгирда, но о его гибели не говорят (ч. II, с. 106).

В сообщении за 1397 г. Стрыйковский ссылается на Кромера, Длугоша и Меховского, которые на основании летописных данных утверждают, что Витовт после победы над татарами привел несколько тысяч их в Литву и часть пленных поселил на реке Ваке, а часть отослал в Польшу (ч. II, с. 113). Подобное сообщение есть только в хронике Литовской и Жмойтской (т. XXXII, с. 75).

«Литовские летописцы» без всяких доказательств писали, что послы, отправленные Витовтом в Рим, чтобы доставить Витовту королевскую корону, из-за беспорядков в Италии пробыли там три года (ч. II, с. 173). Такое сообщение есть только в хронике Быховца (т. XXXII, с. 153).

«Литовские летописцы», как и Кромер, свидетельствуют, что король Ян-Альбрехт направлялся в Молдавию против господаря Стефана (ч. II, с. 299). Об этом есть в хронике Литовской и Жмойтской и хронике Быховца (т. XXXII, с. 98, 165).

В рассказе о войне Великого княжества Литовского с великим князем московским Иваном Васильевичем Стрыйковский ссылается на литовских летописцев, которые сообщали, что жители Брянска перешли на сторону Москвы, то же сделали князь Семен Иванович Можайский и Василий Иванович Осемятич, в результате чего Чернигов, Стародуб, Новгород Северский и Рыльск были захвачены Москвой, а

князь Семен Иванович Бельский перешел на сторону русских еще до сдачи Брянска (ч. II, с. 308—309). Об этом с некоторыми расхождениями в именах и фамилиях («Осемятич» вместо «Осемьянович» и др.) говорится в хронике Литовской и Жмойтской и хронике Быховца, причем в последней в дополнение к городам, которые перечислены у Стрыйковского, упоминается Гомель, а в хронике Литовской и Жмойтской не подчеркнуто, что князь Бельский перешел к русским еще до сдачи Брянска (т. XXXII, с. 99—100, 166).

Ряд ссылок у Стрыйковского есть на «летописцев русских и литовских», а также «литовских и русских». Все они относятся к событиям от времен легендарных (о полоцких князьях, потомках мифического Гинвила) до 1493 г.

«Летописцы литовские и русские», а также «все летописцы», далее просто «летописцы» (что одно и то же) сообщали о том, что полоцкая княжна Парасковия ушла в Рим, где прожила несколько лет, умерла и похоронена, и в ее честь там воздвигнута церковь (костел). Вместе с тем Стрыйковский отмечает, что, несмотря на все поиски, найти следы святой Пракседы, или Парасковии, в Риме не удалось, в связи с чем версия об этой княжне ему кажется нереальной (ч. I, с. 242—243). Рассказ о постройке в Риме церкви в честь Парасковии есть в летописях Красинского, Румянцева, Археологического общества, Рачинского, Евренновской, Ольшевской, а также в хронике Быховца и хронике Литовской и Жмойтской (т. XXXV, с. 91, 130, 147, 175, 195, 216; т. XXXII, с. 131, 23).

Одна ссылка на «русских и литовских летописцев» сделана лишь затем, чтобы сказать, что лица, составлявшие эти летописи, были безмозглыми, они писали то, что им слюна в рот приносила (ч. I, с. 243).

В хронике Меховского год смерти Гедимина указан ошибочно — 1307. Стрыйковский, привлекая данные других польских хронистов, а также хроники прусские, лифляндские, русские и литовские летописи, утверждает, что это произошло в 1328 г. и что в тексте Меховского просто опечатка (Меховский при этом назван «славным и солидным историком») (ч. I, с. 349). О том, что Гедимин был убит в 1328 г., есть только в хронике Литовской и Жмойтской («Року... 1328. Кгедимин, великий князь, того року от немцов в Прусех забит з ручници и там на том же местцу душу вырхнул»; т. XXXII, с. 41). Вероятнее всего, это место заимствовано как раз из хроники Стрыйковского (ч. I, с. 385). Что касается летописей Археологического общества, Рачинского, Ольшевской, Румянцева, Евренновской, то в них сказано, что Гедимин княжил много лет, был справедливым, много воевал и всегда удачно, умер в глубокой старости (т. XXXV, с. 97, 153, 181, 201, 222). В хронике Быховца отмечено совсем кратко: разделив свои владения между сыновьями, Гедимин «почестно умер» (т. XXXII, с. 138).

Следующая ссылка на «литовских и русских летописцев» дается при обсуждении судьбы князя Юрия Корнатовича. Согласно летописям, этот князь, правивший в Подолии, был приглашен молдаванами на княжение в Сочава, но вскоре он там отравлен и похоронен в Ваушлах, в монастыре, построенном из камня за Берладом (ч. II, с. 8).

Летописи сообщают, что князя Юрия пригласили к себе молдаване и что они там его «окормили», т. е. отравили, но о том, где он был похоронен, не говорит ни одна из них. В Супрасльской и Слуцкой (т. е. в самых старых) летописях сказано, что князя Юрия в Молдавии «окормили»; то же сообщается в хронике Быховца (т. XXXV, с. 66, 74; т. XXXII, с. 139). В летописях Красинского, Рачинского, Румянцевской, Ольшевской, Евренновской говорится, что Юрия «убили» (т. XXXV, с. 138, 160, 186, 207, 228). Хроника Литовская и Жмойтская обошла этот вопрос молчанием.

«Русские и литовские летописцы» сообщали, что король Казимир и польские паны пригласили князя Константина Кориатовича в Польшу, чтобы назначить его после смерти Казимира королем, требуя, однако, чтобы Константин переменял православную веру на католическую (ч. II, с. 18). Такое сообщение есть в летописях Супрасльской, Слуцкой, хронике Литовской и Жмойтской и хронике Быховца (т. XXXV, с. 66, 74; т. XXXII, с. 45, 139), причем в них добавлено, что Константин не захотел менять веры и поэтому отказался от вдов на престол. В летописях же Красинского, Рачинского, Евренновской, Румянцевской и Ольшевской сказано, что Константин уехал в Венгрию и там умер; о предложении поляков ничего не говорится (т. XXXV, с. 138, 160, 186, 207, 228).

«Русские и литовские летописцы», они же «все летописцы», единодушно сообщали, что когда литовское войско пришло к Завихосту и не знало, как переправиться через Вислу, то один пан, «которого летописцы зовут Радзивилом», бросился с конем в воду, а за ним последовало все войско (ч. II, с. 68).

«Русские и литовские летописцы» ошибочно называют первым женихом королевы Ядвиги князя поморского Фридриха, тогда как в действительности ее женихом был австрийский принц Вильгельм (ч. II, с. 73). Фридрих поморский назван женихом Ядвиги только в хронике Быховца (т. XXXII, с. 144).

Ниже приводим места работы Стрыйковского, где даются ссылки «летописцев» или «всех летописцев».

Согласно Стрыйковскому, Длугош, Меховский, а также русские и литовские летописцы сообщали, что Ягайло, после того как великим князем стал Витовт, предложил Свидригайлу в виде компенсации за потерю власти в Великом княжестве Подолне и ряд других владений, а также деньги, но это не удовлетворило Свидригайла, и он был чрезвычайно раздражен (ч. II, с. 118). Летописи ничего подобного не содержат.

Относительно унии 1401 г. между Польшей и Литвой Стрыйковский приводит показания Длугоша и Кромера, с одной стороны, русских и литовских летописей — с другой, отмечая, что об этом они говорят совершенно по-иному. Согласно версии польских хронистов, Великое княжество Литовское в случае бездетной смерти Витовта должно, за исключением некоторых территорий, перейти к Польше, составить ее неотъемлемую часть. По версии же летописцев, согласно договору, заключенному в Перемышле между Витовтом и Ягайлом в присутствии панов с обеих сторон, в случае если бы Витовт умер, не

оставив детей, а у Ягайла были бы дети, то они должны были бы господствовать как в Польше, так и в Великом княжестве; и наоборот, если бы дети остались у Витовта, а у Ягайла их бы не было, то потомки Витовта должны были принять власть в Польше и Великом княжестве. Учтивая, что «небожата, старые литовские писари писали правдиво», Стрыйковский согласен принять скорее их версию, чем версию поляков (ч. II, с. 118). О таком договоре между Витовтом и Ягайлом в Перемышле знает лишь хроника Быховца, и условия договора в ней изложены так же, как у Стрыйковского (т. XXXII, с. 76—77).

Со ссылкой на «русских и литовских летописцев» утверждается, что Литва давала Заволжской, а затем Перекопской ордам «царей», в частности это относится к Витовту, который Тохтамыш называл «царем» (короновал его в Вильно) (ч. II, с. 157). Такое сообщение есть в хронике Литовской и Жмойтской и хронике Быховца, где сообщается, что король Казимир «послал на царство в Перекоп Ач-Гирея» (т. XXXII, с. 80, 160).

О захвате поляками у литовцев Подолия сообщение Стрыйковского неопределенное. Вначале сказано, что наиболее видные подолийские паны, узнав о смерти Витовта, поехали в Каменец к Довгирду (который не знал, что Витовта уже нет), вызвали его «на приятельский разговор», а далее, «как сообщают русские и литовские летописцы», паны убили Довгирда. Версия летописцев оказалась Стрыйковскому неправдоподобной, так как тот самый Довгирд, по свидетельству тех самых летописцев, позже участвовал в убийстве Сигизмунда Кейстутевича (ч. II, с. 178—179). Об убийстве Довгирда в Каменце сообщают летописи Супрасльская, Случская, Красинского, Рачинского, Ольшевская, Румянецкая и Евренновская, но ни одна из них не отмечает участия Довгирда в убийстве Сигизмунда (т. XXXV, с. 67, 75, 139, 161, 187, 208, 231). В хронике Быховца нет ничего об убийстве Довгирда, но отмечена его выдающаяся роль в убийстве великого князя Сигизмунда (т. XXXII, с. 156). В хронике Литовской и Жмойтской сказано, что после смерти Витовта Довгирд был арестован польскими панами (т. XXXII, с. 82).

Без ссылки на источник Стрыйковский сообщает, что Свидригайло «соромотил и ганбил» Ягайло, но не сразу после похорон Витовта, а спустя два года (ч. II, с. 179). Подробное сообщение есть только в хронике Быховца (т. XXXII, с. 153).

«Русские и литовские летописцы» утверждают, что, когда королю Казимиру потребовались деньги для ведения войны против чехов после понесенного поражения под Хойницами, он обратился к литовским панам и те обещали дать 80 тыс. червонных золотых и помощь войсками (ч. II, с. 255). Такое сообщение есть лишь в хронике Быховца (т. XXXII, с. 162).

Для войны с венгерским королем Матнашем король Казимир, согласно русским и литовским летописям, одолжил «из литовского скарбу» 24 тыс. золотых (ч. II, с. 277).

В заключение даем ссылки или на «всех летописцев», или просто на «летописцев». Относительно много ссылок имеется на самую начальную часть летописей. Так, со ссылкой на «летописцев» доказывается,

что Палемон прибыл в Литву из Италии (ч. I, с. 57), затем «все летописцы» согласны в том, как были разделены после смерти Палемона его владения между сыновьями (ч. I, с. 84). «Все летописцы» одинаково сообщают о происхождении названия «Литва» (ч. I, с. 85—86). Узнав, что Русскую сторону опустошили татары, Монтвил отправил своего сына Эрдвилта на завоевание земель, из которых было образовано Новогрудское княжество (ч. I, с. 235). Далее сообщается о наделении трех сподвижников Эрдвилта землями (ч. I, с. 237), о княжне Парасковии (ч. I, с. 242), о никчемности летописцев (ч. I, с. 243), о разгроме Рынгольтом коалиции русских князей и их союзников-татар у Могильно (ч. I, с. 252).

Ряд сообщений со ссылкой на «всех летописцев» дан о таких событиях, которые в летописях изложены несколько иначе или совсем обойдены молчанием. Так, согласно Стрыйковскому, описание битвы на Ясельде сделано им по летописи (ч. I, с. 244). Однако в летописях и хронике Быховца эта битва описана в общих чертах, тогда как у Стрыйковского сказано, что на стороне волиньского князя Мстислава сражались «волинцы, пиншане и киевляне», что отмечено лишь в хронике Литовской и Жмойтской. Затем, по летописям и хронике Быховца, битва происходила на «сей» стороне Ясельды, тогда как, по Стрыйковскому и хронике Литовской и Жмойтской, это было на «той» стороне (т. XXXV, с. 91, 130, 147, 175, 195, 216; т. XXXII, с. 22, 131).

Со ссылкой на летописцев сообщается, что литовский великий князь Наримунт отправился в поход на ятвягов, так как услышал, что ятвяжские князья вымерли, не оставив потомства. Далее сообщается, что Наримунт захватил Ятвяжскую землю и отдал ее в удел Тройдену, который затем непрерывно и очень удачно воевал с соседями, проявляя чрезвычайную жестокость. Вместе с тем Стрыйковский сомневается в том, что ятвяжские князья вымерли сами по себе. Ссылаясь на Кромера, Длугоша и Меховского, он склонен считать, что эти князья были уничтожены Болеславом Стыдливым в 1264 г. (ч. I, с. 320—321). В летописях Краснинского, Археологического общества, Рачинского, Евренновской, Румянецвской, Ольшевской и хронике Быховца все изложено так, как утверждал Стрыйковский, а в хронике Литовской и Жмойтской сказано, что завоевал ятвяжский край Тройден без участия Наримунта, и ничего не говорится о его жестокости (т. XXXV, с. 93, 132, 150, 178, 198, 219; т. XXXII, с. 135, 32).

Согласно Стрыйковскому, Лавраш вывел против Довмонта войско, состоявшее из литовцев, жемайтов и русских новогрудчан, бой произошел «над одним озером», продолжался с утра до ночи и закончился полным разгромом Довмонта (ч. I, с. 328). В летописях Археологического общества, Рачинского, Румянецвской, Евренновской, Ольшевской и хронике Быховца это был Лавраш или Лаврыш, «по-литовски зовемый Римонт, а по-русски Василей», по хронике Литовской и Жмойтской — Лаврентий (т. XXXV, с. 94, 150, 178, 198, 219; т. XXXII, с. 135, 33).

Летописцы утверждали, что Лиздейко, разъяснивший князю Геддимину вещий сон и предсказавший великое будущее Вильно, был найден в орлином гнезде (ч. I, с. 371). Легенда есть во всех летописях.

Однако Стрыйковский пишет, что Лиздейко был Криве-Кривейто, т. е. языческим литовским епископом, о чем ни в одной из летописей не сказано, хотя те и зовут (не во всех одинаково) Лиздейко «наивысшим литовским попом»; по хронике Быховца, это был «ворожбит» (т. XXXII, с. 138). Что Лиздейко найден в орлином гнезде и что был он «епископом поганским», сообщено в хронике Литовской и Жмойтской, но и там нет упоминания о Криве-Кривейто (т. XXXII, с. 39).

Стрыйковский отмечает, что о походе Ольгерда на Москву, когда он будто бы принудил князя Дмитрия Ивановича просить мира, говорят «все летописцы», но что ни «русские хроникеры», ни историки, кроме Герберштейна, о нем не вспоминают (ч. II, с. 11). Об этом походе есть только в Евренновской летописи, хронике Литовской и Жмойтской и хронике Быховца (т. XXXV, с. 223—224; т. XXXII, с. 60—62, 140); у Герберштейна этого нет.

«Летописцы свидетельствуют», что Ягайло в отместку за смерть Войдила, которого казнил Кейстут, приказал разбить на колесе дядьку Бируты (матери Витовта и тестя Кейстута) Видимонта, а все имущество Видимонта отдал Монивиду (ч. II, с. 66). О мести Ягайла, приказавшего разбить на колесе Видимонта, дядю матери (не называя ее Бирутой) Витовта, сказано в летописях Супрасльской и Слуцкой, а также в хронике Быховца (т. XXXV, с. 63, 69; т. XXXII, с. 143). В летописях же Красинского, Виленской, Археологического общества, Рачинского, Румянцевской, Евренновской, Ольшевской сообщено, что месть Ягайла ограничилась тем, что он посадил в темницу, а затем приказал удавить Кейстута (т. XXXV, с. 87, 99, 135, 156, 183, 204, 225). Что касается хроники Литовской и Жмойтской, то в ней эти события не описаны.

Согласно сообщениям летописцев, на съезд в Луцке в честь Витовта прибыли московский великий князь Василий Иванович, князь Борис тверской, князь рязанский (имя рязанского князя не названо), Одоевские, князь Белой Руси, Фриц, король датский и шведский, «цари» перекопский и заволжский, изгнанный валашский господарь, Рудольф, магистр прусский, и Зигфрид лифляндский, Палеолог, греческий император, прислал послов. Кроме того, прибыли разные лица из литовцев, русских и поляков. Все они расселились за несколько миль от Луцка по деревням (ч. II, с. 168—169). В летописях (включая Супрасльскую и Слуцкую) указаны, помимо представителей, которые есть у Стрыйковского, послы от Новгорода и Пскова, в некоторых летописях называются еще «денепоты» болгарские. В хронике Быховца перечисляются князья перемышльские и новосильские. Что касается хроники Литовской и Жмойтской, то в ней перечисления присутствовавших нет (т. XXXV, с. 58—59, 75, 108, 140, 162, 209, 230—231; т. XXXII, с. 152).

По сведениям «летописцев», войска московского великого князя Василия Васильевича были разгромлены татарами под Муромом (ч. II, с. 211). Об этом сообщается в летописях Супрасльской, Слуцкой, Академической, Красинского, Рачинского, Евренновской, Ольшевской, Румянцевской, а также в хронике Литовской и Жмойтской (т. XXXV, с. 60, 78, 110, 144, 166, 191, 212, 233; т. XXXII, с. 86).

После того как Казимир Ягайлович был избран королем польским, коронован в Кракове и ехал в Литву, князь Михаил Сигизмундович пал королю в ноги, просил отдать ему Великое княжество Литовское. Стрыйковский пишет, что о таком «унизительном поведении» князя Михаила он получил сведения не только у «летописцев», но также у Кромера, Длугоша, Меховского и т. д. (ч. II, с. 226). Ни в одной из летописей об этом ничего не сообщается. Вероятнее всего, это легенда.

По сообщениям «летописцев», епископ Кафы Симон, будучи в Киеве, умер сидя за столом, как только услышал, что Кафу захватили турки (ч. II, с. 280). Об этом есть в хронике Быховца, но лишь самый конец сообщения (т. XXXII, с. 163), так как в том месте в рукописи недостает листа.

Последнее сообщение «летописца» касается приезда в Литву короля Казимира, одновременно с которым прибыл тверской великий князь Михаил Борисович (ч. II, с. 288). Об этом есть только в хронике Быховца (т. XXXII, с. 163).

• • •

Материалы этой главы дают основание утверждать, что Стрыйковский передавал летописные известия добросовестно, в отдельных случаях (битва под Хойинцами) добросовестность доходила до того, что он указывал, в чем состояла ошибка летописца. Вместе с тем иногда хронист находил нужным (или возможным), делая ссылки на летописи, вносить в них дополнения или изменения. Прежде всего это касается тех мест, где, по мнению Стрыйковского, требовалось основательнее доказать италяньское происхождение литовской знати, и даже того, что у Гаштольда в XVI в. имелась в Италии родня (ч. I, с. 236—237). Весьма вероятно, что хронист, утверждая, будто во всех его летописях говорилось, что Палемон бежал из Италии в 57 г. [а не в 18 (5526) г., как сказано во всех сохранившихся летописях], внес поправку, так как знал, что в 18 г. Нерон императором не был (ч. I, с. 66). Возможно также, что сообщение о Криве-Кривейто, будто бы имевшееся в летописях, Стрыйковский добавил от себя, сам же узнал об этом из хроники Дюсбурга (ч. I, с. 371). То же о Ромове.

То, что во всех летописях, бывших у Стрыйковского, содержалось легендарное сказание, должно показывать, что они переписывались не ранее 40-х годов XVI в., накануне того времени, когда хронист начал работу над своими «Началами» и хроникой. Однако рассказ о Войшелке был создан или при жизни этого князя, или вскоре после его смерти. Значит, составитель «летописца» объединил легендарное сказание с рассказом о деятельности Войшелка.

Общепринятым является мнение, что места в хронике Быховца, где говорится о Миндовге и Войшелке, заимствованы из Ипатьевской летописи. Это мнение основано на близости или идентичности в ряде случаев текстов обоих памятников, а поскольку хроника Быховца не могла служить источником Ипатьевской летописи, то, естественно, принималось обратное. Однако никто не доказал (и не пытался доказать), что составитель хроники Быховца пользовался непосредственно Ипатьевской летописью или хотя бы источником, аналогичным ей.

Близость касается лишь строго определенных мест, и поэтому есть основание предполагать, что составители как летописи, так и хроник использовали один и тот же исходный материал. Выше отмечалось, что события 1262—1264 гг. описаны в летописи дважды и что в хронике при передаче текста, аналогичного пространному варианту летописи, сохранен язык XIII в., тогда как за 1268 г. язык модернизирован. Поэтому ссылки Стрыйковского на «летописцев Войшелка Миндовговича» следует воспринимать совершенно серьезно (реально название летописи могло быть иным или его и вообще не было), но произведение, содержащее рассказ о Войшелке, как и о Миндовге, существовало, и вероятнее всего, оно было создано в Новогрудке. Кстати, по нашим предположениям, основная часть легенды была создана там же.

Затем Стрыйковский привел, ссылаясь на свои летописи, ряд фактов, неизвестных летописям, которые сохранились до нас. Так, Михаил Сигизмундович просил великого князя Казимира Ягайловича, когда того избрали польским королем, уступить ему Великое княжество Литовское (ч. II, с. 226). По неизвестной нам летописи описаны события у Завихоста (ч. II, с. 68—69). Только у Стрыйковского сказано о борьбе различных группировок у крымских татар (ч. II, с. 313, 316). Только у Стрыйковского есть сообщение, что татары во время своих нападений на земли Великого княжества возили «коши» (ч. II, с. 327—328). Стрыйковский же сообщает, что волынские князья после поражения, понесенного у Могильно, бежали в Луцк (ч. I, с. 252). Со ссылкой на летописи описаны похороны Гедимины (ч. I, с. 386).

Исходя из утверждений Стрыйковского, что все бывшие у него летописи содержали легендарную часть, следует, что летописей более ранних, типа Супрасльской или Слуцкой, у него не было.

Называя свои летописи отдельно или целыми группами (русские летописцы и т. д.), Стрыйковский не выработал для этого устойчивой системы. Иначе говоря, он называл одни и те же летописи по-разному или, говоря о нескольких (и даже о «всех»), в сущности имел в виду одну. Если ссылка на одного летописца понятна, то указание на «всех» должно означать, что во всех 15 летописях было написано одинаково, но такое возможно лишь в виде исключения. Гораздо более реальным кажется, что, ссылаясь на всех, Стрыйковский имел в виду одну, не обращая внимания на некоторые расхождения с другими.

Излагая начальный период (легендарную часть), а затем события конца XV — начала XVI в., Стрыйковский чаще всего ссылается на «одного летописца» (на летописца князей Заславских, на стародавнего литовского летописца и т. д., что всегда означало «одного»). Для периода конца XV — начала XVI в. это понятно, так как большинство летописей обрывалось на изображении событий середины XV в.; в других случаях, возможно, Стрыйковский находил сведения одной (Берестовицкой) летописи более полными и достоверными, почему и пользовался ею, игнорируя остальные.

В общем, в летописях, которыми пользовался Стрыйковский, имеется значительное количество сведений, неизвестных до настоящего времени. Особого внимания заслуживает сообщение хрониста о летописи «Войшелка Миндовговича».

ЛЕГЕНДАРНАЯ ЧАСТЬ ЛЕТОПИСЕЙ И ХРОНИК

Общие положения

В настоящее время известны шесть летописей, содержащих легенду: Археологического общества (без начала, поскольку в этой летописи начала вообще нет), Красинского, Рачинского, Ольшевская, Румянцевская, Евренновская, а также хроника Быховца и хроника Литовская и Жмойтская.

Согласно легенде, 500 семей римской знати (шляхты, или рыцарей) прибыли в Литву (точнее говоря в Жемайтию) морем. Во главе эмигрантов находился Палемон, родственник императора Нерона. Выше отмечалось, что версия, согласно которой Палемон бежал из Рима, спасаясь от жестокости этого императора, является лишь основной. В работах Стрыйковского содержится и другая версия: побег произошел в 401 г. и причиной его были зверства Аттилы¹. «Двойная» версия находится также в хронике Быховца и хронике Литовской и Жмойтской².

В летописи Красинского легендарное сказание является как бы отдельным произведением, озаглавленным «Летописец Великого князства Литовского и Жомоньского», но там текст обрывается на середине листа рукописи, вторая половина листа осталась незаполненной. Конец «Летописца» содержит рассказ о жестокостях ятвяжского и дойновского князя Тройдена (т. XXXV, с. 128—132). Последующая часть той же летописи озаглавлена «Кройники о великих князех литовских» (т. XXXV, с. 132). Она начинается с перечислении сыновей Гединина и уделов, которые каждый из них получил от отца («Напервен у великого князя Кгединина сем сынов было»). Деление летописи Красинского на две самостоятельные части настолько ярко выражено, что в ПСРЛ, т. XVII они были напечатаны как два отдельных произведения. Очевидно, до того времени, когда обе части не были вписаны в сборник, в котором находилась летопись, они действительно представляли собой отдельные произведения.

Текст, названный в летописи Красинского «Кройницей», в тех летописях, в которых легендарного сказания нет, озаглавлен «Летописец великих князех литовских», т. е. так, как у Красинского на-

¹ Две версии содержатся в обеих капитальных работах Стрыйковского — «Кройнике» и «Началах».

² ПСРЛ, т. XXXII. Ввиду отсутствия первого листа в хронике Быховца сохранился лишь отрывок, содержащий конец второй версии, но из текста хроники следует, что имелась и первая.

звано сказание. Вместе с тем в Румянцевской летописи сказание имеет заголовок «За кройники Великаго княжества Литовского и Жомонтскаго» (т. ХХХV, с. 193). Возможно, такой же заголовок был в летописи Археологического общества, начало которой не сохранилось, но последующий текст почти дословно совпадает с текстом Румянцевской (т. ХХХV, с. 91—102). Таким образом, в летописях схожие тексты имеют разные заголовки и, наоборот, разные тексты озаглавлены одинаково. Что касается «Летописца великих князей литовских» (т. е. «Кройники», по летописи Красинского), то такое произведение есть в летописях Супрасльской (т. ХХХV, с. 61—67), где «Летописец» имеет вид отдельной работы, которая является продолжением общерусской части; Академической (т. ХХХV, с. 110—114), где «Летописец» отделен от предыдущего текста только заголовком, написанным чернилами. В Виленской (летопись Авраамки) летописи заголовка вообще нет и слова «у великаго князя Кгедимина» следуют непосредственно после части, содержащей общерусскую летопись (т. ХХХV, с. 85—90). В *Origo regis* заголовка нет (т. ХХХV, с. 115—117). В Слуцкой летописи начала нет, а в том тексте, который сохранился, передается разговор Кейстута с Витовтом относительно коварства Ягайла, заключившего союз с немцами (т. ХХХV, с. 68—79). Поэтому можно думать, что и там было заглавие «Летописец».

Заголовки легендарной части следующие. В летописи Красинского — «Летописец Великаго княжства Литовского и Жомонцьского». В Ольшевской летописи — «Wielkiego xięstwa Litewskiego i Żmodzkiego kроніка». В хронике Быховца начала, а следовательно, и заголовка нет. В хронике Литовской и Жмойтской перед текстом находится заголовок «Вывод и початок о Великом князстве Литовском и Жмойтском, отколь взмоглися и пошли», данный, вероятно всего, составителем всего хронографа, частью которого является хроника Литовская и Жмойтская. Во всех перечисленных летописях (кроме Красинского) сказание не отделено от последующего текста или между ними находится заголовок небольшого раздела, что, однако, не означает какой-либо грани, так как на подобные разделы разбиты как сказание, так и вообще все летописи, исключая Красинского, и во всех них далее следует раздел, озаглавленный «О княжати литовском Швинторозе, сыне Утенушовом» (в некоторых летописях это не «Швинторог», а «Свинторог», что не меняет сути дела). Начало легендарного сказания во всех списках в общем одинаково, но конец его не очень ясен.

Учитывая, что «Летописец» Красинского представляет собой отдельное произведение, можно, казалось бы, предположить, что легендарная часть заканчивается весьма нелестной характеристикой князя Тройдена. Однако, проследивая сказание во всех летописях, от этого предположения приходится отказаться и принять другое — что, вероятно всего, легенда заканчивалась словами «тому конец». При этом следует учесть, что в первоначальном тексте есть ряд более поздних вставок, тем более что и после «конца» находится немало записей, имеющих тоже в большой мере легендарный характер. К полULEГЕНДАРНЫМ следует отнести и записи, касающиеся первых лет правления Гедимина.

Словами «тому конец» заканчивается рассказ о том, как князь Рынгольт (он же Скирмонт) после победоносной битвы у Могильно возвратился в свою столицу Новогрудок и там умер. Выражение «тому конец», связанное с прекращением рода Палемона (на Рынгольте), может само по себе служить показателем, что здесь закончился первоначальный текст сказания, а вместе с тем свидетельствует, что сказание было создано для прославления потомков Палемона. Весьма знаменательно, что на «конец» почти полностью прекращаются сообщения о Новогрудке, который из центра большого государства — Великого княжества Новогрудского, Жемайтии и Литвы превращается в провинциальный город.

Однако «конец» в шести летописях, содержащих легенду, неодинаков. В летописях Красинского и Евренновской сказано, что Рынгольт после битвы у Могильно вернулся в Новогрудок и там умер, не оставив потомства: «умре без плоду; тут ся доконал род княжати римского Полемона» (т. XXXV, с. 131, 218). В остальных же летописях говорится, что, по известиям «иных», у Рынгольта после битвы у Могильно родилось трое сыновей, из которых один — Войшвилак стал новогрудским князем, но здесь сообщение о нем обрывается. Однако и это в разных источниках передается неодинаково: в летописи Рачинского сказано, что Рынгольт «яко бы мел уродити трех сынов» (т. XXXV, с. 149), т. е. выражается сомнение, тогда как в летописях Археологического общества, Ольшевской и Румянцевской «яко бы» нет, т. е. нет и сомнения (т. XXXV, с. 92, 176, 197).

Если брать только «иные поведаяють», то это представляется слухом, преданием о Войшелке, сохранившимся в течение столетий, однако приписка заканчивается словами, что кто-то «далей о том Войшвилаку не пишеть». Буквально, видимо, данное место следует понимать так, что в какой-то из летописей, послужившей источником для более поздних летописцев, было записано предание о Войшелке³.

Таким образом, можно предполагать, что основной частью сказания является та, которая начинается со слов «Сталося втеление» и заканчивается сообщением о смерти Рынгольта, но в то же время, что в первоначальный текст с течением времени были внесены разные добавления, имевшие целью возвеличить две знатные фамилии, принадлежавшие к гербам Китовраса и Колумнов.

Как известно, в летописях встречаются слова «а навратимся воспак», обычно означающие, что здесь в первоначальный текст сделана вставка. Такие «воспак» есть во всех летописях и хрониках Великого княжества. Эти слова в разных случаях несколько видоизменены, но смысл остается везде одинаков: летописец возвращается к прерванному какой-то вставкой рассказу.

Больше всего «воспак» встречается в летописи Красинского, и по-

³ В том, что предание о князе, правившем в середине XIII в., существовало в середине XVI в., нет ничего невероятного. В 1970 г. старый житель Слуцка Иван Карсюк сказал нам, что этот город ранее принадлежал Ольельке. Князь Ольелько-Александр, основатель рода Ольельковичей-Слуцких, умер в 1454 г., последний — в 1586 г. (род угас). Значит, если брать даже последнего из Ольельковичей, то в памяти народа он сохранился в течение четырехсот лет, и притом в наше время.

этому обратимся к ней. Первый раз «воспак» находится там вслед за рассказом о том, как после смерти князя Сперы «люди, мешьякаочи около него» (Сперы. — Н. У.), сделали «болвана» в память об умершем, а затем, когда «болван» сгнил, стали обоготворять озеро, на берегу которого он стоял, и вообще всю окружающую местность (т. XXXV, с. 129). Далее идет рассказ о кончине князя Борка и переходе владений к его брату Куносу. Рассказ не отделен от предыдущего текста и является его последовательным продолжением. Наличие слова «воспак» здесь тем более непонятно, что его нет в других летописях (в Румянцевской, Евренновской и Ольшевской далее следует заголовок нового раздела: «О княжати Борку и о брате его Куносе», чем как бы отмечается, что вопрос о Спере исчерпан; т. XXV, с. 174, 194, 215).

«Воспак», возможно, получает объяснение при чтении соответствующего места в хронике Быховца. Там вслед за рассказом о Спере, который поселился над озером, названным его именем, помещено сообщение, что Довспрунк с «Китавраса» перешел реку Святую, нашел красивое место над рекой, основал там город Вилькомир и назвался князем девялтовским. Далее сказано «мы же возвратимся воспак», а затем говорится о смерти Сперы, о постановке ему «болвана», после чего опять следует слово «воспак» (т. XXXII, с. 129). «Воспак» в этом месте необходим, поскольку сообщение о Довспрунке в хронике Быховца прерывает рассказ о Спере, но в летописи Краснинского о Довспрунке ничего не говорится, и поэтому «воспак» не имеет смысла. Вообще же, в летописях Довспрунк и его сын Гирус (или Кирус) появляются совершенно неожиданно, так как, кроме сообщения, что в числе бежавших из Рима был Довспрунк, там о нем больше ничего нет.

Очевидно, место в летописях, где говорится о Довспрунке, показалось Стрыйковскому недостаточно обоснованным, и он в своих «Началах» назвал Довспрунка потомком Палемона (с. 92), причем это сделано так, что может создаться впечатление, будто Довспрунк был сыном Палемона (заголовок раздела у Стрыйковского следующий: «Боркус, Конас или Кунас, Спера, Дарспрунг — потомки Палемона»).

Второй «въспак» в летописи Краснинского находится вслед за рассказом о том, что Ердивил (или Скирмонт) после постройки Новогрудка и похода в юго-западную Белоруссию (где он основал Гродно и восстановил ряд городов) раздал трем вассалам, участвовавшим в его походе на Новогрудок, владения и эти вассалы стали родоначальниками знатнейших литовских фамилий (т. XXXV, с. 129). Рассказ явно не на месте (на месте он находился бы в случае, если бы подобное сообщение было помещено вслед за известием, что Ердивил — Скирмонт построил Новогрудок и назвался великим князем новгородским, тем более что об участии вассалов в походе на юг ничего не сказано). Очевидно, в источнике это место было изложено неясно или вообще было дефектным, так как в Румянцевской летописи после слов «и возвратимся вспять» (на чем рассказ и заканчивался) следуют слова «тут Довойна», не имеющие смысла (т. XXXV, с. 195), летопись Рачинского здесь — тоже не к месту — заканчивается словами «а з Кгровжа народился Монъвид, а потом умер» (т. XXXV, с. 147). Эта вставка подчеркивает, что предки виднейших литовских фамилий — Гаштольды,

Довойны, Монивиды — получили свои владения от князя новгородского. Вставка привлекает к себе внимание прежде всего тем, что в ней не упоминается о деятелях, принадлежавших к гербу Китоврас, которые обычно при перечислении наиболее выдающихся литовских деятелей стоят на первом месте.

Три названных деятеля — Ейкшис, Гровж, Крумпь (в разных летописях они называются по-разному) — изображены как подручные жемайтского князя, тогда как Довспрунк герба Китоврас сам был князем Литвы. Возможно, быть изображенным в летописи в качестве вассала Ердвилла для литовского князя было нежелательным.

Последний «воспак» в летописи Краснинского находится вслед за рассказом о том, как Утенус поставил «болвана» в память своего отца Куковойта, после чего помещено сообщение о битве на реке Окуневке, а после того как «болван» сгнил, там вырос лес, который население обоготворяло, назвав его именем Куковойта (т. XXXV, с. 131). Слова «возвратишися воспак», кроме летописи Краснинского, есть только в Ольшевской, но там они стоят не на месте (после рассказа о том, какие уделы дал своим сыновьям князь Скимонт; т. XXXV, с. 176); нет «воспак» и в хронике Быховца.

Очевидно, вставкой является и рассказ в летописях Краснинского, Рачинского и Румянцевской о том, как великий князь киевский Дмитрий (!) сбежал от татар в Чернигов, а оттуда, услышав, «иж мужики мешкають без господаря а зовутся дручане», пришел в их область, «зарубил» город Друцк и стал великим князем друцким (т. XXXV, с. 129, 146, 194). Эта краткая повесть никак не связана ни с предыдущим, ни с последующим текстом.

Вставка о битве на Окуневке, закончившейся крупнейшей победой над татарами, естественно, должна была возвеличить новгородского князя. Вставка о князьях друцких, очевидно, связана с легендой о том, что Новгородок был построен дручанами.

Сказание в том виде, в каком мы имеем его сейчас, занимает около 10 машинописных страниц, из них на вставки приходится примерно две страницы. Однако в первоначальном виде легенда была значительно меньше.

По нашим наблюдениям, сказание вначале содержало только сообщение о бегстве 500 семей из Италии, о плавании беглецов по морям, о прибытии к устью (дельте) Немана и колонизации территории по берегам реки Дубиссы, о создании сыновьями Палемона городов Юрборка и Куносова, о продвижении населения на восток к берегам реки Вилии и основании поселения Кернова. Здесь же дается объяснение происхождения названия страны — Литва. Начальная часть заканчивается сообщением, что внук Палемона Монтивил направил своего сына Ердвилла — Скимонта на восток и тот, перейдя реки Вилию и Неман, основал город Новгородок (Новгородок), который в кратчайшее время стал столицей огромного государства — Великого княжества Новгородского.

В общем, начальная часть легенды содержит сообщения, почти исключительно касающиеся Литвы, тогда как во второй половине интерес сказания сосредоточен на Новгородке (Новгородке). Начи-

нается вторая часть со слов: «И часу панованья Монтвилова повстал цар Батый и пошел на Рускую землю, и всю Рускую землю звоевал...» (т. XXXV, с. 146).

Первые варианты легенды

В наиболее пространном виде легенда изложена в ряде белорусско-литовских летописей и хроник и трудах Стрыйковского, основанных на этих источниках, но ко времени внесения в летописи она прошла длительный период развития. Едва ли не впервые она была изложена польским хронистом Яном Длугошем. Поскольку XIV век и в большой мере XIII век заполнены бесконечными стычками и битвами между поляками и литовцами, Длугош пишет о литовцах и Литве неоднократно. Однако к начальному периоду истории литовского народа он обращается лишь в разделе, в котором излагаются события 1387 г., т. е. после заключения Кревской унии и начала христианизации Литвы. Здесь задачей составителя было показать, насколько дикой была языческая Литва, чтобы тем подчеркнуть величие осуществленного Ягайлом и поляками дела — христианизации последнего в Европе языческого народа.

Дохристианской Литве Длугош посвятил два параграфа, один из которых озаглавлен «Происхождение литовцев, их язычество и древние обычаи», а второй — «Литовцы после основания Вильно...» Данные этих соседних параграфов не всегда согласуются между собой.

Хронист начинает рассказ о языческой Литве с сообщения, что и в одном источнике он не нашел ни слова о том, когда и каким образом литовский народ прибыл туда, где он находился во время создания хроники. Однако, исходя из языка, произношения, погребальных обычаев (сжигание трупов) и т. д., Длугош пришел к выводу, что литовцы происходили если не от собственно латинцев, то от одной из их ветвей. Продолжая свои рассуждения, Длугош утверждает, что во время войн между Марнем и Суллой, а затем между Цезарем и Помпеем часть жителей Италии переселилась в северную страну, которую сами переселенцы называли «Италия» или, учитывая придыхание итальянцев, «Литалия», а поляки и русские переделали это название в «Литва». Через какое-то время переселенцы основали свой столичный город, названный ими Вильно по имени князя Вилли; от имени того же князя были названы реки, на берегах которых расположено Вильно, — Вилия и Вильня⁴. Все эти соображения Длугош выразил неопределенно, конкретно сказано им лишь о том, что переселение произошло во времена Юлиуса Цезаря (во втором параграфе об этом сказано уже без колебаний) и что князем переселенцев был Вилли, но как беглецы достигли Литвы, сколько их было, где первоначально поселились и т. д., Длугош ничего не сообщает; ничего нет у него и о Новоградке.

Мацей Меховский, излагая легенду, ссылается на «старинных историков», в сущности же пересказывает (с очень небольшим отклоне-

⁴ *Długosza Jana. Dziejów Polski ksiąg dwanaście / Przekład K. Mecherzyńskiego. Warszawa, 1868, t. 3, ks. IX/X, s. 442—447.*

нием) версию Длугоша: литовцы — это потомки переселенцев из Италии, которые были вынуждены в свое время бежать из родной страны в связи со спорами, возникшими в среде римского населения; страна, в которую прибыли, была названа ими «Италия», и лишь позже ее стали называть «Литалия», соседи же — русские — переделали название в «Литва». По имени вождя прибывших Вилюса эмигранты назвали свой город Вильно и т. д. В то же время Меховский не сказал прямо, что переселение произошло во время борьбы Цезаря с Помпеем, ограничившись сообщением о спорах в среде римского населения⁵. Как и Длугош, Меховский о Новогрудке не сказал ничего.

Если судить по Супрасльской летописи, созданной в 1519 г., в которой следов легенды нет, то можно думать, что ко времени выхода в свет «Трактата» (первое издание в 1517 г.) легендарное сказание еще оформлялось, вернее, еще не существовало второй ее части, посвященной почти исключительно Новогрудку; во всяком случае, оно еще не вошло в ряд белорусско-литовских летописей.

Мартин Бельский — едва ли не единственный польский хронист XVI в., который отнесся к легенде скептически. Он знал все, что писали относительно происхождения литовской знати, но не поверил в легенду, так как об этом «нигде в письменных источниках ничего нет»⁶. Единственное место, которое у Бельского можно считать почерпнутым из легенды, касается названия «Литва», которое будто бы происходит от имени князя Литана, предводителя литовцев в тот период, когда они оседали на территории, занимаемой ими во времена Бельского. Верит он и в то, будто литовцы раньше платили русским князьям дань лыком и венниками, так как ничего другого не имели⁷.

Отбросив версию об итальянском происхождении знати, Бельский пытается уяснить, откуда все-таки взялись литовцы. В этом случае он использует работу Птолемея, указавшего, что приблизительно в местах расселения современной литвы раньше обитали герулы и аланы. Исходя из указаний Птолемея, Бельский пришел к выводу, что в прошлом литовцы жили по соседству с немцами, а также с греками, от которых занимствовали некоторые слова⁸.

Зато когда хроннику Мартина Бельского дорабатывал его сын Иоханн, то он пересказал, в сущности, все то, что есть у Стрыйковского⁹.

Географические представления летописцев

В летописях и хрониках говорится, что Палемон прибыл в Литву со своими спутниками морем, а в ряде случаев отмечается, что беглецы взяли с собой кодного остронома, который ся знал по звездам. Пункт отправления нигде не указан точно, но можно предположить, что отпра-

⁵ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. Л., 1936, с. 98—99.

⁶ Bielski M. Kronika the iest historya świata na sześć wieków a cztery monarchie... Kraków, 1564, s. 359.

⁷ Ibid., s. 358 об.

⁸ Ibid., s. 359.

⁹ Bielski M. Kronika polska Marcina Bielskiego nowo przez Joachima Bielskiego. syna jego, wydana. Kraków, 1597, s. 152—156.

вились «римляне» на кораблях из Рима, т. е. Тибром. При всех условиях отбыть из Италии морем можно только Средиземным, притом источники утверждают, что путники плыли «Межиземским» морем, которое можно принять за «Средиземное» море. Однако, исходя из текста всех летописей следует, что Межиземское не было Средиземным морем, так как «римляне» добрались до него спустя немало времени после отбытия. Из последующего явствует, что Межиземским сказание называет Северное море. Доказательством этого является то, что из «Межиземского» моря путь в Море-Окиян (так летописи называли Балтийское море) проходил по реке Шуме, а под этой рекой понимались проливы, соединяющие Северное море с Балтийским.

Наиболее примитивная версия о начальном этапе путешествия изложена в Ольшевской летописи, где сказано, что путники отправились на кораблях морем, но не указано направление, которого они держались, чтобы попасть в Межиземское море (т. XXXV, с. 173). Что касается остальных летописей (Рачинского, Красинского, Румянцевской и Евреинновской; т. XXV, с. 125, 144, 193, 214), то они содержат утверждение, будто путники направились «по заходу солнца», т. е. на запад. Однако если от устья Тибра плыть все время на запад, то попасть в Северное море невозможно. Значит, авторы этой версии представляли себе положение Италии в отношении Литвы и моря, которое следует переплыть на пути из страны в страну, очень туманно.

У составителя хроники Быховца было об этом более ясное представление: во всяком случае, он знал, что Италия в отношении Литвы находится не на западе, а на юго-западе. Поэтому в хронике сказано, что корабли беглецов пошли «морем меж земли», двигаясь на север. Тогда слова «меж земли» можно понять как движение по Средиземному морю, выйдя из которого путники повернули на север и затем, обогнув Францию и Англию, «вошли в королевство Дунское» (Датское). Значит, и составитель этой хроники не знал о существовании проливов, отделяющих Англию от материка, и поэтому заставил беглецов проделать путь из Атлантического океана в Северное море вокруг Шотландии (т. XXXII, с. 128).

Неясно представляли себе летописцы и путь из моря к Неману. В летописи Рачинского это место изложено так: путники вошли рекой Шумой в Море-Окиян «и Морем-Окияном дошли до реки устья, где Немон упадывает у Море-Окиян и потом пошли рекою Немном вверх, али ж у море Малое, которое называется море Немное» (т. XXXV, с. 145). То же и в других летописях. В хронике Быховца вопрос о пути из Северного моря в Море-Окиян обойден молчанием, там лишь сказано, что путники из королевства Дунского вошли в Море-Окиян. В дальнейшем разницы между летописями и хроникой Быховца нет (т. XXXII, с. 128).

Во всех случаях местом, где Неман будто бы впадает в Море-Окиян, называется узкая горловина Куршского залива, которая соединяет залив с Балтийским морем, а сам Куршский залив именуется Немновым, или Малым морем. Дойдя этим морем до одного из устьев Немана, «римляне» достигли самого Немана, которым и стали подниматься вверх.

В хронике Литовской и Жмойтской, хотя она в большой мере пересказывает «Кронику» Стрыйковского, путь описан почти так же, как в летописях, причем (как в Ольшевской летописи) даже не указано направление, которого держались беглецы. Придя после длительного пути в Межиземское море, Палемон рекой Кисагой (не Шумой) прошел в Море-Окиян. Далее высказано предположение, что это, возможно, было «море Балтицкое або Венедикое», Куршский же залив называется морем Курляндским, или Немновым (т. XXXII, с. 15).

Стрыйковский, излагая легендарную часть в обеих своих работах, шел вслед за летописями, но значительно уточнил путь. Зная античных и средневековых авторов и хорошо разбираясь в расположении стран, находящихся на побережье Северного моря, Стрыйковский уверенно говорит о положении Фландрин, Брабанта, Зеландии, а в «Началах» упоминает о страшном наводнении, бывшем там в 1570 г. (Начала, с. 46).

В «Началах» поездка Палемона и его спутников изложена (в подражание «Энеиде» Вергилия) в виде поэмы. В этой работе сказано, что, подплывая к берегам Англии, путники попали в бурю, предельно вымотавшую их, выйдя на берег, они приготовили обед, после чего крепко уснули, и т. д. Вместе с тем Стрыйковский указывает, что беглецы плыли первоначально Средиземным морем, которое расположено между Африкой, Италией и Францией, т. е. по «настоящему» Средиземному морю. Выйдя из него, обогнули Гадес (Кадис), Испанию и Лузитанию (Португалию) и затем прибыли в английский порт. От берегов северной Англии они направились к Зунду, но буря прибила их к прусскому (!) порту, откуда они добрались до Немана (Начала, с. 58, 61—62).

Плохо представляя себе путь из Италии в Литву, летописцы почти так же плохо знали географию и самой Литвы, в особенности той, куда сразу прибыли «римляне», т. е. Жемайтин, западной Литвы. Наиболее поразительным представляется незнание ими местоположения таких важных для Литвы городов, как Юрборк (Юрбаркас) и Ковно (Каунас). Первый из них летописи помещают при впадении реки Юры в Неман (в действительности этот город находится при впадении в Неман реки Митвы), второй — при устье Невяжи, хотя на самом деле Каунас расположен при устье Вилини. Стрыйковский, знавший, что Юрбаркас находится в устье Митвы, а Каунас — в устье Вилини, тем не менее в отношении первого повторяет ошибки летописцев, а вопрос о местоположении Каунаса в «Началах» обходит молчанием, в «Кронике» же утверждает, что этот город расположен в устье Вилини. Точно так же, как в «Кронике», сказано и в хронике Литовской и Жмойтской (ч. I, с. 84; Начала, с. 92; ПСРЛ, т. XXXII, с. 16).

Из рек летописи, кроме Немана, упоминают Дубиссу, Юру, Вилиню — притоки Немана с правой стороны, затем приток Вилини реку Святую и приток Святой реку Ширвинту. Таких значительных рек, впадающих в Неман с той же правой стороны, как Минья и Митва, летописцы не знают. Западная Двина упоминается лишь мельком. Кроме того, летописи говорят о реке Ясельде, левом притоке Припяти, и реке Окуневке, впадающей в Припять с правой стороны: все они упомина-

ются в связи с событиями, происходившими на берегах названных рек. Что касается самой Припяти, реки весьма значительной, то о ней не сказано ничего. Характерно, что, говоря о Полоцке, Гродно или Бресте, расположенных на таких реках, как Западная Двина, Неман и Буг, летописцы ни разу не отметили этого, как не отметили и того, что Туров, Мозырь и Пинск расположены на берегах Припяти. Из озер упоминаются два маленьких, находящихся в Литве, — Спера и Жосли. Из городов, имевшихся в Литве, легендарная часть называет Юрборк (Юрбаркас), Каунас (Куносowo) и Кернов (Кярнаве), хроника Литовская и Жмойтская добавляет к ним Вилкомир. Гораздо больше городов отмечено летописями в Белоруссии — Браславль, Новогрудок, Койданово, Могильно, Полоцк, Друцк, Гродно, Брест, Дорогичин, Бельск, Мельник, Сураж, Пинск, Туров, Мозырь, а также Киев, Чернигов, Карачев.

Летописцы нигде не говорят о рельефе, климате, растительности. Исключение составляет местность по берегам Дубиссы, о богатстве и красоте которой летописи говорят с восхищением. Во всех остальных случаях, когда нужно было сказать что-то хорошее о месте, избранном для постройки города, летописцы ограничиваются тем, что называют «гору красну» (притом даже в том случае, когда город создавался на равнине, как произошло, например, со Старыми Трояками). В целом легендарная часть, касаясь географических факторов, оперирует самыми общими данными.

Генеалогия великих князей литовских

Легенда излагает как бы начальный период истории Жемайтии, Литвы и Западной Белоруссии в лице руководящих деятелей этих областей, но так как одно и то же лицо в разных летописях называлось по-разному, то необходимо уяснить, как и в каких летописях именуются эти деятели и в каких отношениях они находились между собой.

Родоначальником князей, а затем великих князей литовских называется Палемон. У Палемона было три сына: Борк, Кунос и Спера (в Румянцевской летописи Спера при первом упоминании именуется Истра (т. XXXV, с. 193), но в дальнейшем и в этом источнике он называется Спера). Впрочем, в «Началах» Стрыйковского в числе потомков Палемона называется еще Доспронгус, почему и его можно ориентировочно причислить к сыновьям Палемона. Сразу после сообщения об основании Сперой замка говорится о Доспронгусе, причем Доспронгус называется князем девялтовским, и о создании им замка на том месте, где находится Вилкомир, над рекой Святой (Начала, с. 92). Однако это единственный случай подобного упоминания.

Два старших брата основали города в Жемайтии, Спера же двинулся на восток, за пределы Жемайтии, на территорию будущей Литвы (собственно Литвы). Борк и Спера умерли без потомства, У Куноса же были два сына — Кернус и Гимбут; Гимбут стал князем в Жемайтии, Кернус — в Литве. У Кернуса была только дочь Пята, которую отец отдал за Гируса, в результате чего Гирус сделался князем литовским.

Сын Гимбута Монтвил оставил после себя двух сыновей. Начиная с этого места, между известиями летописей появляется различие. Согласно Евреинновской летописи, князем Жемайтни после Монтвила стал Немонос, но в каком родственном отношении он был к предшествующему князю, летопись не сообщает, как не сообщает ничего о его кончине и потомках; что касается другого сына Монтвила — Скирмонта или Скилмонта, то он был отправлен отцом, придавшим ему трех знатных вассалов, в поход из Жемайтни на юго-восток и тот, перейдя реки Вилию и Неман, занял область, где, найдя «гору красну», основал город Новогрудок (Новгородок) и создал Новогрудское княжество, однако князем новогрудским стал не возглавлявший этот поход Скирмонт, а сам Монтвил («И учинил себе князь великий Монтвил в нем (в Новогрудке. — Н. У.) столец, и назвался великим князем новгородским»; т. XXXV, с. 215). Впрочем, тут же сообщается, что в Новогрудке сел не Монтвил, а Скирмонт. Возможно, в первом случае произошла ошибка в написании (вместо «Скирмонт» — «Монтвил»). Летопись Красинского излагает обстановку несколько иначе: Немонос был сыном Монтвила, в Новогрудке же сразу сел княжить Скирмонт (т. XXXV, с. 129). В остальных летописях сыновья Монтвила называются иначе или у них имеются двойники. В летописи Рачинского, например, сказано, что у Монтвила было два сына — Немонос и Скирмонт, но тут же добавлено, что «в иных тых же называ: Викента и Ердвила» (т. XXXV, с. 146). Согласно Ольшевской летописи, сыновья Монтвила назывались Ердвил и Кримунт (т. е. Скирмонт), но затем вместо Кримунта появляется Викинт, Кримунт же бесследно исчезает (т. XXXV, с. 174). В хронике Быховца Немонос и Скирмонт не упоминаются, есть только Ердвил и Викинт (т. XXXII, с. 130).

В «Началах» Стрыйковского сказано, что у Монтвила было три сына — Ердвил, Неман и Викинт, причем Неман во время похода на Полоцк (совместно с Викинтом) был убит (Начала, с. 171). В «Хронике» того же автора говорится, что у Монтвила было три сына, с теми же именами, как и в «Началах», но затем Неман исчезает (ч. I, с. 236). То же и в хронике Литовской и Жмойтской с той лишь разницей, что там Ердвил называется «Ердвил, або Радвил», и в дальнейшем почти всегда выступает только Радвил (т. XXXII, с. 17, 19). У Кояловича-Виюка утверждается, что у Монтвила было три сына — Викинт жмудский, Ердвил новогрудский и Неман. Викинт и Неман умерли, не оставив потомства¹⁰.

В нелегendarной части летописей литовские князья нередко имеют по два или по три имени (языческие и христианские), но здесь одно мифическое существо называлось по-разному. Очевидно, существовали разные варианты легенды, что и отразилось в летописях. Поэтому сыновья Монтвила и называются по-разному, но из известных в настоящее время летописей и хроник Ердвил и Викинт без упоминания Немоноса и Скирмунта сохранились лишь в хронике Быховца.

Викинт — Немонос, согласно всем летописям и хроникам, умер

¹⁰ Kojalowicz-Wlók A. Herbarz rycerstwa Wielkiego księstwa Litewskiego. Kraków, 1897, s. 2.

без потомства (прямо об этом нигде не говорится, но вместе с тем не сказано, что у него были дети) и после его смерти Жемайтней стал править Гирус, «князь литовский, который вышел с Китоврасу, обеими княженями, Литвою и Жомонтью» (т. XXXV, с. 129—130). Поэтому, если принять версию, что Немонос — Викнит был сыном Монтивила (а не появился неизвестно откуда, как это изложено в Евреинновской летописи), то на нем обрвалась еще одна линия потомков Палемона и, следовательно, из прямых потомков родоначальника остался лишь Скирмонт — Ердвил, князь новгородский.

По-разному летописи говорят и о князьях литовских. Все они согласны с тем, что первым князем в Литве был Кернус, сын Куноса и внук Палемона. Дальнейшее излагается неодинаково. Уже отмечалось, что Кернус выдал свою дочь Поятю за Гируса, в результате чего Гирус стал князем Литвы. Кто же такой Гирус? Как и в предыдущем случае (с Немоносом), наиболее неясной оказалась версия Евреинновской летописи. Из текста этой летописи следует, что Поята стала женой Гируса, но не утверждается, что она была дочерью Кернуса; что касается Гируса, то о нем сказано, что он «вышел с Китавраус» (т. XXXV, с. 216), т. е. что его род принадлежал к знатнейшим фамилиям, прибывшим в Жемайтию вместе с Палемоном. Таким образом, согласно Евреинновской летописи, права Гируса на литовский «стол» кажутся весьма сомнительными, тем более что и происхождение Пояты неясно. В Евреинновской летописи Поята появляется только в качестве матери князя Куковойта, а так как отцом его называется Гирус, то лишь из этого можно сделать заключение, что Поята была женой Гируса. Так же неясно обрисован Гирус и в летописи Красинского (т. XXXV, с. 129). По летописям Румянцева, Рачинского, Ольшевской, Гирус был сыном Довспрунка «з Дявилтова», т. е. княжества Девялтовского (расположенного к северо-западу от Вильнюса.— Н. У.). Однако и эти летописи, сказав, кто был отцом Гируса, не сообщают, в каком родственном отношении к Гирусу был Живинбуд, ставший после смерти Гируса князем литовским, а после смерти Викнита — еще и князем жемайтским. Вообще, титулатура князей за это время летописями постоянно путается. Так, Живинбуд называется то князем литовским, то князем литовским и жемайтским, то великим князем литовским. Далее сообщается, что у Живинбуда был «старший сын» Куковойт, но ничего не говорится, кто был «младшим» и был ли вообще у Живинбуда еще кто-либо (т. XXXV, с. 147, 175, 195).

Согласно «Началам», «Кронике» и хронике Литовской и Жмойтской, Поята была женой не Гируса, а Живинбуда Довспрунговича, а так как Довспрунг, согласно версии Стрыйковского, числился сыном Палемона, то Живинбуд — Гирус представляется не лицом, случайно занявшим «стол» Литовского княжества, а прямым потомком Палемона. В результате женитьбы на Поятю Живинбуд стал править «в Кернове, в Вилкомиру, в Девялтове и в Литве межю Невяжею и Вилнею», а после смерти бездетного Викнита на Живинбуда «спала» и Жемайтия (т. XXXII, с. 19—20).

Следовательно, Литвой и Жемайтней, согласно основным источникам, стали править князья, связанные с Палемоном лишь по жен-

ской линии, прямые же его потомки правили княжествами Новогрудским и Полоцким. Полоцкая линия скоро вымерла, тогда как новогрудская оказалась самой жизнестойкой.

Родоначальником новогрудской линии, по летописям Евреинновской и Красинского, был Скирмонт, по всем остальным — Ердвил — Радвил.

Сын Ердвила — Скирмонта Мингайло пошел походом на Полоцк, разгромил полочан и стал князем полоцким, оставаясь в то же время князем новогрудским. По летописям Евреинновской и Красинского, князем полоцким сразу после захвата Полоцка стал сын Мингайло Гиввил. Женившись на дочери тверского князя, он «стал русином», т. е. крестился по православному обряду, в связи с чем принял имя Борис. У Бориса были сын Глеб и дочь Парасковия. Глеб умер молодым, не оставив потомства (т. XXV, с. 130, 216). Согласно летописям Рачинского, Ольшевской и Румянцевской у Мингайло был сын Гиввил, крестившийся по православному обряду, в связи с чем он стал называться Борисом. У Бориса был сын Рогволод — Василий, а у того — сын Глеб и дочь Парасковия (т. XXV, с. 147, 175, 195).

Значит, летописи Рачинского, Ольшевская и Румянцевская по сравнению с другими летописями увеличивают линию полоцких князей на Рогволода — Василия. Согласно «Кронике» Стрыйковского, хронике Литовской и Жмойтской и хронике Быховца, христианское имя Гиввила было не Борис, а Георгий (ч. I, с. 241; т. XXXII, с. 21, 131). При всех этих различиях Глеб везде числится последним полоцким князем.

На «столице» в Новогрудке первым был Ердвил — Скирмонт, затем его сын Мингайло (по Ольшевской летописи, Михайло). В дальнейшем в разных источниках имена князей называются по-разному. Так, в летописях Евреинновской и Красинского сын Мингайло именуется Шварн (Шкварно, он же Ямонт и Амонт), сын Шкварна — Ямонта Скиргайло, сын Скиргайло Ольгмонт (Акгимонт), последний в роде, он же последний в роде Палемона, — Рынгольт (т. XXV, с. 130, 216). Согласно летописям Рачинского, Румянцевской и Ольшевской, сыном Мингайло на Новогрудском княжестве был Скирмонт, затем его сын Тройнат, после него Ольгмонт и последним Рынгольт (т. XXV, с. 148, 176, 196—197). То же в «Началах» (с. 183, 186). По хронике Быховца, «Кронике» Стрыйковского и хронике Литовской и Жмойтской, после Мингайло следует Скирмонт, за ним Тройнат, потом Ольгмонт, Рынгольт и, наконец, Миндовг и его сын Войшелк (т. XXXII, с. 26—27, 132—133; ч. I, с. 248—249, 252—253).

В кратком виде генеалогия князей легендарной части может быть изложена следующим образом. В Жемайтин потомки Палемона вымерли в третьем или в четвертом поколении (в четвертом, если принять, что у Монвила был сын Немонос — Викнит).

На литовском престоле оказался лишь один потомок Палемона — Кернус. Очевидно, поэтому Стрыйковский в «Началах» придал Палемону четвертого сына — Довспрунка, который (а затем его потомки) стал править Литвой (Начала, с. 92). В Полоцке потомки Палемона правили два или три поколения. Дольше всего «Палемоничи» прави-

ли в Новогрудке, причем «Хроника» Стрыйковского, хроника Литовская и Жмойтская и хроника Быховца называют вполне реального Миндовга, а также его сына Войшелка прямыми потомками Палемона (ч. I, с. 253; т. XXXII, с. 26, 132).

✓ Можно предположить, что на Рынгольте и заканчивался первоначальный текст легенды. Однако впоследствии появилась необходимость увязать ее с реальными деятелями, что проще всего было сделать, придав Рынгольту потомство, а так как уже имелась летопись, в которой излагалась история князя Гедимина, то нужно было дописать промежуточную часть — от Рынгольта до Гедимина. Во всех летописях и хрониках сказано, что Рынгольт стал князем в Новогрудке по праву наследства, но в «Началах» это показано иначе, что, вероятнее всего, было измышлением самого Стрыйковского. В «Началах» сказано, что Рынгольт начал править в Новогрудке с 1200 г., но князем он стал не по праву наследства (или не только по этому праву), а «поднесенный» на престол «всеми станами» (сословиями.— Н. У.) государства, и с этого времени он первым начал называться князем литовским, так как Жмудь, Литва и Новогрудок достались ему одному (Начала, с. 187). Сыном Рынгольта был Миндовг, которого «Литва опрометчиво и глупо в своих летописях не вспоминает», и далее следуют приведенные ранее слова, что после возвращения из-под Могильно Рынгольт «уробил» трех сыновей (Начала, с. 194). Пользуясь работами Меховского, Кромера, прусскими и ливонскими хрониками, Стрыйковский исправил ошибку летописцев и изложил историю Миндовга (Мендольфа), придерживаясь названных источников. Великим князем Миндовг стал в 1240 г. (Начала, с. 194), крестился в 1250 г., а короновался в Кернове в 1252 г. (Начала, с. 197). Сыном Миндовга был Войшелк, на котором род Палемона окончился. После смерти Войшелка князя, бояре и народ, собравшись в Кернове, избрали князем «Свентограда» (Свинторога Утенусовича), короновался же он в Новогрудке в 1268 г. (Начала, с. 206).

Как уже отмечалось, все источники утверждают, что род Палемона пресекался, разница заключается в том, на ком это произошло — на Рынгольте или на Войшелке? А раз род пресекался, то должен был явиться кто-то, кто бы занял освободившийся в Новогрудке «столеш». Во всех предыдущих случаях престол после смерти князя занимал его сын или крайне редко ближайший родственник, что рассматривалось как вполне естественное явление. После смерти последнего из наследников Палемона надо было решать вопрос иначе. Летописи сообщают, что после смерти Рынгольта «панове», жалующи господара своего прырожоного, и узяли собе господарем князя литовскаго и жомонтского, сына Утенусова с Китаврасу, Швинтроганло». Этот князь начал править «на Новогородцы и на русских городех», а его отец оставался князем Литвы и Жемайтии (т. XXXV, с. 92, 131, 149, 177, 197, 218). После же смерти Утенуса Швинторог сделался князем также в Литве и Жемайтии. Таким образом, представитель герба Китоврас объединил под своей властью все три части государства в одно целое и это государство стало называться Великим княжеством Литовским, Жемайтским и Новгородским и Русским, причем объединение произошло без приме-

нения силы. Хроника Литовская и Жмойтская отмечает, что избирательный съезд происходил в Кернове, но, где был коронован великий князь, не говорит, тогда как «Начала» утверждают, что коронация происходила в Новогрудке (т. XXXII, с. 30; Начала, с. 206).

Сыном Швинторога был Гермонт, оставивший двух сыновей — Трабуса, правившего Жемайтней, и Гилигина, князя «на земле Литовской и Руской» (т. XXXV, с. 93, 132, 149, 177, 197, 218). Гилигину наследовал его сын Роман, который после смерти бездетного Трабуса, его дяди, стал одновременно и князем Жемайтии. Роман оставил пять сыновей — Наримунта, Довмонта, Гольшу, Гедруса и Тройдена (т. XXXV, с. 93, 132, 150, 177, 198, 218). В «Началах» к этому добавлено, что Швинторог умер в Новогрудке (Начала, с. 207). При изложении данных о жизни потомков Романа начинают действовать вполне реальные личности, и эти личности тотчас же вступают между собою в кровавую борьбу, в результате которой Довмонт должен был бежать в Псков. Легендарная генеалогия если и не оканчивается на сыновьях Романа, то в значительной мере теряет легендарный характер.

Стоит упомянуть еще одно обстоятельство. Уже говорилось, что если дело шло о представителях гербов Китоврас или Колюмнов, то источники (сказание) о них упоминают всегда, тогда как для Рожн и Урсинуса подобное совсем не обязательно. Особо подчеркнуто то место, в котором сообщается об избрании великим князем Витеня: «И тут скончался род с Китоврасов а начало великое княжене Витенево, род великих князей литовских с поколения а з роду Колюмнов» (т. XXXV, с. 95, 151, 179, 199). Поскольку в дальнейшем великие князья литовские, включая Сигизмунда-Августа, были прямыми потомками Витеня, то это означало, что и династия Ягеллонов принадлежала к гербу Колюмнов.

Сказание умалчивает о том, к какому гербу принадлежал Палемон, хотя разумеется, знатнейший из всех эмигрантов, родоначальник великих князей, должен был иметь герб. Судя по тому, что Швинторог и его потомки принадлежали к гербу Китоврас, можно предположить, что Палемон был того же герба. Правда, Стрыйковский в «Началах» (с. 35) сообщал, что Палемон был из герба Колюмнов, но в дальнейшем эта версия не была им подтверждена.

Различия в именах князей, неувязки в последовательности родственных связей в одних летописях, в то время как в других эти «недочеты» в значительной степени сглажены, могут служить показателями, что мы имеем дело, по крайней мере, с двумя вариантами легенды (не говоря о «Началах», содержащих немало деталей, которые, вероятнее всего, являются домыслами Стрыйковского). Наличие Немоноса и Скирмунта, действовавших вместо Ердвила и Викинта, возможно, говорит о существовании и третьего варианта.

Учитывая неувязки в наследовании в летописях Евренновской и Красниского (из остальных ближе всего к ним Румянцевская), можно предположить, что Евренновская содержит самый древний текст, что она отражает тот период, когда легенда еще оформлялась. Позднейшие летописцы постарались исправить все те несуразности, которые имелись в первоначальном виде.

Легенда не отмечает ни одного случая кровавой расправы князей между собой, тогда как с появлением реальных личностей убийства князей, близких между собой родственников, становятся едва ли не обязательными (борьба Миндовга с племянниками, убийство Миндовга и т. д.).

Наиболее уязвимым местом легенды, связанным с генеалогией, на которое исследователи прежде всего и обратили внимание, было слишком малое число поколений потомков Палемона, живших слишком длительное время: Палемон, согласно основной версии, уехал из Рима при Нероне, т. е. в начале нашей эры, Миндовг же появляется в начале XIII в. Значит, Палемон и его потомки правили почти 1200 лет и за это время сменилось 11 поколений (Палемон — Кунос — Гимбут — Монтвил — Ердвил — Мингайло — Скиргайло — Ольгимонт — Рынгольт — Миндовг — Войшелк). Таким образом, на поколение приходилось около 100 лет. Это слишком много даже для легенды.

Генеалогия сказания не уязвляется с генеалогией Ипатьевской летописи. Эта летопись сообщает о нескольких походах киевских князей против Литвы в XI—XII вв., не называя, однако, ни имен литовских деятелей, ни какой-либо определенной местности, куда совершались походы. С началом XIII в. известия о Литве становятся гораздо более частыми и намного более основательными. Особенно содержательной является запись за 1215 г., где говорится о прибытии к галицко-волинским князьям делегации, в которую входили князья литовские, жемайтские, от Делтувы (Дяволты), а также представители знатных родов — Рушковичей и Булевичей; всего перечислено 21 человек. Персонально от Литвы были Живинбуд, Давят, Довспрунк, Миндовг, брат Довспрунка, и Виликаил, брат Давяты; затем жемайтские — Ердвил и Викинт (прочих не перечисляем)¹¹. Как видим, четверо из названных (Живинбуд, Довспрунк, Ердвил и Викинт), не считая Миндовга, называемого в хрониках, постоянно упоминаются в сказании. Как следует из текста летописи, запись о прибытии делегации была сделана много лет спустя после 1215 г.; во всяком случае, там сказано, что Миндовг убил нескольких членов рода Булевичей, а жену одного из них — Вишимута — «поял». По весьма вероятному предположению В. Т. Пашуто, Вишимут — Висимонт был убит Миндовгом под Твирементом в 1253 г.¹² Значит, запись о прибытии литовской делегации в 1215 г. сделана приблизительно через 40 лет.

Значение Миндовга возрастало очень быстро: в 1235 г. Даниил галицкий «возведе на Кондрата литву Миндовга»¹³. Следовательно, к этому времени Миндовг стал самым сильным владетелем в Литве. В 1252 г. Миндовг начал истреблять свою родню¹⁴. В 1263 г. он был убит и княжить стал его убийца Тройнат; в том же году Тройнат убил своего союзника полоцкого князя Товтивила, но вскоре и сам был убит конюхами Миндовга¹⁵. Услышав об убийстве Тройната, сын Миндов-

¹¹ ПСРЛ, т. II, стб. 735—736.

¹² Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959, с. 379.

¹³ ПСРЛ, т. II, стб. 776.

¹⁴ Там же, стб. 815—817.

¹⁵ Там же, стб. 860—861.

га Войшелк отправился из Пинска, где он укрывался, с пинянами в Новоградук и оттуда, забрав с собой новогрудчан, пошел в Литву княжить. «Литва же вся пришла и с радостью своего господичича». Прибыв в Литву, Войшелк «поча вороги свои избивати, изби их бесчисленное множество», а другие разбежались¹⁶. В 1268 г. Войшелк был убит, княжить стал Шварн, но он жил недолго, и после него Литвой начал править «окаянный и беззаконный» Тройден, которого летописец приравнивает к Антиоху Сирийскому, Ироду Иерусалимскому и Нерону Римскому¹⁷. На Тройдене, следовательно, сходятся сведения как сказания, так и Ипатьевской летописи.

Летописное сообщение 1270 г., характеризующее Тройдена как человека крайне жестокого, не приводит никаких данных относительно этого качества, притом его четыре брата показаны лицами предельно добродетельными. Ничего не говорят о жестокости Тройдена и записи за 1274 и 1278 гг. (за 1278 г. сказано, что он «еще княжашо в Литовской земле»). В записи за 1270 г. говорится, что Тройден прожил еще 12 лет; значит, о нем написано не раньше, чем в 1282 г., и характеристика человека жестокого дана после малосодержательных записей за 1274 и 1278 гг. Кто стал править после Тройдена, летопись не говорит.

В сказании история Тройдена изложена тоже путанно, но по-инному. Прежде всего у него есть как предки, так и потомки. По сказанию, Тройден был праправнуком по прямой линии Свиторoga Утенусовича, у него был и сын, которого он отправил к князю Льву во Львов. Этот сын назывался по-литовски Рымонт, по-русски Василий, а после того как Рымонт стал монахом, получил имя Лаврыш (в летописях его имена несколько разнятся) (т. XXV, с. 93—94, 132, 150—151, 177—178, 198—199, 219—220). По наущению его брата Довмонта Тройден был убит, и тогда князем стал Рымонт — Лаврыш, который, однако, отказался от престола и предложил избрать князем Витеня, что и было сделано.

Сказание говорит, в чем заключалась жестокость Тройдена: будучи очень воинственным, он непрерывно воевал с русью, поляками и мазурами, над землями которых «сильными окрутенства чинил», о чем сообщает русская хроника. (Между прочим, в хронике Быховца о жестокости Тройдена говорится точно так же, как в сказании, но, кроме того, Сигизмунд Кейстугевич тоже приравнивается к Антиоху Сирийскому и Ироду Иерусалимскому; т. XXII, с. 135, 155.) Очевидно, такое сравнение было очень популярным при характеристике жестоких правителей.

Из приведенных данных о Тройдене видно, что разница между Ипатьевской летописью и сказанием настолько велика, что первая не могла быть источником второго.

¹⁶ Там же, стб. 861.

¹⁷ Там же, стб. 869.

Образование государственной территории Великого княжества Литовского

Несколько обжившись на новом месте по берегам Дубиссы, в Жемайтии, поселенцы начали осваивать более просторную территорию. Направление движения было в основном на восток и лишь в небольшой мере на запад. Судя по тому, что старший сын Палемона, Борк, основал свой город (Юрборк) в устье Юры, колонисты скоро освоили и бассейн этой реки, находящийся к западу от Дубиссы. Однако они не достигли моря, так как между Юрой и морем протекает еще река Миния, о колонизации которой летописи не упоминают. Вероятнее, всего, летописцы считали, что к моменту появления «римлян» (да и позже) по берегу моря до самого устья Немана сидела «латыгола»; во всяком случае, сказание позже упоминает латыголу, «сидевшую над берегом морским» (т. XXV, с. 146). Стрыйковский, а за ним и хроника Литовская и Жмойтская устранили эту неясность и «передали» переселенцам всю область до самого моря. Согласно этой версии, Борк владел территорией, «почавши от Юры реки аж до мора Прусского и Курляндского» (ч. I, с. 84; т. XXXII, с. 16).

На востоке граница Жемайтии показана хотя и не очень четко, но гораздо более определенно, чем на западе. Вообще, восточной границей Жемайтии считается река Невяжа, текущая меридионально, однако город Ковно, расположенный несколько восточнее Невяжи, тоже относился к Жемайтии. Следовательно, первоначальная территория представляла собой как бы четырехугольник, краем которого на западе был бассейн Юры (или, согласно хроникам, берег моря), на севере граница строго не очерчена, на востоке река Невяжа, о юге упоминаний нет, но из дальнейшего изложения следует, что южной границей служил Неман.

О деятельности организатора всего дела — Палемона на новом месте источники не сообщают ничего; говоря точнее, по приезде в Жемайтию он известен лишь в качестве отца трех сыновей, которые и стали основателями первых государственных образований. При выборе территорий сыновья предводителя были совершенно самостоятельными; Палемон к этому отношения не имел.

Старший сын Палемона, Борк, начал осваивать крайний запад — бассейн реки Юры. Районом деятельности второго сына Палемона — Куноса стал крайний восток Жемайтии, где он основал город Куносов (Каунас).

Младший сын Палемона — Спера показан личностью, гораздо менее значительной, чем его братья. Спера начинает действовать только тогда, когда население в Жемайтии увеличилось настолько, что потребовалась дополнительная территория, а поскольку пришельцы в основном двигались на восток, то и в дальнейшем они придерживались того же направления. Возглавил это движение за пределы Жемайтии Спера, который, переправившись через реки Невяжу (Невежис), Святую (Швянтойи) и Ширвинту, нашел озеро «луками розмантими и деревом окрашено», где и поселился с сопровождавшими его людьми; найденное озеро было названо Спера. Такое озеро, очень небольшое,

действительно есть в Литве, к северо-западу от Вильнюса (недалеко от верхнего течения Ширвинты), и чтобы добраться до него с запада, действительно необходимо переправиться через Невяжу и Святую. Примечательно, что Спера, не в пример старшим братьям, согласно летописям, не создал на своей территории города и вообще какого-либо поселения и своим именем назвал только озеро.

Стрыйковскому, однако, показалось, что деятельность Сперы была большей, чем показано в летописях, поэтому он написал, что этот князь построил замок, названный им «Спера». В дальнейшем значение Сперы в «Кронике» было еще более усилено: сделав его наследником Борка, Стрыйковский «передал» ему всю западную Жемайтню. То же повторено в хронике Литовской и Жмойтской (ч. I, с. 84—85; т. XXXII, с. 16). Западная Жемайтня с Юрборком (а также владения Сперы), по этой версии, перешли к Куносу после смерти Сперы.

Здесь можно предположить, что Стрыйковский хотел «исправить» положение в пользу собственно Литвы. В летописях подчеркнута преемственность Жемайтни над Литвой (Литва — нечто вроде колонии Жемайтни). В действительности Литва, по крайней мере в историческую эпоху, имела гораздо большее значение, чем Жемайтня, и поэтому Стрыйковский постарался показать, что Литва не была столь зависима от Жемайтни (местность, где Спера построил свой замок, находится почти в центре Завилейской Литвы, исторического ядра Литвы). Стрыйковский и хроника Литовская и Жмойтская подчеркивают значение Сперы и после смерти: его труп сожгли «ведлуг римского обычая» над озером Спера, прах, положенный в урну, был закопан в землю, а на месте захоронения поставлен «болван», которого «аж до часов Ягейловых хвалили», т. е. поклонялись ему до принятия христианства. Детали о похоронах даны, видимо, для того, чтобы еще раз напомнить о римском происхождении Сперы (ч. I, с. 85; т. XXXII, с. 16—17).

Владения Сперы находились между Невяжей и Ширвинтой, где, согласно Стрыйковскому и хронике Литовской и Жмойтской, появляется и «Доспронгус, товарищ Палямонов, патрикий або отчичь княжат римских», который над рекой Святой построил рядом два замка, назвав их Вилькомир (современный Укмерге). Доспронгус (Довспрунк, по другим источникам) титуловался князем девялтовским, его владения простирались до Вилии (ч. I, с. 85; Начала, с. 93; т. XXXII, с. 16). Как видим, Стрыйковский здесь непоследователен: ранее, в «Началах», назвал Доспронгуса потомком Палемона, сейчас же он только «патрикий», палемонов товарищ. В дальнейшем сын «патрикия», человек, близкий к Палемону, потребует для того, чтобы князем литовским стало лицо знатного происхождения. Колонизационная деятельность Сперы и Доспронгуса представляет собой начальный период создания Литовского государства.

Однако, как бы ни старался Стрыйковский возвысить Сперу, он «не дал» ему сыновей, в результате чего ведущая роль в ходе дальнейших событий должна была сохраниться за Куносом, у которого было два сына: Гимбут и Кернус. Именно Кунос, согласно основной версии, сразу после смерти Борка получил Юрборк, в результате чего стал

владельцем всей Жемайтии. Далее сказание передает события, связанные с колонизационной деятельностью Куноса: население Жемайтии возросло настолько, что ему стало тесно на старом месте и оно начало «выходить на реку Велью в землю Завельскую». Движение на этот раз возглавил Кунос, который переправился через реку Святую и основал город Керново, названный так в честь сына Куноса — Кернуса (ч. I, с. 85—86). Впрочем, в «Началах» сказано, что Кернов основал сам Кернус, а не его отец (Начала, с. 93). Как видим, относительно небольшое пространство на берегах рек Святой и Ширвинты было колонизовано сначала Сперой, там же начал свою деятельность девялтовский князь Доспронгус, туда же двинулся и Кунос. Любопытно отметить, что, возможно, как раз этот уголок дал название литовскому народу и государству¹⁸.

Здесь летописи впервые упоминают Завилейскую землю. В данном случае это понятие больше географическое, чем политическое. Само название говорит за то, что область находилась за Вилией.

Вилия в основном течет с северо-востока на юго-запад. Следовательно, Завилейская земля должна (в зависимости от того, откуда на нее смотреть) находиться или на правом северном берегу, или на левом южном. (Из дальнейшего следует, что Завилейская земля находилась к северу от реки Вилии.) Однако не все источники говорят об этом одинаково. Выражение «на реку Вилню» свидетельствует, что колонисты достигли правого берега Вилии. Так сказано в летописях Рачинского, Ольшевской, Румянцева и Евреинской (т. XXXV, с. 146, 174, 194, 215). В то же время в летописи Красинского, хронике Быховца, «Хронике» Стрыйковского и хронике Литовской и Жмойтской сказано «за реку Велью в землю Завельскую» (т. XXXV, с. 129; т. XXXII, с. 16, 129; ч. I, с. 85). Версию «за Вилню» принимает и М. А. Ючас¹⁹, ссылаясь, однако, лишь на те источники, которые содержат эту версию. Здесь явная ошибка, поскольку все дальнейшие события разворачиваются на правом берегу, тем более что и город Керново находится на правом берегу Вилии.

Поскольку более вероятно, что составители летописи Красинского и хроники Быховца, по крайней мере в этом месте, не исправляли испорченный текст, а искажали правильный, то более вероятным кажется выражение «на Вилню», т. е. что колонисты не переправились через реку, а лишь достигли ее.

Если принять версию, что жемайтами была колонизована лишь правая сторона Вилии (где и образовалась Литва), то территория Жемайтии и Литвы к моменту выхода жемайтов на Вилню будет иметь следующий вид: на западе — Балтийское море (или бассейн р. Минии), на востоке — несколько не доходя до города Браславля, на севере — не доходя Западной Двины и на юге — Вилия — Неман. Согласно сказанию, такая территория Жемайтии — Литвы оставалась неизмен-

¹⁸ *Волкайтис-Кулишкусене Р. К.* Образование литовской народности. — Советская этнография, 1979, № 3, с. 40. Согласно этой версии, название «Литва» первоначально относилось к территории, расположенной на правом берегу Вилии, и увязывается с названием правого притока этой реки — Листавы (Листауки).

¹⁹ *Jučas M.* Lietuvos metraščiai. Vilnius, 1968, p. 60.

ной от момента основания Ердвилем Новогрудка до того времени, когда три государства (Жемайтня, Литва и Новогрудское княжество) слились, образовав громадное Великое княжество Литовское, Жемайтское и Русское Новогрудское. Следовательно, наращивание государственной территории происходило исключительно силами Новогрудского княжества, на помощь которому (не всегда) приходили силы Жемайтни и Литвы.

Согласно сказанию, силой оружия непосредственно был завоеван лишь Полоцк, но в дальнейшем (вернее, сразу после его покорения) ни Полоцк в отдельности, ни вся Полоцкая земля в качестве области, подчиненной Новогрудку, никогда не упоминаются. Эта обособленность заходит так далеко, что Полоцк не участвует ни в одной из военных акций Новогрудка. Дав краткую сводку культурной деятельности в Полоцке потомков Гинвила и отметив, что эта династия вымерла, сказание к Полоцку больше никогда не возвращается.

Во всех остальных случаях (исключая Полоцк) территория Новогрудского княжества (Великого княжества Новогрудского) увеличивалась или в результате победоносных битв, ведшихся с татарами или волынскими князьями, или путем захвата областей, население которых нисколько не сопротивлялось этому.

Из племен и народов сказание упоминает жомойть, литву и русь, на которых и сосредоточено главное внимание, а также, но крайне редко, татар, латыголу (латышей), немцев и корсь.

Граница между Литвой и Русью показана очень четко — это река Виляя (с жомойтью у руси непосредственных контактов не было). Чем, однако, различалась литва от руси? О том, что язык жомойти отличался от русского, упоминает только летопись Красинского, и притом всего один раз (в связи с названием «Жомойты»). Очевидно, для летописцев, как и полагалось в средневековье, самым существенным был вопрос не этнический, а религиозный. Русь была христианской, литва и жомойть — языческими. Переход литовца или жемайта в христианство (по православному обряду) означал превращение неофита в «русина»; так произошло, например, с князем полоцким Гинвилем (т. ХХХV, с. 130, 147, 175, 195, 216; т. ХХХII, с. 160). Однако у Стрыйковского сообщается лишь, что Гинвил первым из литовских князей стал христианином, но о «русине» не говорится (Начала, с. 183; ч. I, с. 241). «Русинами» становились Гедиминовичи и вообще знатные литовцы и жемайты, получавшие владения на Руси, где они сразу крестились. Одновременно, попадая в новую этническую среду, меняли и язык, но это находится за хронологическими пределами сказания. Если о крещении литвина и превращении его таким образом в русина летопись, хотя и редко, сообщает, то о превращении русина в литвина — никогда. Язычество во это время угасало, повсеместно распространялось христианство, а чтобы стать литовцем, видимо, нужно было отказаться от христианства в пользу язычества.

Данные сказания о том, где находилась Русь, чрезвычайно ограничены. «Русь» — это прежде всего Волинь, затем Друцкое княжество, Полесье (города Туров, Пинск, Мозырь), Киевщина, Подляшье (Берестье, Дорогичин, Мельник), а также Городно, Чернигов, Стародуб,

Карачев. Полоцк не назван Русью, а о Минске и вообще о Белоруссии восточнее линии Полоцк — Койданово — Могильно (кроме Друцка) летописи и хроники не упоминают.

Значит, из необъятной Руси сказание упоминает только отдельные районы или города, прежде всего находившиеся на Волыни. Весьма неясно представление сказания относительно этнического состава населения того княжества, которому этот источник уделяет больше всего внимания, т. е. Новогрудского.

Судя по тому, что основатель этого княжества Ердвил — Скирмонт, отправляясь на «русские земли» из Жемайтии, должен был переправиться через Вилию и Неман, можно считать, что Русь находилась непосредственно за Вилней, что согласуется и с предыдущими высказываниями того же сказания, что Литва — это область между Вилней и Двиной. Однако Новогрудское княжество, созданное южнее Вилии, восточной границей которого были Койданово — Могильно, в летописях и хронике Быховца нигде не называется Русью, как не называется Русью и Полоцкое княжество. Так, Ердвил — Скирмонт, основав Новогрудок, двинулся на юго-запад и «зарубил» города Городно, Берестье, Дорогичин и Мельник, разрушенные татарами. Однако о том, что это были русские города, источники не говорят (т. XXXV, с. 91, 129, 146, 174, 194, 215). Туров и Пинск, которые после битвы на Ясельде занял новгородский князь, тоже не называются русскими (там же). Иначе обстоит дело с восточным Полесьем и северной Украиной — это земли русские. Так, после разгрома татар под Койдановом новгородский князь «пошел на Рускую землю, и взял город Мозыр и Чернигов, Стародуб, Карачев» (т. XXXV, с. 91, 130, 148, 176, 196, 217). О том, что Новогрудок с областью были тоже «русскими», имеются в большинстве косвенные указания: волыньские князья непрерывно заявляли претензии на этот район как принадлежавший ранее русским князьям. Татарский «царь» требовал от новгородского князя дани на том основании, что русские князья прежде платили дань за Новогрудскую землю, называя при этом новгородского князя потомком русских князей (хан Балаклай потребовал, чтобы Скирмонт, князь новогрудский, «выходы его дал и баскаки его ховал по тым городом по тому, как с тых городов хоживал за предков его, князей русских»; т. XXXV, с. 91, 130, 148, 175, 196, 216—217). Вместе с тем в одном из последних сообщений о Новогрудке как о столице большого государства прямо сказано, что это был «русский» город: «И кнезечи Рынкголу не мало лет на Новогородцы и на иных городех русских» (т. XXXV, с. 148).

Сказание никогда не называет Новогрудское княжество ни литовским, ни жемайтским. Оно существует само по себе, занимая при этом положение (в политическом отношении) выше, чем Литва или Жемайтия. Князья-литовцы в Новогрудке были кем-то вроде варягов, но варягов, которые не денационализировались. В то же время эти князья в сказании никогда не называются ни литовскими, ни жемайтскими, а только новогрудскими (вернее, великими князьями новгородскими), и лишь у Стрыйковского их титулатура несколько изменяется.

Очевидно, тот же вопрос, который сейчас возникает у нас при чтении летописей, о национальном характере Новогрудского княжества,

возник в свое время и у Стрыйковского. Оценивая значение литовского и жемайтского элемента в истории Новогрудского княжества, Стрыйковский изменил свою точку зрения, что и отразилось в его «Началах» и «Кронике».

В «Началах», т. е. в своем раннем произведении, Стрыйковский изложил версию об отношениях литвы с русью, которая отличается от всех остальных. Во-первых, «Начала» отличают Литву «Понеманскую» от той, которая сидела «над Вилней и Двиной». Отсюда можно вывести заключение, что поскольку, по мысли Стрыйковского, район между Вилней и Западной Двиной был лишь недавно колонизован жемайтами, то Понеманье заселено литовцами издавна. Это, конечно, не вяжется с представлением, что Литва — область, колонизованная жемайтами. Очевидно, Понеманская Литва — это не Жемайтия, поскольку центром области была река Дубисса. Судя по позднейшим сообщениям, это и не район верхнего Немана. Более всего под «Понеманскую» подходит местность, расположенная по Неману ниже Гродно и далее, не доходя до Ковно, вернее, до Невяжи. Политическая история Понеманской и Повильской Литвы на раннем этапе была разная. «Та Литва, которая жила над Неманом в пущах, издавна прислуживала Новогрудскому княжеству», сидевшая же над Вилней и Западной Двиной жила спокойно (Начала, с. 93). Следовательно, в истории Понеманской Литвы был период, когда она «прислуживала» Новогрудку, а это должно означать, что Новогрудок не был создан жемайтским князем, а существовал много ранее.

«Начала» сообщают также о ранних столкновениях между литвой (видимо, Повильской) и Полоцком. Полоцкий князь (не сказано, какой) совместно с псковичами напал на литовцев как на язычников, взял многих из них в плен и сделал из пленников «как бы скот». В ответ Гимбут с Кернусом напали на полоцкие владения. Они пришли к Браславию, разорили всю волость, затем двинулись к Полоцку, разорили все окрестности города, взяли в плен много народа, полоцкий же князь, испугавшись, спрятался в замке (Начала, с. 93—94). Несогласия в Руси привели к тому, что Кернус постепенно освободился от зависимости русских князей (Начала, с. 154).

Далее сообщается, что у жемайтского князя Монтивила было три сына — Ердвилл, Немонос и Викинт. Двух последних отец послал воевать против Полоцка. На помощь полочанам пришел смоленский князь Мстислав Давыдович. Литовцы были разбиты, Немонос убит (Начала, с. 170—171). Начальная часть сообщения есть и в «Кронике» (ч. I, с. 233), но об убийстве Немоноса там ничего не сказано. Очевидно, сведение об этом убийстве было внесено в «Начала», чтобы объяснить непонятное исчезновение этого князя. Позже, не имея подтверждения обстоятельств смерти Немоноса в летописях, Стрыйковский исключил это место⁹⁰.

Рассказ Стрыйковского и хронки Литовской и Жмойтской о по-

⁹⁰ А. Кожлович-Вижок (1609—1677), тоже опиравшийся на летописи, писал о наличии у Монтивила трех сыновей, в том числе Немана, но, как исключение, жизнь Немана, он не сообщает (*Koźłowicz-Wiżok A. Op. cit.*, s. 2).

ходе Ердвилла на Русь, о захвате им территории к югу от Немана, а затем юго-запада Белоруссии отличается от рассказа летописей тем, что Новогрудок был создан не на пустом месте, как об этом сказано в летописях, а на городище, разоренном Батыем. Население при этом не противилось жемайтам (вернее, защищать край было некому, так как его опустошил Батый). Далее «Хроника» и хроника Литовская и Жмойтская о деятельности Ердвилла говорят то же самое, что и летописи, но в хронике Литовской и Жмойтской Ердвилл именуется Радвиллом (при первом упоминании он называется «Ердвилл або Радвилл», но далее только Радвилл) (ч. I, с. 235; т. XXXII, с. 19). Что касается «Начал», то в них есть ряд дополнительных сообщений, которые позже были Стрыйковским исключены. Так, «Начала» утверждают, что Ердвилл во время похода на юго-запад Белоруссии построил при впадении реки Меречи в Неман замок Меречь. В дополнение к городам, которые, согласно другим источникам, восстановил Ердвилл (Берестье, Дорогичин, Бранск, Мельник, Бельск), «Начала», называют Волковыск и Мстислов. В заключение в «Началах» сказано, что потомство одного из вассалов Ердвилла — Ейкша (ставшего родоначальником Довойнов) — вскоре так размножилось, что Новогрудская, Гродненская, Волковысская и Мстисловская земли оказались заполненными шляхтой из этого рода (Начала, с. 172—177).

Заняв Подляшье, Ердвилл восстановил разрушенные замки, причем население и здесь не только не оказывало ему никакого сопротивления, но выражало свое сочувствие. Расширив свои владения, Ердвилл стал титуловаться так: «Радвилл Монтивлович Жомонтской и Литовское земли дедичный пан, перший великий князь русский новгородский» (ч. I, с. 235; т. XXXII, с. 19). Следовательно, по этой версии, Ердвилл был не предводителем небольшого отряда, направленного Монтивлом с определенной целью на восток, а «дедичным» (наследственным) князем Жемайтии и Литвы. Стрыйковский не объясняет, кем в таком случае становился Монтивл, если владельцем и Литвы и Жемайтии делался его сын. Вместе с тем Стрыйковский подчеркивает, что Новогрудское княжество было русское, чего нет в летописях. Что касается тех знатных жемайтов, которые пришли с Ердвиллом и которым он раздал на Руси поветы, то они вскоре побратались и покумилась с «русью, христианами» (ч. I, с. 235; т. XXXII, с. 19).

Части «Начал» и «Хроники» Стрыйковского, в которых содержатся легендарные данные, основаны на летописях, точнее говоря на сказании, и схожи с летописями. Однако между летописями и работами Стрыйковского местами есть и значительная разница. Она особенно отчетливо проявляется при определении роли руси (вернее новогрудчан) и литвы (а также Жемайтии) в победах, одержанных новогрудскими князьями. Больше всего эта разница ощущается между летописями и «Началами» и гораздо меньше между летописями и «Хроникой», показывая тем, что в «Хронике» Стрыйковский в гораздо большей степени следовал за летописями, чем в «Началах». Вероятнее всего, в своей работе («Началах») этот автор больше фантазировал, тогда как позже стал больше следовать за своими источниками, тоже, впрочем, достаточно фантастическими.

В летописях говорится о четырех битвах новгородских князей, которые неизменно оканчивались блестящими победами: на реке Ясельде, у Койданова, на реке Окуневке и у Могильно на Немане.

По летописным данным, в битве на Ясельде с волынцами, которой руководил новгородский князь Скирмонт или Шквари, главную силу составляли новгородчане, на помощь которым пришел с литовской силой (или литовской и жемайтской) князь Куковойт (т. XXXII, с. 131; т. XXXV, с. 91, 130, 147, 175, 195, 216). В то же время в «Началах» говорится, что победу над волынцами одерживали главным образом литва и жмудь (Начала, с. 184—185). В «Кронике» же и хронике Литовской и Жмойтской, как и в летописях, сказано, что войско литовского князя Куковойта представляло лишь вспомогательную силу, решающую же роль играли новгородчане (ч. I, с. 244; т. XXXII, с. 22).

В битве у Койданова победа над татарами, согласно летописям и хронике Быховца, была одержана исключительно силами новгородчан (князем Скирмонтом); ни литва, ни жемайты в битве не участвовали (т. XXXV, с. 91, 130, 148, 176, 196, 217; т. XXXII, с. 131). По хронике Литовской и Жмойтской, Скирмунт назван князем новгородским и литовским, но пришел он к Койданову с войском «русским» (т. XXXII, с. 23). Согласно же «Началам», Скирмунт у Койданова был «с литвой и русью», причем «трнумф взяла» одна литва (Начала, с. 185). В противоречии с летописными данными «Начала» утверждают, что в результате битвы Скирмунт захватил не только Мозырь, Стародуб, Чернигов и Карачев, но и Брянск, и «Путивль» (Путивль) (Начала, с. 185). Согласно «Кронике», победу одержали совместно Скирмунт и Куковойт, т. е. Новгородок и Литва (ч. I, с. 248). Значит, в этом случае разницы между «Кроникой» и «Началами» нет.

У Могильно против коалиции русских князей и татар, по летописям и хронике Быховца, выступал только новгородский князь Рынгольт, битва окончилась сокрушительным поражением союзников (т. XXXV, с. 92, 131, 148, 176, 197, 217; т. XXXII, с. 132). В хронике Литовской и Жмойтской говорится, что Рынгольт, великий князь литовский, жемайтский и новгородский, пришел к Могильно, «зобравши литву и жомойть, также и русь свою» (т. XXXII, с. 25). Иначе изображено в «Началах»: Рынгольт выступил к Могильно с «вымуштрованным рыцарством Литвы и Жмуди»; жмудское войско шло впереди, литовское — с правой стороны, а отряды новгородчан — в центре (Начала, с. 187). Сразу после этой битвы Рынгольт двинулся против немцев, так как в то время крестоносцы направились против пруссов (Начала, с. 188). Почти то же самое, хотя и без деталей, которые так охотно добавлял Стрыйковский, говорится в «Кронике» (ч. I, с. 248).

В «Кронике», а за ней и в хронике Литовской и Жмойтской есть описание еще одной битвы с татарами, тоже окончившейся полным разгромом врага. Об этой битве ни в летописях, ни в «Началах» нет ничего. В хронике Литовской и Жмойтской это событие описано так: татарский хан Кидан, услышав, что Радивил жомойтский захватил «панства» Новгородское, Берестейское, Подляшское и другие, «аж до Мозыра», в 1263 г. послал к нему своих баскаков, требуя дани. Радивил обратился за помощью к братьям — Викинту жомойтскому и Живин-

буду литовскому, и те прислали свои отряды. К тому времени Кидан переправился через Днепр и «тамтою стороною» (очевидно, правым берегом) пришел к Мозырю. Радивил, у которого были русь, новгородчане, слонимчане, пшеичане, жемайты и литва, ударил на рассвете по татарам и одержал блестящую победу (т. XXXII, с. 20). Как видно, в этом случае на первое место выдвинуты войска «руси» и ряда городов западной Белоруссии; литовский отряд играл подсобную роль. Здесь, как и в ряде других случаев, видно плохое знание составителем летописи географии описываемой им местности. Так, в летописи написано: Кидан «притягнувши под Мозыр... положил ся над Днепром на устью Припяти» (т. XXXII, с. 20), но от Мозыря до устья Припяти больше 100 км, и поэтому «положиться» одновременно и в устье Припяти, и у Мозыря невозможно.

Все летописи и хроники, а также Стрыйковский подчеркивали, что новгородские великие князья завладели юго-западом Белоруссии, не встречая никакого сопротивления населения и даже при его одобрении. Войны же против волыньских князей и татар имели характер оборонительный. Волыньские и другие русские князья выступали против владельцев Новгородка, потому что считали Новгородское княжество своим наследственным владением, но на собственно литовские земли они не претендовали.

В соответствии с направленным экспансии из Новгородка на юго-запад сказание совершенно не упоминает об отношениях с немецкими орденами и лишь мимоходом отмечает нападение на Жемайтию «латыголь» и ответную акцию жемайтских князей.

В результате удачных войн Новгородское княжество во время правления Рынгольта, т. е. вообще в конце существования его в качестве независимой политической единицы, представляло собой огромное по тому времени государство. Северной границей его служила река Вилия, восточной — линия Койданово — Могильно; на юго-западе владения Новгородка охватывали Гродно и все Подлясье с городами Берестье, Дорогичин, Бельск, Мельник, Бранск, Сураж, а также Полесье с Пинском, Туровом и Мозырем, а на юго-востоке — Чернигов, Стародуб и Карачев. Западная граница в летописях не указана, но, согласно «Началам», она шла примерно по современной советско-польской границе. Впрочем, в «Кронике», а также в хронике Литовской и Жмойтской есть сообщение, что владения новгородского князя начинались на северо-западе у Вильно, но это, видимо, описка (вместо от «Вилии» написано «от Вильнь»), тем более что далее говорится, что сын князя Мингайло «сел на отцевской столице в Новгородку князства Руского и Литовского по Вилии реце» (ч. I, с. 249; т. XXXII, с. 21).

В политическом отношении только в одном случае, после победы у Койданова и захвата ряда земель, Скимонт посадил в Турове своего брата Писимонта, а Любарта — в Карачеве (согласно «Кронике» и хронике Литовской и Жмойтской, названные князья получили по два города, но это в данном случае не имеет значения). Оба князя пали в битве на Окуневке, и их уделы должны были вновь отойти к великому князю новгородскому. Таким образом, согласно сказанию, Новгородское княжество представляло собой государство, которое

непрерывно увеличивалось, но на уделы не дробилось (ч. I, с. 248; т. XXXII, с. 24).

Титулатура правителя страны в средневековье имела большое значение. В летописях татарский хан всегда назывался царем, правители Литвы и Жемайтии — великими князьями; точно так же и в Новогрудке всегда сидели великие князья. Уже Ёрдивил, согласно летописям, «вчынил город» и назвался великим князем новгородским (т. XXXV, с. 129, 146, 174, 194, 215). И впоследствии новгородские князья неизменно называются великими, тогда как русские — просто князьями (князь Мстислав луцкий и пинский, князь друцкий и т. д.). Естественно, что выражение «великий князь» в отношении правителей Новогрудка должно было подчеркнуть их высокое положение, равное положению князей литовских и выше русских. В дальнейшем из трех великих княжеств — Новогрудского, Литовского и Жемайтского — образовалось одно — Великое княжество Литовское, Жемайтское и Русское (Русское Новогрудское), столицей которого стало Керново, потом Старые Троки, затем Троки Новые и, наконец, Вильно. При всех этих переменах объединение происходило мирным путем.

После переноса столицы из Новогрудка летописи начинают говорить не о трех отдельных владениях — Жемайтии, Литве и Новогрудском княжестве, а об одном общем государстве. При перечислении княжеств на первое место стала всегда выноситься Литва.

События, происходившие после смерти Рынгольта, в хрониках и летописях описаны по-разному, причем в летописях, независимо от того, сказано ли там прямо, что Рынгольт умер «без плоду» или что он оставил наследником Войшелка, продолжение одинаковое: на престол великого князя был избран Свинторог, или Швинторог, сын Утенуса герба Китоврас, и он был князем в Новогрудке «и на русских городах». После смерти своего отца, Утенуса, Свинторог «значеть кнежыти на великом кнежени Литовском и Жомонтском, и Новгородском и Руском» (т. XXXV, с. 132, 149, 177, 197, 218).

С именем Свинторога — Швинторога не связано никаких примечательных событий. Свинторог — это как бы звено, связывающее перенос центра внимания летописей из Новогрудка в Вильно. Начало этому положило распоряжение Свинторога, данное его сыну Скирмунту, чтобы тот сжег труп отца там, «где река Вилня упадывает у Велю», т. е. на том месте, где позже был создан город Вильно. Затем Свинторог распорядился, чтобы там вообще сжигали «всих князей литовских и знаменитых бояръ», а далее сообщается, что «перед тым жыгали тела мертвых на том месту, хто где умереть» (т. XXXV, с. 132, 149, 177, 197, 218). Таким образом, Свинторог создавал общелитовское святилище, а вместе с тем как бы предопределил место, где впоследствии должна быть создана столица. Дав такой наказ, Свинторог умер, и с телом его поступили именно так, как он приказал, т. е. сожгли на костре, причем вместе с ним сожгли любимого коня и слугу, а также охотничьего пса, сокола и одежду (т. XXXV, с. 132, 149, 177, 197, 218). Далее следует описание религиозных воззрений и погребальных обрядов того времени.

Скирмонт оставил после себя двух сыновей — Трабуса и Колигина.

Первый из них стал княжить в Жемайтии, второй — «на земле Литовской и Руской». После смерти Колингина править стал его сын Роман, который после смерти Трабуса делается князем триединого государства — Жомонтского, Литовского и Русского (т. XXXV, с. 150). При всем том Роман выступает в летописи только в качестве отца пяти сыновей — Наримунта, Довмонта, Голшиса, Гедруса, Тройдена.

Наримунт, став великим князем, начал с того, что «вчинил» город Керново, куда и перенес свой «столец» из Новогрудка, после чего стал титуловаться великим князем литовским, новгородским и жомонтским (т. XXXV, с. 150). Это последнее упоминание о том, что Новогрудок был столичным городом. Здесь уместно вспомнить, что Керново, согласно тем же летописям, было создано уже давно (т. XXXV, с. 129, 146, 174, 194, 215).

Далее следует пояснение, откуда в Литве появился ряд населенных пунктов и почему они так названы (об этом не говорится прямо, а следует из текста летописей).

Второй сын Романа, Довмонт, «сел» в Утянах и назвался князем утянским; Гедрус «зарубил» город, назвал его Гедройти и стал титуловаться князем гедройтским; Голшис переправился через реку Вилию, нашел «гору красну» над рекой Вильней в миле от впадения ее в Вилию, где и основал город Гольшаны, но вскоре ему еще больше приглянулось место над рекой Кораблем, и он основал там другой город, куда и перенес свою столицу, сохранив, однако, титул князя гольшанского (как был назван город над рекой Кораблем, не сказано).

Все названные здесь населенные пункты существуют издавна, и все они расположены на недалеком (не более 100 км) расстоянии от Вильнюса. Утяны и Гедройти находятся к северу от Вильнюса и от Вилни. Значит, автор, который писал, что Голшису пришлось переправиться через эту реку, чтобы найти свою «гору красну», смотрел на описываемую местность, находясь на левой стороне Вилни. Гольшаны, как и Гровжишки, находятся в современной Гродненской обл. на левобережье Вилни. Что касается поселения, которое создал Гольшис над рекой Кораблем и названия которого в летописи нет, то определить его местоположение не удалось²¹.

Пространный рассказ, озаглавленный в ряде летописей «О пяти сынех Романовых», далее излагает ход междоусобной борьбы между братьями. Этот раздел кончается сообщением, что сын Тройдена Рымонт — Лаврыш герба Китоврас оказался от престола в пользу Витеня герба Колюмнов (т. XXXV, с. 151).

С приходом к власти «Колюмнов» Новогрудское княжество как отдельная политическая единица исчезает со страниц летописи; существует уже только Великое княжество Литовское, Русское и Жомонтское или Литовское, Жомонтское и Русское.

Сказание не знает дат, кроме года рождения Христа. Однако время создания Новогрудка и его огромных успехов определяется в общих

²¹ В «Географическом словаре Польского королевства и прочих славянских земель» упоминаются деревни Корабли в Вилейском у. Вилейской губ. и Корабы в б. Ошмянском у. той же губернии. В обоих случаях не указано, на каких реках они находились (Słownik geograficzny królestwa Polskiego. Warszawa, 1883, t. IV, s. 391).

чертах по событиям. Ердвил пришел в местность, где он основал Новогрудок, после нашествия Батая, т. е. ориентировочно в 1240 г. Тройден начал править в 1270 г., когда Новогрудское княжество перестало расширяться. Значит, все приобретения были сделаны между 1240 и 1270 гг.

Персонально сказание называет новогрудскими князьями тех лиц, которые в летописях не упоминаются (о Войшелке — Войшвланке вспоминают лишь «иные», да и то в туманной форме; о Миндовге, Войшелке и Шварне говорит лишь хроника Быховца). Сказанию неизвестны такие крупные города того времени, притом расположенные недалеко от Новогрудка, как Слоним и Волковыск, неизвестны также Свислочь, Кобрин и другие центры того времени.

Прежде всего о Новогрудке, находившемся в центре внимания сказания. В 1235 г. Даниил, князь галицкий, «возвел» на Мазовию «Литву Миньдовга и Изяслава новгородского»²¹. Значит, в то время в Новогрудке был свой князь, притом русский. Какие у него были взаимоотношения с Миндовгом, неясно, но похоже, что Изяслав был в какой-то зависимости от литовского князя. В течение 1252—1268 гг. Ипатьевская летопись упоминает о Новогрудке девять раз²². Почти все эти записи говорят о том, что Новогрудок был крупным политическим центром, однако совершенно очевидно, что сказание преувеличивало значение Новогрудка. Вместе с тем «смута» в Великом княжестве Литовском после ряда убийств была прекращена Войшелком с помощью сил Пинска и Новогрудка. Войшелк, став великим князем, истребил или заставил бежать противников своего отца (а значит, и самого Войшелка), опираясь на тех, с кем он пришел к власти, т. е. в первую очередь на новогрудчан. Все это, очевидно, и послужило материалом для создания легенды о Новогрудке как о центре могущественной державы.

Значение легенды

Начальные сведения по истории едва ли не всех народов представляют легенды, и едва ли не у всех исследователей, занимающихся этим периодом, возникает вопрос о целесообразности изучения подобного источника. Необходимость изучения легенды определяется хотя бы тем, что и самые фантастические сведения создавались в свое время с какой-то целью, нередко же легенда опиралась на факты, подавая их, однако, в сильно измененном виде. Все это ведет к необходимости выяснения движущих сил сказания, его подосновы.

Из предыдущего известно, что авторы легенды плохо знали географию как Литвы, так и Белоруссии. Из всей огромной территории, которой они коснулись, им известны (возможно, «в глаза») область северо-восточнее Вильнюса (древнее Девялтово), район Новогрудка и такие небольшие населенные пункты, как Койданово и Могильно. Что касается других пунктов, то о них сказано совершенно абстрактно:

²¹ ПСРЛ, т. II, стр. 776.

²² Там же, стр. 816, 818, 831, 838, 858—864.

совершался поход к такому-то городу, да и число названных городов очень невелико. Для создания новых городов основатель находил «гору красну» (красивую), на которой и строил замок. Правильно с горой соблюдалось настолько неукоснительно, что даже в той части летописи, в которой содержатся относительно реальные факты, летописец, говоря о zaloженни Старых Трок, сообщает, будто город был построен тоже на «красной горе», хотя этот замок расположен на совершенно плоской местности.

Из рек, кроме Юры, Немана, Вилни, Западной Двины, Святой и Ширвинты, авторы называют относительно небольшую — Ясельду и совсем маленькую — Окуневку. Что касается хронологии, то во всей легенде есть лишь одна дата — 5526 (в хронике Литовской и Жмойтской 5508) г. — год рождения Иисуса Христа («от сотворения мира»).

Примерно 80% легендарного текста касается Новогрудка и Новогрудского княжества (Великого княжества Новогрудского), причем деятельность новогрудских князей всегда описывается только в героическом плане. В полном согласии с этим находится указание, что правили Новогрудком, и только Новогрудком, прямые потомки Палемона; князья Литвы и Жемайтии — потомки второстепенных деятелей, вассалов Палемона.

Естественно, что при таком положении напрашивается вопрос, не была ли легенда написана в Новогрудке, ведь этот город, сильно укрепленный к тому же, не только существовал в легенде как создание князя Ердивила, но и был вполне реальным большим экономическим и политическим центром еще до появления литовцев. Весьма возможно, что именно там составлялась летопись, отражающая деятельность Миндовга и Войшелка.

Ориентировочно приняв Новогрудок как место создания легендарной части летописи, необходимо выяснить, кто из деятелей первой половины XVI в. (когда легенда оформлялась в том виде, в каком мы ее знаем сейчас) был заинтересован в ее создании.

Сообщив, что из Рима вместе с Палемоном уехало 500 семей римской «шляхты» или «рыцарства», сказание сосредоточивает все внимание на представителях четырех фамилий, потомки которых играли впоследствии видную роль в истории Литовского государства. Что же касается всех остальных «римлян», то о них легенда в дальнейшем вообще не упоминает.

Персонально сказание называет четырех человек, указывая, к какому гербу они принадлежали: первый — Довспрунк герба Китоврас (в польских источниках это Центаурис, т. е. Кентавр), второй — Прешпор герба Колюмны (Колонны), третий — Ульянус герба Урсени (Медведь) и четвертый — Гектор герба Рожии (Розы). Впрочем, в разных летописях эти лица называются несколько по-разному, да и не всегда называются все четыре. Так, в Ольшевской летописи сказано, что среди знатных беглецов были представители четырех фамилий или гербов, но упомянуты только два — Китоврасы и Колюмны, имен же нет ни одного. Это наиболее примитивный вариант. В летописи Красинского перечислены четыре герба, но вместо «Рожии»

назван герб «Оургы», а в летописи Рачинского вместо «Урсени» — «Руси». Что касается «Нача.» Стрыйковского, то там говорится не о четырех представителях разных гербов, а о пяти: Дорспрунг герба Кентавр, Проспер Цезарниус герба Колюмны, Юлиан герба Урсени и Компан герба Розы, а далее сообщается, что с ними же прибыл Гаштольд герба Гектор (Начала, с. 88—89).

Однако впоследствии и к представителям четырех родов оказывается совсем неодинаковое внимание. Члены гербов Урсени и Рожи упоминаются только один раз в качестве родоначальников знатных фамилий: от Эйкша, представителя герба Урсени, произошла фамилия Довойнов, а от Гровжа, принадлежавшего к гербу Рожи, — Монивиды (т. ХХХV, с. 129, 147, 174, 195, 215; т. ХХХII, с. 130). Зато о членах родов Китоврас и Колюмнов летописи упоминают очень часто, а так как Китоврас (Кентавр) был гербом князей Гольшанских, а Колюмны (Колонны) — гербом Гаштольдов, то реально это означало, что сказание стремилось подчеркнуть выдающееся положение в истории Великого княжества Литовского деятелей, принадлежавших к этим фамилиям, и только их. Так, литовский князь Гирус принадлежал к Китоврасам (т. ХХХV, с. 130, 146, 174, 196, 216). Князь Живибунд — это тот, «што вышол с Китаврус» (там же). «С Китаврусу» же был и сын Утенуса Свинторог, или Швинторог, возглавивший Великое княжество Литовское после объединения всех его трех частей (т. ХХХV, с. 131).

Представители Колюмнов в начальной части летописей упоминаются гораздо реже, чем Китоврасы, и притом всегда на втором месте. Впоследствии же Колюмны берут реванш — Китоврасы даже уступают им великокняжеский трон (в Евренновской летописи, хронике Быховца и хронике Литовской и Жмойтской не сказано, что Витень принадлежал к Колюмнам; т. ХХХII, с. 34, 136; т. ХХХV, с. 220). Преимущество Колюмнов перед Китоврасами какое-то время подчеркивалось и далее (после того как Витень занял великокняжеский трон). Из дальнейших сообщений следует, что Гедимины и все его потомки, включая Ягеллонов, находились в родстве с Гаштольдами.

Гаштольды в начальном периоде правления Гедимина — ближайшие помощники великого князя, выполнявшие самые ответственные поручения. Так, в летописях Археологического общества, Рачинского, Ольшевской, Румянцевской, Евренновской и хронике Быховца при описании отправки отряда для обороны от немцев Ковно отмечается, что командующим отрядом был назначен Гаштольд «з рожаю Колюмнов» (т. ХХХV, с. 95, 152, 179, 199, 220; т. ХХХII, с. 136). Далее летописи сообщают, что как только был основан город Вильно, Гедимин назначил туда «першим воеводою» того самого «Кгаштолта с Колюмнов», о котором писалось ранее (т. ХХХV, с. 96, 153, 181, 201, 222; т. ХХХII, с. 41). Однако за пределами раздела о Гедимине, при многократных упоминаниях о Гаштольдах, никогда не отмечается, что они из «рожаю Колюмнов». Следовательно, настойчивое повторение о принадлежности двух фамилий к определенным гермам свойственно почти исключительно легендарной части, причем авторы сказания придавали этому очень большое значение, тогда как составители

реальной части летописей обращали на принадлежность к гербам гораздо меньше внимания. Вместе с тем летописи ни одного из Гаштольдов не называли князем.

Раздел летописей, в котором говорится о правлении Гедимина и где упоминается «рожай» Гаштольдов — Колумнов, содержит об этом «рожай» маловероятные данные. Гедимин, который, согласно летописи, назначил Гаштольда (имя Гаштольда не названо) «першим воеводою» в Вильно, умер в 1341 г. Реально же первым виленским воеводой стал Ян Гаштольд в 1412 г., первым же виленским старостой был Андрей Гаштольд в 1387 г.³⁴ Вместе с тем возможно, что Гаштольды занимали подобный пост и ранее, но назывался он иначе.

В противоположность Гаштольдам Гольшанские всегда именуются князьями, но за пределами сказания (включая разделы, посвященные деятельности Гедимина) никогда не упоминается об их принадлежности к Китоврасам и ничем особым не отмечается участие в жизни страны.

Каким образом или чем был связан Новогрудок с Гаштольдами или с какой-либо другой знатной фамилией? С 1341 г. этим городом владел в качестве столицы удельного княжества Корнат — Михаил Гедиминич, затем его сын Федор, в конце XIV в. Корибут — Дмитрий Ольгердович. После 1394 г. Новогрудок становится великокняжеским доменом. Следовательно, непосредственно к Гаштольдам в этот период Новогрудок отношения не имеет, но ведь и легенды в то время, видимо, не существовало — она создавалась позже. Впоследствии, в особенности в первой половине XVI в., связь Гаштольдов с Новогрудком стала очень тесной. С того времени, когда в Новогрудке появились наместники, а после 1507 г. (год образования воеводства) воеводы, и до 1542 г. (в том году род Гаштольдов угас) Новогрудком правили следующие лица (те, о которых имеются известия): Монтигирдович Петраш (1431—1452), Гаштольд (Гаштольдович) Мартин (1464—1471), Монивид (Монивидович) Войтех Янович (1471—1475), Монтовтович Михаил (1483—1484), Солтан Александрович (1486—1487), Радивилович Николай (1488—1490), Пац (Пацевич) Юрий (1492—1496), Забрезинский Ян Юрьевич (1496—1498), Хрептович Ян Литавор (1498—1500), Гольшанский Семен Юрьевич (1500), Глебович Петр (1500), Гаштольд Альбрехт Мартинович (1503—1506). Гаштольд Станислав Альбрехтович получил назначение в 1522 г., но реально стал новогрудским воеводой в 1530 г. и был таковым до 1542 г.³⁵

Значит, из первых 13 наместников и воевод в Новогрудке четыре раза этот пост занимали Гаштольды, все остальные — по одному разу. Гольшанский был новогрудским воеводой очень непродолжительное время, в сущности замещая воеводу в связи с тем, что наместник Хрептович попал в 1500 г. в плен. Стоит обратить внимание и на то, что Гаштольды не только четыре раза были наместниками и воеводами в Новогрудке, но и занимали пост воеводы почти непрерывно начиная с XVI в.

³⁴ Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego księstwa Litewskiego. 1386—1795. Kraków, 1885, s. 71.

³⁵ Ibid., s. 34—37.

Однако если инициатором создания легенды в целом были Гаштольды, то в отдельных деталях легенда существовала в работах польских хронистов и до XVI в., но в краткой редакции. Здесь же разговор идет о том виде легенды, который зафиксирован в летописях, а через них в работах Стрыйковского. Поэтому наиболее вероятным инициатором создания легенды представляется Станислав Альбрехтович Гаштольд, первый муж Варвары Радзивилл, позже жены последнего Ягеллона — Сигизмунда-Августа²⁶. Он дольше всех был воеводой в Новогрудке, конечно, знал все реальное и легендарное о своих предках. Кроме того, легенда в том виде, в каком мы ее знаем теперь, была записана не позже 1542 г. (год смерти Станислава Гаштольда).

Уже отмечалось, что легенда четко разделяется на две части, в первой из которых говорится о прибытии беглецов из Рима в Жемайтию и движении их потомков на восток, в Литву, вторая же целиком посвящена Новогрудку (деятельности великих князей новогрудских). Исходя из этого допустимо предположение, что к краткому первоначальному тексту было добавлено все остальное, т. е. раздел, в котором Новогрудок представлен в качестве центра могущественного государства. Управлять городом и воеводством с таким прошлым было, естественно, весьма престижно. Располагая данными, которые есть сейчас, деление на две части имеет характер гипотезы. Однако, учитывая, что из населенных пунктов возмечивается только Новогрудок, а из деятелей — особенно Гаштольды и то обстоятельство, что как раз деятельность ряда Гаштольдов была связана с Новогрудком, выдвижение такой гипотезы правомерно. Из Гольшанских — Китоврасов, которых наряду с Гаштольдами возмечивала легенда, только один, и то самое краткое время, был новогрудским воеводой. Что касается таких второстепенных героев легенды, как Монивид, потомок Гровжа, то он был новогрудским наместником в 1471—1475 гг. Другой Монивид (Монивидович), Ивашко, в 1443 г. стал воеводой трокским, позже виленским; к Новогрудку он никакого отношения не имел. Станислав Станиславович Довойна, потомок Эйкша, был полоцким воеводой, в 1563 г. попал в плен, где и умер²⁷.

Очевидно, нет оснований считать, что кто-либо из Гаштольдов сам написал сказание. Судя по знанию отдельных местностей, первую часть ее мог написать уроженец древней Девалятвы, вторую — уроженец Новогрудка.

Из вопросов, которые затронуты (или, наоборот, не затронуты) в легенде, в данном случае важнейшими можно считать четыре: 1) преобладающий интерес к «руси», т. е. к Новогрудку; 2) отсутствие данных о борьбе с немцами; 3) отсутствие данных о борьбе с поляками; 4) безразличие к вопросам религии.

Вопрос национальный представляется простым: решающее значение в сказании придается не населению княжества (руси), а князьям, которые на всем протяжении остаются литовцами или жемайтами, но главное — прямыми потомками Палемона. Поэтому противоречия

²⁶ Ibid., s. 58—59.

²⁷ Ibid., s. 34, 46, 56.

между литовским происхождением Гаштольда и «русским» характером Новогрудского княжества нет. Из всех потомков Палемона, правивших в Белоруссии, только Гинвил, осевший в Полоцке, стал «русинком», но повесть о Полоцке стоит как-то в стороне от всего остального сказания. Вообще, до появления в Великом княжестве иезуитов религиозный вопрос там не был обострен. Как известно, сам Сигизмунд-Август относился к вопросам религии равнодушно. Равнодушные легенды, никак не осуждавшие языческие обычаи легендарных литовских князей, а затем не реагировавшие на то, что в православном Новогрудке столетия сидят князья-язычники, в какой-то мере согласуется с обстановкой в Великом княжестве в первой половине XVI в.

Непонятным остается только полное игнорирование борьбы с немцами, хотя в полуполюгендарной части летописей именно Гаштольд выступает в героическом плане в начальный период правления Гедимины (легенда ограничивается упоминанием, что в земле «латыголы» появились из-за моря немцы).

В легенде преобладают фантастические данные (прибытие из Рима 500 семей шляхты и пр.), другие же данные основаны на преданиях, но ряд сообщений отражает действительность. Возьмем Новогрудок, длительное время находящийся в центре внимания легенды. Согласно сказанию, жемайтский князь нашел «гору красну» и окрестность пустынными.

Исследования последних лет, в частности раскопки Ф. Д. Гуревич, показывают, что местность около Новогрудка была густо (по тем, конечно, временам) заселена славянским населением еще в X в. Сам Новогрудок возник в конце X в. и был обнесен валом уже тогда. Во второй половине XI в. Новогрудок — зрелый ремесленный и торговый город с одновременно крепостью с мощными оборонительными сооружениями. Мало того, Новогрудок был наводнен товарами привозными, в основном утварью и предметами роскоши. В этом смысле он является исключением, так как хотя импортные изделия встречались и в других городах, но далеко не в таком количестве и не в таком ассортименте. Особенностью Новогрудка было и то, что в нем до XII в. не обнаружено следов христианства²⁸.

Работа М. А. Ткачева показывает, что с начала XI в. до середины XIII в. «на валах древнего Новогрудка не менее пяти раз подновляли деревянные стены», а во второй половине XIII в. на смену частоколу пришли крепкие дубовые срубы — городни с двойной передней стеной. Тогда же в замке была построена первая каменная башня²⁹.

Важнейшим местом легенды является рассказ о победах, одержанных новогрудскими князьями над татарами и волыньскими князьями. Современная историография рассматривает вопрос о битвах с татарами по-разному. В. Т. Пашуто писал, что «источники не знают о вторжении татарских войск ни в Литву, ни в земли, захваченные немец-

²⁸ Гуревич Ф. Д. Детинец и окольный город древнерусского Новогрудка в свете археологических работ 1956—1977 гг. — Советская археология, 1980, № 4, с. 88—89.

²⁹ Ткачоу М. А. Замкі Беларусі. Мінск, 1977, с. 15.

кни рыцарями», ни в Белоруссию²⁰. Очевидно, это высказывание следует понимать так, что татары не дошли до Литвы во время первого похода в 1237—1240 гг., так как далее тот же автор отмечает, что в 1258—1259 гг. рать Бурундая нанесла «тяжелый удар по литовским землям с юга». Пашуто отмечает, что, согласно Новгородской I летописи, «взяша татарове всю землю Литовскую, а самех избихша». К словам «воеваша землю Литовскую» Пашуто делает примечание, что, следовательно, татары «воевали в Аукштайтни»²¹. Но это может быть только предположением.

Со ссылкой на ряд летописей (ПСРЛ, т. X, с. 142; т. XXV, с. 143; т. II, стб. 846; Новг. I, с. 82, 310) С. А. Щербаков говорит о нападениях татар в 1258—1259 гг. на западнорусские и литовские земли, не поясняя, однако, что следует понимать под названными землями, т. е. не отвечает на вопрос, были ли в те годы татарские войска на территории Белоруссии²². Кроме того, автор не обратил внимания на то, что использованные им источники изображают обстановку в указанные годы неодинаково. В Новгородской I²³ (а также в Новгородской IV²⁴, данные которой Щербаков не приводит) сказано, что татары в 1258 г. «взяша... всю землю Литовскую, а самех избихша», тогда как согласно Никоновской (ПСРЛ, т. X, с. 142 — это место автор цитирует) летописи татары, пройдя по всей Литовской земле, «со многим полоном и богатством идоша во свояси».

Даже не принимая сообщения обеих новгородских летописей буквально (так как вообще не бывало, чтобы население какой-либо страны истреблялось поголовно) и учитывая лишь массовое истребление жителей, политическая активность Литвы в последующие годы была бы необъяснимой. Поэтому гораздо более вероятными представляются данные Никоновской, т. е. что страна была разорена и масса жителей уведена в плен. Однако в какой мере татарское нападение тех лет коснулось собственно Литвы? Ведь источники того времени не дают ясного представления о территории этого государства.

Наиболее основательно вопрос о борьбе литвы с татарами изучил Р. Батура, но у него встречается ряд неясных мест. За период, которого касается этот автор (1238 г. — конец XIV в.), небольшое Литовское государство выросло в огромное Великое княжество Литовское, с включением в его состав Белоруссии, большей части Украины и ряда русских земель. При таком положении неясно, каким был территориальный состав Литовского государства в середине XIII в., т. е. в пору первых столкновений с татарами. Неясна и точка зрения автора на то, каким образом были присоединены к Литве те или иные земли, т. е. была ли это прямая военная оккупация, когда население захваченных территорий должно было относиться к завоевателям враждебно, или иная форма.

По предположению Батуры, столкновения литовцев с татарами

²⁰ Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 375.

²¹ Там же, с. 381.

²² История Белорусской ССР. Минск, 1972, т. I, с. 121.

²³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

²⁴ ПСРЛ. СПб., 1915, т. IV, ч. I, вып. I, с. 232.

происходили уже в 1238—1240, 1240—1241 и 1242 гг., при возвращении Батые (Бату) из Центральной Европы, когда отряды татар под командой Кадана (или Кайду), Бала и, может быть, других полководцев «опустошили окраины Литовского государства», однако нападение это было, видимо, отражено²⁵. Что такое «окраина», автор здесь не говорит, но далее, анализируя данные летописей за 1258 г., он утверждает, что «в опустошенной „Литве“ нужно видеть государство (1), что разорялась ее юго-восточная часть — Новогрудское княжество, а также территория севернее верхнего Немана, включая, видимо, и Гальшу (Гольшаны), а также Ятвягию»²⁶. Таким образом, Батура считает, что в данный период татары до собственно Литвы не доходили, окраина же Литвы — это западная Белоруссия. Вместе с тем из работы следует, что борьба с татарами велась исключительно силами литовцев.

Однако нападение 1258 г. кажется сомнительным. Согласно Ипатьевской летописи, нападение татар на Литву впервые произошло не в 1258 г., а в 1260 г. Идя в поход, командующий татарской армией Бурундай сказал Даниилу Романовичу: «Иду на Литву, оже если мирен, понди со мною»²⁷. На помощь Бурундаю сперва отправился Василько, Даниил же только проводил брата до Берестья, где, судя по тексту летописи, и начинались военные действия. Василько, встречая литву, избивал ее и привел Бурундаю «сайгат» (добычу), за что полководец похвалил его. Затем они вместе начали завоевывать земли Литовскую и Нальшанскую²⁸. Нальшанская земля — это современная юго-западная часть Витебской обл. Географические пункты, которые упоминаются в летописи (город Волковыск, река Зельва, города Гродно, Мельник), находятся в западной Белоруссии. Это район действия волынских сил. Значит, в 1260 г. татары повоевали лишь окраину Литвы, основные же военные действия происходили в Белоруссии и земле ятвягов.

В 1274 г. князь Лев Данилович обратился к хану Менгу-Темюрю, «прося себе помочи у него на Литву»²⁹. Хан послал не только свои войска, но также Романа брянского с сыном Олегом, Глеба смоленского и еще несколько русских князей. Поход происходил зимой. Союзная армия, к которой присоединились князья пинские и туровские, двинулась от Турова к Слуцку и далее к Новогрудку. Продвигаясь в этом направлении, армия остановилась, немного не дойдя до реки «Сырьваче», т. е. Сервачи, притока Немана. Расстояние от Сервачи до Новогрудка в направлении с юга на север — примерно 15—20 км. Если же считать, что войска стали, «не дошедше реки», то можно думать, что армия остановилась примерно в 25—30 км от Новогрудка. Для нас существенно то, что объединенные силы татар и русских, направляясь «на Литву», двигались к Новогрудку и едва ли не

²⁵ Батура Р. Борьба Литовского великого княжества против Золотой орды: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вильнюс, 1972, с. 15.

²⁶ Там же, с. 16.

²⁷ ПСРЛ, т. 11, стб. 846.

²⁸ Там же, стб. 846—847.

²⁹ Там же, стб. 871—872.

Новогрудок и был главной целью похода; во всяком случае, не взяв этого города, коалиция распалась. Причиной распада называется то обстоятельство, что окольный город Новогрудка, а вместе с тем добыча были взяты силами татар и Льва, остальные князья отсутствовали, т. е. не участвовали в разграблении города, чем и были очень недовольны («гневахуся вси князи на Льва») ⁴⁰; результатом был распад союза и прекращение похода.

В 1277 г. Ногай потребовал у галицко-волинских князей Льва, Мстислава и Владимира помощи против Литвы. Целью похода было опять взятие Новогрудка. Армия выступила зимой, но, придя к Берестью, русские князья узнали, что татары опередили их. Тогда, решив, что татары захватили уже всю добычу у Новогрудка (опять у Новогрудка), волинские князья повернули к Гродно. Беспечно уснувшее войско подверглось нападению прусов и бортов, было разбито, и князь Мстислав спасся «наг и бос» ⁴¹.

Неудачный поход к Новогрудку в 1274 г. и поражение волинских сил в 1277 г. вполне могли стать основой для версии о разгроме татаро-волинских сил с переносом места битвы на Неман у Могильно.

Новогрудок в середине XIII в. был самым крупным экономическим и культурным центром как западной Белоруссии, так и Литвы и Жемайтии, т. е. того района, который, согласно сказанию, после смерти Рынгольта объединился в одно государство — Великое княжество Литовское, Жемайтское и Русское Новогрудское. Вместе с тем Новогрудок был и самой мощной крепостью этого района и, должно быть, самым богатым городом, захват которого сулил большую добычу. Естественно, что при таком положении Новогрудок должен был стать центром, к которому в первую очередь стремились вражеские армии, а в то же время около него должны были собираться силы как Западной Белоруссии, так и Литвы.

По народному преданию, существовавшему у жителей Койданова еще в середине XIX в. (сейчас Дзержинска), татарская армия, которой командовал Койдан, была разбита около их города, называвшегося в то время Крутогорьем. В память об этой победе город и был переименован на Койданово ⁴². Сказание во всех шести летописях, содержащих легенду, не знает, однако, Койдана; по их версии, поход на Новогрудок был организован ханом Заволжской орды Балаклаем или Булаклаем; в битве у Койданова этот хан был убит (т. XXXV, с. 91, 130, 148, 175, 196, 216). О Койдане упоминают как Ипатьевская, так и старейшие белорусско-литовские — Супрасльская, Никифоровская и Слуцкая — летописи, называющие его при перечислении самых видных татарских полководцев, но все они не ставят его в связь с битвой у Койданова (т. XXXV, с. 26, 44, 84). Хроника Литовская и Жмойтская знает Койдана, называя его внуком Батыя и крупнейшим татарским полководцем, который «окрутно сплендровал» земли «Польскую, Куявскую, Шлюонскую», а также «панства Муравское и Венгер-

⁴⁰ Там же, стб. 872.

⁴¹ Там же, стб. 876—877.

⁴² Шпилевский П. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. СПб., 1854, с. 79.

ское» (т. XXXII, с. 26); что же касается битвы у Койданова, то и этот источник утверждает, что там татарами командовал Балаклай (т. XXXII, с. 23—24).

Русским летописям неизвестна и битва на реке Окуневке, в которой действовал, с одной стороны, «з многими ратми татарскими ... цар заволгский Курдас», а с другой — новгородский князь Скиргайло или Тройнат — Тронята в союзе со своими братьями Любартом карачевским и Писимонтом туровским, а также с Семеном Михайловичем друцким, Давыдом Мстиславичем луцким и Святославом киевским. Татарская армия и на этот раз была разбита. Согласно хронике Литовской и Жмойтской, «Тройната Скирмонтович новгородский, подляский и Литвы Повилской князь» привел с собой «рицество» «новгородское, подляское, литовское, стародубское, чернеговское и туровское» (т. XXXII, с. 24—25, 132; т. XXXV, с. 92, 131, 148, 176, 196, 217). Это единственный случай, описанный в белорусско-литовских летописях и хрониках, когда против татар выступают совместные силы новгородские и литовские в союзе с князьями волыньскими, друцким и киевским. Отрицать возможность битвы именно на Окуневке едва ли стоит, но, вероятнее всего, битва там произошла значительно позже и едва ли в ней участвовали все антиатарские силы, которые указаны в наших источниках.

В заключение можно сказать, что походы татар на Белоруссию и Литву в XIII в. направлялись в первую очередь к Новогрудку, что и отразилось в летописании. Данные, которыми мы располагаем, дают основание утверждать, что татары (или татары совместно с галицко-волыньскими силами) едва ли достигали когда-либо даже Нальшанской земли и никогда не доходили до собственно Литвы. Походы татар отдельно или вместе с союзниками разоряли край (почти исключительно Белоруссию), но они не сопровождалась крупными военными успехами, что дало основание летописцам изобразить битвы с татарами как победы своей стороны. В то же время не исключена возможность и поражения татарского отряда у Койданова, а также на Окуневке.

Учитывая важнейшее значение Новогрудка, необходимо попытаться уяснить положение этого города и княжества: какими были его отношения с Литвой и Волынью, насколько, наконец, реально отражало обстановку сказание?

Данные, содержащиеся по этому вопросу в Ипатьевской летописи, неясны, местами противоречивы, что, вероятнее всего, отражает неустойчивость положения Новогрудка в начале второй половины XIII в. В хронологическом порядке летопись сообщает следующее. В 1255 г. Даниил Романович пошел «на войну на Литву на Новгородок»⁴⁹. Это сообщение состоит из одной фразы, вставленной в рассказ о борьбе волыньских князей с татарами за Подолию, и поэтому представляется вставкой в основной текст. Но значит ли это, что Даниил пошел и на Литву и на Новогрудок, т. е. были ли Литва и Новогрудок отдельными политическими единицами или Новогрудок был частью (в подчинении) Литвы?

⁴⁹ ПСРЛ, т. II, стр. 828—829.

В самом конце записей за 1255 г. сообщается, что Войшелк, заключив мир с Даниилом, выдал сестру замуж за Шварна, отдал ему Новогрудское княжество, а сам стал монахом⁴⁴. Выше отмечалось, что это вставка, отражающая более позднюю обстановку, и что, следовательно, судить о положении Новогрудка в том году на основании отмеченных записей невозможно, говоря точнее, содержание вставки сомнительно.

В 1256 г. Даниил Романович отправился в поход против ятвягов и потребовал, чтобы Роман, который в то время был новогрудским князем, присоединился к нему. «И приде к нему Роман со всеми новгородци и со тцем своим Глебом и со Изяславом со вислочьскимъ»⁴⁵. Роману Даниловичу в то время были переданы, кроме Новогрудка, Слоним, Волковыск и еще что-то. Тот факт, что с ним пришел Изяслав свислочьский, может свидетельствовать о зависимости Изяслава от князя новогрудского⁴⁶. Эти данные говорят о том, что, во-первых, власть новогрудского князя действительно, как говорится в сказании, распространялась далеко на юго-запад, но о зависимости Новогрудка от Волыни легенда не говорит нигде, во-вторых, в зависимости от литовского князя (Миндовга) Новогрудок не был, и поэтому можно предположить, что поход 1255 г. был направлен на Новогрудок и Литву как на отдельные объекты.

Несколько по-иному рисуется обстановка в 1257 г., когда Миндовг обещал Даниилу, собиравшемуся в поход к Возяглю, прислать «Романа и новгородце»⁴⁷. В 1258 г. Даниил пошел походом к Возяглю, «ждя вести от Романа и Литвы»⁴⁸. Здесь Новогрудок (князь Роман) и Литва — понятия разные, разным было и их участие в походе, вернее, их поведение после окончания похода: «Роман еха по отци, поемь со собою мало людин, а прочии пусти домовъ», литовцы же занялись грабежом⁴⁹.

Граница между Новогрудским княжеством и Литвой в то время определялась очень четко — это Неман. В 1262 г. Войшелк основал Лаврышевский монастырь «на реце на Немне межи Литвою и Новымъ-городком»⁵⁰. Лаврышево находится на левом берегу Немана недалеко от Новогрудка. В 1268 г. Шварн, в то время князь новогрудский, объяснял полякам, что войну с ними вел не он, а Литва⁵¹. В 1263 г. Войшелк с жителями Пинска прибыл в Новогрудок и оттуда, взяв с собой новогрудчан, двинулся в Литву⁵². Войшелк установил свою власть в Литве, опираясь на силы Новогрудка и Пинска.

⁴⁴ Там же, стб. 830—831.

⁴⁵ Там же, стб. 831.

⁴⁶ Свислочь — городок, расположенный на реке Свислочи к юго-западу от Волковыска; есть и другая река Свислочь, приток Березины, и при ее устье тоже есть городок Свислочь.

⁴⁷ Там же, стб. 838.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, стб. 839.

⁵⁰ Там же, стб. 859.

⁵¹ Там же, стб. 864.

⁵² Там же, стб. 861.

Сказание, утверждая, что Новогрудку подчинялось все Белорусское Полесье, Подлясье и часть Украины, преувеличивало его значение, но политическая значимость Новогрудка в то время была очень велика.

Легендарная часть летописей в литературе

Выше отмечалось, что до выхода в свет хроники Быховца в 1846 г. читатели были уверены, что легенду сочинил М. Стрыйковский, но уже В. Н. Татищев отметил, что сообщения о прибытии предков литовской знати имеются в трудах Кадлубека, Длугоша и Меховского.

Говоря об исходном положении легенды, т. е. о переезде «римлян» из Италии в Литву морем, Татищев пишет, что «Стрыйковский, или прежде всего Кадлубек, не токмо из Прусов, но из Италии их немалым, чаю, трудом на кораблях перевезли». И далее: «Прежде его (т. е. Стрыйковского.— Н. У.) Длугош и Меховий, от Дизбурка взяв, якобы Палемон или Публнус Либанов римлянин, пришед, в Прусах поселились, есть явная басня»²². В самом общем виде содержание легенды изложено Татищевым²³.

Несколько раз к сказанию (в изложении Стрыйковского) обращался Н. М. Карамзин. По его мнению, Стрыйковский написал историю Литвы, «выбрав оную из летописей польских, отчасти из наших, литовских, прусских, из песен и сказок. Минимые древние известия о происхождении великого герцогства (!) Литовского баснословны и явно основаны на догадках... История Палемонава,— продолжает он,— есть сказка, основанная единственно на сходстве некоторых слов языка литовского с латинским»²⁴. В другом месте Карамзин в самой краткой форме излагает основные положения легенды, отмечая, что обстановка в Литве в XIII в. была неясной и эта неясность «еще более затмилась от пустых догадок историка Стрыйковского. Он рассказывает, что во времена нашествия Батыева господствовал в Литве Зивибунт, зять и наследник Керна, внука Палемона» и т. д.²⁵

Сообщения о переезде морем 500 семей из Италии в Литву, а затем о смене десятка поколений в течение тысячи лет, конечно, настолько фантастичны, что иначе как «басней» уже в XVIII в. назвать их было невозможно. Однако, уяснив это, названные авторы не пошли дальше, т. е. не сделали попытки хотя бы предположить, с какой целью и кем была создана легенда.

Весьма иронически отнесся к легенде польский историк И. Лелевель, знакомый с ней по хронике Стрыйковского (как и многие другие, не знавшие летописей, Лелевель считал, что все это выдумки Стрыйковского). О приезде «римлян» морем из Италии в Литву Лелевель даже не упоминает. Очевидно, переезд морем как часть самая фантастическая вообще не требовала опровержения, и он только ука-

²² Татищев В. Н. История российская. М.: Л., 1962, т. I, с. 290.

²³ Там же. М.: Л., 1964, т. III, с. 268.

²⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1842, кн. I, т. I—IV, примеч. к т. II, гл. II, № 35, с. 17.

²⁵ Там же, примеч. к т. IV, гл. II, № 103, с. 38.

зал, что смена четырех-пяти поколений за срок более чем в тысячу лет произойти не могла⁸⁷.

Исследователем, впервые ознакомившимся со сказанием не в передаче Стрыйковского, а непосредственно по летописям, когда была найдена хроника Быховца, является Нарбут. Он был уверен в достоверности сказания. Однако некоторые места сказания показались ему сомнительными, и он постарался как бы «исправить» их. Полностью принимая версию о прибытии в Литву Палемона во главе 500 рыцарей с их семьями, Нарбут считал, что Палемон привел не римлян, а потомков тех герулов, которые раньше жили в Нижней Саксонии и потом двинулись на северо-восток, но в IX в. осели среди славян на левом берегу Вислы. Таким образом, Нарбут относит прибытие Палемона в Литву не к I в. и не к началу V в., а к IX в.⁸⁸ Кроме того, Нарбут отвергает версию, будто название «Литва» происходит от соединения слов «Литус» и «Туба»⁸⁹. По его мнению, версия о том, что князь Скирмунт приказал отрезать татарским послам носы, губы и уши, неправильна⁹⁰. Он отрицает наличие татар — союзников русских князей в битве у Могильно, так как, по его расчетам, битва произошла в 1235 г., когда татар на Руси еще не было. Нарбут предполагает, что там были не татары, а половцы⁹¹.

По сказанию, Палемон прибыл в страну пустынную, Нарбут же утверждает, что литовский народ жил на этой территории и до прибытия Палемона, притом жил не только на правом берегу Вилни, но и на левом (впрочем, в этом вопросе у него нет полной ясности, так как тут же им сказано, что на левом берегу той же реки жили «русинь») ⁹². В соответствии с положением, что Литва была заселена до прихода Палемона, Нарбут построил свою схему о том, как (частично) приобрели в Литве и Жемайтине целые княжества сыновья Палемона, женившись на дочерях местных крупных владельцев⁹³.

Не согласен Нарбут и с тем, что Новогрудок был основан Ердвиллом — Скирмунтом на пустом месте. По его мнению, Новогрудок существовал задолго до появления там упомянутых князей. Начальная история Новогрудка излагается им так. Минский князь Глеб напал на Завилейскую Литву, доходя до реки Дитвы, в ответ на что литовский князь Живинбуд совершил налет на Минское княжество, причем сжег самый Минск. Далее события переносятся в Друцк, который в те времена был «главным центром торговцев невольниками». Князь Ярополк Владимирович при участии Живинбуда напал на Друцк, разгромил дручан, но не истребил их, а приказал перейти на новое место и там построить город. Этим городом и был

⁸⁷ *Lelewel J. Dzieje Litwy i Rusi aż do unii z Polską w Lublinie 1569 zawartej. Poznań, 1844.* Мы пользовались этой работой в издании 1863 г. (*Lelewel J. Polska, dzieje i rzecz jej. Poznań, 1863, t. V, s. 4—8*).

⁸⁸ *Narbutt T. Dzieje starożytne narodu litewskiego. Wilno, 1838, t. III, s. 571.*

⁸⁹ *Ibid., s. 230.*

⁹⁰ *Ibid. Wilno, 1838, t. IV, s. 118.*

⁹¹ *Ibid., s. 75.*

⁹² *Ibid., t. III, s. 218, 221.*

⁹³ *Ibid., s. 216.*

Новгородок — Новоградук. Произошло это в 1116 г.⁶⁴ Позже, после захвата Новгородка литовскими князьями, Мингайло завоевал и Полоцк, образовав княжество Литовское — Полоцкое⁶⁵.

В общем, разных замечаний относительно данных, имеющих в хронике, у Нарбута немало, но это только поправки к хронике. Что же касается общего хода событий, изложенных в сказании, то он не вызывал у Нарбута сомнений. Весьма показательно в этом плане его отношение к работе Стрыйковского. Поскольку хроника Быховца, которой он доверял почти безоговорочно, местами дословно совпадает с хроникой Стрыйковского, то он считал нужным выступить в защиту Стрыйковского от нападок разных лиц, ставивших под сомнение ряд фактов, содержащихся в хронике. Защищая репутацию Стрыйковского Нарбут указывал, что тот использовал для своей работы огромный круг источников, находившихся в собраниях Острожских, Радзивиллов, Пацов, Тышкевичей, Дорогостайских, Пронских, Полубинских и других магнатов⁶⁶.

И. Ярошевич издал вторую сводную работу по истории Литвы — свой трехтомник⁶⁷ — после выхода всех девяти томов работы Нарбута⁶⁸. Поэтому Ярошевич мог использовать не только Супрасльскую летопись (которую Ярошевич, как и Нарбут, называл летописью Даниловича) и хронику Стрыйковского, но и хронику Быховца (те места, которые имелись в «Истории» Нарбута, в частности разделы, где Нарбут говорил о религии древних литовцев). Поэтому и раздел, посвященный религии, Ярошевич написал, в основном следуя за Нарбутом («кто же не пользовался бы такими богатыми материалами, которые при образцовом увлечении и неутомимой работе уважаемый автор собрал в своих трудах», — замечает Ярошевич)⁶⁹.

Однако, высказав в столь лестных выражениях свое уважение к предшественнику, Ярошевич очень осторожно отнесся к тем сведениям, которые находятся в сказании и которые Нарбут принимал. Так, о Палемоне, его сыновьях и внуках у Ярошевича нет ничего. Очевидно, приезд их из Италии он тоже считал «сушей басней». Победоносные битвы с татарами Ярошевич признает, но, по его соображениям, эти битвы проводил Миндовг и не в тех местах, которые указаны в летописях (и у Стрыйковского)⁷⁰. Совсем скептически отнесся Ярошевич к изображению польскими хронистами (Кадлубеком, Длугошем, Меховским и Стрыйковским) литовцев как народа настолько примитивного, что он платил русским дань березовыми вениками⁷¹.

Своеобразно интерпретировал данные летописей Я. Якубовский⁷².

⁶⁴ Ibid., s. 272—273.

⁶⁵ Ibid., s. 307—308.

⁶⁶ Ibid., s. 234.

⁶⁷ *Jaraszewicz J. Obraz Litwy pod względem jej cywilizacji od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII*. Wilno, 1844—1845. T. I—III.

⁶⁸ *Narbutt T. Op. cit.* Wilno, 1835—1841. T. I—IX.

⁶⁹ *Jaraszewicz J. Obraz Litwy...*, t. I, s. 111.

⁷⁰ Ibid., s. 39.

⁷¹ Ibid., s. 66—67.

⁷² *Jakubowski J. Studya nad stosunkami narodowościowymi na Litwie przed Unią Lubelską*. Warszawa, 1912.

Он рассматривал историю летописания в связи с развитием культуры в Великом княжестве, в частности с развитием образования в среде верхушки литовских феодалов. Согласно его схеме, молодые литовцы, изучившие в университетах (прежде всего в Краковском) латынь, пришли к убеждению, что литовский язык имеет много общего с латинским, и постарались объяснить, как это получилось. По предположению Якубовского, в результате возникла легенда, причем основным действующим лицом ее был один из Гаштольдов (поскольку роль Гаштольдов в истории Литвы по сказанию подчеркивается сильнее всего⁷³). Велико, по мнению Якубовского, значение в распространении версии о римском происхождении литовской шляхты «Истории» Яна Длугоша, который первоначально принял сообщение о приезде римской знати в Литву как неясное предположение и которое он позже принял как нечто действительное⁷⁴. В ход рассуждений Якубовского путаница вносится из-за того, что он верил в существование Рауданской хроники, откуда Нарбут будто бы заимствовал ряд важных данных⁷⁵. Правда, Якубовский высказал недоумение по поводу того, где же все-таки находится (или находилась) хроника, которая в изложении Нарбута исчезает неизвестно куда. Лишь Ходыницкий много лет спустя доказал, что подобной хроники не существовало и что все это выдумка Нарбута⁷⁶.

Выход в свет в 1966 г. русского перевода хроники Быховца⁷⁷ вызвал большой интерес к этому памятнику. В рецензиях и статьях разных авторов был поднят ряд вопросов, связанных с авторством и временем создания хроники. Б. Н. Флоря весьма определенно, хотя и в осторожной форме, высказался за то, что основная часть хроники, в том числе легендарная часть, была создана по инициативе Гаштольда⁷⁸. Дважды обращался к легендарной части летописей В. А. Чемерицкий. В первой работе он с большой полнотой изложил взгляды Длугоша о происхождении литовцев от римлян⁷⁹. Вторично Чемерицкий обратился к легенде, излагая историю белорусско-литовского летописания. С его точки зрения, основная идея легенды заключается в желании доказать превосходство Литвы над Русью⁸⁰. Выдвижение на первый план Новогрудского княжества, т. е. Руси, не подтверждает этого тезиса.

⁷³ Ibid., s. 34.

⁷⁴ Ibid., s. 33.

⁷⁵ Ibid., s. 38—39 i inne.

⁷⁶ Chodynicki K. Ze studiów nad dziejopisarstwem rusko-litewskim.— In: Ateneum Wileńskie. Wilno, 1926, zesz. 10/11, s. 387—401.

⁷⁷ Хроника Быховца, М., 1966.

⁷⁸ Флоря Б. Н. О «Летописце Быховца». — В кн.: Источники и историография славянского средневековья. М., 1967, с. 135—144. О легендарной части на с. 144.

⁷⁹ Чамярыцкі В. А. Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Мінск, 1969, с. 144—148.

⁸⁰ История белорусской доктябрьской литературы. Минск, 1977, с. 64.

ГОРОДСКИЕ ХРОНИКИ И ЛЕТОПИСИ

Особый вид белорусского летописания представляют собой городские хроники и летописи, составителями которых были жители городов, преимущественно мещане. Известные в настоящее время хроники появились в первой половине XVII в., последняя же отметка сделана в 1867 г. (в Могилевской хронике).

Из ряда городов Белоруссии, часть которых известна с IX—XII вв. (Полоцк, Витебск, Брест, Туров, Минск, Гродно и др.), в XVI в. начал выделяться стремительным ростом «молодой» Могилев, данные о котором, да и то весьма малодостоверные, имеются лишь с 1267 г. К началу XVII в. Могилев, опередив все остальные города Белоруссии, вышел на первое место и стал вторым по величине городом в Великом княжестве Литовском. Видимо, это обстоятельство вызвало у жителей Могилева желание увековечить историю своего города, что и было сделано. Созданию хроник и летописей благоприятствовало наличие высокообразованных для своего времени людей, хорошо знавших архивы города и владевших рядом языков.

Наиболее пространной и содержательной из всех городских хроник и летописей Белоруссии является хроника Могилева, составленная Т. Р. Суртой и рядом членов семьи Трубницких.

Могилевская хроника Т. Р. Сурты и Трубницких

Родоначальником могилевского летописания является Трофим Романович Сурта, продолжали его дело четыре поколения Трубницких. Ряд сообщений с 80-х годов XVIII в. до 1810 г. написан еще кем-то, чьи фамилии неизвестны.

Сколько-нибудь определенных данных о начальном периоде существования Могилева нет. Известно лишь, что в конце XV в. Могилев был небольшим поселением, но уже в 1561 г. Могилев получил малое магдебургское право, в 1577 г. большое¹, а это означало, что город достиг высокого уровня развития. По инвентарю 1577 г., в Могилеве значился 1261 дом², а в 1604 г. домов было уже 2211³. Темпы

¹ *Wysłouch S.* Uwagi o przyczynach rozwoju Mohylowa w XVI—XVII wieku.— In: *Wiadomości. Studium historii prawa litewskiego.* Wilno, 1938, t. 1, s. 331.

² *Беларускі архіў.* Менск, 1927, т. 1, с. 32—34.

³ *Wysłouch S.* Op. cit., s. 332; *Копыцкий Э. Ю.* Экономическое развитие городов Белоруссии (XVI—XVII вв.). Минск, 1966, с. 31.

роста числа домов, даже и не для того времени, очень высокие. По мнению З. Ю. Копысского, в 1604 г. только плательщиков в городе было более 10 тыс. Общее же число жителей было значительно больше ⁴.

Чтобы определить число жителей, нужно знать, сколько (в среднем) находилось человек в доме.

По данным Губернского статистического комитета, в Могилеве в 1836 г. было 2014 домов и в них жило 17 166 человек ⁵. Значит, к тому времени Могилев вновь стал таким же по размерам, каким он был в начале XVII в., причем на дом приходилось в среднем по 8 человек. Эту цифру и следует использовать при определении числа жителей города на все указанные годы. Тогда окажется, что в 1577 г. в Могилеве жило около 10 тыс. человек, в 1604 г. — около 17 тыс. человек. За все остальное время XVII в. мы не располагаем полным описанием города, т. е. указанием числа его домов. Однако имеются свидетельства современников — А. Мейерберга и П. А. Толстого.

А. Мейерберг, возвращаясь в 1662 г. из Москвы, проезжал через Могилев. Он записал, что «в 1654 г. в Могилеве считалось до 8 тыс. домов» ⁶. Поскольку цифра дается на год, когда городом овладели русские, то можно думать, что Мейерберг пользовался какими-то данными, собранными русскими властями вскоре после занятия Могилева. Следовательно, если принять и для середины XVII в. число жителей на дом в 8 человек, то окажется, что к тому времени в Могилеве жило около 60 тыс. человек. Город по тому времени громадный ⁷.

В самом конце XVII в. Могилев посетил П. А. Толстой, отправленный Петром I за границу. Описание Толстого намного полнее описания Мейерберга. «Город Могилев, — сообщал Толстой, — велик, и около города посады великие, много в посадах садов. Тот город Могилев много больше Смоленска... На посаде мещанских богатых домов zelo много строения каменного, многие дома деревянные хорошего строения». Улицы в городе вымощены камнем, много торговых рядов, лавки каменные. Толстой отмечает, что население в основном православное, католиков очень мало, но много евреев. Что касается общего количества домов, а следовательно, и жителей, то Толстой приводит цифру, очевидно значительно преувеличенную: 20 тыс. домов христианских и 10 тыс. еврейских ⁸, а всего 30 тыс. Это явное и очень большое преувеличение. Не пытаюсь определить число жителей «на глаз», признаю, что город по тем временам был очень большой.

О размерах Могилева в начале XVIII в. говорит количество продуктов, а также разных товаров и денег, которые поставили его жи-

⁴ Копысский З. Ю. Указ. соч., с. 31.

⁵ Рукописный отдел Библиотеки Академии наук Литовской ССР, Ф. 19. 323, с. 892—893.

⁶ Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Мейерберга.— ЧОИДР, 1874, кн. 1, с. 204.

⁷ Насколько велика была эта цифра по сравнению с числом домов в Москве, говорит то, что в середине XVII в. в Москве числилось «около 37 тыс. дворов», а в 1701 г.— 16 357, но без военных и ямских слобод (История Москвы, М., 1953, т. 2, с. 55—56).

⁸ Толстой П. А. Путешествие стольника П. А. Толстого, 1697—1699.— Русский архив, 1888, кн. 1, с. 175.

тели в 1700—1708 гг. воюющим сторонам⁹. В результате военных тягот и пожара Могилев пришел в полный упадок, и в 1745 г. в нем числился только 1301 дом¹⁰.

Быстрому росту Могилева в XVI—XVII вв. способствовало его положение на большой дороге из Русского государства в Белоруссию, вернее в Речь Посполитую и далее на запад, в связи с чем он стал важнейшим центром транзитной торговли. Для экономики Могилева особенно большое значение имела торговля мехами, получаемыми из России¹¹.

Очень сильно было развито в городе также ремесло, на что указывает число цехов и их рост. К середине XVII в. количество цехов увеличилось по сравнению с началом столетия с 7 до 21, в среднем в цехе числилось по 60—70 мастеров, в некоторых же их было до 150¹². Широкие торговые связи, в частности поездки в Польшу, Литву, Германию, требовали, чтобы купцы знали языки этих стран и интересовались их политическим, социальным и экономическим строем. В общем, купцы такого рода должны были стать не только оборотистыми дельцами, но и достаточно культурными людьми.

Будучи крупным экономическим центром, в котором имелось много богатых купцов и ремесленников, Могилев и в культурном отношении занимал видное положение. Учитывая широкие контакты Могилева с разными городами как Речи Посполитой, так и других стран, можно предположить, что могилевская молодежь получала образование не только в родном городе, но и за его пределами.

С 1616 по 1773 г. (с перерывами) в Могилеве и около него действовали братская типография Кутеннского монастыря и частная Спиридона Соболя. В городе трудились свои художники и архитекторы, при магистрате и в церквях имелись архивы. В XVII—XVIII вв. в Могилеве давались музыкально-театральные представления¹³. Некоторые богатые купцы обладали собраниями книг¹⁴.

Белорусское Поднепровье и Посожье (города Могилев, Мстиславль, Кричев, Чериков, Пропойск и др.), находясь на крайнем востоке Белоруссии, меньше всего поддавались полонизации и окатоличиванию, и в градских книгах Могилевского магистрата польский язык возобладал лишь к 1712 г.¹⁵

В общем, Могилев в XVII в. достиг такого уровня развития, что у его жителей появилась необходимость создать историю своего города, а наличие культурных сил позволило это сделать.

⁹ ПСРЛ, т. XXXV, с. 261—263.

¹⁰ Инвентарь Могилева на 1745 г. Подсчет произведен нами. См.: ИЮМ. Витебск, 1903, т. XXX, с. 160—321.

¹¹ Русско-белорусские связи: Сб. документов (1570—1667). Минск, 1963, с. 219—221, 235—237, 324—325, 415 и др.

¹² *Гісторыя Беларускай ССР*. Минск, 1972, т. 1, с. 205.

¹³ *Голенченко Г. Я.* История белорусского книгопечатания: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1965, с. 14—15.

¹⁴ *Улащик Н. Н.* Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973, с. 186; *Гісторыя Беларускай ССР*, т. 1, с. 442.

¹⁵ ИЮМ. Витебск, 1871, т. 1.

В настоящее время известны два списка Могилевской хроники — полный и сокращенный.

Полный список хранится в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (Польск. Ф. IV. 273). Он составляет основную часть рукописного сборника, содержащего, кроме хроники, разные материалы по истории Польши, Дании и Швеции. Рукопись в лист, всех листов 215, пронумерованных 210. Бумага и почерки в разных местах разные, что в большой мере отражает историю создания хроники; написана она на трех видах бумаги.

Основная, и притом старейшая, часть рукописи написана на бумаге плотной, сероватого оттенка — л. 1, 2, 19—91 и 123—210. На водяных знаках л. 64 и многих других изображена богоматерь с младенцем; подобных знаков у Лауцявичюса¹⁴ много, но они гораздо грубее; ближе всего № 2341—1727 г. На водяных знаках л. 37 и других изображены кавалер и дама в костюмах XVIII в.; подобные, но гораздо более грубые изображения приведены у Лауцявичюса под № 44—1737—1740 гг. На л. 24, 78, 123, 206 и других — водяной знак рожок и над ним высокий конический головной убор; у Лауцявичюса подобный знак приведен под № 3083—1750—1755 гг. На л. 131, 140, 148 — в рамке литеры GG; у Лауцявичюса такой знак приведен под № 3872—1753 г.

На водяных знаках л. 92—122 изображен герб Ярославля и литеры ЯМЗ; у Клепикова¹⁵ такой знак приведен под № 1070—1756 г.

Листы 3—18 написаны на плотной, почти желтой бумаге, на них литеры ВФ; Клепиков¹⁶ приводит их под № 147—1821—1839 г.

На нумерованном чистом листе в начале рукописи водяной знак «Pro patria»; у Лауцявичюса подобный знак приведен под № 2867—1764 г.

Следовательно, в целом основная часть рукописи написана на бумаге, изготовленной в Речи Посполитой в первой половине XVIII в.; вторая часть — на бумаге, изготовленной в Ярославле; наконец, третья часть сделана в 30-е годы XIX в.

На нумерованном первом листе, на котором находится запись Михаила Трубницкого, как и на следующем чистом, — штампель, изображающий круг с короной наверху и литерами ИБ внутри. То же на чистых листах 50 и 108.

Нумерация рукописи сложная. Сплошная нумерация листов сделана карандашом на нижнем поле; на нее и даются все ссылки. Кроме того, сохранилась часть более ранней нумерации чернилами. Она находится в правом верхнем углу, но так как верхняя часть многих листов истлела, то местами эта нумерация не сохранилась.

¹⁴ *Laucianičius E. Popertus Lietuvoje XV—XVIII amž. Vilnius. 1967.*

¹⁵ *Клепиков С. А. Филигрны на бумаге русского производства XVIII—XIX вв. М., 1978.*

¹⁶ *Клепиков С. А. Филигрны и штампеля на бумаге русского производства XVII—XX вв. М., 1959.*

В ряде случаев как первоначальная, так и позднейшая нумерация изменялась. Так, на нижнем поле л. 10 над «10» чернилами написано «206», на л. 16—211, причем и эти цифры исправлены из «210»; в правом верхнем углу «20» исправлено на «22». Исправления часто сделаны не теми чернилами, какими написан текст, а более яркими черными, причем и здесь имеется путаница. Так, после «47» следует «46», цифрами «53» отмечены два листа, но за ними следует «57» и т. д. На л. 163, на котором заканчивается текст Ю. Трубинского, первоначальная нумерация оканчивается.

Рукопись написана в основном двумя почерками, и лишь небольшая часть — третьим почерком, авторство которого не установлено.

На л. 1, обрамленном рамкой, Александром Трубинским сделана запись о принадлежности рукописи ему, а также о том, кто был составителем хроники. Надпись следующая: «Хроника. Эта книга его милости пана Александра Трубинского, списана Юрием Трубинским, регентом (управляющим.— *Н. У.*) Могилевской городской канцелярии, в 1747 г. 30 июля из разных историков, а частично из своей памяти — чтобы сохранить в памяти, что происходило в городе Могилеве и в разных [других] городах, какие вторжения, войны и другие события [происходили]. Все это без обмана записано, как было в действительности, и грядущему столетию к сведению подано в 1747 году»¹⁹.

То, что это собственноручная запись Александра Трубинского, составителя части хроники, не вызывает сомнений. Тем же почерком сделаны записи (продолжение хроники) за 1748—1788 гг., переписана хроника Могилева от начала и до лета 1746 г., а затем пространные выписки из разных книг о событиях в Дании и Швеции. Таким образом, А. Трубинский переписал текст хроники Т. Р. Сурты и Ю. Трубинского, а также выписки из книг по истории Дании и Швеции на бумаге, изготовленной в Речи Посполитой, а собственные его записи сделаны на бумаге ярославского производства.

На нумерованном первом листе в начале рукописи находится запись Михаила Трубинского, сына Александра и внука Юрия: «Из книг Михайлы Трубинского» — и ниже по-польски: «Хроника. Это книга его милости Александра Трубинского написана Юрием Трубинским, регентом городской канцелярии»²⁰.

Почерком М. Трубинского написаны л. 3—18 хроники, сделаны ряд вставок вместо истлевших верхних частей листов, а также записи событий за 1812—1856 гг.

Лист с записью о принадлежности хроники А. Трубинскому исписан с одной стороны. Вероятнее всего, запись была сделана после

¹⁹ Kroynika. Ta księga [jego] m[ości] pana Alexandra Trubnickiego, spisana przez Jerzego Trubnickiego, reięta kancelarij mieskiej Mohilewskiej, w roku 1747 m[ie]sięca jula 30 dnia z roznych dzieiopisow. częscio z swoiej pamieci w potomne czasy na pamieć co działo w mieście Mohilewe y po roznych miastach, jakie jnkursiy, woyny i insze rzeczy. To wszystko niekłamliwie pisano, ale jak sama rzecz była. To przysztemu wiekowi do wiadomości podano roku 1747.

²⁰ Kroynika. Ta księga [jego] m[ości] pana Alexa[ndra] Trubnickiego spisana przez Jerzego Trubnickiego, reięta kancelarij mieskiej.

того, как хроника, составленная предшественниками, была А. Трубноцким переписана. Видимо, данная запись должна была служить чем-то вроде титульного листа хроники. Этот лист, в значительной мере истлевший, наклеен на чистый с литерами ЯМЗ. На л. 2 и частично на л. 2 об. находится вступление, написанное Т. Р. Суртой, составителем начальной части (от времен легендарных до лета 1701 г.; л. 2 об.—37). С лета 1701 г. до февраля 1746 г. (л. 37—91 об.) хронику продолжал Ю. Трубноцкий (часть хроники, написанной им,— от марта 1709 г. и почти по конец 1744 г.— утеряна).

Записи за 1748, 1754, 1755, 1756, 1759—1761, 1763—1767, 1769, 1772, 1774, 1782, 1788 гг. (л. 92—94, 98 об.—102 об., 104 об.—105, верхние части л. 105 об., 106—108 об.) сделаны А. Трубноцким. На л. 95—верхней части л. 98, 98 об., 103—104 находятся разрозненные заметки из истории Польши («История князей и королей польских», отрывочные записи событий XVII в., описание избрания на престол и коронации Августа II и т. д.).

События за 1778, 1780, 1781, 1796, 1801, 1810 гг. (л. 105 об., нижняя половина л. 109 и л. 109 об.) писаны очень четким почерком яркими черными чернилами. Составитель (или составители) этих записей неизвестен. В ряде мест теми же яркими черными чернилами обведены буквы и слова, которые, видимо, трудно было прочитать и в конце XVIII — первой половине XIX в.

Почерком М. Трубноцкого сделаны записи за 1812, 1815—1818, 1820—1832, 1842, 1848, 1849, 1851, 1854—1856 гг. (л. 109 об.—122). Кроме того, М. Трубноцкий полностью переписал л. 3—18, к тому времени, очевидно, пришедшие в такое состояние, что могли рассыпаться (старых листов, переписанных А. Трубноцким, нет), а между л. 18—25 и 31—32 он вклеил переписанные верхние части тех листов, которые истлели лишь частично; М. Трубноцкий реставрировал почти все, что написал Т. Р. Сурта. Заключительная карандашная запись И. М. Трубноцкого датирована 1867 г. За текстом М. Трубноцкого и до конца списка следуют выписки из работ по истории Дании и Швеции.

На отдельных листах (больше всего в начале рукописи) имеются карандашные заметки на полях и в тексте, сделанные И. М. Трубноцким. Заметки на полях обычно отражают содержание текста, а заметки в тексте свидетельствуют о том, что данная часть написана прадедом И. М. Трубноцкого «Григорием Трубноцким»²¹. На л. 53 И. М. Трубноцкий указал стоимость тех денежных единиц, которые действовали в XVIII в. и которые в середине XIX в. были забыты. С самого начала и до 1841 г. хроника писана на польском языке, с 1841 г. и до конца на русском.

«Введение» к хронике, датированное «29 мая 1693 г. по старому календару» и подписанное «лавником и купецким старостой» Трофимом Романовичем Суртой, тем более что авторство Т. Р. Сурты под-

²¹ Иван Михайлович Трубноцкий, как и И. И. Филиппович (см. ниже, сн. 25), называет составителя хроники Григорием, но так как сын и внук именовали его Юрием (Jerzy), то считаем, что правы они, а не правнук.

тверждал и Ю. Трубицкий (л. 37), не оставляет сомнений в том, кто начал писать хронику. Однако А. Трубицкий на своем «титальном листе» называет автором Ю. Трубицкого, то же сделал и М. Трубицкий. В XVIII в. к авторским правам относились весьма просто, в середине XIX в. положение изменилось. Однако, переписывая хронику, А. Трубицкий, если он хотел приписать всю работу своему отцу, должен был исключить «введение» Сурты, чего, однако, не сделал.

Возможно, говоря, что хроника написана его отцом, А. Ю. Трубицкий понимал это так, что Юрию Трубицкому принадлежала вся рукопись, часть которой написал Сурта.

Почерки и бумага, на которой помещены разделы, написанные Т. Р. Суртой и Ю. Трубицким, свидетельствуют, что текстов, написанных непосредственно ими, не сохранилось; имеется лишь то, что переписано А. и М. Трубицкими.

Сокращенный список хроники хранится в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук Литовской ССР в Вильнюсе (F. 21.712), куда он поступил из собрания бывшего Белорусского музея им. Ивана Луцкевича. На титульном листе штамп: «Беларускі музей імя Івана Луцкевіча». Рукопись в лист, всех листов 71. Переписана одной рукой на одинаковой бумаге, очевидно, в 70-е годы XIX в., с многочисленными поправками другим почерком. Примерный подсчет букв приводит к утверждению, что сокращенный список составляет несколько более четверти полного, т. е. всей рукописи, включая и материалы, не имеющие отношения к Могилеву.

На языке оригинала хроника не издавалась, но в 1887 г. ее сокращенный вариант был напечатан в переводе на русский язык, сделанном Н. Г. Гортынским, причем из предисловия следует, что переводчик не знал о существовании полного списка, к тому же он ошибочно назвал составителями хроники Александра и Михаила Трубицких²³ и утверждал, будто рукопись хроники (сокращенная) утеряна.

Наличие полного списка отметили В. С. Иконников²⁴ и М. В. Довнар-Запольский²⁵, но ни один из них не сообщил о существовании как перевода, так и сокращенного списка. Упоминание об их авторах о том, что в Петербурге находится рукопись хроники, было как бы забыто исследователями, а утверждение Гортынского, что оригинал утерян, бытовало почти до наших дней.

Иконников сообщал, что в Библиотеке (тогда имп. Публичной) имеется рукописный «сборник», в котором заключается летопись лавинка и купеческого старосты Трофима Сурты, выбранная из разных летописей и дополненная автором (оконч. 29 мая 1693 г., продолжен-

²³ Хроника белорусского города Могилева. Собранный и писанный Александром Трубицким, регентом Могилевской магдебургии, во второй половине XVIII в., а в первой половине XIX продолженная его сыном губернским секретарем Михаилом Трубицким / Переведена с польского подлинника... Николаем Гортынским.— ЧОИДР, 1887, кн. 3, отд. 1, с. 1—142. Есть и отдельный оттиск.

²⁴ Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1891, ч. 1, кн. 1, с. 798.

²⁵ Довнар-Запольский М. В. Баркулабовская летопись. Киев, 1908, Исследование, с. 11—12. В этом издании в начале помещен текст летописи, а затем с отдельной нумерацией страниц — исследование о летописи.

ная другими лицами до 1832 г. по-польски, а с 1841—1864 гг. заметки писаны по-русски». Из этой записи следует, что Иконников прочитал только первый лист рукописи, содержащий предисловие Сурты, датированное 29 мая 1693 г., остальную же рукопись исследователь лишь герелестал, оговорив смену почерков и языка, причем им были упушены как отметка Сурты за 1696 г., что письмо Петра московскому патриарху перевел он, Трофим Сурта, так и запись продолжателя дела Т. Р. Сурты — Юрия Трубинского летом 1701 г., что до того места хронику писал Трофим Сурта. Довнар-Запольский указал лишь на существование рукописи, ничего не прибавив к этому. Возможно, что он вообще не видел ее, а упоминает о ней по работе Иконникова.

Небольшой очерк И. И. Филипповича²⁶ местами противоречив, местами содержит неверные данные о рукописи. Автор очерка сообщает, что в 1968 г. он нашел хронику; это звучит так, будто ранее она не была никому известна. Такое утверждение означает, что исследования Иконникова и Довнар-Запольского Филипповичу неизвестны, а считать первооткрывателем хроники Филипповича нет оснований. Затем на с. 29 очерка сказано, что перевод хроники на русский язык сделан Н. Гортыньским (как отмечено в печатном переводе на русский язык), но на с. 30 той же работы говорится, что Гортыньский только «откорректировал» и немного дополнил его (очевидно, перевод.— Н. У.). В 1887 г. Гортыньский был стар, и вполне возможно, что он действительно только отредактировал перевод, однако это Филипповичем не объяснено. На с. 29 сказано, что часть рукописи, которая относится к истории Дании и Швеции, является переводом книг, изданных в 1695 и 1701 гг. (т. е. так, как сказано в рукописи), но на той же с. 29 утверждается, что «автором рукописей по истории Датского государства» был Юрий Трубинский. На с. 29 говорится, будто Филиппович установил, что составителями хроники до 1701 г. был Т. Р. Сурта, а с 1701 по 1746 г.— Юрий Трубинский²⁷. Однако для такого утверждения никаких изысканий проводить не нужно, поскольку в хронике сказано, кто за эти годы писал ее. Утверждения Филипповича, что тексты Т. Р. Сурты и Ю. Трубинского, а также помещенные в хронике выписки из книг по истории Скандинавии переписаны рукой Ю. Трубинского, ошибочны: бумага, на которой находятся названные тексты, изготовлена после смерти Ю. Трубинского.

Сам Сурта в приходо-расходной книге Могилева за 1679 г. засвидетельствовал, что он был лавником и купеческим старостой города. Лавниками назывались низшие члены магистрата²⁷. Из числа лавников обычно избирались «шафары» — сборщики податей. В 1693 г. (этим годом датировано его вступление) Сурта не был ни лавником, ни шафаром; лавником он числился в 1679 и 1686 гг. (Возможно, в то время существовал обычай, что если кого-либо избирали в магистрат, то он именовал себя этим чином до конца своих дней.) Приходо-рас-

²⁶ *Филиповіч І. І.* Хроніка Магілева.— Помнікі гісторыі і культуры Беларусі, Мінск, 1972, № 4, с. 29—30.

²⁷ Возможно, Филиппович хотел сказать, что Ю. Трубинский изложил работы по истории Дании и Швеции.

²⁷ ИЮМ, т. I, с. 1.

ходная книга Могилева за 1679 г. начинается записью Т. Р. Сурты, звучащей так: «Реестр шафарьский места его королевской милости Могилева року 1679, месяца декабря 24 дня, списанный през нас, Трофима Романовича Сурты и Увара Мартиновича, шафарей сегорочных»²⁰. Судя по записям в книгах магистрата, Сурта выполнял в том же году (да и впоследствии) ряд ответственных поручений.

В том же 1679 г. из Могилева были посланы в Оршу «для актыкованья справ до книг и выданья экстрактами и для иных справ» пан Павел Ледвеевич и шафар Трофим Сурта²¹. «Актыкованье» означало вписывание в городские книги разных актов, которые только после этого считались вполне оформленными, а «экстракты» — выписки из тех же городских книг. Из записи следует, что Сурта был отправлен в Оршу с ответственным поручением и что его послали в качестве второго лица.

Сурта в 1686 г. совмещал пост лавника с должностью «кабачного дозорщя», т. е. собирал и вносил в кассу магистрата «кабачные» деньги²². В том же году «шляхетный пан могилевский лавник» Трофим Сурта отвозил в Оршу 4 тыс. «шележных» монет²³. Почти во всех случаях фамилия Сурты упоминается при совершении каких-либо финансовых операций. Какой-то пост Сурта занимал и в 1688 г., так как 3 октября этого года в приходо-расходной книге Могилева записано, что магистрат купил 10 свечей для ратуши «под бытность панов Гука, Сурты и Гапона»²⁴. В июне 1688 г. магистрат послал «райцу скарбового» в Оршу покупать там и продавать лошадей, с ним поехал и Сурта²⁵. «Пан Сурта» упоминается в качестве официального лица в том же году еще несколько раз²⁶. Эта фамилия встречается и в 1690 г.²⁷

Если не все, то большинство членов магистрата избиралось в зависимости от материальной обеспеченности, т. е. принадлежало к средней части или верхушке городского населения. То обстоятельство, что Сурта избирался только лавником, как будто должно указывать на его принадлежность к жителям среднего или ниже среднего достатка, хотя должность купеческого старосты противоречит этому.

Для своего времени Сурта был человеком образованным, начитанным. Он знал, кроме белорусского (на этом языке написан его реестр за 1679 г.), языки польский (на нем написана хроника), русский (перевод письма Петра I патриарху на польский показывает, что он хорошо знал русский язык)²⁸, латинский и, возможно, еще какой-то. Он был знаком с хрониками Гваньини (неясно, в оригинале или переводе), Стрыйковского (тоже неясно, в оригинале или переводе), читал летописи, в том числе украинские, Синописис и другие источники.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, с. 28.

²² Там же, Витебск, 1873, т. IV, с. 7, 12, 14—15.

²³ Там же, с. 17.

²⁴ Там же, Витебск, 1874, т. V, с. 80.

²⁵ Там же, с. 61.

²⁶ Там же, с. 66, 75.

²⁷ Там же, Витебск, 1690, т. VII, с. 1.

²⁸ Письмо Петра I патриарху Адриану (Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1887, т. I, с. 80—82).

Тем не менее Сурта был человеком, верившим в необычайные события. Так, в 1674 г. он записал, что «за морем» немец, выстреливший в небо, был превращен в собаку (с. 245)³⁶; в 1699 г. он отметил, что опять-таки «за морем» и опять-таки немец был обращен в свинью (с. 251). Подобные чудеса происходили где-то далеко, и Сурта узнал о них от кого-то, но в 1688 г. в расположенном рядом Старом Быхове было сожжено одновременно 10 «чаровников», а несколько успело бежать «на Низ» (с. 246). Быхов был небольшим городом, а количество колдунов в нем необычайно большое. Однако у Сурты справедливость кары и, вообще, наличие такого числа «чаровников», кажется, не вызывали сомнения. Не вызвало сомнения и то обстоятельство, что в 1674 г. в Вильно родился мальчик с золотым зубом (из текста следует, что он именно родился с зубом) (с. 245). Достоверность этого подтверждается ссылкой, что аптекарь каким-то образом сделал анализ и подтвердил, что зуб действительно золотой. Через короткое время и мать и ее ребенок под воздействием «чаровницы» умерли. Пожалуй, еще большее впечатление произвел на хрониста слух, что в 1670 г. в разных местах Белоруссии (в том числе и в Могилеве) кто-то в церквах и костелах (надо полагать, на внутренних стенах) делал таинственные надписи, причем так высоко, что никто не мог их разобрать; в том же году происходили и другие чудеса (с. 245).

Сурта был православным, враждебно относившимся к униатам. Резко отрицательно отзываясь Сурта об атенсте С. Лыщинском, сожженным по постановлению сейма в 1688 г. (с. 247). Умер он летом 1701 г.

Несколько менее известно о Юрии Трубицком. Записи Александра и Михаила Трубицких краткие — они даже не дают возможности установить, с какого времени их отец и дед стал «регентом» и в каком возрасте умер. Из опубликованных материалов Могилевского магистрата видно, что Ю. Трубицкий в 1722 г. был среди «посполитых», причем при перечислении подобных ему Трубицкий назван последним³⁷. В 1723 г. Ю. Трубицкий в числе других подписал жалобу Могилевского братства киевскому митрополиту на архидиакона Калликста Оловяшку, при этом он назван подстаростой церкви св. Николая³⁸. В 1724 г. Ю. Трубицкий упоминается в постановлении магистрата при сборе гиберны (подати на содержание войска)³⁹. Очевидно, в то время он еще не был регентом, и только запись 1739 г. показывает, что Ю. Трубицкий в то время занимал этот пост⁴⁰. Однако уже 4 сентября 1747 г. о нем пишут как о бывшем регенте, и далее сказано, что магистрату необходим другой работник, так как пан Ярошевский отказывается выполнять обязанности регента — за эту работу платят слишком мало⁴¹. Значит, Ю. Трубицкий в 1747 г. умер. В «Записках» игумена Ореста сказано, что в результате истребления могилевцами русского гарнизона в 1661 г. ряд мешан (очевидно, наиболее

³⁶ Ссылки даны на страницы ПСРЛ, т. XXXV.

³⁷ ИЮМ. Витебск, 1881, т. XII, с. 361.

³⁸ Рукописный отдел Библиотеки Академии наук Литовской ССР, Ф. 19. 323, с. 136.

³⁹ ИЮМ, т. XII, с. 469.

⁴⁰ Там же, Витебск, 1882, т. XIV, с. 215.

⁴¹ Там же, Витебск, 1883, т. XV, с. 154.

видных участников этой акции) стали помещиками или получили дворянство (шляхетство.— *Н. У.*); среди них были Трубинский и Гортынский⁴². Возможно, это были предки составителя и переводчика хроники. Судя по возрасту, Сурта был (во всяком случае, мог быть) свидетелем или участником избиения, но отсутствие его среди «отличившихся» скорее всего свидетельствует о его неучастии.

Очевидно, раз Ю. Трубинский занимал столь низко оплачиваемую должность, что ему не могли найти преемника, то он был малосбереженным. Не вызывает сомнения, что он был человеком образованным, начитанным. Он знал, кроме белорусского и польского, языки латинский, русский, украинский (читал украинские летописи), а также, возможно, английский (или французский и английский). Выписки из книг о событиях в королевствах Датском и Шведском (они, вероятнее всего, сделаны Ю. Трубинским), в которых ярко выражена симпатия к правам населения на избрание королей по воле народа (надо полагать, не всего народа, а только шляхты) и осуждение светских и духовных чинов, предающих свободу своей страны, говорят о том, что это был человек демократических убеждений. Выписки настолько любопытны, что на них следует остановиться особо. Прежде всего они показывают, какие книги интересовали составителя хроники и какие из них он мог достать, живя в Могилеве в середине XVIII в.

Первая из книг, упомянутых в рукописи, называется (даем в переводе) «История о революции королевства Шведского и Датского, изложенная по-польски. Напечатана в 1701 г.» Она разделена на шесть частей. По определению сотрудника Отдела рукописей и редких книг Библиотеки Академии наук СССР Е. А. Савельевой, это должен быть перевод части шеститомной работы аббата Р. Верто, впервые изданной в Париже в 1696 г. Вторично она была издана в том же 1696 г. в Париже в 11 частях, а в 1722 г. еще раз в Амстердаме. В 1745—1746 гг. первые две части этой работы вышли в переводе на русский язык в Петербурге под названием «История о переменах, происходивших в Швеции в рассуждении веры и правления, сочиненная аббатом Вертотом». В оригинале она называется «*Vertot René Albert. Histoire des Revolutions de Suede, ou l'on voit les changemens qui sont arrivées dans ce Royaume, au sujet de la Religion et du Gouvernement. Par mr l'abbé Vertot*» (Paris, 1696. Т. 1—6). Заканчивается эта выписка словами: «Таков был конец шведской свободы, добытой кровью и отвагой старинных заботливых предков».

Вторая из упомянутых в рукописи книг называется «*Etat du Royaume de Danemarg telquil estoit en 1692 a Amsterodam*» (1695). Она начинается словами: «Древняя форма состояния правительственных органов в Датском королевстве была такой, какую установили готы и вандалы в европейских государствах». По определению Савельевой, это книга Р. Молесворта, опубликованная на английском языке в Лондоне в 1694 г. Заканчивается она так: «А что двору следовало награждать деятелей этой революции, изменников Родины... простой же народ получил на вечные времена кандалы». В оригинале она назы-

⁴² Записки игумена Ореста.— АСД. Вильна, 1867, т. II, с. XIX.

вается «*Moleswort Robert. An Account of Denmark as was in the year 1692*» (London, 1694). Эта же книга несколько раз была издана во Франции в переводе на французский язык (тоже из письма Савельевой)⁴³.

Высокая культура автора сочетается с суеверием. Трубицкий (так же как и Сурта) совершенно всерьез пишет, что в 1745 г. один пан, у которого пал скот, упрекнул за это бога и тут же был превращен в собаку (с. 281). Среди шведов, пришедших в 1708 г. в Могилев, по сообщению Ю. Трубицкого, имелось немало «характерников», т. е. колдунов, а все финны, находившиеся в шведской армии, были «характерниками» (с. 273). Незаурядным «характерником» был и Семен Палей, рекомендовавший Петру I наиболее удачный день для битвы под Полтавой и три раза объехавший перед битвой вокруг расположения русских войск, что способствовало победе (с. 277).

Надо полагать, что Ю. Трубицкий был весьма уважаемой личностью в городе. Во всяком случае, когда в Могилев в 1745 г. прибыл вновь назначенный православный епископ Иероним Волчанский, то его от имени города приветствовал Ю. Трубицкий (с. 280).

Стоит отметить, что и Сурта и Трубицкий датировали события по «старому» или по «русскому» календарю, причем в тех случаях, когда стиль не отмечен, а указана только дата, следует считать, что она дана по «старому» календарю, так как если событие датировалось по «римскому» календарю, то это всегда отмечалось. Так, 11 августа 1694 г. над Могилевом пронеслась «неслыханно сильная» буря; событие помечено «по старому календарю» (с. 247). В то же время смерть короля Яна III помечена как по «римскому», так и по «русскому» календарю (с. 249). Прибытие же генерала Бевста с отрядом в Могилев указано только по «римскому» календарю; очевидно, потому, что и ординанс по этому поводу датирован по тому же календарю (с. 281).

Гортынский называет А. Трубицкого регентом Могилевской магдебургии⁴⁴. Вероятно, здесь ошибка — перенесение чина отца на сына. Филиппович утверждает, что А. Трубицкий был купцом, имевшим в городе лавку⁴⁵, не приводя никаких доказательств, но данная версия кажется вероятной.

Последний из Трубицких — Иван Михайлович — в 1864 г., имея чин губернского секретаря, занимал пост смотрителя сиротского дома⁴⁶.

История создания хроники неясна. Что начальную часть ее написал Т. Р. Сурта, нет сомнений, но там имеются, по крайней мере, два места, в которые кто-то внес изменения. Так, описывая события 1595 г., Сурта отметил, что в его время «старые люди» часто вспоминали Наливайко, Лободу и Мазепу (с. 240). В том, что могилевцы и через сто лет помнили о Наливайко или Лободе, нет ничего удивительного, но упоминание о Мазепе! Если Сурта умер в 1701 г., то он, конечно, знал

⁴³ Приношу глубокую благодарность Е. А. Савельевой, а также И. П. Шаскольскому, помогшему установить контакт с Савельевой.

⁴⁴ См. заголовки хроники и перевода.

⁴⁵ Филиппович *И. И.* Указ. соч., с. 29.

⁴⁶ Памятная книжка Могилевской губернии на 1864 г. Могилев, 1864, с. 26.

о Мазепе. Однако об этом деятеле в то время не нужно было собирать данные от «старых людей», поскольку Мазепа с 1687 г. был гетманом и о нем знали не только старые люди, а, пожалуй, все моголиевцы и уж, конечно, составитель хроники. Значит, сообщение о Мазепе (да еще в записи за 1595 г.) Сурта внести не мог; это сделал в его части хроники кто-то другой, когда помнившие Мазепу успели состариться. В записи за 1664 г. рассказывается о пожаре в Могилеве: загорелся дом Гаврилы Прекста, а далее написано, что дом Прекста стоял там, где сейчас дом Василевских, и что этот дом в 1740 г. разобрали на постройку Кармелитского костела (это известие дано в скобках; с. 244). Значит, здесь в запись Сурты кто-то внес дополнительное сообщение после 1740 г. Вероятно, это сделал Ю. Трубицкий.

Указанные примеры слишком бросались в глаза, чтобы на них не обратить внимания, но вполне возможно, что в тексте Сурты есть места менее заметные, которые нами пропущены. В целом, однако, можно думать, что текст Сурты дошел до нас в гораздо более исправном виде, чем текст Ю. Трубицкого, хотя бы потому, что в нем нет недостачи листов, тогда как у Ю. Трубицкого отсутствуют записи с марта 1709 г. и почти по конец 1744 г. Значит, текст, написанный Ю. Трубицким, сохранился примерно за 9 лет и утерян почти за 35. Конечно, значимость записей за отдельные годы очень неравномерна, и, очевидно, самое важное в части, написанной Ю. Трубицким, относится к 1701—1709 гг. Однако из записи за 1745 г. следует, что в хронике имелись данные о самом крупном крестьянско-мещанском восстании в Белоруссии в XVIII в. — в Кричевском старостве в 1740—1744 гг. (описана кончина Вашило, одного из руководителей этого восстания; с. 280).

Когда Ю. Трубицкий начал продолжать труд своего предшественника, неясно, но, вероятно всего, не сразу, а через несколько лет после смерти Сурты, возможно даже через десятилетия.

Раздел, написанный Ю. Трубицким, начинается как непосредственное продолжение текста Сурты (события 1701 г.), но вскоре Трубицкий переходит к описанию по литературным данным обстановки в Польше и лишь после этого опять возвращается к Могилеву. Едва ли можно было в период чрезвычайного напряжения в 1701 г. во время войны отдаться изучению литературы о Польше, игнорируя обстановку в родном городе.

В ряде случаев, в частности в 1705—1706 гг., записи следуют так часто, что в тревожной обстановке тех лет отметить все это было трудно или почти невозможно. Поэтому можно предположить, что составитель хроники делал тогда лишь краткие записи, которые использовал позже, в более спокойной обстановке, но еще более вероятно, что все написано спустя десятилетия. Его запись о Карле XII, в которой излагались события 1709 г., сделана не по собственным наблюдениям, а по тому, «что слышал» (с. 277), т. е. позже.

Была ли тогда у Трубицкого рукопись Сурты? Судя по «дополнениям», внесенным в текст первого хрониста, была; однако сколько-нибудь значительных изменений Трубицкий не сделал. Такой вывод напрашивается хотя бы потому, что у Трубицкого часты латин-

ские выражения, типичные для XVIII в., тогда как у Сурты их нет.

Если Сурта действительно начал писать свою хронику в середине XVII в., то он умер глубоким стариком, в возрасте около 80 лет. Ю. Трубицкий умер в 1747 г., пережив Сурту на 46 лет. Даже если он тоже дожил примерно до 80 лет, то и тогда разница в возрасте обоих хронистов должна быть весьма заметной, т. е. их личное знакомство едва ли было тесным. При всем том из текста Ю. Трубицкого следует, что он начал писать свою часть хроники как продолжение того, что содал Сурта.

Как отмечено, значительная часть рукописи, написанная Ю. Трубицким, утеряна. Запись за 1709 г. обрывается на описании событий, происходивших 5 марта («Марта 5 дня Хмара, полковник гетмана Сапеги, находился со своими хоругвями в Копысе и Копысском районе»). Оставшаяся часть листа чистая (л. 86 об.), а затем с нового листа без заголовка помещена запись за конец 1744 г. («и право на епископию Белорусской диоцезии на имя его милости отца Иеронима Волчанского...»), после чего следует заголовок: «1745 г.» (л. 86 об.—87). Из этого можно сделать вывод, что часть хроники была утрачена уже тогда, когда ее переписывали, т. е. придавали ей тот вид, который она имеет сейчас.

То, что тексты, оставленные Суртой и Ю. Трубицким (включая и выписки из книг, посвященных истории Дании и Швеции), были переписаны А. Трубицким, не вызывает сомнений.

«Титульный лист» А. Трубицкого датирован 30 июля 1747 г., та же дата стоит в конце рукописи. Значит ли это, что А. Трубицкий в этот день окончил переписывание оставленных его отцом материалов? Очень сомнительно. Ведь в том же году Ю. Трубицкий умер, и, надо полагать, его сын не сразу после смерти отца засел за переписку доставшегося ему текста. Кроме того, у А. Трубицкого не оказалось большей части рукописи. Едва ли можно предполагать, что Ю. Трубицкий перед смертью (а он писал почти до самой смерти) исключил или уничтожил ту часть рукописи, в которой были описаны события 1709—1744 гг. Гораздо правдоподобнее предположение, что А. Трубицкий начал работать над хроникой спустя какое-то время после смерти отца, когда часть рукописи погибла (была уничтожена?). Что касается даты 30 июля 1747 г., то возможно, что это был день смерти Ю. Трубицкого.

Переписав рукопись, А. Трубицкий отделил от хроники материал, не имевший отношения к Могилеву, и начал на другой бумаге делать записи как прямое продолжение текста своего отца. Записи А. Трубицкого охватывают период с 1748 по 1788 г. Год последней записи (1788) может означать, что это было незадолго до смерти А. Трубицкого. На оставшихся листах кто-то продолжал делать записи за период с 1788 по 1810 г., а затем их делал Михаил Трубицкий.

Записи А. Трубицкого кратки и малосущественны. Они касаются приезда в Могилев первого русского губернатора — П. Б. Пассека, разных метеорологических событий и пр. Широта интересов автора явно резко снижена по сравнению с предыдущим.

Согласно записи, сделанной И. Трубнищим в 1864 г., его отец, М. Трубницкий, умер в 1857 г. в возрасте 84 лет. Значит, он родился в 1773 г., и, следовательно, к концу жизни А. Трубницкого его сыну М. Трубницкому было примерно 15—18 лет. В таком возрасте продолжать составлять хроникку он, надо полагать, не мог. Вероятнее всего, в то же время, т. е. в конце 80-х годов XVIII в., рукопись хроникки исчезла из дома Трубницких. Где она находилась около 30 лет, мы не знаем. Известно лишь, что первые записи М. Трубницкого датированы 1812 г.

Ф. Г. Елеонский, редактор т. II «Археографического сборника документов», писал в 1867 г., что «летопись Трубницкого, по слухам, ходила в Могилеве по рукам несколько лет назад, но у кого она находится теперь, неизвестно... В настоящее время род Трубницких угас»⁴⁷. Из записи И. М. Трубницкого мы знаем, что в 1867 г. полный список рукописи находился у него и что в 1872 г. рукопись уже числилась в Публичной библиотеке в Петербурге. Когда же она «ходила по рукам», и притом какой это был список — полный или сокращенный?

Из предисловия к переводу хроникки на русский язык, написанному Горьким, следует, что он в 1822 г. получил сокращенный список от М. А. Трубницкого. Значит, к этому времени у Трубницкого имелся как полный список, так и сокращенный, причем, вероятнее всего, сокращенный список был именно им и создан. Если в 1822 г. М. Трубницкий уже сделал сокращенный список, то полный у него был за несколько лет до того, возможно с 1812 г., так как с этого года имеются его собственноручные записи, хотя возможно и несколько лет спустя, так как 1812 год был очень беспокойным, едва ли благоприятствовавшим работе над хроникой.

Начальная часть хроникки, поступившей к А. Трубницкому, находилась в таком плохом состоянии, что он хотя и мог прочитывать ее, но с трудом, поэтому первые 18 листов переписал полностью, а из ряда последующих переписал только верхние части листов. Очевидно, в то время рукопись была разорвана, по крайней мере, на две части; во всяком случае, лицевая сторона л. 52 сильно выгорела и вообще имеет потрепанный вид, что могло получиться, если начиная с этого листа часть рукописи существовала отдельно.

Что представляет собой труд могилевских летописцев, на основании каких источников он создан, что летописцы старались осветить в первую очередь, каким было их мировоззрение, каков культурный уровень и т. д.?

В своем предисловии Сурта сообщал, что его работа написана отчасти по рассказам старых людей, которым он доверял, отчасти по личным наблюдениям, а также по разным документам. Заканчивая предисловие, он написал, что его работа не предназначена для печати (с. 239). Своей главной задачей Сурта считал прославление родного города. (В Могилеве много ученых людей, город набожный, торговый, в нем много ремесленников, он украшен церквами, а внутри церкви

⁴⁷ АСД, т. II, с. X.

украшены жертвователями, в них ежедневно совершается греко-русская служба и пр.; с. 240.) Будучи зачинателем моголиевского летописания, Сурта в начальной части хроники нередко обращается к рассказам стариков. Уже отмечалось, что под 1595 г. сообщается, будто «старые люди» часто вспоминают Наливайку, Лободу и Мазепу (!) (с. 240). От старых же людей Сурта слышал, что казенных руководителей восстания 1610 г. похоронили на Ильинской горе, хотя в письменных источниках место захоронения не указано (с. 240). «Некоторые» говорили, что казенные были люди «посполитые» (т. е. среднего достатка.— *Н. У.*), но в актах (документах, хранившихся в магистратском архиве) об этом не было сказано (с. 240). От «старых людей» Сурте также стало известно, что, когда православные церкви были закрыты (за то, что жители Могилева не пустили к себе в 1619 г. униатского архиепископа Иосафата Кунцевича.— *Н. У.*), пасхальная служба происходила в плетневом шалаше по Виленскому тракту и присутствовавших на службе разогнали униаты и «ожолнерь» (солдаты), а поп Зара, служивший в шалаше, с того времени пропал неизвестно куда (с. 241). Старые же люди сообщили составителю хроники, что в 1633 г., когда православные церкви были открыты, паром, который перевозил народ, направлявшийся в церковь в пасхальную ночь, затонул со всеми, кто на нем был, и что в этом, «говорят», были повинны униаты (с. 241). «Старые люди» называли наемных немецких солдат людьми своевольными (с. 241). Сообщения этого источника (старых людей) обрываются на событиях 1633 г. Значит, Сурта записал от стариков не очень много, хотя, возможно, не всегда отмечал, из какого источника извлечено то или другое сведение.

В ряде случаев составитель записал то, чему сам был свидетелем. Так, со ссылкой на себя он сообщает, что деревянная часовня (каплица) в 1655 г. стояла там, где теперь архиерейский сад, и что сейчас от нее не осталось и следа (с. 242). Со ссылкой на собственные наблюдения сказано о пожаре, начавшемся в доме Гаврилы Прекста (с. 244). В 1681 г. «сам видел», как в Комаровичах молнией убило 113 голов скота (с. 245); в 1690 г. поймал в Могилеве саранчу и дал ее описание (с. 247); «сам видел», как в 1700 г. украинские казаки вели пленных и везли захваченную в Прибалтике добычу (с. 251); в 1700 г. видел одновременно три солнца (с. 252).

Первая ссылка на собственные наблюдения сделана за 1655 г. и, может быть, свидетельствует о том, что Сурта начал создавать хронику спустя после этого не очень много времени, т. е. примерно с 60-х годов XVII в.

В хронике имеются сообщения, о которых не сказано, что они написаны по собственным наблюдениям автора, но из характера известных видно, что они созданы по личным впечатлениям. Так, в 1686 г. происходило невиданное нашествие на Могилев рысей (с. 246). За 1661 г. есть запись, что убитых русских похоронили на Самусевой горе, где стоит крест (с. 243). В 1664 г. в городе начался пожар от дома Саввы Тихенькина, «где сейчас каменница за важницею» (с. 244). Это сообщение, вероятнее всего, сделано «самовидцем», однако, учитывая следующую запись (о доме, разобранным в 1740 г.), можно предполо-

жить, что она в какой-то мере дополнена другим автором (Ю. Трубницкий?). Возможно, по личным наблюдениям составлена запись за 1681 г. о комете, появившейся «на римское рождество» (с. 245). При описании страшной грозы в Могилеве в 1694 г. (с. 247) не сказано, что составитель был свидетелем этого, но из характера описаний (градина падала размером в орех и пр.) ясно, что записал очевидец или записано со слов очевидца. В сообщении о неурожае 1695 г. и последовавшем затем голоде чувствуется рука современника (с. 248). В 1696 г. в связи с бескоролевьем избирались так называемые каптуровые суды; отмечается, что в Оршанском повете было избрано 16 таких судей, фамилий которых Сурта, экономя место, не отметил (с. 249); здесь, вероятнее всего, хронист опирался на документ. В 1700 г. в Могилеве сделали над Братской церковью крышу; строил ее монах, имени которого Сурта не назвал (с. 251); здесь тоже чувствуется рука современника.

Кроме записей, сделанных по собственным наблюдениям и рассказам очевидцев, у Сурты имеются данные, полученные им явно из вторых и третьих рук. Иногда такие записи имеют анекдотический характер. Мало достоверные сведения касаются в особенности России конца XVI — начала XVII в. Например, по сообщению Сурты, после смерти Ивана IV (умершего в 1584 г.) царем в России стал Шуйский, «которых поколение царствует сейчас», но «мужское племя Шуйских вымерло, и в эти годы господствует только племя женщин» (с. 241)⁴⁸. Сигизмунд III, сообщает хроника, «добыл» в 1611 г. Смоленск у «великого князя московского Ивана Васильевича», «добывал» его семь лет, но при этом же сказано, что Иван Васильевич умер в 1584 г. (с. 241). Очевидно, Сурта считал, что было двое Иванов Васильевичей, один из которых умер в 1584 г., а второй правил позже. Анекдотический характер имеют записи о неудаче русских под Ригой в 1655 г. (с. 242), заметка об изображении русских итальянским художником в 1660 г. (с. 242), сообщение о ссоре князя Любомирского с польской королевой за 1666 г. (с. 244). Весьма путанные сведения содержатся в хронике о походах князя В. В. Голицына в Крым, причем Голицын, согласно данным Сурты, после походов был закован в кандалы и сослан в места «в сто раз хуже тех, куда ранее сослали „Поповича“» (Самойловича. — *Н. У.*). Это было сделано потому, что Голицын получил от крымского хана бочонок с золотом, из-за чего и не разгромил войска хана (с. 247). Походы под Азов Петра I были результатом обязательства, принятого Россией в отношении Речи Посполитой (с. 248). В 1697 г. Петр I послал за границу «наглавнейших бояр», а вернув-

⁴⁸ Это место хроника чрезвычайно путанное. Как известно, Шуйский (Василий Иванович) был царем в 1606—1610 гг. В 20-е годы XVII в. род Шуйских угас. Единственной женщиной, «господствовавшей в России» в XVII в., была Софья Алексеевна, с «племенем Шуйских», однако, ничем не связанная, притом ее под понятие «племя» подвести нельзя. «Племя женщин» управляло страной с 1730 по 1796 г. (с перерывом в 1762—1763 гг., когда императором был Петр III). Предположить, что текст Сурты был изменен кем-то в XVIII в., когда правительство страны возглавляли женщины, едва ли возможно, так как правительницы, согласно тексту, должны быть родней Шуйских, в XVIII в. основательно забытых. Более вероятным кажется, что напутал сам Сурта.

шись из заграничного путешествия, установил в русских городах магдебургское право. В том же году он казнил «наиглавнейших бояре» — Соковинна, Цыклера и др. (с. 250). Под Нарвой погибло 70 тыс. русских, и шведы захватили там 700 орудий (с. 251).

В ряде случаев Сурта ссылался на архивные материалы. Говоря о том, что король Стефан Баторий дал в 1576 г. (I) Могилеву «разные права», он отмечает, что эти документы хранятся в городском архиве (с. 240). Кто хочет знать, где похоронены казнённые в 1610 г. руководители восстания, пусть читает «декрет от 23 июля 1610 года в Могилевской магдебургии» (с. 240). Говоря, что в Москве в 1681 г. были убиты «назначнейшие бояре», он не перечисляет их имен не потому, что не знает, а из-за экономии места (с. 246), из чего следует, что он располагал соответствующими документами.

Несколько ссылок сделано Суртой на рукописные и печатные хроники и летописи. Так, говоря об избрании на престол в 1574 г. Генриха Валуа («Француза») и его скором бегстве из Польши, Сурта замечает, что если кто-то хочет знать об этом больше, то пусть перечитывает хроники, не указывая, однако, какие именно (с. 240). Из летописцев и других источников Сурте не удалось выяснить, когда были закрыты в Могилеве православные церкви в связи с тем, что могилевцы не пустили к себе униатского архиепископа Иосафата Кунцевича (с. 241). Эта запись датирована 1633 г. (Кунцевича не пустили в Могилев в 1619 г., а в 1623 г. он был убит в Витебске.— *Н. У.*). Очень кратко сказав о восстании 1648 г. на Украине, Сурта отсылает читателей к работам хронистов, опять без указания, к каким именно. Зато, говоря о разделении мира между сыновьями Ноя, Сурта ссылается на хроникку Стрыйковского и Киевский Синодсис (с. 240).

Таким образом, сведения, содержащиеся в части хроники, которая написана Суртой, неравноценны. Более всего достоверны (очевидно, безусловно достоверны) данные, изложенные по архивным материалам и собственным наблюдениям автора. Несравненно меньшее значение имеют известия, записанные по рассказам, в частности это касается известий о происходившем в России. Из личных наблюдений наиболее ценные касаются событий, происходивших в Могилеве во время войны 1654—1667 гг. Из текста, написанного Суртой и Ю. Трубицким и сохранившегося до наших дней, Сурте принадлежит примерно треть, но так как из записей Ю. Трубицкого утеряна весьма значительная часть, то, очевидно, раздел, написанный Суртой, составлял не более четверти общего текста обоих хронистов (остальных разделов рукописи не касаемся).

Ю. Трубицкий, начиная работу над своей частью, написал вступление, очень похожее на то, которое в свое время оставил Сурта. «Все, что будет написано, дорогой читатель,— сообщал Ю. Трубицкий,— частично заимствовано из других летописей, частично по рассказам „годных“ людей, частично же записал то, что видел своими глазами» (с. 252). Поскольку история Могилева изложена Суртой до середины 1701 г., то Ю. Трубицкий только в отдельных случаях обращается к событиям до 1701 г. Очевидно, его указание на использование рассказов старых людей следует понимать так, что о событиях начала XVIII в.

он писал спустя много лет, примерно в 30—40-е годы, иначе ссылка на летописи и рассказы других лиц не имеет смысла.

Ю. Трубинский начал писать свою часть как продолжение повествования Сурты — о борьбе Сапег с их противниками и о мероприятиях Петра I в связи с происходившей войной. Однако, даже не заполнив до конца первого листа, он переходит к совершенно иному материалу — к изображению обстановки в Речи Посполитой в целом, сделав при этом соответствующее вступление: «Здесь, отступив от событий, происходивших в королевском городе Могилеве, изложу кратко о военных действиях в Польше и Литве по книгам одного историка» (с. 253). И действительно, дальше он говорит главным образом об интригах примаса Польши М. Радзеевского при избрании после смерти Яна Собесского короля, о борьбе между Сапегами и Огинскими, о начале Северной войны и поражении Августа II, об избрании королем Станислава Лещинского. Все это изложено очень кратко и заканчивается известием о смерти Радзеевского. Далее следуют стихи, вышеназванные как Радзеевского, так и короля Августа II, после чего помещено описание военных и политических событий (включая пространный рассказ на основании литературных данных о Мазепе) за 1705—1707 гг. Этот раздел сменяется «Карнавалом» — ярким сатирическим произведением, рисующим обстановку в Польше, и в заключение следует «Коляцки», т. е. ужин, в которой тоже говорится о Польше начала XVIII в. в том же обличительном духе. Все это заимствовано, по словам летописца, из книги, посвященной жизни короля Станислава Лещинского. К этой книге Ю. Трубинский отсылает читателя, не указав, однако, ее автора и не приведя названия (с. 258). Трубинский и далее перебивает известия, относящиеся к Могилеву, сообщениями о ходе Северной войны, о поражении Левенгаупта, о Мазепе, о поражении шведской армии под Полтавой и бегстве Карла XII в Бендеры, а оттуда в Швецию. Книга, из которой Ю. Трубинский заимствовал сообщение о последнем походе Карла XII с юга обратно в Швецию, названа определенно: «Fosculi historiarum». Это заимствование является едва ли не самым неудачным во всей работе Ю. Трубинского (в ней сказано, что Карл XII был убит под стенами маленького немецкого городка, еще не дойдя до Швеции). После этого Трубинский опять возвращается к описанию событий, происходивших в Могилеве и Старом Быхове, «где происходила заваруха не меньшая, чем в Польше» (с. 258). Особенно много внимания в начале уделено Старому Быхову: захват Быхова, бывшего владения Сапег, сторонником России Бонча-Синицким, переход Синицкого на сторону шведов и его выступление против русских, осада русскими Быхова и капитуляция Синицкого, отправка братьев Синицких в Сибирь и др. Все это описано очень подробно, что можно объяснить лишь использованием какого-то документа, фиксировавшего события в Быхове в некоторых случаях по дням и часам. При всей детализации описания обстановки в Быхове внимание хрониста приковано главным образом к Могилеву, к тем тяготам, которые выпали на долю этого города в связи как с авантюрой Синицкого, так и с ходом Северной войны. Синицкий числился пока сторонником русских и был «опекуном» Могилева, распо-

ряжался там, как в своем личном владении, и грабил город не меньше, чем неприятельская армия. В дополнение к грабегам Синицкого город осуществлял разного рода поставки по приказу как Августа II, так и русских войск. Вместе с тем Ю. Трубицкий как человек религиозный не оставлял без внимания церковные дела. Так, например, им подробно описаны смерть белорусского епископа Серапиона Полоховского и назначение на его место князя Сильвестра Четвертинского.

Весьма существенны данные хронистов о вооружении жителей Могилева. Население Могилева имело огнестрельное и холодное оружие, а также артиллерию и в общем представляло собой настолько внушительную силу, что в 1654 г. гетман Радзивилл со своей армией так и не был допущен в город, а в 1661 г. населением же был уничтожен русский гарнизон.

Личное оружие горожан едва ли находилось полностью на учете, но орудия, стоявшие на валах, должны быть известны каждому жителю города, и тем не менее Ю. Трубицкий, говоря о том, сколько орудий было взято Синицким из Могилева во время осады им Быхова, а также после овладения этим городом русскими, сообщает об этом приблизительно («штук 15»; с. 267). Среди орудий, забранных Синицким, выделялась своими размерами «Голландка», для выстрела из которой требовались три камня⁴⁹ пороха. Подчеркивая размеры этой «арматы», он отмечает, что подобной не было ни в Великой Польше, ни в Литве. Остальные орудия были взяты русскими 3 августа 1707 г., причем русские забрали 18 разных крупных гербов, т. е. с особыми названиями каждое («Змей», например), и семь полковых, а всего 25 (с. 268). Из Олейной браны были также взяты в 1707 г. хранившиеся в тайнике пороха, ядра и несколько сот «свиней» свинца (с. 268). Таким образом, в начале XVIII в. у могилевцев находилось не менее 40 разного калибра орудий и большой запас пороха и свинца. В 1708 г. Могилев был сожжен. Вообще, как все деревянные города того времени, он горел бесчисленное количество раз, но этот пожар остался в памяти горожан как исключительно тяжелый. Трубицкий, написав заголовок «1708», создал полное трагизма вступление к этому разделу: «О город, город Могилев. Первый летописец, не имея сведений, почему город назван Могилев, объяснил, что это был Могучий Лев, но военный 1708 год заострил на тебя клыки и зубы, содрал с тебя прекрасную львиную шкуру и облек в черную грубую мешковину, с этого времени не можешь ты называться Могучим Львом, а разве что могилей немощства твоих жителей» (с. 269).

Часть, написанная Ю. Трубицким, создана с широким привлечением документов магистратского архива, по рассказам очевидцев и личным наблюдениям. В ряде случаев сведения всех этих источников информации переплетаются, и выделить каждый источник можно, вероятно, только в результате специального исследования.

Будучи «регентом» магистратской канцелярии, Трубицкий находился в курсе дел всего города, и наиболее основательная часть его труда написана главным образом по материалам канцелярии. По

⁴⁹ «Камень» равен примерно 14 кг.

архивным данным указано, сколько город выдал продуктов, фуража, разных товаров (кожи, железа, леса и др.), а также денег русским и шведским войскам в 1701—1709 гг. Бесконечные требования обо всем этом к городу поступали и от «опекуна» Могилева Синницкого. В отдельные годы поставки были так велики, а записи Ю. Трубицкого так часты, что все это могло быть зафиксировано хронистом не сразу, а спустя какое-то время и только по архивным данным. Например, за 1706 г. есть записи в январе, 20 и 25 февраля, 10 апреля, 5, 15, 21, 24 и 30 мая, 8, 15, 16, 21 и 29 июня, 7, 9, 12, 14, 17, 22 июля, 2 и 18 сентября, 10 октября и 10 ноября. Правда, за 1706 г. записей сделано больше всего, но не намного меньше их и за 1708 г.

14 марта 1708 г. Ю. Трубицкий после детального перечисления того, что город дал русскому командованию, пишет: «Любезный читатель, все, что было истребовано [от города.— Н. У.], отсылаю к городскому списку, который найдешь в ратушном архиве, где, прочитывая, должен будешь заливаться слезами и удивляться, как город Могилев мог поднять такие тяжести» (с. 270).

Многое из того, что написано Ю. Трубицким, основано, вероятнее всего, на рассказах очевидцев, хотя возможно, что хронисту приходилось получать сведения не прямо от тех, кто был непосредственным свидетелем, а в передаче от вторых и третьих лиц.

Прямо со ссылкой на рассказ уннатского монаха Пафнутия передано, при каких обстоятельствах Петр I казнил в Полоцке несколько уннатских монахов (с. 271). По слухам или на основании рассказа очевидца записано сообщение (в самой общей форме), как шведы ограбили Вильно и убили тамошнего бурмистра Мороза. То же по рассказам, переданным от участников события, должно быть, описано, как Петр I, будучи на банкете в Минске у ксендза Панцержинского, выругал его за то, что тот, имея мало средств, задает пиры, требующие больших расходов, а затем приказал выдать ксендзу столько денег, чтобы было достаточно для оплаты расходов на угощение (с. 263—264). По тому же, очевидно, источнику описано, как после поражения под Лесной бежали остатки отряда Левенгаупта, направляясь в свою сторону, и как их истребляли крестьяне и шляхта (с. 276). Одно из самых ценных известий, записанных по слухам, относится к Ващиле. «Что сказал ранее о Ващиле,— писал Ю. Трубицкий,— здесь добавлю, что известно из людской реляции, что упомянутый Ващило, как только императрица великороссийская прибыла в Киев, он, находясь в Стародубе, будучи под московской стражей, в оковах, с этим светом попросился. Над его телом стала московская стража с обнаженными палашинами и стояла две недели, пока не пришел из Глухова указ от старших малороссийских судей, чтобы его погребли. И так ему было учинено торжественное погребение» (с. 280). На основании рассказа очевидца сделана запись о Карле XII: «Здесь делаю отступление от Могилева (т. е. от дел, касающихся исключительно Могилева.— Н. У.) и доложу кратко о шведском короле. Из-за отсутствия данных называть дни не могу, однако что слышал, то кратко в этой летописи изложу, сохранив для летописцев более доскональных». И далее говорится о походе шведского короля на Украину (с. 277). О том, что слухи, при-

ходившие с Украины о войне, были недостоверными, говорят записи Ю. Трубинского, касающиеся Семена Палая.

Трубинский был человеком образованным, но верил как в пророчества, так и в то, что бог внимательно следил за жизнью Могилева, причем это внимание выражалось преимущественно в том, что по велению бога происходили все пожары; бог был неповинен лишь в пожаре 1708 г.

Очень много известий записано Трубинским по личным наблюдениям, но так как эти известия относятся к началу XVIII в., то можно предполагать, что Трубинский вел в то время что-то вроде дневника, откуда и перенесл записи в общую рукопись, когда систематизировал свои материалы. Так, видимо, по личным наблюдениям описана Трубинским казнь четырех русских солдат в Могилеве 27 июля 1707 г. с замечанием, что приговор читали «московским языком» (с. 268). Летом 1708 г. в городе появилось бесчисленное количество лягушек (с. 272). По личным наблюдениям или по рассказам очевидцев описано, как забежал в Могилев медведь (с. 274). Масса сведений о ценах на разные продукты и вообще товары могла быть написана как по источникам, так и по личным наблюдениям (с. 273). По личным наблюдениям, очевидно, написано, что во время пожара образ «Брамной Богоматери сгорел, так как отпала штукатурка» (значит, это была фреска). Безусловно, по собственным воспоминаниям написано, что зима 1708,09 гг. была долгой и холодной. По своим наблюдениям (воспоминаниям?), дополненным рассказами жителей города, сделано описание сожжения города в 1708 г. (с. 274—275).

Часть хроник, написанная Ю. Трубинским, по полноте данных и манере изложения превосходит всю остальную хронику. Для Могилева это прежде всего очень подробное перечисление поборов, взимаемых с жителей города в 1701—1709 гг., хотя то, что было отобрано у жителей сверх официально сданного через магистрат, как и все, что погибло во время пожара в 1708 г., у Трубинского осталось неучтенным. Затем хроника содержит перечень воинских частей и отчасти описание их внешнего вида и вооружения обеих воюющих сторон, которые проходили через Могилев. Большую ценность представляют данные о ценах на разные продукты, зафиксированные в хронике, а перечисление мер веса, которыми пользовались в то время могилевцы, является существенным источником для изучения метрологии. Относительно немного сведений имеется по топографии города, но при бедности таких данных и это представляет большой интерес. Трубинский упоминает несколько имен и фамилий могилевских художников и архитекторов или их профессию, которые в других источниках не встречаются. В общем, его часть выделяется по сравнению не только с частями, сделанными его сыном, внуком и правнуком, но и Суртой, и поэтому утверждение Александра и Миханла Трубинских, что хроника целиком написана им, имеет какое-то объяснение.

Принадлежит пусть и не к самой немущей части населения и не будучи богатым, Ю. Трубинский не раз выражал сочувствие бедноте. Так, говоря о том, как солдаты забирали у населения стройматериалы,

годные для сооружения моста на Днепре, он отмечает, что «богатым за бревна платили, а бедных кривдили» (с. 260). Сам Трубицкий был православным, очень внимательно следившим за событиями, связанными с церковной жизнью Могилева.

Характер известий, находящихся в хронике после 1746 г., в начале ничем не отличается от тех, которые помещены в части, написанной Ю. Трубицким, т. е. о пожарах в городе (1748 г.), очень много записей, касающихся религиозной жизни (смерть белорусского епископа Иеронима Волчанского, назначение на тот же пост Георгия Кониского и его торжественная встреча в 1755 г.). Затем смерть короля Августа III (1763 г.). Избрание королем Станислава Понятовского (1764 г.). Торжества по поводу избрания нового короля (1764 г.). Появление кометы (1769 г.). Присяга Екатерине II и наследнику Павлу I (1772 г.), приезд наместника З. Чернышева (1774 г.), приезд в Могилев Екатерины II и Иосифа II (1780 г.) и в последующие годы мелкие заметки о приезде начальствующих лиц. Даже о таком событии, как война 1812 г., сказано примерно то же, что было в учебниках, и лишь заметка М. Трубицкого о том, что происходило с ним персонально (он встретил войну в Вильно), дает немного нового.

В общем же, между текстом Ю. Трубицкого 1746 г. и началом текста М. Трубицкого 1812 г. записи имеются за 1748, 1754, 1755—1757, 1759—1761, 1763—1767, 1772, 1774, 1778, 1780—1782, 1788, 1796, 1801, 1802, 1806—1808, 1810—1812 гг. За последующие годы хроника не отметила такие важнейшие события, как восстания 1831 и 1863 гг. (В 1863 г. студенты Горы-Горейского земледельческого института, находившегося в Могилевской губ., подняли восстание, захватили Горки, но вскоре были разгромлены.) Ничем не отмечены и события 1848—1849 гг., составители хроники явно остерегались писать обо всем этом, и хроника постепенно угасала.

Уже отмечалось, что Виленский список намного меньше Ленинградского, в связи с чем возникает вопрос, не представляет ли собой Ленинградский — основной список, а Виленский его сокращенный вариант, или, наоборот, не является ли Виленский первоначальным, который впоследствии был расширен. Наиболее вероятным кажется, что основным должен быть Ленинградский. Приводим в хронологическом порядке список мест, исключенных из Ленинградского списка при составлении Виленского (см. с. 196—198).

Значит, из Ленинградского списка исключили все, что было вписано туда из печатных источников. Таким образом отпали описание землетрясения в Неаполе (№ 28), все, что было написано Ю. Трубицким в начале его работы о положении в Польше в начале XVIII в. (№ 51), о смерти Карла XII, биографические данные о Мазепе. Исключены также записи, имеющие фантастический характер (превращение человека в собаку, рождение мальчика с золотым зубом), и вообще рассказы, основанные на слухах (№ 18, 21, 22, 69 и др.). Из Ленинградского списка исключены известия о войне между Россией и Речью Посполитой (№ 5), о событиях в Москве (№ 24, 44), о Крымских (№ 30) и Азовских походах (№ 36, 37), о битве при Лесной (№ 60) и о Полтавской битве (№ 64). Очевидно, учитывалась в первую очередь поли-

№ п/п	Год	Содержание	Листы
1	1526	Общие данные о Могилеве. Отсутствует ссылка на Стрыйковский	3 об.—4
2	1576	Сообщение, что Киев в то время был во владении Стефана Батория	4 об.
3	1582	При Стефане Батории «римляне» отменили русский календарь	4 об.
4	1605	Мир с Россией на 14 лет	5
5	1611	Война с Россией. Захват Сигизмундом III Смоленска	6
6	1613	Чеканка Сигизмундом III польской монеты в Москве	6
7	1630	Мор в Могилеве	6 об.
8	1632— 1633	Смоленская война	6 об.
9	1648	Восстание на Украине под руководством Богдана Хмельницкого	7 об.
10	1654	Постройка патриархом Никоном в Валдае монастыря, куда были переведены монахи Кутениского монастыря, а также перевезены алтарь и часы	8
11	1655	Похороны гетмана Золотаренко в Корсуне; пожар церкан	8
12	1655	Сообщение о месте, где раньше в Могилеве была деревянная часовня	8 об.
13	1655	Неудача русских под Ригой	8 об.
14	1659	Неудача русских под Брестом	9 об.
15	1659	Разгром армии Долгорукого	19 об.
16	1659	Разгром армии Хованского	20 об.
17	1665	Перемирие в Андрусове	22
18	1666	Ссора князя Любомирского с польской королевой	22
19	1667	Неприятности, произошедшие с митрополитом Тукальским в Вильно	22 об.
20	1668	Отречение короля Яна-Казимира от престола	22 об.
21	1670	Победа польских войск под Хотинном	23
22	1674	Рождение в Вильно мальчика с золотым зубом	23 об.
23	1676	Проезд через Могилев александрийского патриарха Пансия	23 об.
24	1681	В Москве убиты «наиважнейшие бояре»	24
25	1682	Умер гетман Великого княжества Литовского Пад	24 об.
26	1683	Турки взорвали часть Чигирина. Пожар на Свинской ярмарке	24 об.
27	1684	Победа польских войск под Веной. В Москву для заключения мира приехала делегация Речи Посполитой	24 об.
28	1688	Выписка из книги о землетрясении в Неаполе	25 об.
29	1688	В Быхове сожгли десять колдунов	25 об.
30	1688	Походы в Крым Голлицина	26
31	1690	Пожар в Шклове	26 об.

№ п/п	Год	Содержание	Листы
32	1692	Разгром турок под Везей. Рассказ, как около Москвы поп убил женщину и ребенка	26 об.
33	1692	Морская англо-голландская война	27
34	1692	Семен Палей создал в Фастове крепость	27 об.
35	1694	Небывалый град в Могилеве	27 об.
36	1695	Первый Азовский поход	28—29 об.
37	1696	Умер царь Иван Алексеевич. Второй Азовский поход	30 об.
38	1696	В Константинополе турки казнили патриарха	31
39	1696	Сожжение безбожника Преборовского	31
40	1696	Характеристика Яна Собеского	31 об.
41	1696	Избрание каптуровых судей	31 об.
42	1696	Пожар в Полодке. Саранча	32
43	1697	Отправка из Москвы за границу бояр	32 об.
44	1697	Казнь в Москве «наглавейших бояр» (Соковнина, Цыклера и др.)	32 об.
45	1698	Избрание королем Августа Саксонского. Начало войны Салег со шляхтой	32
46	1699	Мор в Черикове	34
47	1699	Немец обращен в свинью	34 об.
48	1700	Начало Северной войны. Август у Риги, Петр у Ревеля	34 об.
49	1700	Казачи взяли «под шведом» ряд городов. В России отменяли старый календарный стиль. Разгром Салег под Олькеянками	35
50	1701	Закончена постройка каменной церкви в Шклове. Около Старого Быхова разбиты сторонники Салег. Еще о борьбе салегинцев с их противниками	36
51	1701— 1707	Положение в Польше, изложенное по печатным источникам	38—47
52	1703	Смерть белорусского епископа Полоховского	48 об.
53	1703	Пуборцы для сбора податей	50
54	1703	Указ Петра носить немецкое платье и брить бороды	50 об.
55	1706	Меншиков с дивизией стоял в Гомеле	53 об.
56	1706	Рассказ, как Петр был на банкете в Минске у ксендза	57 об.
57	1707	Борьба коменданта Быхова Сяницкого с русскими	58 об.
58	1707	Еще о Быхове	63
59	1708	Лирическое вступление Ю. Трубинского к 1708 г.	70
60	1708	Неофициальные известия о происхождении Меншикова	70 об.
61	1708	Битва у Лесной	81 об.
62	1708	Слухи, как крестьяне нашли яму, насыпанную зерном и заваленную трупами шведов	82
63	1709	Взятие русскими Батурина	82 об.

№ п/п	Год	Содержание	Листы
64	1709	Часть известий о Полтавской битве	82 об.— 85 об.
65	1745	Конец сообщения о епископе Иерониме Волчанском	87
66	1745	Сообщение о Ващиле	89
67	1745	Сообщение о нежийском архимандрите, бежавшем за границу, похитив монастырскую казну	89
68	1745	Еще о Иерониме Волчанском	90
69	1745	Рассказ, как помещик был превращен в собаку	90 об.

тическая направленность исключаемых мест. Гораздо менее понятен мотив ряда других исключений. Так, например, в Виленском списке отсутствуют сообщения о море в Могилеве (№ 7), о том, где находилась раньше часовня в Могилеве (№ 12), о сожжении в Быхове колдунов (№ 29), о пожаре в Шклове (№ 31), о небывавшем граде в Могилеве (№ 35), о избрании каптуровых судей (№ 41), о пожаре в Полоцке (№ 42), о море в Черикове (№ 46) и некоторые другие. Отсутствует также ряд сообщений о польских делах: отречение Яна-Казимира от престола (№ 20), победа польских войск под Хотинном (№ 21), смерть гетмана Паца (№ 25), поход турок к Чигирину (№ 26), победа над турками под Веной (№ 32), характеристика Яна Собесского (№ 40), избрание на престол Августа Саксонского (№ 45), нет данных о конце Ващилы (№ 66). Трудный сам по себе вопрос, для чего создан сокращенный список, делается еще более сложным в свете тех данных, которые приводит о нем Гортынский. Данные эти такие. В 1822 г. для Гортынского, занимавшего тогда пост переводчика в Главном суде Могилева, с хроник, находившейся у М. А. Трубинского, снимают «буквально верную копию»⁶⁰. В 1825 г. Н. П. Румянцев предлагает Гортынскому напечатать эту рукопись, но Гортынский отказывается, так как хотел что-то «поисправить»⁶¹.

Гортынский принадлежал к тем культурным провинциалам (вероятнее всего, он окончил университет), кого Румянцев привлекал к расшиванию архивных материалов. Очевидно, контакт между Румянцевым и Гортынским установился в 1825 г., когда Гортынский по заданию своего шефа отправился в Мстиславль для обследования тамошних архивохранилищ. В том же году Гортынский, А. М. Дорошкевич и И. Сыщенко знакомились (опять по заданию Румянцева) с нумизматическими коллекциями, собранными около Полоцка и Орши⁶².

⁶⁰ Хроника белорусского города Могилева, с. 5.

⁶¹ Там же.

⁶² Козлов В. П. Калумбы российских древностей. М., 1981, с. 74—75, 92—93. Козлов называет Гортынского Горатынским. Думаю, более правильно «Гортынский», поскольку, печатая перевод хроники, он называл себя так.

Если хроника была списана с оригинала, хранившегося у М. А. Трубинского, то это можно было сделать только с согласия владельца. Если же Гортынскому была дана сокращенная копия, то это тоже можно было сделать с согласия Трубинского. Из полного списка при снятии копии исключили наименее существенные разделы, но вместе с тем был исключен и весьма важный: в копии нет начала, свидетельствующего о том, что писал его Т. Р. Сурта, нет и того места из раздела Ю. Трубинского, где сказано, что предыдущий раздел написал Т. Р. Сурта. Такое изъятие наводит на мысль, что М. А. Трубинский дал Гортынскому копию, в которой участие Сурты скрывалось, но полный сохранил у себя, не переделывая его. Очевидно, это было причиной того, что Трубинский до самой смерти хранил полный экземпляр и никогда не показывал его Гортынскому. Видимо, до Гортынского доходили слухи, что Трубинский продолжает хроникой, но что тот писал, Гортынский не знал. Гортынский не знал и того, что И. М. Трубинский после смерти отца перечитывал хронику и делал в рукописи разные пометы, последняя из которых датирована 1867 г. Неизвестным остался Гортынскому и тот факт, что в 1872 г. хроника уже находилась в Петербурге в Публичной библиотеке²².

Вторично Гортынский обращается к хронике в 1876 г., когда из Трубинских уже никого не было в живых. Такой длительный перерыв Гортынский объясняет занятостью. Чем занимался Гортынский между 1822 и 1876 гг.? В 1822 г. он переводчик суда²³, в 1851 г. занимает должность прокурора Витебской губ., коллежский советник, в 1856 г. губернский прокурор Псковской губ., статский советник²⁴. В последние годы (1857—1859) в справочниках, содержащих сведения о «чиновных особах», Гортынский не числится²⁵. Вполне возможно, что в 1857 г. он уже вышел в отставку (кстати, в качестве переводчика он называет себя статским советником — чин, присвоенный ему в бытность прокурором). Значит, можно думать, что до 1876 г., когда Гортынский подписал свое предисловие, он не был занятым человеком. К этому следует добавить, что значительная часть хроники в 40—60-е годы была переведена на русский язык и напечатана²⁶, что весьма

²² За сообщение о времени поступления рукописи в Библиотеку выражаю глубокую благодарность бывшей заведующей Рукописным отделом Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина И. Н. Курбатовой и сотруднице отдела С. Я. Вяловой.

²³ Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето... 1822. СПб., 1822, ч. II, с. 340.

²⁴ Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1856 год. СПб., 1856, с. 13.

²⁵ Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1857. СПб., 1857. Ч. I, 2. Нет и в адрес-календаре на 1858—1859 гг. СПб., 1859.

²⁶ В «Записках» гугмена Ореста три раза сделаны подстрочные примечания, что такое-то место в его произведении заимствовано из хроники Трубинского, причем два раза указаны номера «Могилевских губернских ведомостей», где будто бы напечатаны эти отрывки (с. I, IX, XII). В действительности в тех номерах «Ведомостей», которые указаны в «Записках» (№ 13 за 1847 г. и № 3 за 1858 г.), ничего подобного нет. Редактор неофициальной части «Могилевских губернских ведомостей» Е. Р. Романов издал «Указатель к неофициальной части „Могилевских губернских ведомостей“. С 1839 по 1898 г.» (Могилев, 1899). В некоторых случаях Романов от-

сильно облегчало работу переводчика. В общем, все сходится на том, что объяснение занятостью не может быть принято.

Следующий вопрос, связанный с публикацией перевода, заключается в том, был ли он сделан именно с Виленской рукописи? Если начать с обратного, т. е. с тех мест перевода, которые не полностью совпадают с рукописью, то увидим, что такие места есть. Вместе с тем в оригинале и переводе встречаются одинаковые ошибки (вора Айзика, и по рукописи и по переводу, повесили в «Глодне»; примечание в переводе, что это, видимо, «Гродно», с. 33). За то, что перевод осуществлен с Виленского списка, говорит и инструкция переписчику, помещенная на л. 1 об.⁸⁸ Сделана эта надпись, видимо, когда Гортынский отдавал переписать «ветхий оригинал» 1822 года в 1876 г.: «Прошу отдать для переписывания на хорошей бумаге, аккуратно, того же формата, что и здесь (т. е. в подлиннике.— Н. У.), читабельным и красивым почерком без особых хвостов и закорючек. При переписывании надлежит не пропускать знаки, сделанные голубым карандашом,— они показывают конец строки». (Эти знаки сохранились в Виленской рукописи.— Н. У.) Далее сказано, что следует оставить широкие поля и что если какое-либо слово будет трудно прочитать, то оставить чистое место, чтобы дописать позже (л. 1 об.). Поля в рукописи действительно широкие, а множество поправок, сделанных не тем почерком, каким переписан список, говорит за то, что рукопись кто-то правил. Учитывая это, есть основание считать, что перевод сделан с Виленского списка или с рукописи, идентичной Виленской⁸⁹. Вообще, оригинал и перевод не могли совпадать полностью еще и по той причине, что Гортынский, не довольствуясь сведениями, находившимися в рукописи, внес в свою работу добавления, заимствованные им из других источников, как из печатных, так и рукописных, отмечая, откуда им взято то или иное известие. Это, однако, не исключает возможности помещения данных, которые будто бы были приведены из рукописи, тогда как на самом деле они заимствованы из других источников.

Источниками, из которых Гортынский заимствовал данные по истории Могилева, прежде всего являются документы, хранившиеся в могилевских хранилищах, затем труды М. О. Без-Корниловича⁹⁰, О. В. Турчиновича⁹¹, Повесть временных лет и некоторые другие источники.

метил, что в номере помещен отрывок из «Хроника Трубиньского» или из «Ореста», но иногда это не оговорено. Всего, по данным Романова, отрывки помещены в следующих номерах: 1841 г., № 12, 13, 15; 1842 г., № 10, 11, 17, 18; 1846 г., № 3—7, 11, 13; 1847 г., № 3; 1856 г., № 39, 40, 61, 64, 65, 72, 73; 1860 г., № 13—17, 24, по номерам, указанных в «Записках», вет.

⁸⁸ В Виленском списке на л. 1 находится заглавие: «Хроника Могилева Трубиньского, регента Могилевской магдебургии», на л. 1 об. инструкция переписчику, на л. 2 заглавок пространная.

⁸⁹ Сделав перевод, Гортынский передал как копию, снятую с подлинника, так и перевод (очевидно, вторые экземпляры) в библиотеку Могилевской духовной семинарии (Хроника белорусского города Могилева, с. 3).

⁹⁰ Без-Корнилович М. О. Исторические сведения о примечательнейших местах Белоруссии, с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся. СПб., 1825.

⁹¹ Турчинович О. В. Обзорные истории Белоруссии с древнейших времен. СПб., 1857.

Кроме того, Гортынский, считая, что сведения о Могилеве, которые находились в рукописи, неточны или устарели, дал в конце своей работы «Краткое историко-топографическое описание Могилева, основанное на материалах перечисленных источников (с. 92—109), а также список грамот, пожалованных верховной властью Могилеву (с. 133—142). При изучении перевода необходимо учитывать все эти особенности работы Гортынского.

В переводе без отметки, что оно заимствовано из другого источника, приведено сообщение, что Могилев с волостью в 1503 г. был передан в пожизненное владение великой княгине Елене Ивановне (с. 13) и что в 1514 г. то же владение передано в держание (во временное пользование.— *Н. У.*) Юрию Деспот-Зеновичу (с. 13).

В то же время в рукописи есть пространная запись за 1526 г. о происхождении города Могилева, о получении им разных привилегий, тогда как в переводе об этом сказано в двух строках (с. 13). Подобное сокращение может быть объяснено тем, что переводчик в конце книги уделил данному вопросу много внимания. В переводе опущено сообщение оригинала о избрании на престол Речи Посполитой Генриха Валуа («Француза»). Запись о нападении на Могилев Наливайко в 1595 г. в книге изложена значительно короче, чем в рукописи; также и о «бунте» (волнении ремесленников) 1610 г. В рукописи в записи за 1616 г. Сигизмунд III назван «скупцом»; в книге этого нет (с. 16). В рукописи сказано, что автор (в данном случае Т. Р. Сурта.— *Н. У.*) слышал о разгоне православных, присутствовавших в пасхальную ночь в шалаше, от стариков; в книге сообщения, от кого поступили сведения, нет (с. 18). За 1648 г. отсутствует сообщение рукописи о смерти короля Владислава IV (1648 год в переводе вообще опущен). В рукописи сказано, что в 1655 г. Алексей Михайлович делал подарки Кутенинскому монастырю за то, что его архимандрит советовал жителям Могилева не сопротивляться русским, чего нет в переводе, но в переводе сказано, что с этого года Могилев присоединен к России, а этого нет в рукописи (с. 21). В переводе опущено сообщение о сдаче Быхова русским. За тот же 1665 г. опущено сообщение рукописи, что русские стояли около Могилева на Виленском поле (с. 27).

В ряде случаев перевод неточно передает текст оригинала. В рукописи сообщается, что в 1695 г. во время голода «в Русские края пришло несколько тысяч людей с женами и детьми» за хлебом, из-за чего хлеб подорожал (л. 20 об.). В переводе это звучит так: цены поднялись потому, что «из Литвы в сей стране» скупали хлеб (с. 32). В рукописи сказано, что события происходили «около Слуцка, Минска и на литовском пограничье» (л. 20 об.), а в переводе — «в литовских странах» (с. 32). За 1706 г. в рукописи имеется запись о посылке шпиона к Слуцку и Минску (л. 31), а в переводе — к Луцку и Минску (с. 43). За тот же год, по сообщению рукописи, Синицкий прибыл в Могилев с пятью хоругвями (л. 35), в переводе — с шестью (с. 47). В переводе опущена следующая деталь, имеющаяся в рукописи: в 1704 г. комета показалаась, когда гнали с пастбища скот (л. 28 об.).

Перевод изобилует анахронизмами и неверными выражениями (вместо «в том же году» сказано «сего же года») и т. д. Слово «дыван»,

что значит «ковер», переведено словом «софа», т. е. диван. Термин «дым» (хозяйство) переведено словом «дом» и т. д. (л. 35 об., 36 об., 41). В рукописи написано, что богоматерь была написана «на муре» (на штукатурке.— Н. У.), т. е. что это была фреска, тогда как в переводе сказано «на стене» (л. 57 об.).

В общем, Гортинский не только осуществил перевод сильно сокращенного текста хроники, но и передал этот текст неточно. В результате хроника была почти сто лет известна читателям в искаженном виде.

Все указанные недочеты в переводе текста, может быть, не так существенны, как ошибки в переводе заглавия. Начнем с того, что и в рукописи заглавия очень неясны, тем более что их три. Одно на титульном листе, краткое: «Хроника Могилева Трубинского, регента Могилевской магдебургии». Второе на л. 2, гораздо более пространное: «Хроника города на Белой Руси Могилева. Собрана и писана рукой Александра Трубинского, регента Могилевской магдебургии во второй половине XVIII в., а в первой половине XIX в. продолжена его сыном губернским секретарем Михаилом Трубинским. Настоящая рукопись с хроники упорядочена и сверена с оригиналом Николаем Гортинским, статским советником в Могилеве в 1876 г.» Наконец, на л. 6, непосредственно перед текстом хроники (на предыдущих листах изложено как бы вступление, в котором говорится, что собой представляет Могилев сейчас и лишь отчасти в прошлом), еще одно заглавие: «Выписки из рукописной хроники пана Трубинского, касающейся событий, происходивших в городе Могилеве».

Поскольку, по данным Гортинского, хроника была переписана для него в 1822 г., а события, излагавшиеся в ней, заканчивались 1812 г., то непонятно, каким образом в число составителей этой хроники (см. заглавие на л. 2) попал М. Трубинский, который только начал писать свой раздел с 1812 г. Ведь в Виленском списке о 1812 г. имеется лишь краткая запись, что началась война и что губернатор граф Толстой запретил жителям уезжать из города. Ввиду того что в Ленинградском списке имеется гораздо более пространная запись, ясно, что краткую писал не М. Трубинский, т. е. вообще текста, писанного М. Трубинским, в Виленском списке вопреки заголовку нет.

Недоумение вызывает и другое место этого заголовка: «Хроника... Собрана и писана *рукой* Александра Трубинского». В переводе слово «рукой» опущено и заголовок книги такой: «Хроника белорусского города Могилева. Собранный и писанный Александром Трубинским, регентом Могилевской магдебургии во второй половине XVIII в., а в первой половине XIX в. продолженная его сыном губернским секретарем Михаилом Трубинским. Переведена с польского подлинника Николаем Гортинским». В предисловии к своему труду (с. 5) Гортинский называет М. Трубинского «потомком писателя», т. е., согласно предисловию переводчика, хроника была написана А. Трубинским, которому Гортинский, кстати, присвоил титул «регента Могилевского магистрата». Иначе говоря, он присвоил Александру звание, которым обладал Юрий Трубинский, чего, надо полагать, никак не мог сделать Михаил Трубинский. Гортинский, зная лишь о существовании А. Трубинского, ничего не знал о его отце Юрии и имел очень

смутные представления о Сурте. Учитывая это, а также приписку на титульном листе, что копию упорядочил и сверил с оригиналом Н. Гортынский, можно почти с уверенностью сказать, что весь заголовок там составлен переводчиком. В заголовке же, находящемся непосредственно перед текстом и написанном, вероятно всего, Михаилом Трубицким, сказано, что это «выписки» из хроники, написанной «паном Трубицким» (читай: Юрием Трубицким), т. е. что это часть произведения, написанная Юрием Трубицким.

Из сказанного следует, что хроника, которая почти сто лет числится произведением Александра и Михаила Трубицких, в действительности написана Т. Р. Суртой, Ю. Трубицким и лишь в небольшой мере А. и М. Трубицкими и еще кем-то, кто остался неизвестным (одна запись принадлежит И. Трубицкому). Александр и Михаил Трубицкие, хотя и очень много сделавшие, чтобы уберечь хронику от гибели, тем не менее являются в этом деле персонажами второстепенными.

В хронике главное внимание уделено обстановке в Могилеве или в местностях, находящихся вблизи этого города; как ни в каком другом источнике, здесь подробно изложено выступление коменданта Старого Быхова Снницкого против России и его разгром. Вместе с тем и Сурта и Ю. Трубицкий часто обращались к событиям, происходившим в России и Польше, причем Сурта уделял больше внимания России, порой сильно искажая факты, тогда как Трубицкий больше всего интересовался положением в Польше, а также на Украине (в связи с походом Карла XII на Украину). Наиболее существенные данные у обоих составителей относятся к обстановке в Могилеве и ближайших окрестностях в 1648—1667 и 1700—1708 гг. Кроме того, и Сурта, и Трубицкий немало писали о «знаменьях», монстрах, неурожаях в связи с резким отклонением в погодных условиях и т. д.

«Записки» игумена Ореста

Второй летописью или хроникой, почти целиком посвященной событиям в Могилеве, являются так называемые «Записки игумена Ореста». К жанру «Записок», т. е. работ типа мемуаров или дневников, произведение игумена Ореста совершенно не подходит хотя бы потому, что в нем описываются события, происходившие на протяжении почти 500 лет. Название «Записки» появилось в результате недоразумения, но так и закрепилось за ним, хотя на самом деле это летопись города Могилева. В дальнейшем произведение игумена Ореста именуется «Записки», как принято в литературе.

«Записки» являются едва ли не последним по времени опытом создания истории одного города и последним опытом создания хроники в Белоруссии вообще. В данном произведении в хронологическом порядке изложены события, о которых составитель смог найти в разных источниках какие-либо сведения. Как и полагается средневековой работе, составитель не называет своих источников, не подвергает их критическому анализу, не пытается установить общую схему хода событий. Его отношение к описываемым событиям выражено предельно сдержанно, оценки им составитель почти никогда не дает,

его симпатии и антипатии почти никак не выражаются, но одно правило прослеживается всегда — не ощущается религиозной и национальной нетерпимости.

Занимаясь едва ли не большую часть своих данных из хроники Сурты — Трубницких, игумен тем не менее приводит в своей работе немало фактов, которые неизвестны по другим источникам. В этом в большой мере и заключается значение его труда как исторического источника.

Основная часть «Записок» напечатана в т. II «Археографического сборника документов» в 1867 г.⁶³ В издании «Археографический сборник» редакторы томов не указывались, но так как предисловия кем-то подписывались, то можно считать, что их авторы были составителями и редакторами томов. Вероятнее всего, редактором т. II был автор предисловия Ф. Г. Елеонский, преподаватель Литовской (православной) духовной семинарии в Вильно. Изучив рукопись, он отобрал и опубликовал наиболее существенную ее часть, отметив в примечаниях, из каких изданий игумен Орест заимствовал то или иное место, а если документ не был ранее напечатан, то сообщалось, где он находится (в библиотеке Могилевской семинарии, в архиве Могилевского магистрата). В некоторых случаях документы из рукописи были исключены, так как были настолько испорчены переписчиками, что их невозможно было правильно прочесть. В целом в т. II «Археографического сборника» помещена примерно половина текста рукописи.

М. О. Коялович, профессор Петербургской духовной академии, уроженец Западной Белоруссии, крайний националист, очень внимательно следивший за изданием материалов, касающихся Белоруссии, в своей рецензии на вышедшие т. I—IV «Археографического сборника» заявил, что, по его мнению, «Записки» игумена Ореста должны быть опубликованы полностью⁶⁴. Прочитав рецензию, лица, ведавшие изданием дальнейших томов «Археографического сборника», решили напечатать все, что было ранее опущено. Исключенный из «Записок» материал увидел свет в 1871 г.⁶⁴

Авторы предисловия к т. V «Археографического сборника» О. В. Щербицкий и А. П. Демьянович признали, что Елеонский, исключив при публикации ряд мест, допустил несомненную ошибку, которую они и исправляли. По мнению редакторов, наиболее существенными являются восемь исключенных отрывков: 1) о происхождении названия «Белоруссия»; 2) о Головинском сражении и вообще о войне со шведами; 3) жалоба православных жителей Речи Посполитой Петру I на католиков и последствия этой жалобы; 4) список членов Могилевского братства и настоятелей Могилевского Братского

⁶³ «Записки» напечатаны в виде Приложения с отдельной нумерацией страниц (с. I—СI).

⁶⁴ ЖМНП, 1868, № 10, с. 224.

⁶⁴ АСД. Вильна, 1871, т. V. Отрывки из «Записок» помещены здесь не в виде Приложения, и нумерация страниц всего тома общая (с. 71—130), но набраны они шрифтом более мелкого кегля, чем остальной текст. Редакторы ошиблись, отметив, что рецензия М. О. Кояловича напечатана в 1870 г., в то время как она вышла в свет в 1868 г.

монастыря со времени его основания; 5) о характере архиепископа Анастасия Братановского, тексты его духовного завещания и стихов на его кончину; 6) формулярный список могилевского архиепископа Варлаама Шнишацкого и указания на законы, на основании которых он был лишен сана; 7) изгнание иезуитов из России; 8) нашествие французов в 1812 г. и встреча их в Вильно⁶⁶.

Ответы на вопросы о том, кто такой был игумен Орест, что собой представляют его «Записки», почему его труд носит название, не соответствующее содержанию, в какой-то мере дают рукописи «Записок». В настоящее время известны два их списка. Полный список находится в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук Литовской ССР в Вильнюсе (F. 19. 323)⁶⁷, а сокращенный — в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (F. IV. 498).

При очень большом объеме сборника, в котором помещен полный список (почти тысяча страниц), «Записки» представляют собой собрание разнообразных материалов (документов и собственно «Записок»), написанных на разных языках (старобелорусском, польском, латинском; один документ дан на греческом с переводом на русский). Лично игуменом из этой массы материала была написана лишь очень небольшая часть. Полный список представляет собой рукопись в лист, бумага плотная, шероховатая, чернила и почерки разные. Переплет картонный. На корешке переплета наклейка с цифрами «300». На обороте переплета наклейка с надписью: «Рукописное отделение Виленской публичной библиотеки, № 300». Затем «300» зачеркнуто и написано «323».

На нумерованной четвертушке листа в самом начале рукописи синим жирным карандашом (таким карандашом на разных листах рукописи сделаны многочисленные пометы; судя по содержанию, их автором был Елеонский) написано: «Сборник документов и исторические записки игумена Ореста. Приобретено после покойного профессора Могилевской семинарии Соколова». Тем же почерком и тем же карандашом в верхнем углу л. I написано: «Соколов умер 1866». Одно время С. И. Соколов был редактором «Могилевских губернских ведомостей»⁶⁷. От момента поступления рукописи к Елеонскому (1866 г.) до выхода в свет т. II «Археографического сборника» (1867 г.) прошло менее двух лет.

В начале рукописи находится предисловие одного из настоятелей Могилевского Братского монастыря, фамилия и имя которого остались неизвестными (с. VIII). Это предисловие помещено в т. II «Археографического сборника» в подстрочном примечании.

Автор предисловия к т. II отметил, что «собранные акты, документы и записки разделены на два разряда». В первом разряде находятся документы экономические, т. е. такие, которые касаются материаль-

⁶⁶ АСД, т. V, с. XI.

⁶⁷ О том, что в Виленской публичной библиотеке хранится никем не заверенная копия «Записок», сообщил Е. Р. Романов (*Романов Е. Р.* Первоисточники для истории Могилевского края. Одесса, 1916, вып. I, с. III).

⁶⁸ *Улащик Н. Н.* Указ. соч., с. 155.

ной части, главным образом земельных владений монастыря. Этим документам, сказано далее, «сделана настолько подробная опись, что она может в случае чего заменить сам документ». Они находились в особом портфеле. В подстрочном примечании к этому месту сказано, что местонахождение портфеля в настоящее время неизвестно. В таком же портфеле находились и документы второго разряда — исторические. Из них, как считал автор предисловия, «важнее всего историко-хронологические записки игумена Ореста, которому они возвращены по принадлежности» (с. X). Значит, оригинал был отослан игумену⁸⁸. При таком положении возникают вопросы, в какой мере имеющаяся сейчас рукопись совпадает с оригиналом и по Вильнюсскому ли списку печатался текст? Первый вопрос при отсутствии оригинала решить невозможно, а чтобы ответить на второй, обратимся опять к рукописи.

В конце ее, на с. 967 (листы рукописи пронумерованы с обеих сторон) — запись: «В сем сборнике пронумерованных страниц девятьсот шестьдесят семь (967). Завед. Рукоп. отд. Гильтебрандт». В действительности страниц в рукописи больше, так как в начале (с. 3—6) находится предисловие, а на с. 9—19 оглавление.

Елеонский отметил, что в рукописи 967 страниц, т. е. не сообщил, как и Гильтебрандт, о наличии страниц с особой нумерацией в начале. В первой части (с. 1—152) рукописи, пишет Елеонский, находятся исторические документы, а во второй (с. 199—205, 526—546) — «собственно записки в двух видах: сначала идут „разные записки“, неизвестно кем составленные, а потом более обширные записки игумена Ореста» (с. VIII). Елеонский заявляет что «собственные записки» игумена «составлены главным образом на основании документов, напечатанных в „Белорусском архиве“⁸⁹, летописи Могилева — Трубницкого, „Унии“ — Бантыш-Каменского⁹⁰ и отчасти на основании наблюдений самого игумена Ореста как очевидца» (с. IX—X). В конце рукописи помещены статистические данные о Могилеве на 1836 г. и исторические известия о Могилевской епархии до 1845 г. (с. XI).

На полях рукописи имеется много помет и поправок, как правило, они сделаны карандашом. Видимо, переписчик рукописи был привычен к правилам передачи текста на польском языке и поэтому писал со строчной буквы такие слова, как «бурмистры», «райцы», «лавники» и пр. Во всех этих случаях строчная буква заменена на прописную. В фамилии «Козиол» буквы «іо» были заменены на «ё» (в польском языке звук «ё» передается буквами «іо»; с. 225). Редактор часто исправлял букву «е» на «ять» (ѣ). Нередко буквенное обозначение года переделано на цифровое, а в конце слов, если после согласной отсутствует

⁸⁸ В 1916 г. Романов писал, что оригинал «Записок» был увезен из Могилева в Рязань одним из могилевских епископов, уроженцем Рязани, вместе с массой других источников (очевидно, тоже касавшихся Могилевщины). В Рязани после смерти епископа его собрание было распродано родственниками в «мелочные лавки», т. е. для использования в качестве оберточной бумаги (Романов Е. Р. Указ. соч., с. III).

⁸⁹ Имеется в виду издание «Белорусский архив древних грамот» (М., 1824).

⁹⁰ Имеется в виду работа Н. Н. Бантыш-Каменского «Историческое известие о возникшей в Польше унии, с показанием начала и важнейших в продолжение оной, через два века приключений» (М., 1805; 2-е изд. Вильна, 1866).

знак *съ*, он добавлен. Иногда карандашом исправлены неправильно написанные слова, которые переписчику были непонятны. Так, в рукописи было написано «Петакгорский митрополит», исправлено на «Пятигорский» (с. 28), в рукописи было написано «государскую оборону», исправлено на «господарскую» (с. 37). Слова, написанные сокращенно под титлом («стого», «мца»), редактор исправлял на полные («святого», «месяца»).

Нередко слова или выражения вычеркнуты карандашом (например, очень резкие выражения Петра I). В отдельных местах дано пояснение, почему это сделано; в других на поле есть помета, что вычеркнутое следует печатать. Так случилось, например, с сообщением о Синицком, где вычеркнуты слова о его поведении после победы над сторонниками Сапег, а затем на поле написано «печатать» (с. 311). На той же странице имеется помета: «Справиться, где напечатано» — и ответ: «Бантыш-Каменский, Вильна 1866, с. 137». Иногда редактор исправлял белорусские слова на русские. Так, на с. 390 было слово «бервенья», исправлено на «бревна». Иногда на полях отмечалось, каким шрифтом следует набирать те или иные слова. Так, на с. 543 текст подчеркнут карандашом и на поле сделана помета «курсив»; в случаях, если встречался императорский титул, отмечалось, что следует набирать «обычным шрифтом» (видимо, корпусом). В общем, видны следы редакторской работы.

Судя по этим пометам, редактор готовил к печати текст по Вильнюсскому списку, но набор прямо по нему не осуществлялся. Громадную рукопись, материал из которой брался лишь частями, отправлять в типографию было неудобно. Очевидно, те места, которые редактор отмечал для печати, переписывались начисто и отправлялись в набор.

Редактор отметил, что собственно записки игумена находятся на с. 199—205 и 526—546 рукописи и что подобное раздробление произошло вследствие ошибки переписчика.

Нужно сказать, что Елеонский умело отбирал материал для публикации, так как исключенное им, а затем напечатанное в т. V «Археологического сборника» по значимости далеко уступает тому, что помещено в т. II.

В т. II помещены данные по истории Могилева и Могилевского края от времен легендарных до 1844 г. Датированные (не всегда верно) события начинаются с 1395 г., но содержат лишь относительно верные сообщения (в 1395 г. литовский князь Александр-Витовт Кестутевич с помощью огнестрельного оружия завоевал Витебск, Оршу, Мстиславль; с. II). Гораздо более полные и достоверные записи следуют с 1578 г., после того как король Стефан Баторий пожаловал Могилеву привилей на большое магдебургское право. Для начала XVII в. иностранные записи приведены о таких событиях, как восстание могилевских ремесленников в 1610 г., протест могилевцев в 1619 г. против приезда униатского архиепископа Кунцевича (с. III, VI—IX). Кратко и враждебно в отношении казаков описано нападение на город отрядов Матюшин и Наливайко в 1595 г. (с. V). Почти мимоходом сказано о начале восстания под руководством Богдана Хмельницкого

на Украине в 1648 г., и ничего не говорится о распространении этого движения в Белоруссии (с. XI). Вместе с тем достаточно внимания уделено войне между Речью Посполитой и Русским государством в 1654—1667 гг.: разгрому армии Я. Радзивилла, приходу в Могилев К. Поклонского и истреблению им евреев, приходу русских и т. д. (с. XII—XXV). В дальнейшем больше всего места отведено Северной войне и обстановке в связи с этим в Могилеве (с. XXIII—LXVI).

Очень красочно игумен описывает обстановку в Могилеве и губернии в 1812 г.: приход французов, отношение к этому различных слоев населения города, порядки, введенные оккупантами, и, наконец, их уход (с. LXXIX—LXXXVII). Важнейшим местом «Записок» о 1812 г. является сообщение о волнениях крестьян, не только отказавшихся выполнять повинности в пользу архиерейского дома и помещиков, но и полностью разгромивших принадлежавший архиерею Барсуковский фольварк (расхитили имевшееся там зерно, скот, птицу, а также водку и растительное масло) (с. LXXXIV—LXXXV).

Помещики и архиерей просили власти (разгромлен, видимо, был не один фольварк) прислать воинские команды, чтобы держать крестьян в повиновении, что едва ли было удовлетворено. Очень много внимания в «Записках» уделено архиепископу (православному могилевскому архиерею) Варлааму Шишацкому, присягнувшему Наполеону (с. LXXXVIII—XLVII).

«Записки» заканчиваются списком «братчиков» (членов братства), пожертвовавших Братскому монастырю дома, земли и пр. (с. XCIX—CI).

Печатаемая «Записки», Елеонский исключил те места, которые, по его мнению, казались неинтересными, кратко отмечая в подстрочных примечаниях, что было исключено и почему⁷¹. Так, говоря о Головчинском сражении, вернее о том, как русские войска двинулись

⁷¹ В числе прочего Елеонский вычеркнул пространную выписку о происхождении названия Белоруссия из работы польского автора XVI в. Шимона Старовольского. Эта работа написана на латинском языке и на том же языке напечатана в т. V «Археографического сборника» (с. 74—75). В рукописи она имеется и в оригинале и в переводе на русский. Ввиду того, что это место представляет несомненный интерес, даем часть его в переводе на русский язык: «Россия, смежная и подвластная Великому князю Литовскому, называется Белою частично потому, что жители белый цвет имеют и белую одежду в древние времена употребляли... частично от того, что долго под белым снегом [находится земля]... Но и природа там вообще белая — волки, медведи и зайцы белые, то же и лисиды и домашние животные белые... Белоруссия есть страна весьма плодородная, изобилующая всеми вещами, к пище принадлежащими: рожью, пшеницей, ячменем, овсом, гречихой, горохом, коноплей, ярицей, просом, медом, хлебом, воском, скотом, рыбами, птицами, зверем... земля здесь прилежно обрабатывается, и поля везде или по натуральному плодородию, или по аккуратнейшему обрабатыванию довольно урожайны, а также она изобилует плодами и овощами садовыми и огородными и лугами, сады плодотворные имеет, в коих груш, яблоч, слив, вишен довольно бывает, и скота всякого довольно в Белоруссии находятся, а наиболее птиц диких и зверей лесных. В Белоруссии древнейший город Полоцк при реке Двине» (с. 533—534 рукописи). Если бы не упоминание о Полоцке, то можно было бы подумать, что все это сказано о какой-то неведомой стране, где белые медведи бродят в яблоневых садах. В целом же это свидетельствует о том, насколько туманными были представления о Белоруссии даже польских авторов XVI в.

из Могилева навстречу шведам к Головчнину, Елеонский опустил часть текста, сделав такое примечание: «Затем следует рассказ о Головчинском сражении, не заключающий в себе никаких новых подробностей сравнительно со сведениями, сообщаемыми об этом событии Устряловым⁷² и Голиковым⁷³, и поэтому опущенный нами»⁷⁴.

Далее было исключено место, в котором перечислялось, сколько печеного хлеба давала в 1708 г. каждая сотня (район) Могилева, причем в подстрочном примечании выражалось сомнение в достоверности приводимых в рукописи данных⁷⁵. Исключен без всяких объяснений рассказ о разгроме Левенгаупта под Лесной, об угнетении православных католиками⁷⁶, о первом разделе Речи Посполитой, о польском восстании под руководством Костюшки, об архиепископе Анастасии Братановском и ряд других.

Восполняя пропуски, редакторы т. V «Археографического сборника» напечатали в этом томе фантастические данные о начальной истории Белорусского Поднепровья (с. 71—72)⁷⁷, о количестве хлеба, выдаваемого Могилевом шведам (с. 80), о разгроме Левенгаупта (с. 81—82), о падении Меншикова (с. 89—90), о празднованиях в Могилеве в связи с избранием на престол Станислава-Августа (с. 92—95), о польском восстании под руководством Костюшко (с. 97), о Анастасии Братановском (с. 98—104), еще раз о Варлааме Шнишанком (с. 104—111).

После нескольких мелких заметок следует произведение, озаглавленное «Разные записки, касающиеся до Белорусской епархии и здешнего благочестия» (с. 120—124). В сущности, это еще одна хроника, в которой рассказывается о событиях, касающихся главным образом церковной жизни Могилева с 1526 по 1754 г. В подстрочном примечании к этой части редакторы отметили, что она составлена неизвестно кем в Спасском монастыре около 1755 г. Большая часть «Разных записок» приходится на годы, за которые ни в хронике Сурты — Трубницкого, ни у игумена Ореста ничего нет. Это дает основание предполагать, что данное произведение оригинальное и что, следовательно, в Могилеве жил и работал еще один летописец, кроме названных ранее. Поскольку записки даны за 128 лет, то они сделаны не по памяти (или не все по памяти); их автор располагал разными документами, тем более что в записки за 1594 г. говорится о «тестamente» (завещании)

⁷² Имеется в виду работа Н. Г. Устрялова «История царствования Петра Великого» (СПб., 1863. Т. IV).

⁷³ Имеется в виду работа И. И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» (М., 1837. Т. II).

⁷⁴ АСД, т. II, с. LV.

⁷⁵ Там же, с. LVII.

⁷⁶ Материалы об угнетении православных католиками перепечатаны из работы Н. Н. Бантыш-Каменского «Исторические известия о возникшей в Польше уни». Еще больше из той же работы Н. Н. Бантыш-Каменского перепечатано в т. V «Археографического сборника» (с. 78, 84—88).

⁷⁷ В самом начале «Записок», помещенных в т. V «Археографического сборника», есть ряд подстрочных примечаний, сделанных игуменом Орестом, в которых он дает ссылки на «Историю Малой России» (ч. I, гл. 1, с. 3). Работа под таким названием написана Д. Н. Бантыш-Каменским и вышла без указания автора в Москве в 1822 г. в трех томах и в 1830 г. в четырех томах, но в обоих изданиях сообщений, на которые ссылается игумен Орест, нет.

пана Ильинского, т. е. называется один из ранних источников летописца⁷⁸. О том, в какой мере эта хроника имела «духовный» характер, говорит то, что из 49 записей только 7 не относятся к церковно-религиозным делам, среди них такие, как сообщение о даровании Могилеву магдебургского права, о том, как были отбиты от города войска Я. Радзивилла, об истреблении Поклонским евреев и др.

Вслед за «Запиской» приведен список киевских митрополитов (Петр Могила, Иосиф Горбацкий), могилевских архиереев, архимандритов (не полностью), затем «светских чиновных особ» — могилевских войтов, бурмистров, райцев, а затем дан синодик настоятелей Могилевского Братского монастыря. Заканчивается эта публикация сообщением старосты Могилевского Братского монастыря Фомы Оздобного о пожаре в Могилеве в 1810 г. (с. 125—130).

В Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде находится краткий список «Записок», представляющий собой цельное произведение (F. IV. 498). Это рукопись в четвертку, писанная четким почерком середины XIX в. Всех листов 71. На последнем листе рукописи запись: «В сей рукописи нумерованных листов семьдесят один (71). Хр. Лопарев. 8 октября 1915 г.» Х. Лопарев в то время был сотрудником Отдела рукописей, дата «1915» не обязательно означает, что рукопись поступила в библиотеку именно в том году; может быть, это произошло и значительно раньше.

В подстрочном примечании на первых трех листах помещены краткие сведения об игумене Оресте, представляющие собой некоторые добавления к данным, которые находятся в конце записи могилевского настоятеля и которые помещены в т. II «Археографического сборника». Эта небольшая рукопись была предназначена для печати. Ряд страниц в ней с описанием «бунта» в Могилеве в 1610 г. перечеркнут карандашом, а на л. 1 имеется запись: «Запрещена 3-го декабря 1854 г. (Жури. № 49-й)». Поскольку в 1854 г. игумен Орест уже умер, а оригинал рукописи, вероятнее всего, находился у Соколова, то можно думать, что именно Соколов и пытался напечатать часть «Записок».

Рукопись, поступившая в Петербург, первоначально была озаглавлена «Историко-хронологические записки игумена Ореста», т. е. так же, как об этом сообщал настоятель. Однако кто-то исправил это заглавие на другое: «Исторические записки игумена Ореста». Первое заглавие (очевидно, автора) вполне соответствовало содержанию, второе, хотя и не отражало смысла так четко, как первое, тоже соответствовало содержанию, но после того как было отброшено и слово «исторические», заглавие потеряло смысл. Кто это сделал, остается неизвестным.

Мотивы запрета публикации неясны. Возможно, цензора напугало описание «бунта», тем более что продолжалась Крымская война. Во всяком случае, через 13 лет весь текст был напечатан, притом по благословию такого реакционера, как соратник М. Н. Муравьева И. П. Корнилов.

⁷⁸ АСД. т. V, с. 121.

Начало рукописи, а также текста, помещенного в т. II «Археографического сборника», такое: «Лех (король польский, персонаж легендарный.— *Н. У.*) правил в 551 году, а заканчивается рукопись описанием обстановки в Могилеве в 1660 г.

Несмотря на то что от смерти игумена Ореста (1850 г.) до появления его работы в печати (1867 г.) прошло только 17 лет, данные о его жизни, опубликованные редактором Елеонским, предельно скупы и важнейшие факты его биографии неясны. Согласно формулярному списку, который был использован Елеонским, игумен Орест учился в Могилевской духовной семинарии. В 1803 г. он стал монахом, после чего до 1818 г. занимал в Могилевском архиерейском доме должности казначея, ризничего и эконома. Затем короткое время был игуменом монастырей Шкловского Воскресенского и Пустынского (г. Шклов расположен на Днепре недалеко от Могилева, Пустынский монастырь находится около Мстиславля). В 1820—1824 гг. Орест работал преподавателем в разных учебных заведениях Полоцка. В 1827 г. он переведен в Могилевский Братский монастырь. Умер в Оршанском Богоявленском монастыре в 1850 г. Далее Елеонский сообщает то, что он услышал от жителей Могилева: в 1812 г. Орест вместе с могилевским архиепископом Варлаамом Шишацким присягнул Наполеону, в результате чего Шишацкий был лишен сана архиепископа и сослан в один из монастырей, а Орест в 1827 г. был заключен в Могилевский Братский монастырь «под строгий надзор на 10 лет». Елеонский предполагал, что игумен в это время, т. е. после 1827 г., и написал свой труд⁷⁹.

Кроме того, Елеонский отметил, что Орест был по своему времени человек образованный, отлично знавший языки греческий и латинский, и что посещавшие его люди утверждали, будто «стены его кельи были исписаны греческими и латинскими стихами», причем некоторые из них сочинил сам Орест⁸⁰.

Настоятель Могилевского Братского монастыря сообщил, что игумен Орест «воспитывался некогда в школах иезуитских и проходил довольно учебных должностей в разных местах Белоруссии»⁸¹. Ни Елеонский, ни настоятель не сообщили, однако, в каком году родился игумен, какого был происхождения и какую имел фамилию. Незвестным остается и то, где он находился в 1818—1820 и 1824—1827 гг.

Сообщая биографические данные об Оресте, Елеонский не отметил некоторые детали, имеющиеся в рукописи, но опущенные при публикации. Так, в печатном тексте сказано, что «священно- и церковнослужители, участвовавшие в таком же преступлении», хотя и подлежат наказанию, но, учитывая, что они действовали по примеру архиепископов, «оставить всех их в прежних званиях, предоставляя Синоду для очищения совести их сделать своеобразное тому» (с. ХСV—ХСVІ). В рукописи же об этом сказано более определенно: вместе с Варлаамом Шишацким присягу Наполеону принесли четыре члена Могилевской консистории, в том числе и «Могилевского архиепископского дома казначей, крестовый неромонах Орест», отреченный за это от

⁷⁹ АСД, т. II, с. X—XІ.

⁸⁰ Там же, с. XІ.

⁸¹ Там же, с. X.

должности ⁸². Разница, конечно, невелика, но она наводит на размышления относительно возможных расхождений и в других местах. Ничего не сказал Елеонский и о том, что, по данным настоятеля, Орест учился в иезуитской школе и что, вероятнее всего, раньше был униатом.

Располагая такими скудными сведениями относительно автора «Записок», видим в нем прежде всего человека для своего времени высокообразованного, старавшегося по возможности полнее представить историю родного ему края. Как лицо духовное, он прежде всего интересовался вопросами религии, не проявляя фанатизма. Более широкие вопросы — относительно жизни всей Белоруссии и тем более России — его интересовали мало; во всяком случае, в своей работе он уделил этому очень мало внимания. Как и Сурта, Орест из событий, связанных с национально-освободительной войной украинского и белорусского народов в середине XVII в., отметил лишь те, которые непосредственно касались Могилева. Как и другие авторы могилевских летописей и хроник Могилевского края, он отзывается о нападениях на Могилев Матюши и Наливайко крайне враждебно.

Если Орест стал монахом в 1803 г., то в это время ему было (весьма приблизительно, конечно) около 25 лет. Значит, его убеждения складывались в основном в конце XVIII в., когда Могилевщина уже находилась в составе России.

При всех неясностях относительно биографий составителей могилевских хроник и летописей, при краткости, а иногда и неверности содержащихся в них данных нужно сказать, что ни один город Белоруссии не имеет такого богатого историографического наследия, как Могилев.

• • •

Согласно утверждению Елеонского, «Записки» составлены главным образом на основании документов, помещенных в «Белорусском архиве», летописи Сурты — Трубницкого (Елеонский считал хроникку Сурты — Трубницких произведением одного Трубницкого без указания его имени), «Унии» Н. Н. Бангыш-Каменского и отчасти исходя из наблюдений самого автора. «Белорусский архив» — издание, вышедшее в 1824 г., — действительно был использован составителем «Записок», однако далеко не в такой мере, чтобы считаться основным источником (тем более что хронологически «Записки» охватывают период гораздо более широкий, чем «Белорусский архив»). Елеонский отметил, что игуменом были использованы документы, помещенные в «Белорусском архиве» под № 11, 12, 14—21, 23, 27, 30, 32—35, 40 и 42, всего 19 номеров; перечисленные документы охватывают период с 1561 по 1672 г.

Из примечаний Елеонского следует, что составитель «Записок» будто бы переписывал или, во всяком случае, пересказывал грамоты, содержащиеся в «Белорусском архиве» («Сия грамота писана на рус-

⁸² Рукописный отдел Библиотеки Академии наук Литовской ССР, F.19.323, с. 834. Обращает на себя внимание тот факт, что от начала следствия (1813 г.) до вынесения приговора Синодом (1827 г.) прошло 14 лет.

ском старинном языке, напечатана в „Белорусском архиве“ под № 12», — пишет Елеонский). На самом же деле игумен Орест использовал материалы «Белорусского архива» иначе и, надо сказать, разумнее, чем это изобразил Елеонский: он переписывал в свои «Записки» только заголовки отобранных из «Белорусского архива» документов, лишь изредка прибавляя к заголовку отдельные слова от себя. Приводим в качестве примера два заголовка из «Белорусского архива» и «тексты» документов, помещенных в «Записках»:

«Белорусский архив»

«Грамота жалованная (подтвердительная) Сигизмунда III могилевскому духовенству: о беспощадном медоварении во время храмовых праздников, на основании прежних королевских привилегий, кои вместе с другими актами истреблены огнем при вторжении в Могилев казаков под предводительством Наливайки» (№ 27, с. 73).

«Грамота Сигизмунда, подтверждающая постановление могилевских граждан о посольстве, или об избрании ими по праву магдебургскому двенадцати особ из своего сословия для распоряжения общественною казною совместно с радюю, или магистратом» (№ 23, с. 59).

Следовательно, хотя игумен действительно заимствовал немало данных из «Белорусского архива», но это было не переписывание находившихся там документов, а передача их сути.

Елеонский, публикуя «Записки» игумена Ореста, знал о хронике Сурты — Трубинских только по слухам и лишь отчасти по тем отрывкам, которые были напечатаны в «Могилевских губернских ведомостях». Игумен брал из «Белорусского архива» те сведения, которые представляли для него наибольший интерес, а вместе с тем помещал в свой труд немало материалов из других источников.

Игумен читал хронику Сурты — Трубинских, и не только те отрывки, которые печатались в «Могилевских губернских ведомостях», а, возможно, весь текст, причем в записи за 1681 г. он отметил, что сведения о страшной грозе, при которой было убито перуном (молнией) много скота, взяты им из «летописца» Трубинского: «Сие происшествие случилось при бытности и в глазах летописца Трубинского и других могилевских жителей»²². Как отмечалось выше, это происшествие произошло в глазах не у Трубинского, а у Сурты, что может служить показателем того, что игумен тоже не держал в руках полного списка хроники, а лишь сокращенный, иначе он, наверное, не написал бы,

«Записки» игумена Ореста

«1596 года дана привилегия жалованная подтвердительная Сигизмундом III могилевскому духовенству о беспощадном медоварении во время храмовых праздников, на основании прежних королевских привилегий, кои вместе с другими актами истреблены огнем при вторжении в Могилев казаков под предводительством Наливайки. Сия привилегия дана по прошению Могилевской Спасской церкви протопопа Козьмы Романовича и всего могилевского духовенства» (с. V). В подстрочном примечании к документу Елеонский указал, что список его хранится в Могилевской семинарии.

«1589 года дана Сигизмундом III привилегия, подтверждающая постановление могилевских граждан о посольстве, то есть об избрании ими по праву магдебургскому двенадцати особ из своего сословия для распоряжения общественною суммою совместно с радюю, то есть магистратом. Оные 12 особ именовались посполитыми мешанами» (с. V).

²² АСД, т. II, с. XXV.

что это взято им из хроники Трубницкого. Вместе с тем ясно, что хроника была ему известна. Основным доказательством этого служит то, что у игумена, как и в хронике, существует перерыв с 1709 по 1744 г. В хронике последняя запись за 1709 г. датирована 5 февраля, и говорится там о посылке делегации могилевцев в Воронеж к царю Петру, а затем следует запись за конец 1744 г.

В «Археографическом сборнике» начало сообщения, датированное 5 февраля, дословно совпадает с текстом хроники, но далее в хронике помещено сообщение о посылке в Воронеж представителей Оршанского повета, с которыми ездил белорусский епископ князь Четвертинский, а затем о том, что через Могилев проходил отряд смоленской шляхты. В «Записках» есть краткое сообщение об отправке послов в Воронеж (однако указания, что ездил и Четвертинский, нет), заканчивающееся известием, что послы получили от Петра грамоту, разрешающую «вновь строится». Затем помещено известие о второй грамоте, полученной также от Петра, к гетману Скоропадскому о свободном пропуске могилевцев на Украину (с. LXV). Следующее известие «Записок» относится к 15 июля 1740 г. (о закладке епископом Волчанским в Могилеве церкви св. Спаса) и несколько записей о разных происшествиях в Могилеве в 1745 г., но сообщения о конце Вашилы нет (с. LXVI—LXVII).

Такое совпадение (отсутствие сообщений за более чем 30 лет) не может быть случайностью. Вместе с тем местами в «Записках» отсутствуют сообщения, которые имеются в хронике, и наоборот. Очевидно, кроме материалов хроники, игумен использовал еще ряд источников, возможно устных сообщений, не говоря о том, что изложил собственные наблюдения. Как лицо духовное, притом интересующееся почти исключительно делами Могилева, игумен включал в свои «Записки» прежде всего данные, которые касались церковных дел (будучи много лет работником Могилевского архиерейского дома, он должен был хорошо знать церковные дела по своему служебному положению). Это не значит, правда, что его «Записки» посвящены главным образом религиозным вопросам, просто он уделял им больше внимания, чем Сурта — Трубницкий. Вместе с тем в «Записках» отсутствуют данные, которые в большом количестве находятся в тексте Юрия Трубницкого и касаются событий, происходивших за пределами Могилева, — в Польше, России. Нет в них и насмешливых замечаний в адрес русских, которые имеются в хронике. О некоторых расхождениях между хроникой и «Записками» свидетельствуют приводимые ниже примеры:

Хроника Сурты — Трубницкого

1633 г. По данным Сурты, могилевцы утверждали, что православные церкви закрыты «по зависти унятов».

1654 г. Могилев сдался русским потому, что не мог выдержать осады.

1655 г. Сообщение о смерти гетмана Золотаренко.

«Записки» игумена Ореста

То же, но слов «по зависти унятов» нет (с. X).

Причины сдачи опущены, но добавлено, что война началась из-за того, что правительство Речи Посполитой не хотело уничтожить унию (с. XII).

Нет.

1655 г. Константин Поклонский, черниговский попович, истребивший моголевских евреев, был заурядным разбойником.

1659 г. Ряд сообщений о войне с русскими и извещение об их разгроме под Ляховичами.

1661 г. Ротмистр Сури неожиданно наехал на свадьбу русского князя Мещерского и захватил его в плен.

1665—1666 гг. Заключение Андрусовского перемирия. Рассказ о польской королеве.

1670 г. Описание разных чудес и непонятных происшествий.

1684 г. Турки под Веной.

1692 г. Поход польских войск под Сучаву.

Война Франции с Турцией.

1695 г. Поход Петра I под Азов.

1696 г. Поход Петра I под Азов; его письмо патриарху.

Евреи были истреблены за их коварство (с. XIII—XIV).

Нет.

Сури был приглашен на свадьбу Мещерским и захватил жениха в плен коварством (с. XX).

Нет.

То же с исключением некоторых деталей (с. XXIV).

Нет.

Нет.

Нет.

Нет.

Нет в «Записках» и ряда сообщений о начале Северной войны, которые имеются в хронике. Вместе с тем в хронике нет сообщений, имеющихся в «Записках» за 1672 г., о полученных православными жителями Могилева привилегиях на постройку церквей и о прибытии в Могилев иезуитов⁸⁴. В некоторых случаях «Записки» уточняют данные, имеющиеся в хронике. Например, в хронике сказано, что в 1700 г., когда был хороший урожай, мерка ржи в Могилеве «продаваема была по 50 грошей»⁸⁵, в «Записках» же, кроме того, отмечено, что мерка была «могилевской меры»⁸⁶, в другом случае, когда цены в хронике указаны в злотых, в «Записках» пояснено, сколько это означало в переводе на русские деньги⁸⁷; в хронике сказано, что через Могилев проходили 12 хоругвей (вооруженных отрядов)⁸⁸, а в «Записках» добавлено, что хоругви состояли из шляхты⁸⁹.

Третьим источником «Записок», согласно Елеонскому, являлось исследование Н. Н. Бантыш-Каменского об уни. Эта работа, содержащая главным образом материалы об угнетении православных униатами и католиками, использована игуменом в небольшой степени. Больше всего таких документов помещено в т. V, и так как это просто перепечатка, притом не всегда высококачественная, то исключение их Елеонским было вполне оправдано. Выписки из работы Н. Н. Бантыш-Каменского только увеличивают размер публикации, притом за счет неправильно перепечатанных текстов из «Унии».

Безусловно, кроме названных рукописных и печатных источников, игумен пользовался еще какими-то, вероятно, из архивов монастырей и магистрата. Всего явственнее это проявляется, когда он перечисляет

⁸⁴ Там же, с. XXIV—XXV.

⁸⁵ ПСРЛ, т. XXXV, с. 252.

⁸⁶ АСД, т. II, с. XXXIV.

⁸⁷ ПСРЛ, т. XXXV, с. 262.

⁸⁸ АСД, т. II, с. XLII.

⁸⁹ ПСРЛ, т. XXXV, с. 253.

⁹⁰ АСД, т. II, с. XXXV.

фамилии могилевских мещан, ставших в результате избиения русского гарнизона помещиками и дворянами. Список этих фамилий, очевидно, дан не по преданиям, а на основании письменного источника.

Наконец, последний источник — личные наблюдения. Много прожив, игумен много видел, однако его личные наблюдения отражены в «Записках» слабо; вероятнее всего, они касаются только событий 1812 г., но и записи за 1812 г. небогаты по содержанию. Из 18 страниц, которые находятся в т. II «Археографического сборника» и касаются 1812 г., больше всего места отведено делу архиепископа Шиншацкого.

Если учесть дополнения, помещенные в т. V «Археографического сборника», то оказывается, что ненапечатанным из рукописи осталось совсем немного, и притом самое несущественное. Что касается точности передач и текста, то можно сказать, что расхождения между «полной» рукописью и печатным текстом имеются, но они очень немногочисленны и появились или в результате стилистической правки редактора, или, что кажется более вероятным, вследствие плохо проведенной корректуры (почти все виленские археографические издания той поры пестрят опечатками). Вместе с тем в «Археографическом сборнике» нет некоторых мелких сообщений, которые есть в Ленинградском списке. Так, в «Археографическом сборнике» отсутствуют предание о происхождении названия «Могилев» от разбойника «Могила» (л. 12—13 рукописи), ссылка на «Историю Н. М. Карамзина, где сказано, что князь Свидригайло Любартович, властвуя в Витебске, овладел Оршей и Мстиславлем (л. 15). (Кстати, князя Свидригайло Любартовича вообще не было; очевидно, здесь имелся в виду Свидригайло Ольгердович.)

В т. II «Археографического сборника» сказано, что король Казимир построил шесть церквей «в память спасения от утопления супруги своей Елены» (с. 11). В действительности жену Казимира Ягайловича звали Елизаветой. В этом месте в «Археографическом сборнике» поставлен вопросительный знак⁹¹. В рукописи имени королевы нет (л. 15). В рукописи сказано, что «с 1447 г. по присоединении (здесь, согласно рукописи, следует, что Казимир в 1447 г. присоединил Белоруссию и Литву к Польше.— Н. У.) польские короли начали титуловаться литовскими князьями, хотя же после сего и были в Литовском княжестве особые князья, но они были в зависимости от польских королей» (л. 16). В «Археографическом сборнике» этого нет. Возможно, редактор, видя, насколько в рукописи перепутаны данные, исключил их. В «Археографическом сборнике» отмечено, что грамота под № 11, помещенная в «Белорусском архиве», написана на «русском старинном языке» (с. 111). В рукописи же сказано, что она написана на «латинском и русском языках» (л. 21 об.). В «Археографическом сборнике» указывается, что униатская Полоцкая епископия по приказу Николая I превращена в православную в 1839 г. (с. V), а по рукописи это произошло в 1833 г. (л. 28). В «Археографическом сборнике»

⁹¹ Елена, дочь великого князя Ивана III Васильевича, была женой литовского великого князя Александра Казимировича.

напечатано, что в 1619 г., когда в Могилев ехал Кунцевич, «на валах вокруг города и вежах расставили народ с оружием» (с. VII). В рукописи же об этом сказано: «и на вежах расставили народ с ратными» (л. 36), т. е. текст там искажен.

В рукописи местами ощущается воздействие польского правописания при передаче фамилий, тогда как в «Археографическом сборнике» этого нет. Уже упоминалось, что фамилия «Козёл» в рукописи написана как «Козіол»; в «Археографическом сборнике» — «Ярмоло Местцев» (с. VIII), а в рукописи — «Месціов» (л. 37).

Учитывая, что игумен Орест учился у иезуитов, т. е. в то время, когда польское влияние в Белоруссии было неизмеримо более сильным, чем в 60-е годы XIX в. (когда печатался «Археографический сборник»), можно думать, что воздействие польского языка в рукописи было более явственным и что редактор, готовя к печати текст «Записок», постарался это воздействие по возможности уменьшить. Поэтому есть основание предполагать, что особенности написания, которые имеются в Ленинградском списке, ближе к оригиналу, чем напечатанный текст. Однако правка редактора не была настолько значительной, чтобы сколько-нибудь заметно изменить оригинал.

Написанные в конце 20-х и в 30-х годах XIX в. «Записки» представляют собой не историческое исследование, а хроникку, вернее летопись. Здесь преобладает интерес составителя к церковно-религиозным вопросам, но, будучи игуменом православного монастыря, он (вопреки правилам своего времени) проявил себя очень терпимым к другим религиям; во всяком случае, резких выпадов против инаковерующих у него нет.

Таким образом, игумен Орест был последним летописцем Белоруссии⁸². Его труд имеет значение и как исторический источник, и как показатель состояния культуры и общественной мысли, и политических настроений, но не как историческое исследование. Кстати, вышедший вскоре после смерти игумена (в 1857 г.) первый опыт создания истории Белоруссии, который написан Турчиновичем⁸³, в научном отношении стоит не на много выше «Записок». Если к этому прибавить, что почти до самой революции трудов, специально посвященных истории Белоруссии, вышло считанное количество, то печальное состояние исторической науки Белоруссии видно более чем отчетливо.

В начале этой главы упоминалось не о двух могилевских хрониках, а о трех, причем третья названа анонимной⁸⁴. Нет сомнения, что это отдельное произведение, включенное в «Записки» чисто механически. Добавим, что чуть ли не почасовая информация об осаде русскими войсками Старого Быхова служит основанием для предположения, что в Быхове жил свой «летописец», делавший очень краткие записи. Итак, можно сказать, что в Могилеве — Быхове в XVIII в. работали четыре летописца (если считать всех Трубинских как одно лицо).

⁸² Некоторые из записей Трубинских сделаны после смерти игумена Ореста, но это были случайные добавления к труду, созданному значительно раньше. Поэтому мы называем игумена Ореста последним летописцем Белоруссии.

⁸³ Турчинович О. В. Указ. соч.

⁸⁴ АСД, т. V, с. 217—230.

Витебская летопись Панцырного и Аверки

Витебск в письменных источниках (в Витебской летописи) впервые упоминается под 947 г.⁹⁵, вторично — под 1021 г. В 1021 г. это был уже значительный населенный пункт, который киевский князь Ярослав Владимирович уступил полоцкому князю Брячиславу Изяславичу⁹⁶. С 1101 г. Витебск становится центром удельного княжества и в нем правят потомки Брячислава Изяславича. В 1320 г. Витебск с княжеством был отдан в виде вена за витебской княжной Марией Ярославной сыну литовского великого князя великому князю Ольгерду. С того времени и до 1772 г. Витебск находился в составе Великого княжества Литовского, позже Речи Посполитой в качестве великокняжеского, потом королевского города. В 1506 г. Витебск стал центром воеводства. В 1597 г. он получил магдебургское право, которого был лишен в 1623 г. в связи с убийством уннатского архиепископа Иосафата Кунцевича; в 1635 г. магдебургское право городу было возвращено. Находясь недалеко от границы с Россией, город часто страдал от военных действий, особенно значительный урон был нанесен ему во время войны 1654—1667 гг. и еще больше в Северную войну, когда его жители осуществляли бесконечные поставки на армию; в 1708 г. Витебск был сожжен почти целиком.

Расположенный на Западной Двине, т. е. на большой торговой дороге к Балтийскому морю, Витебск относительно быстро оправлялся от разорений, однако он никогда не занимал выдающегося положения ни в экономике, ни в культуре. Во второй половине XVIII в. — в период, когда Витебская летопись приобрела тот вид, который имеет сейчас, — в Витебске насчитывалось несколько больше 10 тыс. жителей и он был вторым по численности населения городом Белоруссии. Примерно столько же жителей было в нем и в середине XVII в.⁹⁷

Несмотря на древность этого города и на то, что он длительное время был столицей удельного княжества, никаких признаков ведения летописания до второй половины XVII в. не обнаружено. Лишь краткие записи Чарновских, включенные в Витебскую летопись, возможно, были сделаны в первой половине XVII в. Летопись же Панцырного и Аверки создавалась примерно с середины XVII в. и была закончена в 1768 г.

Летопись Панцырного и Аверки хранится в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедринна

⁹⁵ В летописи Панцырного и Аверки говорится об основании Витебска киевской княгиней Ольгой в 974 г. (ПСРЛ, т. XXXII, с. 193), но так как эта княгиня умерла в 969 г., то Б. А. Рыбаков и Л. В. Алексеев предложили считать, что посещение произошло в 947 г., т. е. что переписчик по ошибке переставил цифры (Рыбаков Б. А., Алексеев Л. В. Калі бы заснаваны Віцебск. — Помнікі гісторыі і культуры Беларусі, Мінск, 1971, № 2, с. 12). В данном случае придерживаемся мнения указанных авторов.

⁹⁶ Это сообщение есть в Воскресенской летописи (ПСРЛ, т. VII, с. 328), Тверском сборнике (ПСРЛ, т. XV, с. 143), Московском своде конца XV в. (ПСРЛ, т. XXV, с. 374).

⁹⁷ Гісторыя Беларускай ССР, т. 1, с. 374.

в Ленинграде (Q.IV.105). Рукопись в четвертку, бумага рыхлая, белая, с сильным желтоватым оттенком, боковые поля узкие, нижних и верхних полей нет. Переплет картонный, корешок кожаный, всех листов 39. На верхней части л. 39 об. запись той же рукой, какой писана вся рукопись: «Rok. 1775», затем еще раз: «1775» и потом два раза: «1776». В нижней части л. 39 запись: «В сей книге тридцать девять листов. Библиотекарь И. Бычков». Летопись написана на польском языке с примесью белорусского. Почерк везде одинаковый, буквы крупные, чернила светло-коричневые.

Рукопись состоит из трех частей. Автором первой был Михаил Панцырный; второй — Ян Чарновский, использовавший записи своего деда, имя которого не указано; третью часть писали Гавриил Кириллович Аверко и его сын Стефан Гаврилович Аверко. Последний как бы смонтировал труды своих предшественников — летом 1768 г. он переписал все в одну тетрадь и дописал конец.

Судя по тому, что С. Г. Аверко писал себя и своего отца с отчеством, часто ссылался на «русский календарь», а в то же время Иосафата Кунцевича называл «блаженным», оба принадлежали к унитам. М. Панцырный, возможно, был православным. Все они, хотя и называли свой край Белой Русью и не были католиками, писали по-польски и читали книги главным образом на польском языке.

Летопись издана в переводе на русский язык А. П. Сапуновым в 1883 г.⁹⁹, в оригинале (на польском языке) напечатана Киевской археографической комиссией в 1888 г.¹⁰⁰ Киевская комиссия отметила, что С. Аверко включил в свою летопись краткие выписки из работ Меховского, Кромера, Длугоша, Бельского и других польских хронистов. Редакция не оговорила своих правил публикации, но явно, хотя и не совсем последовательно, переделывала текст применительно к польской графике XIX в., ставя почти везде, где это требовалось, знаки смягчения над буквами н, с, ц (ń, ś, ć) и носовое а (ą) вместо «он» в оригинале. Полностью в оригинале летопись напечатана в т. XXIII ПСРЛ (с. 193—205).

Впервые в печати о существовании Витебской летописи сообщил в 1859 г. Константин Тышкевич¹⁰⁰. В то время один из списков летописи находился в библиотеке графов Тышкевичей в Логойске (именно Тышкевичей, расположенное недалеко от Минска). Тышкевич писал, что сообщение о приезде Петра I в Витебск по дороге в Биржи на свидание с польским королем Августом II, а также о его приезде в Витебск на обратном пути, когда Петр направлялся в Смоленск, было помещено на л. 11 его рукописи. В списке, находящемся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, это сообщение

⁹⁹ Летопись г. Витебска, списанная с рукописи М. Панцырного, 1760 г., Степаном Аверко, с собственными и отца его прибавлениями.— В кн.: Витебская старина / Составил и издал А. Сапунов. Витебск, 1883, т. 1, с. 455—475.

¹⁰⁰ Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный Комиссией для разбора древних актов. Киев, 1888, с. 213—236. В предисловии о Витебской летописи на с. XLVI—XLVIII.

¹⁰¹ *Tyszkiewicz K. Wiadomość historyczna o zamkach horodyszczach i okopiskach starożytnych na Litwie i Rusi Litewskiej. Wilno, 1859, s. 162.*

помещено на л. 14 об. Значит, в Ленинграде хранится не тот список, который был в Логойске.

Сапунов, очевидно, готовя к печати т. I «Витебской старинны», в начале 80-х годов XIX в. запросил Тышкевича, имеется ли у него (у какого-то другого Тышкевича, так как К. Тышкевич к тому времени умер) рукопись, и получил отрицательный ответ¹⁰¹.

Специальных работ, посвященных летописи Панцырного и Аверки, нет, но Сапунов, издавая летопись, сделал палеографическое описание рукописи.

В летописи очень определенно сказано, какую часть писал тот или иной составитель, давая таким образом возможность уяснить, что собой представляли эти лица, так как данные, имеющиеся в самой летописи, слишком краткие.

По инвентарю 1641 г., одна из рыночных лавок в Витебске принадлежала Захару Павловичу Чарновскому, ему же принадлежали два дома на Богородицкой улице¹⁰². По инвентарю 1667 г., на Узгорском предместье города был дом Петра Чарновского, а на Подвинской улице — дом Дмитрия Аверко¹⁰³. Располагая только такими данными, даже имея в дополнение свидетельство С. Г. Аверки, что все авторы летописи были витебскими мещанами, трудно судить, что они собой представляли хотя бы в материальном отношении (тем более неясно, были ли они в какой-то связи с теми, кто писал), но ясно, что это был народ зажиточный. Что касается Стефана Гавриловича Аверки, то о нем прямо сказано, что в 1764 г. он как житель Узгорской сотни должен был явиться на парад с собственным огнестрельным оружием¹⁰⁴. Это тоже указывает на его принадлежность к зажиточной части населения.

Из людей, участвовавших в создании летописи, больше всего сделал М. Панцырный. Его часть летописи не только больше по объему, чем все последующие, вместе взятые (занимает 22 рукописных листа из общего объема в 39 листов), но и богаче по содержанию. Параллельно с Панцырным записи вел Ян Чарновский, продолжая записи, начатые его дедом. Записи Чарновских охватывают 1601—1733 гг. Они предельно краткие и касаются исключительно Витебска. Записи за 1704—1757 гг. сделаны Гаврилом Кирилловичем Аверко, они очень немногочисленны и тоже касаются исключительно Витебска (включая появление кометы, которую видели в Витебске в 1704 г.), все остальное принадлежит Стефану Гавриловичу Аверке. С. Г. Аверко отмечает, что он переписал текст Панцырного в 1760 г. «слово в слово»; очевидно, то же было и с текстами других авторов. Аверко отмечает, что он переписал из книг как Панцырного, так и Чарновского. Однако если текст Панцырного действительно мог занимать книгу, хотя бы и небольшую, то текст Чарновского вмещается в 2,5 листа небольшого формата, т. е. назван книгой никак быть не может.

¹⁰¹ Витебская старинна, т. I, с. 640.

¹⁰² Там же, с. 358.

¹⁰³ Там же, с. 372.

¹⁰⁴ ИЮМ. Витебск, 1889, т. XIX, с. 187.

М. Панцырный аттестован С. Г. Аверко как витебский мещанин, о Яне Чарновском сказано «пан», что было обычной формой вежливости. Очевидно, Чарновский тоже был мещанином, притом ничем не выдающимся, поскольку о нем больше ничего не говорится. Что касается Гавриила Кирилловича Аверки, то он занимал высокий пост: был бурмистром и «вицелантвойтом» города, т. е. вторым (после войта) лицом в магистрате. Стефан Аверко, очевидно, не занимал такого поста, так как об этом ничего не сказано.

Судя по тому, что записи М. Панцырного закончены в 1709 г., можно думать, что он умер или в указанном году, или вскоре. Ян Чарновский, переживший его, вел свои записи совершенно независимо от него. Одновременно с Я. Чарновским вел записи и Г. К. Аверко; по характеру они очень напоминают тексты Чарновского, однако по содержанию не совпадают. Каким образом и когда тексты, написанные предшественниками, попали к С. Г. Аверко, неизвестно, так как, хотя Аверко отметил, что летопись Панцырного он переписал в январе 1760 г., но у кого была эта летопись в течение предыдущих 50 лет, не сообщил.

Часть летописи, написанная М. Панцырным, по своему характеру больше всего «летописная», т. е. события излагаются в ней в хронологической последовательности, и если этот порядок нарушается, то очень редко (вслед за 1323 г. следует 1307 г., после 1452 г. идет 1439 г., за 1453 г. следует 1332 г.). Годовая запись, как правило, начинается с типически летописного «в лето» (Роки), и хотя события и у Панцырного редко даны в развернутом виде, но в общем не так кратко, как у других витебских летописцев.

В центре внимания Панцырного находится Витебск. Правда, он часто включает в свою летопись сообщения о событиях, происходивших далеко от этого города и имеющих к нему весьма отдаленное отношение, но подобные сообщения занимают совсем мало места. Период, когда витебские известия получили явный перевес над всеми другими, у Панцырного начинается с 1562 г. (сообщение о казаке Шугалее, который совершил много зла в Польше и Белой Руси).

Летопись М. Панцырного начинается с сообщения об основании Витебска киевской княгиней Ольгой в 974 г. В этой записи сказано, что Ольга, разгромив ятвягов и печенегов, переправилась через Западную Двину и заночевала на берегу этой реки. Место ночевки ей настолько понравилось, что она заложила там деревянный замок и назвала его от реки Витьбы Витебском, затем построила в Высоком замке каменную церковь святого Михаила, а в Нижнем — церковь Благовещения. Прожив в построенном городе два года, княгиня уехала в Киев.

В этой записи сразу бросаются в глаза те места, которые говорят о недостоверности летописи. Прежде всего, Ольга в 974 г. уже не было в живых (она умерла в 969 г.). Если принять предположение Б. А. Рыбакова и Л. В. Алексеева, что в дате имеется ошибка, т. е. что следует читать не 974, а 947, то окажется, что в том году Ольга еще не была христианкой, а следовательно, не могла строить церкви, тем более каменные; каменные строения на Русь того времени вообще не были известны. Наиболее невероятным показан путь княгини, которым она прибыла в Витебск, вернее, в место, где был заложен этот город:

Ольга оказалась в Витебске, возвращаясь в Киев из похода против ятвягов и печенегов.

Согласно Повести временных лет княгиня Ольга в 6455, т. е. в 947 г. ставила погосты по Мсте и по Луге, а по Днепру перевесища ¹⁰⁴. Значит, учитывая предположение Б. А. Рыбакова и Л. В. Алексеева относительно ошибки в дате, Ольга была на месте, где был заложен Витебск, в том же году, в каком она находилась далее к северу, в Новгородской земле. Л. В. Алексеев предполагает, что поездка 947 г. была предпринята Ольгой для учреждения новых центров обложения, а так как на прямом пути из Киева в Новгород находилась Смоленская земля, в которой пункты сбора дани уже имелись, то Ольга двинулась с целью ставить погосты западнее этой земли и таким путем прошла по Западной Двине в той части, где сейчас находится Витебск ¹⁰⁵. Если предположение Л. В. Алексеева, представляющееся перспективным, получит подтверждение, то сообщение Витебской летописи уточнит не только маршрут княгини Ольги 947 г., но и масштаб ее деятельности в целом.

Ясно, что М. Панцырный пользовался каким-то поздним источником, содержащим путаные данные относительно первых этапов существования Витебска. Учитывая ошибки того же рода в дальнейшем, можно думать, что подобные просчеты произошли вследствие неумения Панцырного читать буквы-цифры славянского алфавита, а также переводить даты «от сотворения мира» на даты «от рождества Христова».

Начав с сообщения об основании Витебска, Панцырный, видимо, не знал, как продолжить свою работу, и обратился к теме, всегда важной для летописца-христианина, — к христианизации народов, вернее, их правителей. Поэтому сообщения за 965—990 гг. посвящены крещению польского короля Мешко (в летописи: Мечислава), венгерского короля Гейзы, княгини Ольги и князя Владимира Киевского.

Польский князь Мешко, а за ним и вся Польша крестились в 965 г., в 980 г. крестился венгерский король Гейза, а за ним вся Венгрия, в 956 г. крестилась в Константинополе Ольга, а в 980 г. — Владимир в Корсуне. Конец сообщения о крещении Владимира неясен — сам ли Владимир крестился на следующий год вторично уже в Киеве, или он крестил там только киевлян. Под 895 г. сообщается, что по благословению папы Адриана Кирилл и Мефодий перевели греческие книги на славянский язык и что тогда же состоялась в Риме первая церковная служба на славянском языке. Однако в записях, непосредственно следующих за этой, сказано (со ссылкой на «русские кронники»), что книги были переведены на славянский язык в 896 г., а рассчитывая по-русски — в 6400 г. Значит, в этом случае Панцырный пользовался двумя источниками и, не сумев согласовать их, привел две даты, хотя и совсем близкие, причем перевод даты от «сотворения мира» на «христианское» летосчисление он произвел путем вычитания 5504 лет.

После сообщения о крещении Владимира и времени перевода греческих книг на славянский язык следует заголовок: «Из русских хро-

¹⁰⁴ ПСРЛ, т. II, стб. 48—49.

¹⁰⁵ Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980, с. 106.

нию». Под этой рубрикой числится только пять сообщений, причем лишь первые три были действительно взяты из русских летописей; они содержат сообщения о переводе книг на славянский язык (о чем уже упоминалось), затем под 1114 г. сообщается о смерти Владимира, «внука витебской княжны», и под 1162 г. — о пятидневном обратном течении Волхова.

Все три указанных события были датированы в русских летописях, безусловно, «от сотворения мира», а перевод на современное летоисчисление произвел, вероятнее всего, сам Панцырный, причем в обоих случаях он ошибся на 99 лет: Владимир умер в 1015 г., а в летописях Лаврентьевской и Ипатьевской сообщение о том, что Волхов пять дней тек «вспять», дано под 6571 г., т. е. под 1063 г.¹⁰⁷ Едва ли Панцырный имел эти летописи. Скорее можно предположить, что он пользовался какими-то краткими, притом случайными, выписками из них, иначе он заимствовал бы не три сообщения, а больше.

Что касается последующих двух известий, будто бы тоже основанных на «русских хрониках», то здесь явная ошибка, так как они касаются походов В. В. Голицына на Крым и датированы 1695 и 1697 гг., тогда как в действительности походы происходили в 1687 и 1689 гг. Вместе с тем важно отметить, что как Панцырный, так и Сурта проявили очень большой интерес к походам Голицына на Крым и завоеванию Азова Петром I. Все это происходило в эпоху напряженнейшей борьбы Речи Посполитой с Турцией и, естественно, сильно интересовало всех обитателей Восточной Европы и тем более летописцев. Походы Голицына происходили лет за 20 ранее предполагаемой смерти Панцырного, возможно в то время, когда Панцырный делал свои записи, но прочитать об этом «в русских хрониках» он не мог. Вероятнее всего, витебский летописец знал о походах по слухам (о Голицыне, например, сказано, что он получил от татар выкуп — несколько бочонков «шелегов»).

Следующий раздел озаглавлен: «Переписано из других хроник» (очевидно, это надо понимать так, что не из русских летописей). Действительно, в разделе, излагающем события за 1171—1543 гг., автор постоянно перескакивает от страны к стране, от события к событию. Из этого можно заключить, что он использовал самые разные источники, не пытаясь даже свести их в какую-то систему.

Раздел начинается с записи о том, что княжна Евфросиния построила в 1171 г. в Полоцке каменную церковь святого Спаса; далее (1179 г.) — что польский король Болеслав убил епископа Станислава; следующее (1199 г.) — что крестоносцы отбили у турок Иерусалим; затем (1213 г.) — что император Фридрих Барбаросса утвердил ордена Доминиканцев и Францисканцев¹⁰⁸. За 1211 г. — запись о появлении кометы, которую было видно 18 дней. Автор считал, что комета предсказывала скорый приход татар. Вслед за сообщением о комете идет запись за 1323 г., в которой сообщается об основании Вильно великим князем

¹⁰⁷ ПСРЛ, т. I, стр. 163; т. II, стр. 152.

¹⁰⁸ И здесь почти все даты сдвинуты на сотню лет. Так, король Болеслав умер в 1081 г., Иерусалим взят крестоносцами в 1099 г., орден Доминиканцев утвержден в 1216 г., а Фридрих Барбаросса умер (утонул) в 1190 г.

Гедимином. Эта запись местами отличается от известий, имеющих в других белорусско-литовских летописях. Первое сообщение: волк, который выл на Турьей горе, у Панцырного не железный, как обычно, а только чрезвычайно большой. Однако самое существенное касается волхва Лиздейко, который так удачно разъяснил князю сон. В летописи сказано, что Гедимин не только щедро одарил волхва (в некоторых летописях Лиздейко назван «наивысшим литовским попом»), но и назвал его Радзивиллом. Важность последнего заключается в том, что это одно из очень редких указаний на то, что Панцырный пользовался одной из белорусско-литовских летописей, притом такой, которая нам сейчас неизвестна. Учитывая то место из «Литовской и Жмонтской Кройники», где сказано, что Новогрудок завоевал князь Ердвил или Радвил¹⁰⁰, можно сказать, что Радзивиллы старались использовать летописи для прославления своего рода, «доделывая» недостающую им и так необходимую древность рода. Вместе с тем запись показывает, что поиски составителей летописей и места, где летописи составлялись, должны вестись в собраниях Радзивиллов.

Следующее сообщение из истории Литвы и Белоруссии ошибочно, и ошибка тем более недопустима, что касается как раз Витебска. Под 1332 г. записано, что литовский великий князь Ольгерд в том году женился на тверской княжне Марии или Ульяне и что тверской князь дал Ольгерду в приданое Витебск. В заключение сказано, что Ульяна родила Ольгерду 12 сыновей и в 1345 г. построила в Витебске каменную церковь святого Духа. Подобной путаницы не содержит ни одна из известных летописей или хроник. (Ольгерд женился в 1320 г. на витебской княжне Марии Ярославне, за которой получил Витебск и все Витебское княжество; от нее у Ольгерда было шесть сыновей. После ее смерти Ольгерд женился вторично на тверской княжне Ульяне, которая тоже родила шесть сыновей, среди них Ягайло.)

Прочие сообщения летописи, касающиеся истории Великого княжества Литовского или отдельных его мест, тоже обычно путанные. Так, под 1415 г. следует сообщение о сожжении «за измену» митрополита Герасима и витебского старосты Цетивко. Митрополит Герасим был действительно сожжен, но не в 1415 г., а в 1433 г., причем летописи обычно осуждают князя Свиригайла, по чьему приказу был казнен митрополит, тогда как у Панцырного это объясняется изменой (объяснение, между прочим, совершенно правдоподобное). Кроме того, в других летописях нет упоминания о «витебском старосте». За известием о сожжении следует сообщение о казни Ольгердом пяти православных монахов, причем не указано, ни где, ни когда была совершена казнь. Поскольку легенда обычно указывает трех мучеников, то и в этом летопись Панцырного не сходится с остальными. Фантастично и сообщение за 1510 г., что царь Иван Васильевич «вымуровал», т. е. построил каменные стены, вокруг Смоленска. Реальные сообщения о том, что в 1387 г. Ягайло был крещен (но не сказано, как обычно, что он «принял крещение старого Рима») и что произошло объединение Польши с Литвой.

¹⁰⁰ ПСРЛ, т. XXXII, с. 17—19.

Вот, в общем, и все, что содержится в летописи по истории Витебска и Великого княжества Литовского с 1211 по 1562 г. Все остальное действительно переписано из «разных хроник» и временами страдает большим количеством ошибок. За 1307 и 1376 гг. сообщается об Авиньонском пленении пап и их возвращении в Рим, за 1452 г. — о взятии турками Константинополя, за 1439 г. — о поездке во Флоренцию и о возвращении оттуда митрополита Исидора, о выступлении Мартина Лютера в 1523 г. и о захвате турками Венгрии. Весьма любопытно сообщение за 1495 г., в котором сказано, что португальский король Эммануил послал в Индию двух знающих астрономов (лиц «беглых в звездной науке»), послал морем на восход солнца Христофора Колумба. «Впервые с помощью их разума, — сообщает летописец, — была найдена дорога в подземные края». В представлении Панцирного Христофор Колумб — это два разных лица, притом нашедшие дорогу в «подземные края», т. е. на противоположную сторону земного шара. Далее, хотя нет сообщения, что источник сведений летописца изменяется, характер известий становится совершенно иным: ошибки в хронологии делаются редкими и события, заносимые в летопись, перестают быть случайными. С этого года события помещены последовательно, год за годом; известия, заносимые в летопись, если и не относятся исключительно к Витебску, то в нее вписывается то, что очень близко касается его. Так, за 1563 г. сообщается, что царь Иван Васильевич взял Полоцк. В 1577 г. седмиградский воевода Стефан Баторий стал королем польским. В 1601 г. был страшный голод. В 1602 г. казаки во главе со своим предводителем Дубиной истребили витеблян («вырезали Витебск») за измену. В 1604 г. того же Дубину и 12 его старших помощников казнили в Витебске, на Заручайских Волотовках, причем троих посадили на кол.

Вообще, с начала XVII в. в летописи идут часто такие сообщения, которых в других источниках нет. За 1605 г., например, записано, что под Феллин (Фелич) ходил отряд витеблян в числе 500 человек под командованием витебского мещанина Мартина Лытки. Этот отряд захватил город, за что в 1606 г. Лытке было присвоено звание шляхтича, дана денежная награда и пожалована фамилия «Фелинский».

Не отражено в других источниках и выступление витеблян в 1614 г., когда их отряд был разбит русскими под Глазомичами, но в 1635 г. витебляне взяли реванш: под деревней Кашевичи они разгромили отряд русских, за что Витебску было возвращено магдебургское право.

Военные действия, происходившие в XVII в. между Речью Посполитой и Русским государством, отражены в летописи в виде предельно кратких сообщений. За 1609 г. сообщается, что король Сигизмунд III подступил к Смоленску и на следующий год взял его (в действительности это произошло в 1611 г. — *Н. У.*). В 1633 г. русские напали на Полоцк и полностью сожгли его, а в 1635 г. войска Шейна и «Прозора» (Прозоровского) были отбиты от Смоленска. В 1654 г. царь Алексей Михайлович занял все города в Литве и в Белой Руси, а в 1665 г. армия Хованского была разбита около Витебска. Отмечено также заключение мирных договоров между Россией и Речью Посполитой в 1619 и 1667 гг.

Как и Сурта, Панцирный называет Лжедмитрия царем, о котором

сказано только, что он в 1606 г. женился на «Сандомирянке Миншею». Далее сообщается, что поляки, приехавшие в Москву вслед за «царем», после убийства «Дмитрия» были изгнаны из Москвы с позором.

В промежутке между военными известиями передаются разные сообщения из витебской жизни: «Благословенный Иосафат» (Иосафат Кунцевич), отобрав у православных в Полоцке в 1620 г. собор святой Софии, приказал отремонтировать его, а за 1623 г. следует сообщение, что витебские мещане убили «благословенного», за что были покараны. В 1614 и 1629 гг. сгорели оба витебских замка, а в 1629 г. сгорела еще и соборная церковь, причем погибли очень большие богатства, однако, что именно сгорело, не сказано. В 1680 г. город сгорел целиком, сгорели четыре церкви, ратуша и лавки. Летописец также отмечал (в особенности это касается периода с 1677 по 1700 г.) разные неблагоприятные природные обстоятельства. Весной 1686 г. Западная Двина разлилась так широко, что затопила и снесла много домов. В 1694 г. выпал сильный град. В 1695 г. мороз побил урожай (но не сказано, когда случились заморозки), вследствие чего сильно поднялись цены на продукты. В том же году в мае выпал глубокий снег. В 1697 г. была сильная буря в Смоленске, в 1698 г. то же самое было в Витебске.

Среди этих чисто местных известий летопись сообщает о походах Петра на Азов, причем в 1695 г. после неудачной осады Петр будто бы возвращался в Москву через Витебск. За 1696 г. сообщается, что Азов взят. Летопись отмечает также избрания на престол и смерть королей польских.

Однако едва ли не самые интересные данные летописи касаются начала XVIII в. и, в частности, той обстановки, какая сложилась в связи с так называемой «домовой» или «сапежинской» войной, т. е. борьбой Сапег со шляхтой и поддерживавшими шляхту несколькими магнатскими фамилиями, но эти сведения местами путанные. Говоря о междоусобной войне, летопись отмечала лишь основные этапы, игнорируя детали, так как летописец знал об этом, вероятнее всего, по слухам. Война началась в 1700 г., когда Сапега, сын гетмана Великого княжества Литовского, сторонника шведов, разбил под Ошмянами войска Речи Посполитой, после чего в Вильно были расстреляны несколько князей Вишневецких, попавших в плен. Однако в битве под Олькениками (недалеко от Вильно) в ноябре 1700 г. Сапегги были разбиты силами Речи Посполитой, причем захваченного в плен сына Сапег шляхта изрубила на месте. (В действительности против Сапег выступали не части Речи Посполитой, а отряды шляхты, поддержанные силами князей Вишневецких и Огнских.) 8 июля 1701 г., сообщает летопись, войска Речи Посполитой совместно с отрядами панов Потеев (противников Сапег.— Н. У.) разбили около Дубровно крестьянскую армию, причем было «побито» 18 700 человек (из текста неясно, было ли столько всех крестьян, участвовавших в битве, или столько было из них убито). В обоих случаях цифра настолько большая, что вызывает сомнение.

Еще более невероятно сообщение летописи, что в 1701 г. казаки «с нашим Юревичем» победили шведов в Головчине под Могилевом. Как известно, в 1701 г. шведов, да еще на востоке Белоруссии, не было.

Битва под Головчином произошла между русскими и шведами только в 1708 г.

Реально эти события совсем недавно осветил белорусский историк А. П. Грицкевич¹¹⁰.

В Белорусском Поднепровье позиции Сапег были очень сильны: они владели там сильнейшей крепостью Белоруссии — Старым Быховом, им принадлежал ряд крупных имений, в их пользовании находилась Могилевская экономия (огромное государственное имение). Для борьбы с враждебной к ним шляхтой Сапег создали вооруженные отряды из крестьян и казаков (можно думать, что среди казаков было много «показаковавших» крестьян.— Н. У.), среди крестьян же было много бояр, землян, выбранцев, т. е. тех, кто был обязан нести в пользу феодала воинскую повинность, иначе говоря умевших обращаться с оружием.

Выступления этих отрядов произошли в Оршанском повете, Дубровенском графстве и ближайших к ним местах, позже распространились на район Головчина и Старого Быхова. Движение приобрело очень широкий размах: в нем приняли участие десятки тысяч крестьян, землян, выбранцев и других; оно было направлено против шляхты. Командовали этими силами Юревич и Бильдюкевич (очевидно, администраторы во владениях Сапег).

Борьба была очень упорной и велась с переменным успехом. В битве у Дубровно крестьяне потерпели поражение, потеряв убитыми 700 человек. В новой битве у того же Дубровно противник истребил еще 3 тыс. крестьян и тех, кто шел с ними. Однако в декабре 1701 г. крестьянские отряды окружили под Головчином 18 хоругвей шляхты и разгромили их. В конце концов Юревич потерпел поражение под Быховом, и на этом, кажется, массовое движение крестьян прекратилось.

Следовательно, у Головчина были разбиты не шведы, а шляхта, в битвах у Дубровно крестьяне потеряли не 18 700 человек, а 3700 (цифра тоже условная). Юревич представлен летописцем не предводителем крестьян, а противником шведов, и вообще, о том, что движение носило антифеодальный характер, летопись не говорит. Кстати, и Могилевская хроника (Ю. Трубицкий), уделившая много внимания борьбе сторонников и противников Сапег, о характере борьбы умалчивает.

О ходе Северной войны сообщалось, что в июле 1700 г. король Август II разгромил шведов и занял Кокенгауз, шведы были разбиты под Ригой казаками, но под Дерптом русские понесли поражение вследствие измены немца Адама Адамовича (!). Сверх того, летопись извещала, что витебская шляхта собралась на посполитое рушение у Черен, через Витебск прошло 17 тыс. русского войска на стругах (Западной Двиной), к Орше прибыл русский полковник и витебляне встречали русские войска, которым дали «десять стосов хлеба».

19 февраля 1701 г. в Витебске был царь Петр, откуда поехал в Биржи, а 14 марта того же года вторично был в Витебске на обратном

¹¹⁰ Грицкевіч А. П. Князі Сапегі і сяляне. Аб сялянскім руху ў Беларусі ў пачатку XVIII ст.— Літаратура і мастацтва, Мінск, 1982, № 4, с. 16.

пути из Бирж. В мае полковник Каменецкий провез на стругах массу пороха и около тысячи солдат. 24 июня саксонцы, взорвав замок, ушли из Кокенгауза, а с ними ушли и русские части; в ноябре шведы отобрали у русских Дюнамюнде.

Относительно пространно, во всяком случае гораздо больше, чем обычно, сказано об экономических санкциях, предпринятых королем Августом II в отношении витеблян. Первоначально сообщается, что королевский комиссар Рыбинский приехал в Витебск, чтобы собрать с витеблян те суммы, которые они должны были рижанам. В мае тот же комиссар приехал вторично в сопровождении тысячи саксонских рейтаров. Очевидно, пребывание этого отряда было для города очень тяжелым, так как летописец в этом случае отрешается от своего беспристрастного стиля и сообщает, как тяжело было жителям переносить грабежи и своеволие саксонцев. Рыбинский забрал у витебских купцов 64 тыс. талеров деньгами в счет уплаты долгов рижским купцам, а кроме того, нагрузил 40 стругов пенькой и 15 коноплей (видимо, семенами конопли). Стоимость всего этого летописец исчислил в сумме около 100 тыс. талеров. Взамен взятого король освободил витеблян от всяких податей на семь лет.

За 1702 г. сообщения связаны почти исключительно с войной, причем война идет где-то далеко от Витебска и сообщения о ней краткие и глухие: в 1702 г. шведский король занял Вильно, где шведы перебили массу горожан, в Кракове шведы сожгли дворец, а Торунь вообще был уничтожен.

За 1703 г. летописец сообщает главным образом о движении русских воинских частей в районе Витебска. Через Витебск прошел отряд полковника Протопопова с 20 тыс. человек, второй отряд русских в 70 тыс. человек прошел через Оршу. Вскоре через Витебск прошел обоз в 1500 возов с порохом и ядрами, затем 8 тыс. (!) орудий, провезли лопаты и бердыши. В дополнение к этим тревожным вестям прибавилось знание: 26 марта были видны одновременно три солнца.

За 1704 г. имеется сообщение о взятии Нарвы русскими. В том же году в Витебске была видна комета, через Витебск опять проходили русские части, а также пан Богдан Корсак с двумя полковниками проводили три полка смоленской шляхты.

За 1705 г. все записи касаются только движения русских воинских частей: в январе пришли части под командованием Б. П. Шереметева и разместились по мещанским домам, в мае крупные части двинулись к Полоцку, на стругах везли военное снаряжение, генерал Баур захватил у шведов ряд городов в Прибалтике, в Витебске был царь Петр.

За 1706 г. сообщается, что царь Петр повел армию из Могилева в Белую церковь и что русские оставили Гродно, потопив при отступлении в Немане орудия, ядра и порох.

За 1707 г. летописец сделал 10 записей, за 1708 г.— 11 записей. За 1707 г. кратко записи о событиях в Быхове — об измене русским Синицкого и его разгроме, но это очень подробно изложено в хронике Ю. Трубицкого, и Панцырный ничего к его сообщениям не прибавил. Почти все остальные сведения касаются поборов денежных сумм и продуктов, выданных городом. Несмотря на то что король Август II

освободил город от всяких податей на семь лет, в 1707 г. войска Великого княжества Литовского истребовали от города много и денег и продуктов, значительными были поставки на русскую армию, но 12 июля 1708 г. все русские части ушли из Витебска и прибыли в Черему.

Наиболее трагическое сообщение приходится на 28 сентября 1708 г., когда отряд казаков и калмыков под командованием капитана Соловьева сжег город. А. П. Сапунов объясняет это тем, что витебские жители тайно поддерживали короля Станислава Лещинского и шведов¹¹¹. Далее опять следует сообщение о разных поборках.

Заключительные записи М. Панцырного датированы январем 1709 г. За этот год сделаны две записи, касающиеся солнца: 7 января были видны на западе три солнца, а 19 января — на небе два столба, а в середине солнце.

Часть летописи, написанная Чарновским, очень невелика по объему. Все содержащиеся в ней записи предельно кратки, и почти все касаются непосредственно событий, происходивших в Витебске. Хронологически эти записи относятся к 1601—1733 гг. Все известия, содержащиеся в части, которая написана Чарновским (за исключением 1733), имеются у Панцырного, но у Чарновского они еще короче, в них отсутствуют некоторые детали, сообщаемые Панцырным. Вместе с тем у Чарновского даты событий нередко сдвинуты на год, таким образом показывая, что он пользовался не тем календарным стилем, которым пользовался Панцырный. (Витебск, по летописи, был занят русскими войсками не в 1654 г., а в 1653 г.) В общем же, при крайне незначительном объеме части, написанной Чарновским, такие ошибки тоже малочисленны. Кроме известий, касающихся непосредственно Витебска, Чарновский сообщал, что в 1606 г. был «рокош», но даже не сказано, где он был. В 1607 г. к Москве шел «царь Димитрий» (очевидно, второй самозванец).

Последний раздел летописи принадлежит Аверкам, отцу и сыну. С 1710 по 1757 г. записи сделаны Гавриилом Кирилловичем Аверко, все остальное Стефаном Гавриловичем Аверко (он умер в 1759 г.). Записи Гавриила Аверки размещаются на одном листе (л. 24 об. — 25) и охватывают период с 1704 г. по 1757 г. За это время летописец сделал 11 записей. Можно предположить, что старший Аверко делал записи по своим наблюдениям или по своим воспоминаниям только начиная с 1736 г., так как лишь с этого времени записи более или менее постоянны, тем более что за весь предыдущий период имеются только два сообщения: за 1704 и 1710 гг., причем 1704 г. вклинился между 1736 и 1752 гг. Из 11 сообщений Гавриила Аверки пять касаются пожаров в Витебске, два — постройки церквей, два — эпидемий и эпизоотий, одно — о появившейся комете. Самым удивительным в части Гавриила Аверки является то, что в ней нет ни слова о Северной войне.

Стефан Аверко, закончив переписывание текстов, доставшихся ему от предшественников, сделал такое вступление к части, которую написал сам: «До сего времени история писана благородным его милости паном Гавриилом Кирилловичем Аверко, витебским бурмистром и

¹¹¹ Витебская старина, т. I, с. 581.

ландвойтом. Переписана его сыном Стефаном Гавриловичем Аверко в году господнем 1768 в месяце июле 13 дня по русскому календарю. А здесь опять наступает история, выписанная из разных читанных Стефаном Гавриловичем Аверко, который, прочитав, как в какой книге напечатано, так и вписал здесь в 1768 году». Однако С. Г. Аверко после выписок из работ разных авторов в самом конце летописи поместил списки членов магистрата, избранных после получения Витебском магдебургского права, затем список воевод, а также список умерших виднейших жителей города. Этому разделу тоже предшествует небольшое введение: «Здесь ниже находятся иные дела. Здесь вписаны имена и фамилии тех, кто был избран впервые после получения Витебском магдебургни в 1597 г. 17 марта».

И в самом деле, в заключительной части перечислены члены магистрата, включая войта, ландвойта, бурмистров, райшев и лавников, избранных в 1597 г. Далее следует указание, сколько и кому должен Витебск, и затем перечислены витебские воеводы начиная с 1516 г. Аверко отмечает, что он вписал в свою летопись всех воевод, о ком смог собрать данные, но о пяти у него сведений не оказалось. Среди перечисленных в летописи многие умершие носили фамилию Аверко.

В общем, только этот раздел работы С. Г. Аверко и представляет интерес, тогда как выписки из сочинений разных авторов даже не приведены ни в какую систему (начинаются эти записи с 1211 г., за которым следует 1515 г., потом 1416 г., за ним 1240 г., потом 1150 г. и т. д.).

Выписки сделаны из работ Длугоша, Кромера, Бельского, Гербурта, Ваповского, Пясецкого, Приемского, Каховского, Квяткевича, Кояловича, Шатца. Этот список вызывает недоумение: в нем нет некоторых произведений, знакомство с которыми, казалось бы, было необходимым. Прежде всего это касается хроники М. Стрыковского, некоторые известия которого о Витебске основаны на личных впечатлениях. Затем нет упоминания о работе Гваньини, прожившего в Витебске много лет и уделившего в своих работах этому городу какое-то внимание. Кроме упомянутой легенды о Лиздейко, никаких намеков на знакомство с белорусско-литовскими летописями нет. Не заметно также, чтобы кто-либо из авторов читал Снопсис или украинские летописи.

Записи С. Г. Аверко о составе магистрата, витебских воеводах, датах смерти видных витебских мещан, вероятнее всего, основаны на документах магистратского архива, записи Чарновского и в особенности Панщырного базируются в самой основной части на личных наблюдениях или на рассказах очевидцев. Как обычно в то время, цифровые данные, приводимые в летописи, малодостоверны, говоря точнее, они сильно преувеличены. Вместе с тем в части, написанной Панщырным, содержатся уникальные данные из истории Витебска за XVII—XVIII вв.

• • •

Витебская летопись явилась результатом труда ряда лиц, витеблян по месту жительства, мещан по социальному положению. Все они были для своего времени людьми образованными, начитанными, знавшими

(возможно, не все) латинский, польский и русский языки, все они старались изложить историю своего города или хотя бы какой-то ее части, но значимость труда каждого была различной. Едва ли не меньше всех сделал С. Г. Аверко, главной заслугой которого является сведенные воедино работ предшественников. Наибольшее значение имеет часть, написанная М. Панцырным.

Слуцкие хроники и летописи

Третьим белорусским городом, в котором велись летописи и хроники, в том числе городские, был Слуцк. Слуцк впервые упоминается в летописи под 1116 г., когда его захватил минский князь Глеб Всеславич у Владимира Мономаха¹¹³. С 1160 г. Слуцк стал столицей удельного княжества¹¹⁴; в 20—30-е годы XIV в. он вошел в состав Великого княжества Литовского, но и городом и княжеством еще долго владели потомки Слуцких князей (Рюриковичи Туровской линии, последний князь из них — Юрий упоминается в 1387 г.)¹¹⁴. В 1395 г. литовский великий князь Витовт передал города Копыль, находящийся недалеко от Слуцка, а затем Слуцк с княжеством князю Владимиру Ольгердовичу, старшему сыну Ольгерда Гедиминовича, выведя его из Киева. Сын Владимира Александр (Оленько) стал родоначальником новой княжеской Слуцкой династии — Оленьковичей — Слуцких. Во владении Оленьковичей Слуцк находился до 1612 г., когда перешел к Радзивиллам, которым с некоторыми перерывами он принадлежал до 1832 г. С 1832 по 1846 г. Слуцком владел князь Витгенштейн, у которого город выкупило государство.

Уже в XIII—XIV вв. Слуцк был известен как значительный центр ремесла и торговли. Магдебургское право, полученное городом в 1441 г., служит показателем его высокого развития. Будучи владением крупнейших феодалов Белоруссии, Слуцк стал экономическим, политическим и культурным центром князей Оленьковичей — Слуцких. После перехода к Радзивиллам Слуцк утратил первенствующее политическое, а отчасти и культурное значение в пользу «столицы» Радзивиллов — Несвижа, продолжая оставаться важнейшим экономическим и военным центром Радзивиллов.

С 1581 г. в Слуцке существовали при дворе Оленьковичей школа и типография, в 1586 г. были открыты братская школа и типография, в 1617 г. создана гимназия (кальвинская), первая в Белоруссии средняя школа. В XVI в. ряд молодых людей из Слуцка (очевидно, после окончания гимназии) обучались в университетах Кенигсберга и Ингольштадта¹¹⁵. У владельцев города и в Троицком монастыре, расположенном на южной окраине Слуцка, имелась масса рукописей и печатных книг.

Однако Слуцк не смог сохранить свои культурные богатства. А. Ельский, помещик Минской губ. и автор статей по различным вопро-

¹¹³ ПСРЛ, т. II, стб. 282.

¹¹⁴ Грицкевич А. П. Слуцк: Историко-экономический очерк. 2-е изд. Минск, 1970, с. 5—6.

¹¹⁵ Там же, с. 11.

¹¹⁶ Там же, с. 11—12.

сам истории и культуры Белоруссии, в 1890 г. писал, что в Слуцке почти не осталось рукописей, так как они сгорели в 1655 г., а рукописи, сохранившиеся от пожара, после 1863 г. были вывезены в Вильно. Ксендз Антон Мошинский сообщил Ельскому, что ранее в Слуцке были богатые собрания (однако конкретно, что там было и куда девалось, не сказано; очевидно, ксендз тоже знал об этом в самых общих чертах), а сейчас ничего нет. Вместе с тем в Слуцке в 1882 г. имелось очень богатое собрание чрезвычайно редких книг. При евангелическом соборе находилась библиотека, в которой были собраны издания, напечатанные в Любче, Ракове, Слуцке, Несвиже, Остроге, Бресте, Заблудове, Евье, Упите, Супрасли, Кнышине, Луцке, Минске, Вильно, Кейданах, Почаеве и других местах. Были там и документы слуцкого магистрата за 1655 г., материалы о сожжении атеиста Лыщинского и пр. Ю. Бергель, собравший эту редкостную коллекцию книг, умер в 1885 г. в Варшаве, и его библиотеку купил краковский букинист Игель¹¹⁴.

Огнорительно летописи, получившей название Слуцкой (иначе Уваровской) и напечатанной в т. XVII и XXXV ПСРЛ, сказано выше. Здесь же речь будет идти о хронике, которая озаглавлена «Из днарнуша города Слуцка» («Из дневника города Слуцка»), в которой содержится описание двукратной неудачной осады города русскими войсками в сентябре 1655 г. Это произведение написано на польском языке и находится в составе одной из «Тэк» (громоздкие рукописные книги, в которых помещены документы по истории как Польши, так и Речи Посполитой в целом. «Тэки» были сделаны по заказу историографа Польши Адама Нарушевича во второй половине XVIII в.). «Тэка», содержащая слухий «Днарнуш», находится в библиотеке Чарторыйских в Кракове (Специальный отдел, № 148, л. 529—534).

В период, о котором говорится в «Днарнуше», Слуцк принадлежал Богуславу Радзивиллу и, видимо, в то время, когда с него делалась копия для Нарушевича, оригинал хранился в Слуцке или в Несвиже, где находились архив Радзивиллов и их библиотека.

«Днарнуш» начинается с перечисления мер, которые были приняты магистратом для обеспечения населения продуктами в ожидании начала осады. Очевидно, этому разделу предшествовал другой, в котором сообщалось, откуда или хотя бы с какой стороны пришли русские войска.

Буквально «Днарнуш» начинается так: «Во время осады русскими происходила городская сессия (заседание магистрата.— *Н. У.*), на которой было постановлено продавать провнант нужному (т. е. своему.— *Н. У.*) населению таким образом: на день 8 корцев ржи¹¹⁵,

¹¹⁴ *Jelski A. Wzmianka o bibliotece s. p. Juliana Biergleia pastorza w Slucku.*— *Biblioteka Warszawska*, 1890, N 1, s. 26—27; N 2, s. 222—223, 226.

¹¹⁵ Корец — мера сыпучих мер. По изысканиям К. В. Скурата, корец равнялся примерно 101 литру (*Скурат К. У. Даунія беларускія меры.* Минск, 1974, с. 62—64). Однако в данном случае корец не мог содержать 101 литр, так как сделать дневной нормой на семью 800 литров ржи явно было невозможно. Еще в середине XVII в. в Белоруссии, как и во всем Великом княжестве Литовском, размеры были индивидуальны. Исходя из текста хроники, нельзя определить, какого размера был корец в Слуцке, но нужно думать, что он не превышал одного литра.

предупреждая при этом, что продавать хлеб следует только слущким мещанам, но ни в коем случае ни наехавшим в город шляхтичам и их челяди, ни солдатам, ни копылянам (жителям города Копыля, которые тоже укрылись в Слуцке. — Н. У.), ни крестьянам, ни евреям, так как все они должны были иметь собственные запасы».

Город в то время (как, впрочем, и позже) был расположен на обоих берегах реки Случи и делился на Старый город (на правом берегу), в котором находились Верхний и Нижний замки, и Новый город (на левом берегу); кроме того, на правом берегу, к востоку от города, находился православный Троицкий монастырь.

Перед приходом русских губернатор города приказал насыпать вокруг него вал. Его насыпали днем и ночью, и к приходу войск А. Н. Трубецкого укрепление было готово. 2 сентября (по н. ст.) четыре полка русской армии с большим количеством артиллерии под командованием князя Трубецкого подошли с южной стороны к Слуцку, к Троицкому монастырю. Защитники города встретили русских орудийной пальбой, на что русские ответили огнем из ружей. Русская армия выжгла окрестные селения и ночью «подняла крик», но на приступ не пошла. 3 сентября русские начали артиллерийский обстрел, на что город отвечал огнем из своих орудий. Когда рассвело, горожане увидели, что русское войско окружило Слуцк со всех сторон; сам Трубецкой в это время находился в деревне Мысливщине. Эта кампания закончилась 6 сентября, когда русская армия, сняв осаду, двинулась к Несвижу, который и был взят.

Вторично армия Трубецкого совместно с отрядом казаков в 5 тыс. человек во главе с В. Н. Золотаренко (братом наказного атамана) вторично подошла к Слуцку. Перестрелка из орудий и на этот раз не отличалась интенсивностью. Трубецкой предложил жителям и командованию сдаться, но, получив отказ, не рискнул на более энергичные меры. 30 сентября русская армия двинулась к деревне Козловичи. Несколько городских хоругвей выступило вслед уходящим русским частям. Однако они не решились завязать бой.

«Днарнуш» создан вскоре после прекращения военных действий, писал его, вероятнее всего, кто-то из слущких мещан. Так как автор «Днарнуша» пользовался новым календарем, то можно предположить, что он был католиком. В общем же, среди массы документов, которые имеются о войне 1654—1667 гг., слущкий «Днарнуш» дает краткое, но отчетливое представление об одном из эпизодов многолетней войны на территории Белоруссии между Россией и Речью Посполитой в середине XVII в.

* * *

В 1867 г. П. А. Гильтебрандт и А. Л. Миротворцев, работая в архиве Радзивиллов в Несвиже, обнаружили «маленький отрывок из Слуцкой летописи начала XV в. в латинской транскрипции XVIII в.» Вот этот отрывок: «И зараз кнегиня град около града заложила и низина ровнаты ся и подвышаты ся почела и в коротком часе великое мнозство людзи славных, годных, можных, верных и зчливых мирян намножило ся на мешканье, и тиснути ся почали взглядом покою от неприся-

телев настулавших. Тая ж кнегния церковь соборную Пресвятое Богородицы на Высоком городе названы дытынец зачавшы и скончыла року 1409»¹¹⁸⁻¹¹⁹.

Оба археографа, обнаружив белорусский текст, написанный латиницей, переписали его и напечатали гражданским русским шрифтом, не оговорив, как обычно, по каким правилам это было сделано. При двойной переделке шрифтов текст Гильтебрандта и Миротворцева должен несколько отличаться от оригинала, но можно думать, что отступления не получились столь значительными, чтобы разница между оригиналом и изданным в 1867 г. текстом была существенной. При чтении приведенного отрывка в глаза бросается слово «людзи». В оригинале (кириллицей) оно не могло быть так написано, поскольку «дзеканье» для белорусской письменности XV—XVI вв. неизвестно. Впрочем, возможно, что в том отрывке, который читали Гильтебрандт и Миротворцев, было написано иначе, слово же «людзи» получилось в результате опечатки. Затем, едва ли в оригинале было написано «ровнаты», «подвышаты». Очевидно, в рукописи на конце этих слов в латинской транскрипции стояла буква «у», которая в белорусской письменности XVIII в., писанной латиницей, читалась и как «ъ», и как «и». Следовательно, эти слова, вероятнее всего, следовало читать как «ровнати», «подвышати».

Гильтебрандт и Миротворцев, очевидно учитывая дату, показывающую, что строительство случкого детинца было окончено в 1409 г., принимают эту дату. То же делает и исследователь истории Слуцка А. П. Грицкевич¹²⁰. Однако анализ текста заставляет усомниться в этой дате, т. е. что запись была осуществлена в 1409 г. В отрывке сообщается, что в Слуцке был заложен «град около града». Следовательно, к тому времени, когда началось описанное в летописи строительство «града», один «град» уже существовал. Вероятнее всего, это было историческое ядро города — «Высокий город», в котором позже построили соборную церковь Пресвятой Богородицы. Поскольку в Слуцке в XVI в. имелись Верхний и Нижний замки, притом это были самые древние части Слуцка, сообщение летописи не вызывает сомнений. Соответствует действительности и сообщение, что при постройке «града при граде» (очевидно, Нижнего замка) пришлось «низина ровнаты и подвышаты», так как Слуцк расположен на ровной низкой местности и его укрепления построены на искусственно насыпанных возвышениях. Для Белоруссии это не было исключением: Радошковичский, Лидский, Борисовский¹²¹ и ряд других замков были построены точно так же. Значит, и эта часть отрывка не вызывает сомнения.

Однако даты, приведенные здесь, сомнительны. В 1409 г. (когда строили «град») Слуцк принадлежал Владимиру Ольгердовичу (год смерти этого князя неизвестен) или его сыну Александру — Олельку только в течение 14 лет. Олельку в 1409 г. был, очевидно, еще подрост-

¹¹⁸⁻¹¹⁹ АСД. Вильяв, 1867, т. I, с. VII.

¹²⁰ Грицкевич А. П. Частновладельческие города Белоруссии в XVI—XVIII вв. Минск, 1975, с. 203.

¹²¹ Чантурия В. А. История архитектуры Белоруссии: Дооктябрьский период. Минск, 1969, с. 31, 35 и др.

ком, так как женился (на дочери великого князя московского Василия Дмитриевича Анастасии) в 1417 г.¹²², что, следовательно, произошло уже после постройки как «града», так и церкви. Княгиня, которая организовала строительство замка и церкви, была, очевидно, вдовой (иначе, почему распоряжался в городе не князь, а княгиня!), притом женщиной властной, умевшей защитить свои владения. Поскольку Александр Владимирович (Олелько) в 1409 г. еще не был женат, то княгиней, руководившей строительными работами в Слуцке, могла быть только его мать.

Если же обратимся не к началу XV в., а к началу XVI в., то увидим, что данные летописи во многом увязываются с обстановкой того времени. В начале XVI в. Слуцком и княжеством управляла вдова Семена Михайловича Слуцкого, умершего в 1503 г.— Анастасия, дочь князя Мстиславского. Это она сумела организовать оборону города как против татар, часто нападавших в начале XVI в. на Слуцк, так и против князя Михаила Глинского, пытавшегося взять город в 1508 г.

Поэтому утверждение летописи, что в Слуцк устремлялось «множество» людей «можных» (богатых, сильных), «взглядом покою от неприятелю наступавших», полностью согласуется с предыдущей частью.

Вместе с тем некоторые места не согласуются со всем сказанным. Так, в Слуцке в начале XVI в. не только были оба замка (Верхний и Нижний), но город перекинулся и на другую сторону реки Случи, и поэтому считать, что «град» был построен при княгине Анастасии и по ее распоряжению, нет оснований.

В летописи, написанной на языке, на котором писаны белорусско-литовские летописи XVI в., встречаются архаизмы, ведущие, может быть, даже не в начало XV в., а в более ранний период. В особенности это касается терминов, обозначающих укрепленную и наиболее старую часть города. В Слуцкой летописи эта часть называется или «дытынец» (детинец), или «град». В летописях примерно с середины XV в. твердо установились термины «замоу» для детинца и «место» для собственно города, той части, которая в русских источниках называется «посад», слово «град» если и встречается, то в виде исключения.

Летопись сообщает также о постройке в том же 1409 г. церкви Пресвятой Богородицы. Ряд авторов утверждает, что такая церковь была построена именно в 1409 г., однако все эти сообщения основаны на том же приведенном выше отрывке¹²³. Детализируя это сообщение, архимандрит Николай отметил, что «замковая Успенская церковь в память победы над татарами» была построена в 1409 г. князьями Олельковичами¹²⁴. Это уже почти фантастическое сообщение хотя бы потому, что в 1409 г. князей Олельковичей не существовало, так как их родона-

¹²² *Boniecki A. Poczet rodow w Wielkiem ksęstwie Litewskim w XV—XVI wieku.* Warszawa, 1887, s. 316.

¹²³ Тр. Минского губернского статистического комитета: Историко-статистическое описание девяти уездов Минской губернии. Минск, 1870, вып. I, с. 233.

¹²⁴ *Николай*, архимандрит. Историко-статистическое описание Минской епархии. СПб., 1864, с. 188. Эта же версия повторена затем Д. З. Щендрюком и А. П. Сапуновым (Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1905, т. IX. Верхнее Поднепровье и Белоруссия, с. 528).

чальник князь Александр — Олелько (как уже указывалось) еще не был женат и не имел детей, которые и начали называться Олельковичами. Кроме того, о победе над татарами в начале XV в. у Слуцка (а именно в честь этой победы должна быть построена церковь) неизвестно. Зато о наличии замковой церкви в начале XVI в. имеются вполне определенные данные. В хронике Быховца сказано, что в 1502 г. князь Семен Михайлович Слуцкий прибыл в свой «град». Взглянув из замка, из церкви святого Юрия, за речку Случь, князь увидел татар, скакавших по улицам «места»¹²⁸. «Замок» — это и есть «дытынец» Слуцкой летописи. Если князь Семен смотрел из церкви святого Юрия, то, значит, в 1502 г. в замке должны были находиться по крайней мере две церкви (святого Юрия и Богородицы).

В целом представляется, что в Слуцке (возможно, как раз при церкви Богородицы) в начале XV в., а может быть и гораздо раньше, были сделаны записи о событиях, которые затем, в начале XVI в., были включены в летопись, отчасти сохранив архаический язык более ранней эпохи, а вместе с тем перенеся обстановку начала XVI в. на столет назад. Возможно, и то, что в летописи при ее переписывании вместо «1509» было поставлено «1409».

Из-за краткости сохранившегося текста нельзя определить, был ли это отрывок из летописи, посвященной специально городу Слуцку, что представляется сомнительным, или это фрагмент произведения, излагавший в основном историю князей Слуцких, что кажется гораздо более вероятным. Однако, поскольку имеющийся текст касается лишь города, отнесем эту летопись к городским.

При всех неясностях очевидно, что Слуцк в течение длительного времени был городом, где составлялись летописи или «Днарнушн», и, пожалуй, можно не сомневаться, что исторических произведений, в которых излагалась история города и княжества, было гораздо больше, чем мы знаем сейчас. Двадцать лет Слуцк был столицей одного из самых крупных, богатых и культурных княжеств Белоруссии, в котором была собрана масса культурных ценностей, владельцы которых до самого конца (последняя княжна Слуцкая, жена Радзивилла, умерла в 1617 г.) оставались православными и числились покровителями «русской» веры и народности.

Городские хроники и летописи составляют для Белоруссии специальный вид летописания; это один из видов культурного наследия, оставленного белорусскому народу его предками-горожанами.

¹²⁸ ПСРЛ, т. XXXII, с. 169.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Белорусско-литовское летописание велось с перерывами в течение трехсот лет — с середины XIII в. до середины XVI в. Спустя сто лет после прекращения общегосударственного летописания в разных городах Белоруссии начали составлять хроники, посвященные главным образом событиям в этих городах.

В т. XXXII и XXXV «Полного собрания русских летописей» помещены 17 известных сейчас памятников летописного характера. Напечатанные в т. XXXV ПСРЛ летописи очень близки между собой, однако в каждой из них имеется что-либо, отсутствующее в остальных. Учитывая это, все они напечатаны отдельно полностью.

Если учесть, что у Стрыйковского было 15 летописей, ни одна из которых до нас не дошла, то мы имеем данные о 32 летописях. Это, конечно, лишь остатки той богатой литературы, которая имелась в свое время. Наличие школьной сети в стране и относительно высокий процент грамотного населения в городах позволяет предположить, что интересующихся летописями в XVI в., да и ранее было немало. Записи на полях Радзивилловской летописи говорят о том, что она побывала в пользовании лиц весьма среднего достатка, а ведь иллюстрированная летопись стоила гораздо больше обычной.

Во всех странах мира старинные, часто обветшавшие, рукописи если не истреблялись преднамеренно, то гибли от недосмотра. В этом отношении Белоруссия и Литва не составляли исключения. Однако здесь неблагоприятные условия имели исключительные размеры. Из всех районов СССР на территории Белоруссии и Литвы войны были особенно частыми и губительными. Следовательно, здесь истребление культурных ценностей (не говоря о прочем) происходило особенно интенсивно. Свой «вклад» в это дело внесли религиозные раздоры и колонизация верхушки населения. Примерно с середины XVII в. письменность и в Белоруссии, и в Литве стала переходить на польский язык, т. е. на латиницу. К середине XVIII в. этот процесс зашел так далеко, что когда нужно было переписать какой-либо старинный документ, писанный на старобелорусском языке кириллицей, его переписывали на том же языке, но латиницей. Написанное кириллицей становилось непонятым, и ценность таких рукописей снижалась.

Центрами, где собирались как рукописи, так и печатные книги, были монастыри. На примере Супрасльского монастыря видно, насколько богаты там были собрания, и едва ли этот монастырь был исключением. Гораздо более вероятно, что мы знаем о нем больше потому, что в свое время были опубликованы его инвентари. Велики были

собрания рукописей и книг у магнатов; крупнейшим из них было собрание Радзивиллов в Несвиже.

Общепризнанным является положение, что главным центром белорусско-литовского летописания был Смоленск (естественно, в то время, когда он находился в составе Великого княжества Литовского). Вопрос о том, велось ли летописание в Новогрудке, является дискуссионным. Однако предположение, что летописание эпохи Миндовга — Войшелка велось именно там, можно принять как вполне правдоподобное.

Вопрос о существовании полоцкого летописания находится за пределами нашего исследования.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АСД — Археографический сборник документов, относящихся к истории северо-западной России
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
- ИЮМ — Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской
- ЛЗАК — Летопись занятия Археографической комиссии
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Август, имп. римский 94
 Август II, кор. польский и вел. кн. литовский 178, 191, 192, 197, 198, 219, 227, 228
 Август III, кор. польский и вел. кн. литовский 195
 Аверки, мещане витебские, авторы одной из витебских летописей 4, 229
 Аверко Гаврил Кириллович, мещанин, один из авторов витебской летописи 219—221, 229
 Аверко Дмитрий, мещанин витебский 220
 Аверко Стефан Гаврилович, один из авторов витебской летописи 220, 221, 229—231
 Авижонис (К. Avijonpis K.), историк литовский 24, 25
 Авраамка, монах, переписчик летописи 18, 51
 Адам, библ. 66
 Адамович Адам, виновник поражения русских под Дерптом (ошибочно) 227
 Адриан (Adrian), папа римский 222
 Адриан, патриарх всея Руси 181
 Адриан, патриарх константинопольский 181
 Айзик, вор 200
 Агнмонт см. Ольгимонт
 Аксинья, ж. кн. Одища Федора см. Одинец Ксения
 Александр Витовт см. Витовт
 Александр Казимирович, вел. кн. литовский и кор. польский 53, 64, 76, 84, 107, 114, 216
 Александр Корнатович, кн. новогрудский, с. кн. подольского Корната-Михаила 119, 121
 Александр Македонский, полководец и гос. деятель 76
 Александр-Оленько, кн. Слуцкий см. Слуцкий
 Александр-Оленько, кн. Алексеев Л. В., археолог 218, 221, 222
 Алексей Михайлович, царь 201, 225
 Алридов род см. Ольгердов род
 Альнпек, автор рифмованной ливонской хроники 10
 Амартол Георгий, хронист византийский 40
 Амонт см. Шварн
 Амурат, султан 62
 Анастасия, д. вел. кн. московского Василия Дмитриевича, ж. Александра, кн. Оленько-Слуцкого 235
 Анастасия, д. кн. Мстиславского, ж. кн. Семена Михайловича Слуцкого 235
 Андрей, кн. киевский 115
 Андрей (Андрих, Генрих), магистр ливонский 97—99, 103
 Андрей, кн. полоцкий и псковский, с. вел. кн. литовского Ольгерда 66, 73
 Андрей Юродивый, автор «Житий» 37
 Андрей Юрьевич Боголюбский, кн. владимиро-суздальский 47
 Анна, ж. вел. кн. литовского Ольгерда (ошибочно) 112
 Антиох, царь сирийский 56, 117, 146
 Антонович В. Б., историк 16, 17
 Анцелот, герой средневековой повести 55
 Аполлон см. Палемон
 Арвид см. Ердвил
 Аркнридов род см. Ольгердов род
 Арнаутов В. А., историк 54
 Аттила, предводитель гуннов 54, 55, 70, 93, 94, 117, 130
 Адет, библ. 53
 Ахмат-Гирей (Сахматкнрей), хан татарский, крымский царевич, с. Менгли-Гирей 108, 109
 Ач-Гирей, хан перекопский 125
 Бабич Константин, кн. 31
 Бакланов Д., владелец Красноярского списка хроники 78

* Принятые сокращения: архиеп.— архиепископ, архим.— архимандрит, библ.— библейский, вел. кн.— великий князь, ВКЛ — Великое княжество Литовское, ген.— генерал, гос.— государственный, гр.— граф, д.— дочь, еп.— епископ, ж.— жена, иг.— игумен, имп.— император, кнг.— княгиня, кнж.— княжна, кн.— князь, кн-я — князя, кор.— король, королева, легенд.— легендарный, летоп.— летопись, митр.— митрополит, м-рь — монастырь, св.— святой, святая, с.— сын, ц.— церковь. Составитель указателей В. Г. Шерстобитова.

- Балаклай (Бала, Булак-лай), полководец татарский 151, 165—167
 Бантыш-Каменский Д. Н., историк, с. Бантыш-Каменского Н. Н. 209
 Бантыш-Каменский Н. Н., историк 206, 207, 209, 212, 215
 Барбаросса *см.* Фридрих Барбаросса
 Барвинский Б. (Барвінський Б.), историк 55
 Баторий Стефан *см.* Стефан Баторий
 Батура Р. К. (Batura R.), историк 3, 20, 164, 165
 Батый (Бату), хан татарский 53, 62, 113, 135, 153, 158, 165, 166, 169
 Баур, ген. шведский 228
 Бевет, ген. короля польского Августа II 184
 Без-Корнилович М. О., историк 200
 Белокуров С. А., историк, археолог 44, 48
 Белый Петр Иванович *см.* Монтигирдович Петр Янович
 Бельский Иохим (Bielski I.), хронист польский 136
 Бельский Мартин (Bielski M.), хронист польский 19, 25, 83, 92, 102, 108, 112, 113, 136, 219, 230
 Бельский Семен Иванович, кн. 123
 Бергель Ю. (Bergel Julian), кальвинистский пастор в г. Слуцке 232
 Бильдокевич, шляхтич, предводитель отряда сторонников Сапег 227
 Бирута, ж. вел. кн. литовского Кейстута 60, 84, 119, 120, 127
 Бобровский М. К., филолог 38, 40—44
 Бобровский П. О., ген., автор работ о Гродненской губ. 34, 35, 38, 40, 42, 43
 Бова, герой средневековой повести 55
 Бодянский О. М., филолог-славист 3, 15, 16, 22, 55
 Болеслав Стыдливый, кор. польский 126, 223
 Болховитинов *см.* Евгений, митр.
 Бонецкий А. (Boniecki A.), автор работ по генеалогии шляхетских фамилий ВКЛ 30, 67, 235
 Бонча-Синицкие *см.* Синицкие-Бонча
 Бонча-Синицкий *см.* Синицкий-Бонча
 Борнс, легенд. кн. полоцкий, с. кн. Гнивила 72
 Борнс, кн., с. вел. кн. Ольгерда (очевидно, назван вместо Дмитрия) 66
 Борнс Александрович, вел. кн. тверской 127
 Борк, легенд. кн. литовский, с. кн. Палемона 133, 139, 147, 148
 Братановский Анастасий, архиеп. могилевский 205, 209
 Брике Ш. (Briquet S.), автор работ о филлиграфиях 52
 Брюкнер А. (Brückner A.), историк, филолог 55, 56
 Бречислав Изяславич, кн. полоцкий 218
 Буганов В. И., историк 8, 75
 Будилович А. С., филолог 44
 Булаклай *см.* Балаклай
 Булевичи, кн. литовские 145
 Бурундай, полководец татарский 164, 165
 Буслаев Ф. И., филолог 78
 Бутав, кн., с. вел. кн. Ольгерда 66
 Быховец Александр, помещик, владелец рукописи 6, 11, 67, 68
 Быховец Иосиф, философ 67
 Бычков А. Ф., археолог 51, 58
 Бычков И. А., археолог, библиограф 219
 Бычкова М. Е., историк 8
 Бялобрежский Михаил, польский писатель 39
 Вайтович (Вайтовіч) Н. Т., филолог 81
 Валовский Бернард, хронист польский 82, 83, 91, 105, 106, 108, 113, 115, 117, 119, 129, 230
 Варвара Радзивилл *см.* Радзивилл Варвара
 Василевские И. (Vasilevskienė I.), историк 59
 Василевские, мешане могилевские 185
 Василий *см.* Лаврыш
 Василий, кн. галицкий и владимирский 85
 Василий I Дмитриевич, кн. московский 49, 235
 Василий II Васильевич Темный, вел. кн. московский 51, 57, 127
 Василий III Иванович, вел. кн. московский, 53, 66, 127
 Василий Иванович Шуйский *см.* Шуйский Василий Иванович
 Васильев Иван, пономарь 62
 Василько Романович, кн. владимиро-волинский 96, 100, 165
 Вахевич Б. А., историк 23, 61, 62
 Вашило, один из предводителей восстания в г. Кричеве 185, 193, 198, 214
 Вергилий, поэт римский 138
 Веремта Касьян Римлянин, писатель 37
 Верто Р. (Vertole R), аббат, историк французский 183
 Вигунт (Викгунт) Александр, кн., с. вел. кн. Ольгерда 66
 Видимонт, дядя Бируты, ж. вел. кн. Кейстута 127
 Викинт, кн. литовский 145
 Викинт (Виконт, Немав, Мемонос), легенд. кн. жемайтский, с. кн. жемайтского Монтвила 96, 112, 116, 140—142, 144, 145, 152, 154
 Виликалн, легенд. кн. литовский 145
 Вилли (Виллос), легенд. кн. литовский 135, 136
 Вильгельм, принц австрийский, жених кор. польской Ядвиги 124

- Васмют см. Вишмут
 Витвицкая А. В. (Витвицкая О.), историк 54
 Витгенштейн П. Н., кн. 231
 Витень (Витенес), вел. кн. литовский 84, 114, 118, 119, 144, 146, 157, 160
 Витовт Кейстутович, вел. кн. литовский, с. вел. кн. литовского Кейстута 17, 18, 21, 27, 49, 60, 60, 64, 74, 82, 84, 112, 114, 117, 118, 120—122, 124, 125, 127, 131, 207, 231
 Вишмут (Висмут), кн. литовский 145
 Вишневецкая, кнж., ж. Ходкевича Григория 33
 Вишневецкие, кн-я 226
 Вишневецкий Иеремия, кн. 78
 Вишневецкий Михаил, хор. польский и вел. кн. литовский 52
 Виук-Коялович см. Коялович-Виук
 Владимир Андреевич, кн. старичий 63
 Владимир Васильевич, кн. владимири-волинский 73
 Владимир Всеволодович Мономах, вел. кн. киевский 231
 Владимир Данилович, кн. галицко-волинский 166
 Владимир Ольгердович, кн., с. вел. кн. литовского Ольгерда 121, 231, 234
 Владимир I Святославич, вел. кн. киевский 85, 222, 223
 Владислав IV, хор. польский и вел. кн. литовский 55, 77, 79, 201
 Войдяло, слуга вел. кн. литовского Ягайло 127
 Войшелк (Войшилок), вел. кн. литовский, с. вел. кн. литовского Миндуга 19, 72, 84, 95, 100—103, 128, 129, 132, 142, 143, 145, 146, 158, 159, 168, 238
 Вол, шляхтич 84
 Волкайте-Куликаускаене Р. К., историк 149
 Волович Юрий, пан 118
 Волчанский Иероним, еп. белорусский 184, 186, 195, 198, 214
 Вольфф И. (Wolff I.), историк польский 89, 161
 Востоков А. Х., языковед 41
 Вульгата, переводчик Библии на латинский язык 37
 Выслоух Северин (Wyszloch S.), историк польский 175
 Вялова С. Я., филолог 199
 Гапон, мещанин могилевский, работник могилевского магистрата 181
 Гастольд (Гастольдус) см. Гаштольд
 Гаштольд, воевода подольский 84
 Гаштольд, легенд. спутник Палемона, родоначальник рода Гаштольдов 73, 115, 116, 119, 160
 Гаштольд Альбрехт Мартинович, воевода новогрудский 161
 Гаштольд Андрей, воевода виленский 161
 Гаштольд Войтех 59
 Гаштольд (Гаштольдович) Мартин 161
 Гаштольд Станислав Альбрехтович, воевода новогрудский 161
 Гаштольд Ян (Иван), воевода виленский 105, 106, 161
 Гваньини А., автор историко-географических работ 25, 76, 181, 230
 Гандон, герой средневековой повести 54, 55
 Гедимины, вел. кн. литовский 11, 16—18, 27, 51, 57, 73, 78, 82, 114, 119, 121, 123, 126, 129—131, 143, 161, 163, 224
 Гедиминовичи 150
 Гедройц Мельхиор, еп. жемайтский 114
 Гедрус, легенд. кн. литовский, с. кн. Романа 144, 157
 Гейза, хор. венгерский 222
 Гектор, один из легенд. спутников Палемона 159
 Генрик, маршалок магистрата Ливонского ордена 119
 Генрих см. Андрей, магистр ливонский
 Генрих Валуа («Француз»), хор. польский и вел. кн. литовский 190, 201
 Генрих Латвийский, автор хроник 10
 Георгий см. Борис, легенд. кн. полоцкий
 Герасим, еп. смоленский, потом интр. 21, 23, 27, 224
 Герберштейн Сигизмунд, имперский дипломат, путешественник 113, 127
 Гербурт, хронист 106, 115, 117, 230
 Гермонт, легенд. кн. литовский, с. кн. Сандригайло 144
 Гилигин, легенд. кн. литовский, с. кн. Гермонта 144
 Гильтебрандт П. А., археограф 206, 233, 234
 Гимбут, легенд. кн. жемайтский, с. кн. Куноса 139, 140, 145, 148, 152
 Гинвил (Борис, Георгий), легенд. кн. полоцкий, с. кн. Мингайло 72, 123, 142, 150, 163
 Гирус (Кирус), легенд. кн. литовский и жемайтский, муж Пяты 103, 133, 139, 141, 160
 Глеб, кн. 168
 Глеб см. Глеб Всеславич
 Глеб, кн. смоленский 165
 Глеб Всеславич, кн. минский 170, 231
 Глеб Рогволодович, кн. полоцкий, с. кн. Рогволода-Василия 142
 Глебович Николай Юрьевич, староста дрогичинский 118
 Глебович Петр, воевода новогрудский, наместник хреватский 161
 Глинский Михаил, кн., руководитель восстания 1508 г. 64, 70, 235

- Говорский К. А., историк, археограф 33
 Голенченко Г. Я., историк 175
 Голицын И. И., историк 209
 Голицын В. И., кн. 189, 196, 222
 Гольшовские, кн-я, ветвь кн-зей Одинцевичей 30
 Гольша (Гольшас), легенд. кн. литовский, с. кн. Романа, родоначальник князей Гольшанских 144, 157
 Гольшанские, кн-я 160—162
 Гольшанский Андрей Альгамунтович, кн. 115
 Гольшанский Михаил Ивалович, кн. 21, 60
 Гольшанский Павел, еп. вилениский, кн. 74
 Гольшанский Семен Юрьевич, кн., воевода новогрудский, староста луцкий 161
 Гольшанский Юрий Семенович, кн. 105, 106
 Горбачкий Иосиф, митр. киевский 210
 Гортанский Н. Г., переводчик Могилевской хроники 6, 179, 180, 183, 184, 187, 198—203
 Гостомысл, легенд. 62
 Гравинсус, Гравинсус *см.* Гровж
 Грекул Ф. А., историк 8
 Григорий, архим. галицкий 100
 Григорий, св. 65, 100
 Григорий Богослов, один из «отцов церкви» 35
 Григорий Двоеслов 35—36
 Григорий Иванович, переличник Супрасльской летописи 29
 Гришкевич А. П., историк 227, 231, 234
 Гровж (Гравинсус, Гравинсус, Игровкис, Кгровж, Кгровжс), легенд. родоначальник Монивидов 116, 133, 134 160, 162
 Группь *см.* Крумпь
 Грушевский М. С. (Грушевський М. С.), историк 17
 Гук, работник могилевского магистрата 181
 Гуревич Ф. Д., археолог 163
 Давыд Мстиславич, кн. луцкий 167
 Давыт, кн. литовский 145
 Далматов Н. *см.* Николай, архим.
 Даниил, иг., автор «Хождения в святыи град Иерусалим» 57
 Даниил Романович, кн. галицко-волынский 96, 100—102, 145, 158, 165, 167, 168
 Данилович И. Н. (Dąbowski I.), историк 4, 5, 9—16, 18, 19, 22, 29, 34, 39, 42—45, 67, 68
 Дарспрунг *см.* Довспрунг
 Дашкевич Н. П., историк украинский 17
 Дашко Федорович, кн. 64
 Демьянович А. П., археограф 204
 Деспот-Зенович Юрий, кн. 201
 Детрил Каролус, полководец прусский 119
 Дионисий Ареопagit, еп. первый афинский 35
 Длугош Ян (Długosis J.), хронист польский 19, 25, 50, 82—84, 102, 105, 106, 111, 113, 115, 117, 120—122, 124, 128, 135, 169, 171, 172, 219
 Дмитриева Р. П., составитель библиографии по летописанию, литературовед 4
 Дмитрий, кн. друцкий 117
 Дмитрий, кн. киевский (?) 112, 134
 Дмитрий Иванович Донской, вел. кн. московский 63, 127
 Добкевич Христофор, владелец рукописи—летописи, получившей название Ольшэвской 59
 Добрянский Ф. Н., историк 34, 37, 46
 Довгирд (Долгирд, Долгирд), воевода вилениский 45
 Довгирд, наместник Витовта в подольских замках 122, 125
 Довмонт, кн. литовский, позднее кн. псковский 100, 126, 146
 Довмонт, кн. утянский 111
 Довмонт Романович, легенд., с. кн. Романа 144, 157
 Довнар-Запольский М. В., историк 80, 179, 180
 Довойна, шляхтич 104
 Довойна Станислав Станиславович, воевода полоцкий 162
 Довоины, магнаты 134, 153
 Довспрунг, кн. литовский 134, 145
 Довспрунг (Дарспрунг, Доспрунгус), легенд. кн. литовский 133, 134, 139, 141, 142, 148, 149, 159, 160
 Долгирд *см.* Довгирд
 Долгов В. С., археограф 62
 Долгорукий, кн. 196
 Дорогостайские, магнаты 171
 Дорошкевич А. М., историк 198
 Доспрунгус *см.* Довспрунг
 Драгун Ю. И., историк 27
 Друцкие, кн-я 30, 108
 Друцкий Семен Дмитриевич, кн. 116
 Дубина, предводитель отряда казаков 225
 Дубровицкий Иван, кн. 63
 Досбург Петр, хронист 82, 83, 111, 119, 128, 169
 Евгений, митр. (Болховитинов) 53
 Евадокя, ж. вел. кн. Дмитрия Ивановича Довского 63
 Евреннов П., владелец рукописи 66
 Евфимия, св. великомученица 36
 Евфросиния, кнж. 223
 Едвинд *см.* Ердвиня
 Ежи *см.* Юрий Лингвеневиц
 Ейкша *см.* Ейкинс
 Ейкинс (Ейкша, Ейкшис, Екшис, Ечькшис, Кекшевиц, Ликшис, Эвксус, Эйсус), ле-

генд. родоначальник
Довойнов 133
Ейкшис см. Ейкшис
Екатерина II, имп. 195
Екшис см. Ейкшис
Елена Ивановна, кнж., ж.
вел. кн. литовского
Александра Казими-
ровича 53, 76, 201, 216
Елеонский Ф. Г., архео-
граф, историк 7, 187,
204—209, 211—213, 215
Елизавета (Елена), ж.
вел. кн. литовского Ка-
зимира Ягайловича 216
Ельский А. (Jelski A.),
помещик, автор работ
по истории Белоруссии
231, 232
Ердивил (Аравд, Едвиль,
Кривунт, Редивил,
Скилмонт, Скримонт,
Скирмонд, Скирмонт,
Скирмунт, Эрдивил), ле-
генд. кн. литовский, с.
вел. кн. жемайтского
Монтвила, родоначаль-
ник вел. кн. новогруд-
ских 71, 96—97, 104,
112, 115, 116, 126, 133,
134, 140—142, 144, 145,
150—156, 158, 159, 224
Ецькшис см. Ейкшис

Живибунд (Живинбуд,
Живинбуд, Зивибунт),
легенд. кн. литовский
141, 154, 155, 160, 169,
170
Живинбуд см. Живибунд
Живинбуд, кн. литовский
145
Жигмунд см. Сигизмунд
III Ваза
Жидмонт см. Сигизмунд
Кейстутьевич
Жикмонт см. Сигизмунд
Кейстутьевич
Жилко Дмитрий, кн. 108
Жилос И., историк 24, 25
Журовский В., архив. 40
Жучкевич В. А., географ
30, 31

Заберезинский Ян Юрье-
вич, наместник полоц-
кий, воевода новогруд-
ский 64
Зашойский, гр., владелец
вдольтежи 42

Замыцкий Константин (Се-
мечко), кн. 109
Зара, поп могилевский 188
Заславские, кн-я, владе-
льцы рукописи в с.
Великая Берестовица
11, 68, 87, 88, 91, 93,
129
Зенович Криштоф Юрь-
евич, воевода брестский
89
Зенович Николай Бо-
гуславович, староста
минский и каштелян по-
лоцкий 89
Зенович Николай Юрь-
евич, подкоморий ош-
мянский 118
Зенович Станислав
Юрьевич, подкоморий
вилькомирский, позже
каштелян новогрудский
88—89
Зенович Ян Юрьевич,
каштелян витебский 89
Зеновичи, феодалы 89
Зивибунт см. Живибунд
Зигфрид, магистр ливон-
ский 127
Золотаренко В., брат на-
казного атамана 233
Золотаренко И., полков-
ник украинский, потом
наказной атаман 196,
214
Зубрецкий (Зубевич),
кн. 71

Иван Алексеевич, царь,
с. царя Алексея Михай-
ловича 197
Иван I Данилович Калы-
та, вел. кн. московский
85
Иван III Васильевич, вел.
кн. московский 66, 109,
110, 122, 216
Иван IV Васильевич Гроз-
ный, царь 52, 63, 189,
224, 225
Иван Якимович см. Яки-
мович Иван
Игель, бухинист краков-
ский 233
Игровжис см. Гровж
Изяслав, кн. новогруд-
ский 158
Изяслав, кн. свислочь-
ский 168
Иисус Навин, библия. 36

Иисус Христос, библия. 57,
157, 159
Иконников В. С., история
179, 180
Ильинский, житель г. Мо-
гилева 210
Ильинский А. Г., исто-
рик 85
Иоанн Богослов, библия,
один из «отцов церкви»
37
Ионинас И. (Jonupas I.),
историк 24, 25
Иосафат Кунцевич, ар-
хиепископ уннатский
45, 188, 190, 207, 216,
218, 219, 226
Иосиф, митр. киевский 225
Иосиф II, имп. Священ-
ной Римской империи
195
Иосиф Флавий, древне-
еврейский историк 76
Ирод, царь Иудеи 117,
146
Истра см. Спера

Кадлубек Винцент, хро-
нист польский 102, 109,
171
Казакевич А. Н., историк
4
Казмир Ягайлович, вел.
кн. литовский и кор.
польский 21, 31, 36,
59, 105, 106, 117, 119,
120, 124, 125, 128, 129,
216
Кайдан (Койдан, Кадан,
Кайду), полководец та-
тарский 113, 165, 166
Каманин И. М. (Каман-
ин I), историк 54
Каменецкий, полковник
228
Кампей (Кампаниус,
Кампанюс) см. Струм-
люс
Караболь, шляхтич 113
Карамзин Н. М., исто-
рик 169, 216
Карл XII, кор. шведский
185, 191, 193, 199, 203
Кавл Детрил см. Детрил
Каролус
Карский Е. Ф., филолог,
языковед 3, 55—57
Карсюк Иван, житель г.
Слуцка 132
Каховский, хронист 230

- Качей (Качибей), хан татарский 52
 Квяткевич, хронист 230
 Кгровж, Кгровжис см. Гровж
 Кгрумпь см. Крумпь
 Кезгайло Михаил, воевода виленский и канцлер ВКЛ 105, 106
 Кезгайло Ян, староста жемайтский, каштелян виленский 105, 106
 Кейстут, вел. кн. литовский 18, 19, 49, 60, 82, 84, 119, 127, 131
 Кекшевич см. Ейкшис
 Кернус, легенд. кн. литовский, с. кн. Куноса 114, 139, 141, 142, 148, 149, 152
 Кидан, полководец татарский 155
 Кимбарь Сергей, архим. Супрасльского м-ря 35, 36
 Киприан, митр. 63
 Кирей, царевич крымский 62
 Кирилл, просветитель славянский 222
 Кирилл Иерусалимский 35
 Кирус см. Гирус
 Кишка Леон, митр. униатский 34
 Кишка Станислав Петрович, гетман ВКЛ 107
 Клепиков С. А., автор работ о филигранях 176
 Климашевский Ипполит, учитель гимназии, первый опубликовал отрывок хроники Быховца 67—69
 Кмита Филон, староста оршанский 33
 Козлов В. П., историк 198
 Козьма Индикоплов, купец византийский, автор «Христианской топографии» 37, 38
 Козьма Романович см. Романович Козьма
 Койдан см. Кайдан
 Коленда Гавриил, архим. Супрасльского м-ря 38
 Коллинги, легенд. кн. литовский, с. Скирмонта 156, 157
 Колумб Христофор, мореплаватель 225
 Коломны 114, 115
 Компан, легенд. спутник Палемона 160
 Кондрат (Конрад), кн. мазовецкий 145
 Конисский Георгий, архиеп. белорусский 195
 Конос см. Кунос
 Константин V, имп. византийский 62
 Константин Корнятович, кн. 73, 121, 124
 Копаев А. И., историк 48
 Копинский Исаия, митр. киевский 78
 Копитар, славист 41
 Копыцкий З. Ю., историк 173, 174
 Корецкий В. И., историк 8
 Корнат-Михаил, кн. подольский, с. вел. кн. Ольгерда 119, 161
 Корнятовичи, потомки кн. Корната 113, 122
 Корнубут-Дмитрий (Курнубут), кн., с. вел. кн. Ольгерда 66, 121, 122, 161
 Корнгайло (Корикгал), кн., с. вел. кн. Ольгерда 66
 Корнилов И. П., попечитель Виленского учебного округа 210
 Корсак Богдан, предводитель отряда смоленской шляхты 228
 Коршунов А. Ф., археограф 81
 Костомаров Н. И., историк 3, 15, 16
 Костюшко Тадеуш, руководитель восстания 209
 Кохановский Ян, поэт польский средневековый 37
 Коялович М. О., историк 43, 44, 204, 230
 Коялович-Внюк Альберт (Kojalowicz-Wluc A.), историк 19, 140, 152
 Крапивиц П. С. (Krapivin), филолог 85
 Красинский, гр., владелец библиотеки в Варшаве 54, 55, 58
 Крашевский И. (Kraszewski J.), писатель 10, 12, 15
 Криве-Кривейто, легенд. еп. литовский, глава языческого литовского духовенства, 127, 128
 Кримунт см. Ердвил
 Кромер Мартин (Kromecki M.), хронист польский 19, 25, 82—84, 91, 102, 105, 108, 110—113, 115, 117, 119, 120, 122, 124, 126, 128, 143, 219, 230
 Крумпь (Грумпь, Евксюс, Кгрумпь, Куньп, Кумьп), легенд., один из вассалов кн. Ердвила 134
 Крыжановский С., историк польский 79
 Куковойт (Куковойтис), легенд. кн. литовский, с. Живибунда 71, 103, 114, 134, 141, 154
 Кукушкина М. В., историк 48
 Кулиш П. А., этнограф, историк 79, 80
 Кулов Стефан, владелец рукописи 77
 Кумьп см. Крумпь
 Кунос (Конос), легенд. кн. литовский, с. Палемона 133, 139, 141, 145, 147—149
 Кунцевич Иосафат см. Иосафат Кунцевич
 Курбатова И. Н. 199
 Курбский Андрей Михайлович, кн. 52
 Курдас, полководец татарский 167
 Курнубут см. Корнубут-Дмитрий
 Кучковичи, бояре 47
 Лавраш см. Лаврыш
 Лаврентий, с. кн. Тройдена 114
 Лаврыш (Василий, Лавраш, Лаврентий, Рымонт), кн. литовский 114, 126, 146, 157
 Лазутка С. А. (Lazutka S.), историк 59
 Ламанский В. И., филолог 85
 Лангганн см. Лингвений
 Ластовский В. У. (Lastowski V.), филолог 46
 Лауцявичюс Э. (Lau-

clavičius E.), автор работ о филлигранях 52, 72, 176
Лев, кн. владимирский 117
Лев Данилович, кн. галицко-волынский 101, 102, 146, 165, 166
Левенгаупт, ген. шведский 191, 193, 209
Ледвеевич Павел, мещанин могилевский, работник могилевского магистрата 181
Лелевель И. (Lelevel I.), историк польский 169, 170
Леонид, архим. 49, 50
Лех, легенд. кор. польский 77, 241
Лжедмитрий II, самозванец 79, 225, 229
Лиздейло, легенд., глава литовского языческого духовенства 120, 126, 127, 229, 230
Лихшис см. Ейкшис
Лимонов Ю. А., историк 82
Лингвений (Ланкгани), кн. мстиславский, с. вел. кн. литовского Ольгерда 66
Линде С. Б., филолог польский 44
Линиченко И. И., историк украинский 62
Литавор Хрептович см. Хрептович Ян Литавор
Литаон, легенд. кн. литовский 136
Лихачев Д. С., филолог, литературовед 51
Лихачев Н. П., историк 44, 47, 48, 56
Лобода Григорий, гетман запорожский 184, 188
Лопарев Хр., сотрудник Публичной библиотеки в СПб. 210
Луцкевич Иван, организатор белорусского музея в г. Вильно 179
Лытка Мартин, мещанин витебский 225
Лыщинский, атаман 182, 232
Любавский М. К., историк 30
Любард (Любарт, Люборт), кн. карачевский,

с. вел. кн. литовского Гедимина 66, 119, 155, 167
Любомирский, кн. 189, 196
Лютер Мартин, основатель немецкого протестантизма 225
Магмет, султан 52, 62
Магмет Мурзин 62
Мажепа Иван Степанович, гетман Украины 184, 185, 188, 191, 195
Малиновский А. Ф., архивист, историк 53
Мальцев А. Н., историк 80
Мамоничи, виленьские издатели 39
Мануял, импер. византийский 62
Марий, полководец римский 135
Марина Миншек (Сандомирянка), ж. Лжедмитрия I и Лжедмитрия II, д. воевода сандомирского 226
Мария Богородица, библ. 55, 57
Мария Магдаллина, библ. 65
Мария Тверская, вторая ж. вел. кн. Ольгерда (ошнбочво) 112, 224
Мария Ярославна, княж. витебская, первая ж. вел. кн. литовского Ольгерда 112, 218, 229
Марко, королевич, герой средневековой повести 54
Марков Василий, священник, владелец рукописи 62
Маркольт Немец, «пьян» львовский 102
Мартинювич Увар, мещанин могилевский, сборщик налогов 181
Маскевич (Маскович) Богдан 118
Матнаш, кор. венгерский 125
Матюша, предводитель отряда казаков 207, 212
Махмет, с. султана Амура 62
Махмет-Гирей, хан крымский 86, 110

Мейер Л. (Meyer L.), историк 10
Мейерберг А., дипломат австрийский, автор мемуаров 174
Мелешко Иван, феодал 46
Мелхиседек 62
Менгли-Гирей, хан переконский 109
Менгу Темир, хан 165
Мендольф см. Миндовг
Меншиков А. Д., кн., ген. 197, 209
Мефодий, просветитель славянский 222
Мехержинский М. (Mehceržyński M.), переводчик хроники Длугоша 82, 135
Меховский Матвей (Miechowita M.), польский ученый 25, 82, 83, 91, 102, 105, 106, 108, 110, 111, 113—115, 117, 119—124, 126, 128, 135, 136, 143, 169—171, 219
Мешко (Мечислав), кор. польский 222
Мешерский, кн. 215
Мингайло (Михайло), легенд., вел. кн. новогрудский и полоцкий, с. Ердвякла — Скирмонта 142, 145, 155, 171
Миндовг (Мендольф, Миндуг, Миндов), вел. кн. литовский 11, 13, 19, 72, 78, 84, 94—103, 117, 128, 129, 142, 143, 145, 146, 158, 159, 168, 171, 238
Миротворцев А. П., археограф 233, 234
Михаил см. Михаил Сигизмундович
Михаил Борисович, вел. кн. тверской 128
Михаил Сигизмундович (Михаил, Михайлушка), кн., с. вел. кн. Сигизмунда Кейстутевича 31, 47, 128, 129
Михаил Федорович Романов, царь 66
Михаил Черинговский, кн. 29
Михайло см. Мингайло
Михайлушка см. Михаил Сигизмундович
Миншек Марина см. Марина Миншек

- Могила, легенд. (от него название г. Могилев) 216
- Могила Петр, интр. киевский 210
- Модест, архим. 33, 34, 39
- Можайский Семен Иванович, кн. 107, 122
- Молесворт Роберт (Molesworth Robert), историк английский 183, 184
- Молчановский Н., историк украинский 16
- Монивид, с. легендарного Гривжа 133
- Монивид (Монивидович) Войтех Янович, воевода новгородский 161, 162
- Монивид (Монивидович) Иван, воевода трокский позже виленьский 162
- Монивиды, магнатский род 134
- Монивил (Монтивил) Гимбутович, легенд. кн. жемайтский, с. Гимбута 112, 126, 134, 135, 140—142, 145, 152, 153
- Монтигирдович Петр Янович, воевода трокский 108
- Монтигирдович Петраш, воевода новгородский 161
- Монтовтович Михаил, каштелян трокский, воевода новгородский 161
- Мороз, бурмистр г. Вильно 193
- Мошинский Антон, ксендз в г. Слуцке 232
- Мстислав, кн. луцкий и пинский 156
- Мстислав Давыдович, кн. смоленский 152
- Мстислав Данилович, кн. галицко-волынский 126, 166
- Мстиславский, кн. 235
- Муравьев М. Н., ген.-губернатор виленьский 210
- Муравьева Л. Л., историк 8
- Мурад-Кирей, царевич крымский 62
- Муханов П. А., археограф 71
- Наливайко Северин, руководитель крестьянско-казацкого восстания 188, 201, 207, 212, 213
- Наполеон I Бонапарт, имп. французский 208, 211
- Нарбут Винцент, помещик 68
- Нарбут Теодор (Narbutt T.), историк и археограф литовский 8, 9, 11, 13, 15, 67—71, 74, 104, 170—172
- Наримунт (Норимонт), кн. пинский, с. вел. кн. Ольгерда 66, 111, 126,
- Наримунт Романович, легенд. кн., с. кн. Романа 144, 157
- Нарушевич Адам, историк польский 232
- Неман см. Викянт
- Немира Федор, пан 118
- Немирович Николай, магнат 105, 106
- Немонос см. Викянт
- Нерон, имп. римский 56, 70, 93, 113, 117, 128, 130, 145, 146
- Нестан, наместник кн. Федора 114
- Никифоров Н. П., собиратель рукописей, житель г. Городца 45, 46, 48
- Николай, архим. 47, 235
- Николай (Далматов Н.), архим. Супрасльского м-ря, историк 34, 38—40, 42
- Николай I Павлович, имп. 216
- Никон, патриарх 196
- Новосильцев Н. Н., гос. деятель 44
- Ногай, хан татарский 166
- Ной, библ. 62, 190
- Норимонт см. Наримунт
- Оболенский М. А., кн., археограф 14, 36, 38, 53, 54
- Оветригайло см. Свидригайло
- Овидий Публий Назон, поэт древнеримский 39
- Огинские, кн-я 5, 191, 226
- Огоновский Е., историк 16, 17
- Одинец Александр, кн. 29
- Одинец Григорий, кн., с. кн. Одицца Александр 29, 31
- Одинец Иван, кн., родоначальник кн. Одищевичей 29
- Одинец Ксения (Аксинья), ж. кн. Одицца Федора 29
- Одинец Федор, кн. 29
- Одинцевич Андрей Семенович, кн., городничий минский 32
- Одинцевич Богдан Федорович, кн. 30
- Одинцевич Василь, кн., дворянин великокняжеский 32
- Одинцевич Григорий, кн., дворянин великокняжеский 32
- Одинцевич Дмитрий Федорович (Гольдовский), кн. 30
- Одинцевич Екатерина, кнг., ж. кн. Семена Ивановича 29
- Одинцевич Иван, кн., боярин смоленский 30, 31
- Одинцевич Семен Богданович, кн., городничий гродненский 30, 32
- Одинцевич Семен Иванович, кн. 16, 17, 31, 32
- Одинцевич Семен Иванович, кн. 29
- Одинцевич Федор, кн. 29, 30
- Одинцевичи, кн-я 29—32, 45, 88
- Одоевские, кн-я 85, 127
- Оздобный Фома, староста Могилевского Братского м-ря 210
- Олег Иванович, вел. кн. рязанский 118
- Олег, с. кн. Романа Брянского 165
- Оленько (Александр), кн. родоначальник династии князей Оленьковичей-Слуцких 132, 231, 234—236
- Оленьковичи - Слуцкие, кн-я см. Слуцкие
- Оловяшка Калликт, архидиакон 182
- Ольга, кнг. киевская 218, 221, 222
- Ольгерд, вел. кн. литов-

- ский 18, 20, 27, 50, 52, 65, 73, 77, 84, 112, 114, 122, 127, 218, 224, 231
 Ольгердов род 66
 Ольгимонт (Акгимонт), легенд. кн. новгородский, с. кн. Скиргайло 142, 145
 Онацевич И., историк 5
 Орест, ит., автор одной из могилевских хроник 4, 7, 182, 183, 203—206, 209—213, 217
 Осемятин (Осемьянович) 123
 Осемятин Василий Иванович 122
 Осемятин Семен, кн. 107
 Оскин см. Остик
 Остафий, воевода 101
 Остик (Остикевич) Григорий Станиславович 118
 Остик Стефан Григорьевич 118
 Острожский Константин Иванович, гетман ВКЛ 53, 64, 108, 118, 171
 Павел, еп. каменецкий 122
 Павел, еп., ректор духовной семинарии г. Риги 44
 Павел I, имп. 195
 Пасека Л., священник 46
 Пасий, патриарх Александрийский 196
 Палей Семен, предводитель казаков 184, 194, 197
 Палемон (Аполлон, Палемон), легенд. кн. 6, 63, 70, 72, 76, 90, 92, 94, 102, 111, 113, 114, 117, 126, 128, 130, 132—134, 136, 138, 139, 141, 143—145, 147, 148, 159, 162, 163, 169—171
 Палеолог, имп. византийский [Константин] 127
 Панцержинский, ксендз в г. Минске 193
 Панцырный, один из авторов Витебской летописи 4, 219—225, 228—231
 Парасковия (Пракседа), легенд. кнж. полоцкая 52, 84, 123, 126, 142
 Паскевич И. Ф., ген.-фельдмаршал, наместник Царства Польского 44
 Пассек Б., губернатор Могилева 186
 Пафнутий, монах 193
 Пац, вел. гетман ВКЛ 196, 198
 Пац (Пашевич) Юрий, воевода новгородский 161
 Пацы, маггаты 171
 Пашуто В. Т., историк 3, 10, 29, 103, 145, 163, 164
 Пелюш, кн., с. Тройната 119
 Пересветов Иван Семенович, публицист XVI в. 62
 Петр I Алексеевич, имп. 89, 174, 180, 181, 184, 189, 191, 193, 197, 204, 207, 214, 215, 219, 223, 226—228
 Петр III Федорович, имп. 189
 Петрыка, маршалок смоленский 63
 Пимен, митр. 63
 Писимонт, кн. туровский, с. вел. кн. Ольгерда, 155, 167
 Пичета В. И., историк 24
 Подкова Иван, гетман, запорожский казак, господарь молдавский 77
 Поклонский Константин, полковник 208, 210, 215
 Покровская В. Ф., историк 48
 Палемон см. Палемон
 Полоховский Серапион, еп. белорусский 192, 197
 Полоцкий Михаил (ошибочно) см. Гольшанский Михаил Иванович
 Полубинский, кн. 171
 Поляк Ян, командир отряда 106
 Помпей Гней, полководец римский 135, 136
 Понятовский Станислав-Август см. Станислав-Август
 Попов А. Н., историк 15, 16, 18, 19, 50
 Попович см. Самойлович
 Потен, магнаты 226
 Пюта, легенд. кнж. 103, 114, 139, 141
 Пракседа см. Парасковия
 Преборовский, атеист 197
 Прекст Гаврило, владелец дома в г. Могилеве 185, 188
 Прешпор, легенд. спутник Палемона 159
 Приемский, хронист 230
 Приселков М. Д., историк 26
 Проазоровский Д. И., археолог 52
 Проазоровский Д. И. (Прозор), кн. 225
 Пронские, кн-я 171
 Протопопов, полковник 161, 228
 Прохаска Антонин (Prochaska A.), историк 17, 18, 50
 Пташицкий С. (Płaszcycki S.), историк, археолог 52, 55, 58—60, 74
 Птолемей Клавдий, ученый Александрийский 136
 Публий Лион, ученый римский 111, 169
 Пыричич, владелец Радзивилловской летописи 88
 Пясецкий, хронист польский 230
 Радзевский, примас Польши 191
 Радзивилл Богуслав, кн. 89, 232
 Радзивилл Варвара, ж. кор. польского и вел. кн. литовского Сигизмунда II Августа 55, 66, 71
 Радзивилл Януш, кн., гетман ВКЛ 38, 88, 89, 192, 208, 210, 236
 Радзивиллы, кн-я 6, 32, 89, 171, 224, 231—233, 238
 Радзивил, участник похода Ягайло на Польшу 104
 Радзивил Монтылович см. Ердвил Монтылович
 Радзивил (Радзивилонч) Николай, воевода ново-

- грудский, вел. земский маршалок 105, 106, 161
- Радзивил (Радзивиллович) Олена Николаевна, кнг. ж. кн. Семена Юрьевича Слуцкого 49
- Рачинские, гр., владельцы библиотеки г. Познани 54
- Рачинский А. В., собиратель рукописей 44, 51
- Роголод-Василий, кн. полоцкий, с. кн. Бориса-Георгия 142
- Рогов А. И., историк 5, 8, 11, 42, 83, 92
- Роман, кн. бранский 165
- Роман, легенд. кн., с. кн. Гилигина, племянник Трабуса 103, 144
- Роман см. Ромултус
- Роман Данилович, кн. новгородский, 168
- Романов Е. Р., этнограф, археолог, историк 80, 199, 200, 205, 206
- Романович Козьма, протопол могилевской Славской церкви 213
- Ромултус (Роман), легенд. кн. литовский, с. Трабуса 103
- Рудольф, магистр прусский 127
- Румянцев Н. П., канцлер 198
- Рускович, кн-я 145
- Рыбаков Б. А., историк 218, 221, 222
- Рыбинский, комиссар кор. польского Августа II 228
- Рымонт см. Лаврыш
- Рынгольт, легенд. кн. новгородский, с. Ольгимонта 12, 13, 84, 94, 95, 117, 126, 132, 142, 143, 145, 151, 154—156, 166
- Рытвинский (Рутвинский) шляхтич 84, 117
- Рюриковичи Туровской линии 231
- Савельева Е. А., филолог 183, 184
- Самойлович (Попович), гетман украинский 189
- Салега (Сопега) Казимир Ян, кн., гетман польский 76, 89, 189, 196 201, 213, 225
- Салег Лев, канцлер и вел. гетман ВКЛ 46, 186
- Салеги, кн-я, крупные феодалы 5, 191, 197, 207, 226, 227
- Салунов А. П., историк, археолог 7, 219, 220, 229, 235
- Сафонович, автор хроники 14
- Сахаров И. П., владелец Слуцкой летописи 49
- Свентоград см. Свинторог
- Свидзинский Константин, собиратель рукописей 55
- Свидригайло (Овстригайло, Швидригайло, Швинтрыгайло), с. вел. кн. литовского Ольгерда, одно время вел. кн. литовский 18, 19, 21, 27, 30, 31, 47, 57, 60, 64, 66, 85, 118, 124, 125, 216, 224
- Свинторог (Свентоград, Швинторог) Утенусович, легенд. вел. кн. новгородский 131, 143, 144, 146, 156, 160
- Святослав Всеволодович, кн. киевский 167
- Святослав Иваалович, кн. смоленский 26, 27, 64, 73, 74, 118
- Северьянов Н. С. 38
- Семен Михайлович, кн. друцкий 167
- Семечко см. Замыцкий Константин
- Семичич Василий Иванович, кн. 107
- Сенека, философ римский, политический деятель 39
- Сивилла, пророчица 57
- Сигизмунд I Казимирович, кор. польский и вел. кн. литовский 36, 55, 59, 64—66, 108
- Сигизмунд II Август, кор. польский и вел. кн. литовский 22, 36, 53, 55, 64, 71, 144, 162, 163
- Сигизмунд III (Жягизмунд) Ваза, кор. польский и вел. кн. литовский 76, 89, 189, 196 201, 213, 225
- Сигизмунд (Жидимонт, Жикимонт) Кейстутывич, вел. кн. литовский 18, 19, 21, 27, 30, 31, 47, 55, 64, 67, 68, 85, 125, 146
- Сигизмунды, кор. польские и вел. кн-я литовские 5, 13, 15
- Симеон, св. 49
- Симон, еп. Кафы 128
- Синицкий-Бонча, шляхтичи могилевские 191
- Синицкий-Бонча, шляхтич могилевский 191—193, 197, 201, 203, 207, 228
- Скарга Петр, иезуит 39
- Скилмонт см. Ердвил
- Скиргайло (Скригайло), кн., с. вел. кн. Ольгерда 51, 66, 74, 117, 121, 122, 167
- Скиргайло, легенд. кн. новгородский, с. Шкварно-Ямонта 142, 145
- Скирмонт, Скирмонт, Скирмунт см. Ердвил
- Скоропадский Иван Ильич, гетман украинский 214
- Скригайло см. Скиргайло
- Скурат К. У., историк 232
- Слуцкая Елена Николаевна, кнг., ж. кн. Юрия Семеновича Слуцкого 49
- Слуцкая Софья, кнг., ж. кн. Радзивилла 236
- Слуцкие, кн-я, владельцы Слуцкого княжества 5, 6, 33, 88, 231, 236
- Слуцкий Александр-Оленько, кн. 231, 234—236
- Слуцкий-Оленькович Семен Александрович, кн. 49, 120
- Слуцкий-Оленькович Семен Михайлович, кн. 235, 236
- Слуцкий - Оленькович Юрий Семенович, кн. 33, 49
- Смолька С. (Smolka S.), историк польский 16—18
- Соболь Спиридон, типограф 175
- Соковники, бояри 190, 197

- Соколинская, кнж., ж. кн. Одишевича 30
 Соколинские, кн-я 30
 Соколов С. И., редактор «Могилевских губ. ведомостей», профессор Могилевской семинарии 68, 205, 210
 Соловьев, капитан 229
 Соловьев А. В., историк 85
 Соломон, царь, библиограф 57
 Солтан, митр. унияцкий 35
 Солтан, феодал 46
 Солтан Александрович, воюода новогрудский 161
 Сопега см. Салега
 Сорока Фурс, возный Гродненского повета 88
 Сосновский М., священник унияцкий, профессор Виленского университета 16, 43
 Софоний, архиеп. 57
 Софья Алексеевна, царица 189
 Софья Витовтовна, ж. вел. кн. Василия Дмитриевича 49
 Спера (Истра), легенд. кн. литовский, с. Палемона 133, 139, 147—149
 Срезневский И. И., филолог 48, 96
 Станислав, еп. католический польский 223
 Станислав, кн. киевский 117
 Станислав Лещинский, кор. польский 191, 229
 Станислав-Август, кор. польский 196, 209
 Станислав Петрович см. Кншка Станислав Петрович
 Старовольский Ш., писатель польский 39, 208
 Стефан Баторий, кор. польский и вел. кн. литовский 76, 80, 190, 196, 207, 225
 Стефан Великий, господарь молдавский 106—108, 120, 122
 Стрельбицкий, помещик гродненский 42
 Струмпус (Кампей, Кампанус, легенд. родоначальник Гаштольд 115, 116, 134
 Стрыковский Машей (Strujkowski M.), хронист польский 10, 15, 19, 22, 25, 66, 68, 70, 76, 82—95, 98—130, 133, 135, 136, 138, 139, 141—144, 147, 148, 150—155, 160, 162, 168—171, 181, 196, 230, 237.
 Студит Федор см. Федор Студит
 Сулла, военный и гос. деятель римский 135
 Сурин, ротмистр 215
 Сурта Т. Р., один из авторов Могилевской хроники 4, 6, 7, 173, 177—191, 194, 199, 201, 203, 204, 209, 212—214, 223, 225
 Сушницкий Ф. П. (Сушницкий Ф.), историк 22, 23, 25, 66
 Сыщенко, краевед 198
 Табор Войцех, еп. виленский 84, 110
 Татишев В. Н., историк 169
 Таудал, персонаж средневековой повести 57
 Тевтевал см. Товтивил
 Тенчинский (Точинский), гр., подкоморий краковский 107
 Тит, имп. римский 62
 Тихенькия Савва, житель г. Могилева 188
 Тихомиров И. А., историк 3, 16, 18, 19, 82, 83
 Ткачев (Ткачоу) М. А., историк 163
 Товтивил (Тевтевал) кн. полоцкий, племянник вел. кн. литовского Миндоага 19, 95—99, 145
 Толстой, губернатор г. Могилева 202
 Толстой П. А., автор мемуаров 174
 Тохтамыш, хан татарский 53, 125
 Точинский см. Тенчинский
 Трабус, кн. литовский, с. Сквирмонта 103, 104, 144, 156, 157
 Тристан, герой средневековой повести 55
 Тройден Ромутович, кн. ятвяжский, дойновский с. кн. Романа 114, 116, 117, 126, 130, 131, 146, 157, 158
 Тройнат, кн. жемайтский 119, 142, 145, 167
 Тромонни К. Я., автор книги о филлигранях 71
 Грубецкой, кн. 233
 Трубинские, семья, в четырех поколениях писавшая Могилевскую хроникку 4, 7, 173, 184, 187, 199, 204, 214, 217
 Трубинский Александр Юрьевич, один из авторов Могилевской хроники 6, 177—179, 182, 184, 186, 187, 194, 200, 202, 203
 Тубинский Григорий см. Трубинский Юрий
 Трубинский Иван Михайлович, губернский секретарь 178, 184, 187, 199, 203
 Трубинский Михаил Александрович, один из авторов Могилевской хроники 6, 176—179, 182, 186, 187, 194, 195, 197—199, 202, 203
 Трубинский Юрий, один из авторов Могилевской хроники, 6, 177—180, 182—186, 189—194, 195, 197—199, 202, 203, 206, 209, 212—214, 227, 228
 Тукальский, митр. 196
 Турчинович О. В., историк 200, 217
 Тышкевич К. (Tuzzkiewicz K.), гр. 219, 220
 Тышкевичи, графы 171, 219
 Уваров, гр., владелец рукописи 60
 Уваров С. С., гр., министр народного просвещения, археолог, президент Академии наук 16, 44
 Улашинский, владелец рукописи 60
 Ульяна, кнж. тверская,

- вторая ж. вел. кн. Ольгерда 112, 224
 Урсула, легенд. принцесса британская 111
 Успенский, учитель, владелец Слуцкой летописи 49
 Успенский Василий Андреевич, пономарь Покровской п. 62
 Устрялов Н. Ф., историк 209
 Утенус, легенд. кн. 131, 134, 143, 156, 160
 Федор Иванович, царь 66
 Федор Коривтович, кн. подольский 114, 122, 161
 Федор Студит, византийский церковный деятель 36
 Филиппович И. И. (Filipowicz I. I.), краевед 178, 180, 184
 Флоря Б. Н., историк 8, 172
 Фома, апостол, библиограф 29
 Фома, монах киевский 51
 Фридрих, кн. поморский 124
 Фридрих Барбаросса, имп. Священной Римской империи 223
 Фриц, кор. датский и шведский 197
 Халещкий Михаил, посол кн. Александра 108, 109
 Хлебцевич, учитель в с. Жировицах 46
 Хмельницкий Богдан, гетман украинский 196, 207
 Хованский А. И., кн., воевода русский 196, 225
 Ходкевич А. И., староста гродненский 12
 Ходкевич Александр Иванович, основатель Супрасльского монастыря, воевода новогрудский 32, 35
 Ходкевич Григорий Александрович, подкоморий литовский, позже вел. гетман 32, 33
 Ходкевич Иван Александрович, с. кн. Ходкевича А. И. 32
 Ходкевич Иван Федорович, маршалок королевский, наместник витебский, воевода киевский 32
 Ходкевич Иероним Александрович, каштелян виленский 32
 Ходкевич София Григорьевна, ж. Кмиты Филона, д. Ходкевича Григория Александровича 33
 Ходкевич Юрий Александрович, стольник, троцкий каштелян, посол ВКЛ в Москву 32, 33
 Ходкевич Ян-Карл, вел. гетман и воевода виленский 33
 Ходкевичи, магнатский род в ВКЛ 5, 29, 32, 33
 Ходко, Ходор, Федор Юрьевич, родоначальник Ходкевичей 32
 Ходмицкий К. (Chodupicki K.), историк польский 68, 172
 Хоминские, помещики 6
 Хоминский Александр (Chominski A.), помещик, владелец рукописи 58
 Хоминский Франциск, последний воевода мстиславский 59
 Хорошкевич А. Л., историк 8
 Хрептович Литавор, маршалок королевский, воевода новогрудский 118
 Хрептович Ян Литавор, воевода новогрудский 161
 Христиан, еп. прусский 10
 Цезарь см. Юлий Цезарь
 Цетивко, староста витебский 224
 Цицерон Марк Туллий, писатель римский и гос. политический деятель и мыслитель 39
 Цыклер, полковник стрельчий 190, 197
 Цыпля Кристоф, владелец Радзивилловской летописи 89
 Чагин Александр Васильевич, владелец рукописи 78
 Чантурия В. К., историк архитектуры 234
 Чарновские, один из авторов витебской летописи 218, 220
 Чарновский З. П., помещик витебский, один из авторов Витебской летописи 226
 Чарновский П. 26
 Чарновский Ян, помещик витебский, один из авторов Витебской летописи 219—221, 229, 230
 Чарторые (Чарторыевские), князья 30, 31, 232
 Чемерицкий (Чамарыцкий) В. А., историк, филолог 3, 8, 25—27, 64, 172
 Чернышев Захар, наместник, губернатор белорусский 195
 Черторыевские см. Чарторыевские
 Четвертинский Сильвестр кн., архиеп. белорусский 192, 214
 Шайшадин Хозя, летописец турецкий 62
 Шалуга Ромуальд (Saluga R.), историк 68
 Шараневич И. (Szaraniewicz I.), историк польский 16, 17, 20
 Шаскольский И. П., историк 184
 Шатц 230
 Шахмат-Гирей, хан татарский 120
 Шахматов А. А., филолог, языковед 3, 23, 24, 26, 43—45, 59, 64, 88
 Шварн Данилович, кн. новогрудский, галицкий и вел. кн. литовский 101, 142, 146, 154, 168
 Шварн (Шкварно, Амонт, Ямонт), легенд. кн. новогрудский, с. кн. Мингайло 142
 Швинтрыгайло см. Свидригайло
 Шени М., воевода русский 225
 Шереметев Б. П., ген.-фельдмаршал 228
 Шиняцкий Варлаам, ар-

- хнеп, могилевский 205, 208, 209, 211, 216
- Шварно *см.* Швари
- Шлёгер А., историк 9, 10, 12, 14, 15
- Шпилевский П., этнограф, писатель белорусский 166
- Шугалей, предводитель отряда казаков 221
- Шуйские, кн-я 189
- Шуйский Василий Иванович, царь 189
- Щапов Я. Н., историк 75
- Щендрок Д. З., историк 235
- Щербаков С. А., историк 164
- Щербницкий О. В., учитель Виленской гимназии, археограф 204
- Эвксюс (Эйсюс) *см.* Ейксис
- Эйхвальд, профессор 41
- Эммануэл, кор. португальский 225
- Эрдивил *см.* Ердивил
- Юлиан, герба Урсени, легенд. спутник Палемона 159
- Юлий Цезарь, имп. римский 135, 136
- Юревич, полковник Сапеги 226, 227
- Юрий, кн. случкий 231
- Юрий Корнатович, кн. 121, 123, 124
- Юрий Лингвеньевич (Ежи), кн. 71
- Юрий Львович, кн. галицко-волынский, с. кн. Льва Даниловича 101, 102
- Юрий Святославич, кн. смоленский 117, 118
- Юхо Я., историк права 85
- Ючас М. А (Jučas M.), историк 25, 72, 74, 149
- Явнутый, кн., с. вел. кн. Гедимина 82
- Ягайло (Якгайло) вел. кн. литовский и кор. польский, с. вел. кн. литовского Ольгерда 18—20, 49, 66, 73, 82, 104, 105, 112, 115, 120, 121, 124, 125, 127, 131, 135, 148, 224
- Ягеллоны 144, 160
- Ядвига, кор. польская, ж. кор. Ягайло 84, 124
- Якимович Иван 118
- Якубовский Ян (Jakubowski J.), историк польский 19—22, 171
- Ямонт *см.* Швари
- Ян-Альбрехт, кор. польский 106—108, 122
- Ян-Казимир, кор. польский и вел. кн. литовский 52, 196, 198
- Ян III Собесский, кор. польский и вел. кн. литовский 52, 184, 191, 197, 198
- Ярополк Владимирович, кн. 170
- Ярослав Владимирович, кн. киевский 218
- Ярошевич И. (Jaroszewicz J.), историк 171
- Ярошевский, «регент» Могилевского магистрата 182
- Ясас Р., историк 25
- Яцек, подскарбий ВКЛ 137
- Яцминч Иван 118

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

- Азов, г. 189, 215, 233, 226
 Албания 62, 63
 Амстердам, г. 65, 183
 Англия 137, 138
 Андрусово, г. 196
 Астрахань, г. 62—63
 Атлантический океан 137
 Аукштайтис, вост. Литва 164
 Африка 138
- Бавария 41
 Балтийское море (Венедикское море, Море-Окиян) 86, 87, 93, 137, 138, 149, 218
 Баркулабово, с. в Могилевской обл. 79, 81
 Барсуковское, имен. около г. Могилева 208
 Батурина, г. на Украине 197
 Белая церковь, г. 228
 Белзские вол. 121
 Белоруссия 4, 5, 7, 9, 11, 14, 20, 21, 24, 25, 27, 30, 33, 42, 46, 49, 54, 78, 79, 83, 85, 87, 139, 151, 158, 163—165, 167, 173, 175, 182, 185, 203, 204, 208, 211, 212, 216—218, 224, 226, 227, 231—234, 236, 237
 Белоруссия вост. 29—32, 67, 86, 89, 90
 Белоруссия зап. 32, 49, 90, 139, 155, 165, 166, 204
 Белоруссия сев. 73, 89
 Белоруссия центр. 32, 49, 90
- Белоруссия юго-западная 133, 153, 155
 Белоруссия южн. 89
 Белорусское Подвьежье 86
 Белорусское Поднепровье 86, 175, 209, 227
 Белорусское Полесье 169
 Белосток, г. (в ПНР) 29, 44
 Белостокское в-во (в ПНР) 29, 86
 Бельиничский р-н Могилевской обл. 31
 Бельск, г. (в ПНР) 121, 139, 153, 155
 Бендеры, г. на р. Днестр 191
 Березина, р., приток р. Днепр 86, 168
 Берестейские вол. 121
 Берестовица Великая (Великая Берестовица), с. недалеко от г. Бреста 11, 87, 91, 93, 100
 Берестье, г. см. Брест
 Берладь, с. в Винницкой обл. УССР 123
 Биржи (Биржай), г. в Литве 219, 227, 228
 Бокутя, г. в Подолии 112, 113
 Болонья, г. в Италии 89
 Борисов, г. на р. Березина 60
 замок 234
 Брабант, истор. обл. в Сев.-Зап. Европе 138
 Бранск, г. в Подлясье 153, 155
 Браславль, г. в Витебской обл. 87, 139, 149, 152
- Брацлав, г. в Подолии, Винницкая обл. УССР 108
 Брест (Берестье), г. 79, 80, 105, 109, 112, 121, 139, 150, 151, 153, 155, 165, 166, 173, 196, 232
 Брестская обл. 11, 87
 Бронница (Бронницы), г. 62
 Бронницкий округ (в Московской обл.) 62
 Брянск, г. 122, 123, 154
 БССР см. Белоруссия
 Буг, р. 139
 Быхов, г. см. Быхов Старый
 Быхов Старый, г. на р. Днепр в Могилевской обл. 67, 79, 80, 182, 191, 192, 196—198, 201, 203, 217, 227, 228
- Вака, р., приток р. Вилля 122
 Валдай, г. 196
 Варшава, г. 37, 42, 54, 55, 59, 232
 Вашюлы, с. (в совр. Румынии) 123
 Вгровск см. Угровск
 Ведрошь, р. (в совр. Смоленской обл.) 21, 118
 Ведрошь, сел. 21, 118
 Великая Берестовица см. Берестовица Великая
 Великий Новгород см. Новгород Великий
 Великое ки-во Литовское см. Литовское Великое ки-во

* Принятые сокращения: в-во — воеводство, вол. — волость, вост. — восточный, г. — город, гос-во — государство, губ. — губерния, д. — деревня, зап. — западный, имен. — именование, истор. — история, ки-во — княжество, обл. — область, оз. — озеро, пов. — повет, ПНР — Польская Народная Республика, р-н — район, р. — река, сев. — север, сел. — селение, совр. — современный, у. — уезд, центр. — центральный, южн. — южный.

- Великое ки-во Литовское, Жемайтское, Новгородское и Русское см. Литовское Великое ки-во
 Веля см. Вилня
 Вена, г. 41, 196, 197, 215
 Венгрия (Венгерское панство) 118, 122, 124, 166—167, 222, 225
 Венецианское море см. Балтийское море
 Венеция, г. 70, 83, 93, 94
 Византия 63
 Виленская губ. 58, 157
 Виленский тракт 188
 Виленский у. 157
 Виленское место см. Вильно (Вильнюс)
 Виленское поле, у г. Могилева 201
 Вилня (Веля), р., приток р. Неман 87, 134, 135, 138, 140, 141, 148—152, 155—157, 159, 170
 Вилькомир, г. в Литве (совр.— Ужмерге) 64, 133, 139, 141, 148
 Вильно (Вильнюс), г. 39, 40, 43, 51, 55, 64, 65, 104, 105, 109, 110, 120, 125, 126, 135, 136, 141, 148, 155—158, 160, 161, 179, 182, 193, 195, 196, 204, 205, 223, 226, 228, 239
 гора Турова 224
 замок Низкий (Нижний), он же Кривой город 120
 Вилля, приток р. Вилня 135, 157
 Висла, р. 104, 124, 170
 Вислица, р. 105
 Витебск, г. 79, 86, 89, 97, 118, 173, 190, 207, 216, 218—222, 224—230
 замки: Высокий 221
 Нижний 221
 Заручайские Волотовки, р.-и Витебска 225
 Богородицкая улица 220
 Подвижная улица 220
 Узгорская сотня 220
 Узгорское предместье 220
 Витебская губ. 199
- Витебская обл. 30, 31, 165
 Витебское ки-во 224
 Витьба, р. 221
 Владимир Волынский г. 102, 119
 Владимирщина 85
 Возвыгль, с. на Волыни 168
 Волковыские вол. 121
 Волковыск, г. в Гродненской обл. 96, 121, 153, 158, 165, 168
 Волковысская земля 153
 Волков, р. 223
 Волынь, истор. обл. на Украине 17, 53, 84, 86, 95, 102, 117, 121, 150, 151, 167, 169
 Воронеж, г. 214
 Ворскла, р. 18, 64
 Вроцлав, г. 106
- Галес см. Кадис
 Галиция, истор. обл. на Украине 86
 Галич, г. в зап. Украине 100, 101
 Гальшюс см. Гольшаны
 Гданск, г. (в ПНР) 37
 Гедройш, с. в Литве 157
 Германия 175
 Глазюнич, д. в Витебской обл. 225
 Глухов, г. в Сумской обл. 193
 Головинно, с. в Могилевской обл. 209, 226, 227
 Голтва, р. 63
 Гольцово, имен. в вост. Белоруссии 30
 Гольшаны (Гальшюс), с. в Гродненской обл. 157, 165
 Гомель, г. 123, 197
 Горки, г. в Могилевской обл. 195
 Гроденский (Гроденский) пов. 88
 Городец, г. на р. Волга 45, 48
 Городно, г. см. Гродно
 Городокский р.-и Витебской обл. 30
 Гровжиньки, с. в Гродненской обл. 115, 116, 157
 Гродко см. Гродно
 Гродненская губ. 41, 42, 67
 Гродненская земля 153
- Гродненская обл. 85, 157
 Гродненский пов. см. Гроденский пов.
 Гродно (Городно, Гродко), г. 32, 100, 112, 121, 133, 139, 150—152, 155, 165, 166, 173, 200, 228
 Грудок (Гродек), урочище около г. Завлудова 34
- Далмация, истор. обл. в Югославии 41
 Дания (Датское гос-во, Датское королевство, Дунское королевство) 137, 176—178, 180, 183, 184, 186
 Двина Западная, р. 87, 138, 139, 149, 151, 152, 159, 208, 218, 221, 222, 226, 227
 Деялтово (Деялтва, Девялтва, Дяволта), истор. обл. в Литве 141, 145, 157, 162
 Деялтовское ки-во 141
 Деялтва см. Деялтово
 Дерпт (Юрьев, совр.— Тарту), р. 47, 227
 Держинск см. Койданово
 Дитва, р., приток р. Неман 170
 Днепр, р. 51, 63, 67, 110, 155, 195, 211, 222
 Днестр, р. 107
 Докудово (Недокудово, Кулово), д. в Гродненской обл. 122
 Дорогичин, г. в Брестской обл. 121, 139, 150, 151, 153, 155
 Дорогичинские вол. 121
 Друж, г. (совр.— сел. в Могилевской обл.) 29, 86, 134, 139, 151, 170
 Друшкое ки-во 150
 Дубисса, р., приток р. Неман 83, 92, 134, 138, 139, 147, 152
 Дубровенское графство (в совр. Могилевской обл.) 227
 Дубровно, г. в Могилевской обл. 226, 227
 Дунское королевство см. Дания
 Дюнамонде г. 228
 Дяволта см. Деялтово

Европа 93, 135
Европа Восточная 85, 223
Европа Западная 76
Европа Центральная 165
Евье, с. в Литве 232
Ейшишки, с. в Литве 115, 116

Жаславль см. Заславль
Жемайтня (Жемонтская земля, Жемойть, Жмудь, Побережная земля, Поморье, Самогитня, зап. Литва) 11, 58, 84, 86, 87, 92, 111, 114, 116, 130, 138—144, 147—157, 159, 162, 166, 170

Жемайтское великое кн-во 156

Жемонтская земля см. Жемайтня

Жемойть см. Жемайтня
Жировицы, с. в Гродненской обл. 41, 45, 46

Жмудь см. Жемайтня

Жосли, оз. в Литве 139

Заблудов, г. (в ПНР) 34, 232

Завилейская (Завельская) земля, территория в Литве к сев. от р. Виля 149

Завяжост, г. (в ПНР) 104, 124, 129

Заволжская орда см. Орда Заволжская

Заславль (Жаславль), г. на Воляни 49, 117, 118

Зеландия, обл. в Нидерландах 138

Зельва, р., приток Немана 165

Зунд (Кисага, Шума), пролив 93, 135, 137, 138

Иерусалим, г. 57, 62, 223

Ильза, г. 101

Ингольдштадт, г. 231

Индия 225

Испания 139

Италия 6, 11, 18, 41, 58, 83, 91—93, 111, 113—115, 122, 126, 128, 134—138, 168, 170, 171

Кадис (Гадес), г. в Испании 138

Каменец, г. в Брестской обл. 121

Каменец Подольский, г. 45, 49, 64, 112, 113, 122, 125

Каменешкие вол. 121

Карачев, г. 139, 151, 154, 155

Каунас см. Ковно

Кафа, г. в Крыму 128

Кашевичи, д. в Витебской обл. 225

Кейданы (совр.— Кедайняй), г. в Литве 232

Кёнигсберг, г. 88, 89, 231

Керново (Кярнаве), г. в Литве 23, 119, 134, 139, 141, 143, 144, 149, 156, 157

Киев, г. 17, 32, 76, 85, 108, 109, 112, 122, 128, 139, 193, 196, 221, 222, 231

Киевская губ. 79

Киевское кн-во 121

Киевщина 31, 150

Кисага см. Зунд

Кляйпеда, г. 93

Клецк, г. в Минской обл. 21, 70

Кнышин, г. в Белостокском в-ве (в ПНР) 232

Кобрин, г. в Брестской обл. 158

Ковно (Куносово, совр.— Каунас) 119, 134, 138, 139, 147, 152, 160

Козловичи, д. около г. Слуцка в Белоруссии 233

Койданово (Крутогорье, совр.— Дзержинск), г. в Минской обл. 139, 151, 154, 155, 158, 166, 167

Кокенгауз, г. 227, 228

Коломы, г. в Иваново-Франковской обл. 106

Комаровичи, д. в Могилевской обл. 188

Константинополь (Царьград), г. 62, 74, 100, 197, 222, 225

Копыль, г. в Минской обл. 231, 233

Копыцкий р-н 186

Копысь, г. в Могилевской обл. 186

Корабль, д. в Виленской губ. 157

Корабль, р. 157

Корабы, д. в Ошмянском у. Виленской губ. 157

Корленское море см. Куршский залив

Корсунь, г. 196, 222

Краков, г. 7, 52, 59, 75, 89, 105, 109, 128, 228, 232

Красноярск, г. 75, 78

Кремень, г. в Тернопольской обл. 49, 121

Кричев, г. на р. Сож в Могилевской обл. 175

Кричевское староство 185

Крутогорье см. Койданово

Крым 189, 196, 223

Кулово см. Докулово

Куносово см. Ковно

Курляндское море см. Куршский залив

Куршский залив (Корленское море, Прусское или Курляндское море, Немновое или Малое море) 93, 137, 138, 147

Куявская земля, обл. Польши 166

Кярнаве см. Керново

Лаврышево, с. в Гродненской обл. 168

Латвания см. Литовское Великое кн-во

Лейден, г. 89

Ленинград см. Петербург

Лесная, д. в Могилевской обл. 193, 195, 197, 209

Ливония 111

Лида, г. в Гродненской обл. 110

Лидский замок 234

Листава (Листаука), р., приток р. Виля 179

Литалия см. Литовское Великое кн-во

Литва см. Литовское Великое кн-во

Литва Завилейская 84, 148, 170

Литва западная см. Жемайтня

Литва Повилейская (Повильская) 84, 152

Литва Помеманская 152

Литования см. Литовское Великое кн-во

Литовская земля см. Литовское Великое кн-во

Литовская и Русская земля см. Литовское Великое кн-во

- Литовско-Полоцкое кн-во 171
- Литовско-русское гос-во см. Литовское Великое кн-во
- Литовское Великое кн-во (Латвания, Литалия, Литва, Литвания, Литовская земля, Литовская и Русская земля, Литовско-русское гос-во, Литовское гос-во, Литовское, Жемайтское, Новгородское и Русское Великое кн-во) 3—12, 14—18, 20—28, 31—34, 38, 42, 43, 48—51, 53, 58—61, 65, 67—70, 72—74, 76, 77, 79, 82—84, 86, 87, 89—93, 95, 96, 100, 101, 103, 105, 106, 108, 110, 111, 113, 115, 116, 118, 120—122, 124—126, 128—130, 132, 134—139, 141—143, 145—154, 156—160, 162—175, 179, 182, 191, 192, 196, 201, 205, 209, 212, 216, 218, 224—226, 229, 231, 232, 237, 238
- Литовское гос-во см. Литовское Великое кн-во
- Литовское, Жемайтское, Новгородское и Русское Великое кн-во см. Литовское Великое кн-во
- Логойск, г. в Минской обл. 219, 220
- Лоев, г. в Гомельской обл. 110
- Лондон, г. 183, 184
- Луга, р. 222
- Лузитания см. Португалия
- Лукомль, г. в Витебской обл. 89
- Лух, г. 85, 117, 119, 121, 127, 129, 201 (ошибочно), 232
- Лысяя гора (в ПНР) 105
- Львов, г. 55, 85, 146
- Любляна, г. (в Югославии, столица Словении) 42
- Любча, с. на р. Неман в Гродненской обл. 232
- Ляховичи, с. в Брестской обл. 215
- Мазовия, истор. обл. в Польше, 91, 158
- Малое море см. Куршский залив
- Межиземское море см. Северное море
- Мельник, г. (в ПНР) 112, 121, 139, 150, 151, 153, 155, 165
- Мельнишкис вол. 121
- Меречь, замок в Литве 153
- Меречь, р., приток р. Неман 153
- Миния, р., приток р. Неман 138, 147, 149
- Минск г. 24, 79, 81, 86, 151, 170, 173, 193, 197, 201, 219, 232
- Троицкая гора 47
- Кафедральный собор 47
- Минская губ. 231
- Минская обл. 58
- Минское кн-во 170
- Митва, р., приток р. Неман 138
- Могилев, г. 79, 90, 173—175, 177, 179—196, 198, 200—203, 206—207, 226, 228
- Ильинская гора 188
- Самусева гора 188
- Остейная брама (ворота) 192
- Кармелитский костел 185
- Могилевская губ. 195
- Могилевская обл. 31, 67, 79
- Могилевский край 207, 212
- Могилевцы, имен. в Гродненской обл. 6, 67
- Могилевщина 206, 212
- Могильно, с. на р. Неман Минской обл. 12, 117, 126, 129, 132, 139, 143, 151, 154, 155, 158, 166, 170
- Мозырь, г. на р. Припять 139, 150, 151, 154, 155
- Молдавия 107, 108, 122, 124
- Монастыри:
- Богоявленский Оршанский в г. Орше 211
- Братский в г. Могилеве 204—205, 208, 210, 211
- Вознесенский в г. Минске 47
- Воскресенский Шкловский 211
- Жировицкий в Гродненской обл. 41, 45, 46
- Кутенский около г. Могилева 175, 196, 201
- Лавришевский в Гродненской обл. 168
- Пустынский около г. Мстислава 211
- Святого Владимира в г. Владимире Волынском 102
- Святодуховский в г. Минске 46, 47
- СвятоТроицкий Виленский 47
- Спасский в г. Могилеве 209
- Супрасльский близ г. Белостока 14, 29, 32—34, 36—38, 40—42, 44, 53, 232, 237
- Троицкий Виленский 46
- Троицкий в г. Слуцке 231, 233
- Моравия см. Муравское панство
- Море-Окиян см. Балтийское море
- Москва, г. 18, 20, 24, 27, 29—31, 33, 48, 53, 65, 77, 79, 84, 109, 122, 127, 174, 190, 195, 196, 197, 209, 226, 229
- Московия см. Россия
- Мста, р. 222
- Мстислов см. Мстибогов
- Мстисбовская земля 153
- Мстисбогов (Мстислов), с. в Гродненской обл. 121, 153
- Мстиславль, г. в Могилевской обл. 26, 64, 90, 118, 175, 198, 207, 211, 216
- Муравское панство (Моравия) 166
- Муром, г. 57, 127
- Мыслившина, д. у г. Слуцка в Минской обл. 233
- Нальшанская земля, истор. обл. в Литве 165, 167
- Нарва, г. 190, 228
- Неаполь, г. 196, 198

- Невяжа (Нявяжис), р., приток р. Неман 86, 87, 138, 141, 147, 148, 152
- Недокудово см. Докудово
- Неман, р. 85—87, 92, 93, 100, 101, 134, 137—140, 147, 149—154, 159, 165, 166, 168, 228
- Немное или Малое море см. Куршский залив
- Несвиж г. Минской обл. 6, 231—233, 238
- Новгород Великий (Великий Новгород), г. 49, 66, 78, 127
- Новгород Северский, г. 108, 109, 122
- Новгородок см. Новогрудок
- Новгородская земля 222
- Новгородское кн-во (Новгородское Великое кн-во) 134
- Новогрудок (Новгородок), г. в Гродненской обл. Белоруссии 12, 21, 49, 78, 86, 95, 96, 100, 101, 103, 112, 115, 129, 132—135, 139, 140, 142—144, 150—159, 161—163, 165—171, 224, 238
- Новогрудская земля 151, 153
- Новогрудское Великое кн-во (Новгородское Великое кн-во) 101, 112, 126, 132, 134, 140, 142, 150—153, 155—159, 163, 165, 167, 168, 172
- Новогрудское воеводство 89
- Нявяжис см. Невяжа
- Одоев, г. Орловской обл. 85
- Окуневка, р., приток р. Припять 134, 138, 154, 155, 159, 167
- Олеск (Олеско?), г. Львовской обл. 119
- Олькеникя, с. около г. Вильно 197, 226
- Ольшево, имен. в Виленьской губ. (в совр. Минской обл.) 6, 58
- Опатов, г. (в ПНР) 105
- Орда Заволжская 125, 166
- Орда Перекопская 126
- Орловская обл. 85
- Орша, г. 65, 73, 90, 181, 198, 207, 216, 227, 228
- Оршанский пов. 189, 214, 227
- Острая гора см. Святая гора
- Островляны, имен. в Витебской обл. 30
- Острог, г. в Ровенской обл. УССР 108, 232
- Ошмяны, р., приток р. Вилля 30, 31, 115
- Ошмянский у. 157
- Ошмяны, г. в Гродненской обл. 30, 31, 226
- Падуя, г. 89
- Паланга, г. 60, 119, 120
- Париж, г. 41, 89, 183
- Перекоп 109, 125
- Перекопская орда см. Орда Перекопская
- Перемышль, г. (в ПНР) 124, 125
- Песочинская десятина, с. в Бронницком округе (в Московской обл.) 62
- Петербург (Ленинград), г. 40, 42—44, 47, 51, 55, 75, 89, 176, 179, 183, 187, 199, 205, 210, 218, 220
- Пинск, г. 101, 139, 146, 150, 151, 155, 158, 168
- Плоцк, г. (в ПНР) 50
- ПНР см. Польша
- Побережная земля см. Жемайтия
- Подвинье 31
- Подвинье Белорусское см. Белорусское Подвинье
- Подлясье, истор. обл. в Польше 86, 150, 153, 155, 169
- Поднепровье 17, 67
- Подолля (Подолье, Подольская земля), истор. обл. на Украине 16, 18, 21, 27, 44, 45, 52, 84, 112—114, 119—125, 167
- Познань, г. 54
- Полесье 150, 155
- Полесье вост. 151
- Полонина, местность в зап. Украине 101
- Полоцк, г. 44, 51, 60, 79, 83, 85, 86, 90, 97—99, 111, 116, 139, 140, 142, 150—152, 163, 171, 173, 193, 197, 198, 208, 211, 223, 225, 226, 228
- Полоцкая земля 90, 150
- Полоцкий пов. 30
- Полоцкое кн-во 142, 151
- Полтава, г. 184, 191
- Польская земля см. Польша
- Польское королевство см. Польша
- Польша (Великая Польша, Польская земля, ПНР, Польское королевство, Царство Польское) 21, 29, 38, 44, 50, 54, 67, 75—77, 79, 85, 86, 90, 91, 99, 104, 109, 113, 122, 124, 125, 166, 175—178, 185, 189—192, 195, 197, 198, 201, 203, 204, 208, 209, 214, 216, 218, 221—226, 232, 233
- Поморье см. Жемайтия
- Понеманье 152
- Португалия (Лузитания) 138
- Посожье 175
- Почаев, г. в Тернопольской обл. УССР 232
- Прибалтика, 188, 228
- Припять, р. 138, 139, 155
- Прихавы, с. в Рассонском р-не Витебской обл. 31
- Прихавы, с. в Сенненском р-не Витебской обл. 31
- Пропойск (совр. Славгород), г. в Могилевской обл. 175
- Пружанский у. в Гродненской губ. 42
- Пруссия 54, 89, 123, 169
- Прусское или Курляндское море см. Куршский залив
- Псков, г. 70, 127, 144
- Псковская губ. 199
- Путналь (Путвилль), г. в Сумской обл. 154
- Пьемонт, истор. обл. в Италии 115
- Радом, г. (в ПНР) 109
- Радомский замок, в Минской обл. 234
- Раков, г. в Минской обл. 232
- Рассонский р-н в Витебской обл. 31
- Ревель (соврем.— Таллин), г. 196

- Репуково, д. 29
 Рига, г. 44, 98, 189, 196, 197, 227
 Рим, г. 19, 41, 52, 63, 72, 76, 93, 94, 99, 111, 117, 122, 123, 130, 133, 137, 145, 159, 162, 163, 222, 224, 225
 Ромово, с. (легенд.) 111, 128
 Рославль, г. в Смоленской обл. 118
 Российская империя см. Россия
 Россия (Москва, Российская империя, Русская земля, Русская сторона, Русские края, Русское гос-во, Русь) 14, 20, 21, 24, 26, 33, 38, 47, 49, 51, 65, 66, 75, 79, 84—87, 90, 96, 97, 108, 109, 112, 113, 116, 126, 135, 150—153, 170, 172, 175, 189—191, 195—197, 201, 203, 205, 208, 212, 214, 218, 221, 225, 233, 237
 Русская земля см. Россия
 Русская сторона см. Россия
 Русские края см. Россия
 Русское гос-во см. Россия
 Русь см. Россия
 Русь Белая 84—86, 127, 202, 208, 219, 221, 225
 Русь Западная 83
 Русь Киевская 26
 Русь Литовская (Белорусия и Украина) 21, 26
 Русь Малая см. Украина
 Русь Московская 26, 85
 Русь Северо-Восточная 85
 Русь Черная, обл. верхнего и среднего Немана 84—86
 Русь Южная 18
 Рыльский, г. 122
 Рязанская земля 62
 Рязань, г. 118, 206
- Саксония 41
 Саксония Нижняя 170
 Самогития см. Жемайтис
 Сандомир, г. 105, 109
 замок 105
 Свендский у. Виленской губ. 58
 Свислочь, г. в Гродненской обл. 158, 168
- Свислочь, г. в Минской обл. 168
 Свислочь, р., приток р. Березина 47, 168
 Свислочь, р., приток р. Неман 168
 Святая (Острая) гора 100, 101
 Святая (Швянтоя), р., приток р. Вилня 133, 138, 139, 147—149, 159
 Северное (Межиземское) море 93, 137, 138
 Северщина 108
 Сенненский р-н в Витебской обл., 31
 Сервачь (Сырвачь), р., приток р. Неман 165
 Сибирь 78, 191
 Силезия см. Шлионская земля
 Скала, г. в Тернопольской обл. 112, 113
 Скандинавия 180
 Славгород см. Пропойск
 Слободино, с. Бронницкой округи 62
 Слоним, г. в Гродненской обл. 96, 158, 168
 Словянский у. 67
 Слуцк, г. 21, 49, 89, 110, 132, 165, 201, 231—236
 Высокий город (Детинец) 234
 Новый город 233
 Старый город 233
 замки: Верхний 233—235
 Нижний 233—235
 Слуцкое кн-во 49, 235
 Случь, р., приток р. Припять 233, 235, 236
 Смоленск, г. 17, 18, 20, 21, 23, 24, 26, 27, 32, 51, 53, 63, 65, 79, 84, 85, 96, 108, 115, 117, 118, 177, 189, 196, 219, 224—226, 238
 Смоленская земля 222
 Смоленщина 30, 31
 Смоленщина зап. 32
 Смотричь, г. в Хмельницкой обл. 112
 Сочава см. Сучава
 Спера, замок 148
 Спера, оз. в Литве 139, 147, 148
 Средиземное море 137, 138
 Стародуб, г. в Брянской обл. 63, 121, 122, 150, 151, 154, 155, 193
- Супрасль, г. см. Супрасльский м-рь
 Супрасль р. 34
 Сураж, г. (в ПНР) 121, 139, 155
 Суражские вол. 124
 Сучава (Сочава), г. (в Румынии), 123, 215
 Сырвачь см. Сервачь
- Таллин см. Ревель
 Тарту см. Дерпт
 Тверское кн-во 107
 Твинреметь, г. в Литве 145
 Тибр, р. 137
 Тобольск, г. 97
 Торунь, г. 228
 Троки, г. см. Троки Новые
 Троки Новые, г. 31, 156
 Троки Старые, г. 121, 139, 156, 159
 Туров, с. в Минской обл. 139, 150, 151, 155, 165, 173
 Турция 76, 215, 223
 Турья гора см. Вильно, Турова гора
 Тыхотин, г. (в ПНР) 37
 Тюменская обл. 75, 97
- Угровск (Вгро,ск), г. на Воляни 101, 102
 Узмерге см. Вилькомир
 Украина (Русь Малая) 16, 17, 20, 79, 85, 86, 164, 169, 190, 193—194, 196, 203, 206, 214
 Украина сев. 151
 Уманский у. 79
 Упита, с. в Литве 232
 Утяны, с. в Литве 157
- Фастов, г. в Киевской обл. 197
 Фелич см. Феллин
 Феллин (Фелич), г. в Эстонии 225
 Фландрия, истор. обл. в Сев.-Зап. Европе 138
 Флоренция, г. 225
 Франция 137, 138, 164, 215
- Хойнишы, г. (в ПНР) 84, 99, 106, 117, 125, 128
 Холи, г. 101
 Хотин, г. 196, 198

Царство Польское см.

Польша

Царьград см. Константинополь

Церкви:

Благовещения в Супрасльском м-ре 34

Благовещения в г. Витебске 221

Братская в г. Могилеве 189

Жировицкая в с. Жировицах Гродненской обл. 46

Михаила Великого в м-ре Святого Владимира в г. Владимире Волинском 109

Покрова Пречистые Богородицы в с. Слободине 62

Пресвятой Богородицы в г. Слуцке 234—236

Святого Духа в г. Витебске 224

Святого Михаила в г. Витебске 221

Святого Николая в г. Могилеве 182

Святого Спаса в г. Могилеве 214

Святого Спаса в г. Полоцке 223

Святого Юрия в г. Слуцке 236

Святой Софии в г. Полоцке 225

Спаская в г. Могилеве 213

Успенская в г. Слуцке 235

Червоны городок, г. на Подолли 112

Черя, г. в Могилевской обл. 227, 229

Чериков, г. в Могилевской обл. 175, 197, 198

Чернигов, г. 14, 108, 112, 122, 134, 139, 150, 151, 154, 155

Черповоды, имен. в Уманском у. Киевской губ. 79

Чехия 41

Чигирин, г. в Черкасской обл. 196, 198

Шавры, имен. в Лидском у. Виленской губ. (совр. Гродненская обл.) 67, 68

Швеция (Шведское королевство) 176—178, 180, 183, 186, 191

Швянтая см. Святая

Шерешево, местечко в Пружанском у. Гродненской губ. 42, 43

Ширванта, р., приток р. Святая 138, 147—149, 159

Шклов, г. в Могилевской обл. 79, 196, 197, 211

Шлионская земля — Силезия, обл. Польши 166

Шотландия 137

Шума см. Зунд

Юра, р., приток р. Неман 92, 138, 147, 159

Юрборк (Юрбург) (совр.— Юрбаркас), г. в Литве 134, 138, 139, 147, 148

Юрьев см. Дерпт

Ярославль, г. 176

Ясельда, р., приток р. Припять 72, 126, 138, 151, 154, 159

Ятвяжская земля (Ятвягия) 126, 165

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава первая	
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР	9
Глава вторая	
НАХОДКИ И ПУБЛИКАЦИИ ЛЕТОПИСЕЙ	29
Супрасльская летопись	29
Никифоровская летопись	45
Слудская (Уваровская) летопись	48
Origo regis Jagyelo et Witholdi ducum Lithuaniae	50
Вилейская летопись	51
Летопись Археологического общества	51
Волынская краткая летопись	52
Летопись Рачинского	54
Летопись Краснянского	55
Ольшэвская летопись	58
Румянцевская летопись	61
Еhrenновская летопись	65
Хроника Быховца	66
Хроника Литовская и Жмойтская	74
Баркулабовская летопись	79
Глава третья	
ЛЕТОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ МАЦЕЯ СТРЬЙКОВСКОГО	82
Общий обзор использованных Стрыйковским летописей	82
Географо-политическая терминология Стрыйковского	84
Летописи, которыми пользовался Стрыйковский	87
Цитирование Стрыйковским летописных текстов (передача «собственных слов летописцев»)	91
Система ссылок Стрыйковского на летописи	100
Ссылки на все или несколько летописей	110
Глава четвертая	
ЛЕГЕНДАРНАЯ ЧАСТЬ ЛЕТОПИСЕЙ И ХРОНИК	130
Общие положения	130
Первые варианты легенды	135
Географические представления летописцев	136
Генеалогия великих князей литовских	139

Образование государственной территории Великого княжества Литовского	147
Значение легенды	158
Легендарная часть летописей в литературе	169
Глава пятая	
ГОРОДСКИЕ ХРОНИКИ И ЛЕТОПИСИ	173
Могилевская хроника Т. Р. Сурты и Трубяцких	173
«Записки» игумена Ореста	203
Витебская летопись Панцырного и Аверки	218
Слуцкие хроники и летописи	231
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	237
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	239
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	240
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	253

Николай Николаевич Улащик

Введение в изучение
БЕЛОРУССКО-
ЛИТОВСКОГО
ЛЕТОПИСАНИЯ

Утверждено к печати
Институтом истории СССР
АН СССР

Редактор издательства С. А. Левина
Художник Н. А. Игнатъев
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор В. Д. Пращеская
Корректоры Д. Ф. Арапова, Ю. Л. Косорыгина

ИБ № 28473

Сдано в набор 27.09.84.

Подписано к печати 10.12.84.

T-23205. Формат 60×90¹/₂.

Вумера книжно-журнального импорта

Гарнитура литературная

Печать высокая

Усл. печ. л. 16,5. Усл. кр. отт. 16,5 Уч.-изд. л. 20,3

Тираж 1960 экз. Тел. экз. 3690

Цена 3 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485
Профсоюзная ул., 90

Набрано в МПО «Первая Образцовая типография»
Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
113064, Москва, Ваволов, 28

Отпечатано во 2-й типографии издательства «Наука».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 8. Зак. 1192